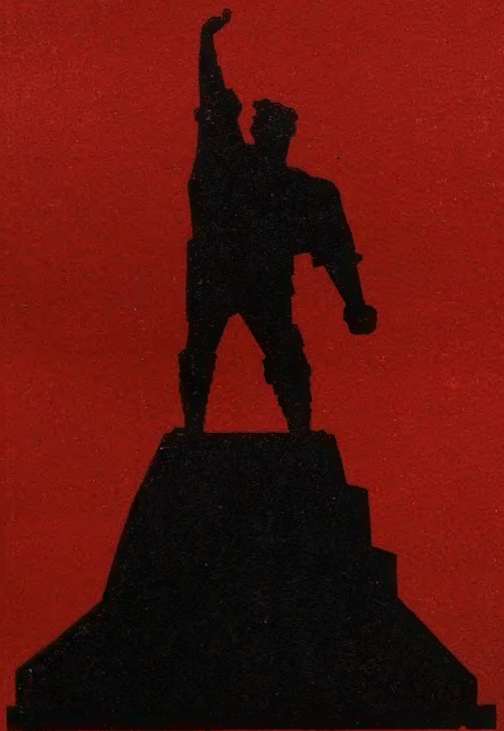
БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ НА АРТЕМОВЩИНЕ

ГК 625
Б 738



ПРОЛЕТАРИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОТДЕЛ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ПРИ АРТЕМОВСКОМ ОКРУЖНОМ КОМИТЕТЕ КП(б)У

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ
НА АРТЕМОВЩИНЕ

СБОРНИК ВОСПОМИНАНИЙ И СТАТЕЙ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. ОСТРОГОРСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»
1929

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

К.

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літопису Українського Друку“, „Карточном репертуаре“ и др. указателях Украинской Книжной Палаты.

БИБЛИОТЕКА
Ин та Ма... при Ц...
834281
ГК625
Б 738
Р

Напечатано во второй типографии
Издательства „Пролетарий“,
Харьков, ул. К. Либкнехта, 38,
Тираж 4.500 экземпл.
Упрлит № 2737-к
Заказ № 122

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА
119076
281
29
с/ф
29347
БИБЛИОТЕКА
ИМ 1
Спец. фонд

ТЫСЯЧАМ —

верным, смелым и благородным пролетариям Донбасса, честно и мужественно сложившим головы свои в великой героической борьбе за власть советов — свой сборник посвящает

АРТЕМОВСКИЙ ОКРИСТПАРТ

ОТ АРТЕМОВСКОГО ОКРИСТПАРТА.

Мысль о настоящем издании возникла задолго до десятой годовщины Октябрьской революции. Еще в начале 1927 года началось собирание необходимых материалов на местах описываемых событий через группы содействия Истпарту. В то же самое время Истпарт ЦК КП(б)У также накоплял аналогичный материал при помощи находящихся в Харькове участников революции. Таким образом, к моменту десятилетия Октября значительнейшая часть материала уже была не только собрана, но и предварительно проверена с фактической стороны группами содействия Истпарту как на Артемовщине, так и в Харькове.

Однако Окристпарт, заинтересованный в том, чтобы своим сборником дать наиболее точный исторический материал, не ограничился этим и вынужден был еще раз проверить его. С этой целью в Артемовске было созвано специальное совещание старых партийцев, принимавших активное участие в Февральской и Октябрьской революциях и в гражданской войне в Донбассе.

Это совещание подвергло весь материал окончательной фактической проверке и, кроме того, внесло еще ряд новых дополнений, не использовать которые было нельзя, так как они, имея большое практическое значение, конкретизируют отдельные моменты революционного движения на Артемовщине.

Разумеется, это не могло не отразиться на своевременном выходе сборника из печати; в свою очередь длительная литературная обработка материала, большие финансовые затруднения вместе с отмеченными причинами затянули издание сборника более чем на год. Тем не менее, Истпарт, имея целью положить начало широкому освещению и изучению истории Октябрьской революции в рамках нынешнего округа, хотя и с некоторым опозданием, все же выпускает свой сборник.

Несмотря на тщательную и детальную проверку материала, нельзя заранее сказать, что он будет всесторонне исчерпывающим и достоверным. В этом отношении наш сборник является только первой попыткой осветить ход революции на основе воспоминаний участников. В дальнейшем Истпарт намеревается приступить к изданию посвященных главнейшим моментам революции дополнительных трудов, которые могли бы восполнить возможные недостатки данного издания.

Осуществить эту задачу Истпарт сумеет только при условии такой же активной и широкой помощи, какая была оказана ему в деле издания этого сборника со стороны самих участников событий. Поэтому Истпарт, выражая благодарность всем товарищам, давшим свои материалы, а также принимавшим участие в проверке и обработке их, вновь призывает всех участников революции и гражданской войны присылать ему воспоминания, документы и фотографии, относящиеся к организации Красной гвардии, периоду немецко-гетманского и деникинского подполья, к борьбе с атаманщиной, бандитизмом (Махно и др.) и вообще к революционной борьбе того периода.

Особую благодарность Артемовский Окристпарт выражает Истпарту ЦК КП(б)У, оказавшему огромное содействие и помощь в издании настоящего сборника, как чисто техническими средствами, так и своими работниками.

Артемовский Окристпарт.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Несмотря на то, что Донецкий бассейн более, чем какой-либо другой рабочий район, являлся ареной ожесточенной классовой борьбы на протяжении всех годов революции и гражданской войны, общая картина развития событий в этой крупнейшей промышленно-пролетарской области до сего времени остается неосвещенной. Последнее подтверждается поспешными и совершенно неправильными выводами, сделанными в отношении Донбасса авторами некоторых печатных трудов, посвященных истории Октябрьской революции (см., например, книжку Д. Эрдэ — „Революция на Украине" и возникшую по поводу нее полемику в журнале Истпарта ЦК КП(б)У — „Літопис Революції" №№ 2 и 5 за 1928 год). Немногочисленные воспоминания и статьи, разновременно напечатанные в журнале „Літопис Революції", лишь частично и неполно освещают отдельные этапы революции, притом лишь в отдельных районах Донбасса.

Причины этого заключаются, прежде всего, в том, что годы гражданской войны не прошли бесследно для Донбасса: подавляющее большинство местных архивов (почти все), где хранились документальные данные о происходивших событиях,— погибли в процессе бесчисленных отступлений и эвакуаций. Вследствие этого воспоминания непосредственных участников событий являются почти единственным источником для освещения пережитого периода. Но и в этом отношении дело обстоит крайне плохо, так как оставшиеся в живых немногочисленные активные участники Октябрьской революции и гражданской войны в Донбассе, разбросанные по различиым местам страны и не связанные между собою, не решаются, повидимому, в одиночку и по памяти воспроизводить минувшую борьбу; это в значительной мере и определяет собой почти полное отсутствие печатных трудов по истории Октябрьской революции в Донбассе.

Нынешний Артемовский округ не представляет какого-либо исключения из общего для Донбасса положения; благодаря этому собирание и проверка необходимых материалов для настоящего сборника были чрезвычайно длительны и связаны с большими трудностями, о чем уже рассказано в предисловии Истпарта.

Таким образом, характер публикуемого материала — преимущественно воспоминания, и лишь шесть статей (Лапидуса, Г. Куранова, Л. Рожкова, Г. К. — „Революция в Дружковке" и две статьи по истории профсоюзов) сборника претендуют на анализ отдельных моментов революции. Публикуемый материал строго разбит по отдельным районам округа и освещает революционный период, начиная от Февральских дней и кончая гражданской войной. Такой порядок использования воспоминаний несколько обременяет сборник количеством материала, однако поместить его именно так необходимо было по чисто историческим соображениям. Дело в том, что процесс революции развивался далеко не одинаково по районам округа. В одних местах политическое господство принадлежало большевикам, в других — меньшевикам, в третьих — эсэрам, в четвертых — другим мелкобуржуазным, а в некоторых случаях (правда, ненадолго) — прямо буржуазным партиям.

Соответственно этому разделению сфер политического влияния в районах округа, не было и абсолютного организационного единства даже однородных по своему составу политических организаций, действовавших до создания первых революционно-административных центров общедонбасского масштаба (Центроревком, Центроштаб Красной гвардии, Донецко-Криворожская республика). Местные советы рабочих депутатов и организации различных партий, в том числе и большевистской, стихийно связывались как сами между собой, так и с вышестоящими центрами. Отдельные районы округа вступали в непосредственную связь с Харьковом, Екатеринославом, и лишь самая незначительная часть связывалась с Бахмутом, который в то время, по целому ряду причин, никак не мог стать политически-административным центром для своей территориальной периферии.

Было бы совершенно неправильным не учитывать этого специфического фактора первого революционного периода и нарушать тот непосредственный ход событий, который рисуется в воспоминаниях участников. Необходимый анализ основных черт движения, поддающихся обобщению, сделан в тех шести

статьях, о которых упоминалось выше. Однако тут же нужно оговориться, что в сборнике нет детального, систематизированного обзора внутрипартийной жизни и качественно-количественного состояния большевистских организаций за описываемое время. То, что сказано об этом во всех воспоминаниях и статьях, является крайне недостаточным, поскольку в данном случае освещается лишь внешняя политическая деятельность большевиков, а не внутренняя жизнь их организаций. Этому недостатку сборника немало способствовало отсутствие организационного единства большевистских организаций округа в тот период. Аналогично этому — отсутствие организационного же единства других революционных организаций округа (советов, профсоюзов) является большим камнем преткновения на пути изучения истории Октябрьской революции в нынешней Артемовщине.

Редакция не рискнула брать на себя трудно выполнимую задачу освещения истории большевистских организаций округа, тем более, что необходимые данные для такого обзора отсутствуют почти полностью. Этот пробел должен быть восполнен последующими работами, для чего источником, наряду с другими, частично могут послужить отдельные данные из воспоминаний и статей, помещенных в сборнике.

Во избежание возможных недоразумений необходимо отметить, что в сборнике, помимо материала, относящегося непосредственно к нынешней Артемовщине, помещены воспоминания А. Фролова — „Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк“ и Н. Вишняковой и П. Ляликова —„Бои за Октябрь в Макеевском районе“. Оба эти воспоминания касаются района, ни тогда ни теперь не входившего в состав Артемовского округа (то же самое относится и к статье Л. Рожкова, который, освещая историю Красной гвардии артемовской, частично касается и луганской). Но поскольку эти воспоминания освещают совместную борьбу рабочих Артемовщины с рабочими этих „чужих“ районов, редакция сочла возможным опубликовать их, полагая, что такое „вмешательство“ в „чужие“ районы не встретит возражений со стороны последних, а быть может, послужит даже некоторым толчком к тому, что участники событий в „чужих“ районах, описанных в этих воспоминаниях, дадут свои материалы и понудят тем самым соответственные Истпарты к изданию своих сборников.

В сборнике очень часто наряду со старыми встречаются новые названия городов, например: Артемовск и Бахмут, заводов—

„Донсода" и „Любимов, Сольве и К⁰" и т. д. Рудники, вместо их старых названий, именуются современными, которых они в описываемый период времени не носили. Да и самое название сборника — „Борьба за Октябрь на Артемовщине" — тоже как-будто не вполне отвечает действительности, так как Артемовского округа (по названию) в описываемый период также не было. Редакция считает необходимым разъяснить, что новые названия заводов и рудников сохранены ею сознательно, по той причине, что старые названия этих мест либо слишком длинны и неудобочитаемы, либо уже успели стереться в памяти.

Что касается самого названия сборника, в котором употреблены слова „на Артемовщине", то в этом случае редакция исходила из того соображения, что назвать сборник „Борьба за Октябрь на Бахмутщине" было бы еще более исторически неточным, так как нынешний Артемовский округ — это только часть бывшего Бахмутского уезда, значительно расширенная за счет территории бывшей Харьковской губернии (Краматорская, Славянск и т. д.). Однако то соображение, что читателями сборника будут главным образом рабочие, привыкшие в течение ряда лет к новым названиям,— а рабочая молодежь может и совсем не знать старых,— делает приемлемым это своеобразное „искажение" действительности.

В заключение нельзя обойти молчанием интересную особенность публикуемых воспоминаний, заключающуюся в том, что они не менее чем на половину являются продуктом коллективного творчества участников событий, при чем очень часто не руководящих, а рядовых работников и бойцов революции. Исходя из этой особенности, а также из того, что фактическая сторона материала была проверена группами содействия Истпарту как при ЦК КП(б)У и Артемовском окружкоме, так и на местах описываемых событий,— редакция стремилась лишь к литературно-стилистической отшлифовке его. В тех же случаях, когда оставались отдельные неясности, противоречия и сомнительные факты, широко использованы подстрочные примечания. Насколько ценен помещаемый материал вообще и в какой мере удалось редакции справиться со своей задачей, пусть судят критики и читатели. Последних мы приглашаем присылать в Артемовский Окристпарт все свои поправки, замечания и возражения.

М. Острогорский.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЯ

НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА АРТЕМОВЩИНЕ.

Артемовский округ (в нынешних границах) является одним из крупнейших индустриальных центров СССР: на его территории сосредоточена значительная часть предприятий каменноугольной, металлургической, стекольной, химической, керамической и соляной промышленности Донбасса. В округе расположены крупнейшие рудники, как Горловский, Щербиновский, Ртутный (единственный в СССР), Енакиевские (Веровка и Софиевка), Байракский и целый ряд других; тут же находятся такие металлургические заводы-гиганты, как б. Петровский (в Енакиево, теперь имени А. И. Рыкова), Краматорский, Дружковский и другие; крупнейший в СССР содовый завод имени В. И. Ленина „Донсода" (б. Любимов и Сальве), химические и стекольные заводы в Константиновке и Лисичанском районе и, наконец, на территории округа расположены крупнейшие соляные рудники и целый ряд других второстепенных производств и предприятий, как керамические, доломитные, кирпичные, мукомольные и т. д.

В старых границах (бывший Бахмутский уезд) нынешний Артемовский округ представлял собой еще более внушительную промышленную единицу и включал такого гиганта, как, например, Юзовский завод (теперь имени И. В. Сталина) и ряд крупнейших рудников Юзовского и Берестово-Богодуховского районов. Октябрьская революция, передавшая все народное хозяйство страны рабочему государству, перекроила старые территориальные и административные границы в целях наиболее успешного управления трудящимися массами своим хозяйством.

Несмотря на это, территория нынешнего Артемовского округа обнимает до 40% всех предприятий Донбасса, а плотность на-

селения здесь на 35% выше средней плотности по всему Донбассу. Общее количество рабочих, занятых в промышленных предприятиях округа, к началу 1928 г. составляет около 150.000 человек.

Помимо промышленности округ имеет довольно развитое сельское хозяйство, состоящее из 80 тысяч крестьянских дворов с 446 тысячами населения.

Этих нескольких цифр достаточно для того, чтобы получить общее представление об экономическом и политическом значении Артемовского округа, как одного из крупнейших пролетарских центров Донбасса, Украины и всего СССР [1]).

Однако произведенная перекройка границ представляет немалые затруднения при попытке изучить дореволюционную экономику в рамках нынешнего Артемовского округа, особенно по каменноугольной промышленности. Поскольку все хозяйство Донбасса раньше и сейчас представляет собою одно целое, было бы нецелесообразно изолировать отдельные части его, тем более, что происходившие здесь экономические процессы, в течение рассматриваемого периода, мало чем отличаются друг от друга. Все особенности, которые будут свойственны именно Артемовскому округу, мы постараемся подчеркнуть.

* * *

В период империалистической войны Донецкий бассейн приобрел исключительное значение благодаря концентрации в нем производства топлива и металла, которые в хозяйстве страны занимают господствующее положение. С потерей Домбровского района (Польша) Донбасс в годы войны давал свыше 90% общероссийской добычи угля, 75% добычи чугуна, 63%—железа и стали и 60%—полупродукта [2]). Донбасс держал в полной зависимости железные дороги и металлообрабатывающие заводы, работа которых в значительной мере определяла ведение войны.

Развитие каменноугольной промышленности Донбасса в годы войны характеризуется как период напряженного форсирования добычи, имеющей своим главным стимулом колоссальное обо-

---

[1]) Артемовские каменноугольные предприятия в 1926/27 г. дали 20% всей добычи Донугля или 15% добычи всего Донбасса и 12% всей добычи СССР; количество рабочих на этих предприятиях за тот же год составляет около 17% всех рабочих Донугля или 10,7% всех горнорабочих Донбасса. *(Прим. ред.).*

[2]) См. „Літопис Революції“ № 4, 1927 г. статья Т. Харечко.

гащение капиталистов. Этому форсированию добычи сопутствовали два процесса, на которых она базировалась: во-первых, хищническая эксплоатация подземных недр (разрушавшая самое хозяйство, что вскоре привело к кризису, из которого капитализм выбраться уже не смог) и, во-вторых, варварская эксплоатация рабочих, ухудшение их материального положения (что привело к ряду стачек, чрезвычайно усиливших темп революционизирования рабочих масс).

Приводимая ниже таблица [1]) дает весьма наглядную картину тех экономических процессов, которые происходили за годы войны в каменноугольной и антрацитовой промышленности Донбасса.

Годы	Добыча в млн. пуд.	Колич. занятых рабочих (в тысячах)	Производительность одного рабочего в год (в пудах)	Производительн. одного забойщика в среднем за месяц (в пудах)	Вывоз топлива из Донбасса (в млн. пудов)
1913	1.544	168	9.190	3.550	1.169
1914	1.684	186	9.054	3.358	1.247
1915	1.627	181	8.988	3.000	1.167
1916	1.751	237	7.303	2.825	1.359
1917	1.517	280	5.393	2.308	1.050

Из этой таблицы видно, что уже первый год войны привел к кризису, который выразился в упадке добычи, по сравнению с прошлым годом, на 57 миллионов пудов и вывоза на 80 млн. пудов, несмотря на увеличившиеся потребности в каменном угле со стороны железных дорог и промышленности. Эта увеличившаяся потребность по меньшей мере равна тем добавочным 400 млн. пудов угля, которые ежегодно ввозились из-за границы (из Англии) [2]).

Причинами упадка добычи в 1915 году являются, во-первых, сокращение количества рабочих, благодаря мобилизации их

[1]) Составлена по данным „Трудов съездов горнопромышленников" и отчету ЦПКП ДБ „Полгода" 1921/22 хозяйственного года.

[2]) См. „Труды XL съезда горнопромышленников юга России", стенографический отчет, т. I, III, Харьков, 1916 г.

в армию [1]), и нищенская заработная плата, которая, в виду роста дороговизны, быстро снижалась, и, во-вторых, дезорганизация железнодорожного транспорта, далеко не справлявшегося с требованиями, предъявляемыми ему условиями войны. Так, в течение 1915 и 1916 г.г., по данным отчетов Совета съезда горнопромышленников юга России, ежемесячный недогруз донецкого минерального топлива составлял около 30% нормы, колеблясь по месяцам от 20 до 44% по отношению к вывозу. А за 11 месяцев 1915 года транспорт удовлетворил только одну треть предъявленных к нему минимально-сокращенных требований [2]).

Вопрос о недостатке рабочих в течение всей войны не сходил с порядка дня совещаний промышленников. Еще в начале войны горнопромышленники поставили вопрос о переводе некоторых категорий рабочих на права военнообязанных (в марте 1916 г. 70% забойщиков были военнообязанными) и, конечно, добились этого от правительства.

Упадок добычи и вывоза каменного угля в 1915 году был весьма выгодно использован шахтовладельцами для увеличения своей наживы путем увеличения цен на уголь и милитаризации труда рабочих, что привело к дальнейшему ухудшению положения последних. Об этом же свидетельствует бывший в то время министром торговли и промышленности Шаховский в своем докладе экономическому совещанию Государственного совета о причинах угольного кризиса [3]).

Вопрос о повышении цен на уголь неоднократно поднимался шахтовладельцами за время войны. 12 сентября 1914 г. Совет съезда горнопромышленников юга России в особой записке

[1]) В этом случае автор (как и многие другие) впадает в грубую ошибку, очевидность которой ясна из цифр, приведенных в таблице. Так, в 1914 г. рабочих в Донбассе было 186.000, а в 1915 г.— 181.000, т.-е. сокращение произошло всего лишь на 5.000 чел., которые не могли дать такого разительного упадка добычи. Из той же таблицы видно, что добыча упала вследствие сокращения производительности труда: в 1914 г.—3.358 пуд., а в 1915 г. только 3.000. В свою очередь падение производительности труда вызывалось теми разрушениями в каменноугольной промышленности, на которые автор несколько выше ссылался, и потом уже низким уровнем заработной платы.

Это же самое подтверждается и дальнейшими цифрами таблицы, где рост рабочих в последующие годы беспрерывно идет вверх, в то время как производительность труда катастрофически падает. *(Прим. ред.).*

[2]) См. „Труды XL съезда горнопромышленников юга России", том II.

[3]) См. „Літопис Революції" № 4, 1927 г., стр. 164 и № 3, 1928 г., стр. 85.

в министерство торговли и промышленности поставил вопрос о необходимости повышения цен на уголь, идущий для железных дорог, мотивируя свои требования ростом зарплаты, дороговизной материалов и кредитов, повышением транспортных тарифов и т. д. Цены на уголь росли довольно быстро, именно так, как этого хотели горнопромышленники. Вот сравнительные данные о ценах на уголь в копейках за пуд [1]):

	Январь 1914 г.	Август 1915 г.
Уголь для доменного отопления, 1 марка	13—14	22—24
Кокс литейный 1 сорт, 1 марка	24—27	30—36
Антрацит плитный и кулачный	14,5—19	21—30
„ крупный и отборочный	14—18,5	21—30
„ газо-генераторный	14—18	19—25

В 1916 году темп роста цен на уголь был еще больший, чем в первый год войны. Лихорадочный рост цен, стыдливо завуалированный защитой „родины" и самодержавия, сопровождался небывалой силы нажимом на рабочий класс, при полной поддержке царского правительства и всей капиталистической „государственной общественности". Этот нажим сказался двояко: с одной стороны, были достигнуты рекордные цифры добычи и вывоза, особенно в 1916 г., а с другой—наблюдается рекордный упадок производительности труда, по сравнению с прошлыми годами, вследствие небывалого до того времени снижения заработной платы.

Что рост добычи за годы войны был основан также на хищнической эксплоатации недр, показывает следующая выдержка из отчета ЦПКП: „К причинам, сильно повысившим добычу рассматриваемого периода, особенно 1916 года, надо отнести небывалый в истории бассейна рост мелкой промышленности, когда благодаря поощрительной политике „Монотопа", в ущерб качеству, сравнительно большее количество добычи было дано мелкими промышленниками, усиленно разрабатывавшими верхи пластов. По данным „Монотопа" в 1916 году мелкая промышленность дала приблизительно 120 миллионов пудов добычи, что по отношению ко всей добыче бассейна составляет около 7%" [2]).

Таким образом, форсирование добычи шло не за счет расширения технической базы крупных рудников, а, наоборот,

[1]) См. „Труды XL съезда горнопромышленников", том I.

[2]) „Полгода"—отчет ЦПКП за 1 полугодие 1921/22 хозяйственного года.

2.
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд
834281

техническое состояние каменноугольной промышленности Донбасса из года в год ухудшалось. Оборудование изнашивалось, новые работы не производились; в общем, горнопромышленники, как бы чувствуя свою близкую гибель, жили только „сегодняшним днем".

* * *

Не в лучшем положении находилась и южная украинская металлургическая промышленность, 75% которой расположено в Донбассе, а наиболее крупные предприятия — на территории бывшего Бахмутского уезда (Юзовка, Енакиево, Краматорская).

Годы	Произведено чугуна (в тыс. пуд.)	Произведено полупродукта (в тыс. пуд.)	Произведено готового продукта (в тыс. пуд.)	Число действовавших доменных печей	Число занятых рабочих (на 1 июля кажд. года)
1913/14	193.913	173.985	147.901	53	95.329
1914/15	171.970	156.989	131.446	46	76.916
1915/16	166.659	156.248	127.553	48	106.260

Эта таблица[1]) показывает, что производство из года в год падало, несмотря на рост количества занятых рабочих, что весьма характерно для второго года войны. Особенно это замечается уже в 1915 году на заводах, расположенных в бывшем Бахмутском уезде: Юзовском, Дружковском (еще заметнее это на бывшем Александровском заводе Екатеринославской губ., где росту количества занятых рабочих сопутствует быстрое падение производительности заводов, в сравнении с 1913 годом).

В журнале „Літопис Революції" № 4, 1927 года (стр. 162) приведены несколько иные цифры, согласно которым в 1916 г. металлургическая промышленность Донбасса дает некоторое повышение, в сравнении с 1915 годом. К сожалению, там не указаны источники этих цифр, но если даже принять их за действительные, то в этом ничего неожиданного не будет. И в этом случае, в основе роста производительности металлургических заводов лежали те же показатели, что и в каменно-

[1]) Приведена по „Трудам XLI съезда горнопромышленников", том II, стр. 6.

угольной промышленности, а именно: усиление эксплоатации рабочих, постепенное разрушение технической базы предприятий. Обогащение заводчиков и здесь движущая сила этого роста. Вся заводская промышленность была нагружена военными заказами, и это не только не мешало, а, наоборот, в значительной мере способствовало развитию неслыханной спекуляции и взвинчиванию цен на металл со стороны металлопромышленников. Даже буржуазная газета „Утро России“ выступила с разоблачениями спекулянтских махинаций металлосиндиката „Продамет“ [1]).

Попытка взять под государственный „контроль“ горнозаводскую (металлургическую и каменноугольную) промышленность юга России (Украины) встретила такой отпор [2]) со стороны промышленников, что вскоре после этой попытки перестали не то что говорить, но и думать о каком бы то ни было регулировании. Таким образом, не было той силы, которая могла бы помешать искусственному взвинчиванию цен на уголь и металлы, не говоря уже о том, что все „силы“ (весьма близкие к царскому правительству) были в этой спекуляции крайне заинтересованы.

Показателями технического состояния металлургических предприятий в годы войны могут служить: отсутствие новых работ по переоборудованию предприятий, почти полное прекращение ввоза из-за границы машин, частей для них и оборудования, на котором держалась техническая база южной (украинской) металлургии; ввоз этот в 1915 году составлял около 20% по отношению к 1913 году [3]).

В металлургических заводах, расположенных на территории Артемовского округа, происходило одновременное снижение производительности заводов и занятой в них рабочей силы. Сравнительные данные по Петровскому, Дружковскому, Краматорскому и Константиновскому заводам (Торецкий и Горловский заводы не вошли в таблицу за отсутствием соответствующих данных) видны из следующей таблицы (в тыс. пуд.) [4]):

---

[1]) См. „Літопис Революції“ № 4, 1927 г., стр. 163.

[2]) Любопытные подробности о том, как реагировали на это промышленники, см. в „Трудах XL съезда горнопромышленников“, 1915 г., стеногр. отчет, том III.

[3]) См. „Железная промышленность юга России за 1915 г.“. Харьков, 1917 г.

[4]) Составлена по материалам „Железная промышленность юга России“, изд. 1917 г.

Годы	Выплавка чугуна	Производство полупродукта	Производство промеж. двух третей продукта	Производство готового продукта	Количество рабочих к концу года
1913	46.633	40.801	18.303	54.717	17.627
1914	44.265	42.004	17.196	35.626	16.799
1915	42.764	37.038	13.891	30.510	15.720

Отсюда видно, что на этих металлургических заводах имелись какие-то особенности, отличающие их от других заводов Донбасса и Украины, так как здесь процесс сокращения производства шел одновременно с уменьшением количества рабочих, что, являясь вполне закономерным явлением, было диаметрально противоположно остальным металлургическим заводам.

Для большей наглядности рассмотрим производительность одного рабочего в год в общеюжной (украинской) металлургии и на Артемовщине [1]):

Годы	В металлургии юга России		В металлургии на территории Артемовского округа	
	в пудах	в процентах	в пудах	в процентах
1913/14	5.410	100	9.102	100
1914/15	5.985	110	8.279	91
1915/16	4.239	77	7.846	86

Первая особенность—более высокая производительность на Артемовщине—объясняется лучшим техническим оборудованием предприятий округа, в сравнении с заводами других частей Украины. В этом отношении на первом месте стоит б. Петровский (Рыковский) завод, который является одним из мощней-

[1]) Сводная таблица по данным „Статистики промышленности и труда", сер. III, изд. 1922 г.

ших и лучше оборудованных предприятий не только Донбасса, но и всей Украины.

Вторая особенность—относительно равномерно снижающаяся производительность заводов, без тех резких скачков, которые наблюдались в общеюжной (украинской) металлургии. Причину второй особенности следует искать, главным образом, в составе рабочих, занятых в металлургии Артемовщины, вообще и, в частности, в тех изменениях, которые внесла империалистическая война, о чем будет сказано ниже.

* * *

Химическая промышленность Донбасса в основной своей части, а соляная — добывающая и обрабатывающая промышленность — полностью расположены на территории Артемовского округа. Однако по своему удельному весу и та и другая вместе взятые стоят здесь ниже каменноугольной и металлургической, взятых отдельно. Тем не менее, исключать эту промышленность при анализе экономики и революционного движения за годы войны нельзя, хотя бы потому, что такие районы, как Славянск, Лисичанск и Бахмут — центры этой промышленности — в политическом отношении представляли некоторое исключение среди других районов — угольных и металлургических.

В ноябре 1915 года на съезде горнопромышленников обсуждался доклад о современном положении соляной промышленности[1]). Первое, что было отмечено — это наличие в стране „соляного голода", объявление которого, разумеется, имело целью наживу, как это проделывали горнозаводчики с углем и металлом. На этом съезде положение соляной промышленности признано „крайне тяжелым, ввиду недостатка рабочих рук и постоянных затруднений в перевозках как самой соли, так и необходимого для ее производства топлива"[2]). Количество рабочих с 3.000 сократилось к тому времени до 2.000—1800 чел., из которых 10% — военнообязанных. Вывоз за 9 месяцев 1915 года сократился, по сравнению с этими же месяцами предыдущего года, на 11,66% каменной и на 35,29% выварочной соли. Топлива получено на 36,8% меньше необходимого; недогруз железных дорог за этот период по месяцам равнялся 20—55%

[1]) См. „Труды XL съезда горнопромышленников юга России", том. I.

[2]) См. доклад председателя комиссии П. Л. Успенского XL съезду горнопром.

при сокращенных требованиях. Решение съезда по докладу было следующее: „Поручить Совету съезда довести до сведения органов высшей власти о надвигающемся соляном голоде на местах потребления, ввиду недостатка топлива и рабочих на соляных рудниках и солеваренных заводах и расстройства железнодорожных перевозок“ [1]).

Потребности войны значительно расширили химическую промышленность и целиком приспособили ее к работе на оборону: почти все заводы занимались изготовлением взрывчатых веществ и других предметов, необходимых фронту. Более крупные заводы были военизированы, а некоторые (Славянский содовый завод) принадлежали непосредственно государству.

Во всей химической промышленности было занято довольно большое количество рабочих. По отдельным предприятиям цифры таковы: на Славянском содовом заводе работало до 2.000 рабочих, на „Донсоде“ свыше 2.000 чел., на бутылочном, зеркальном и химическом заводах Константиновки работало 6.000 — 7.000 чел. Значительное количество рабочих было занято на Ливенгофском стекольном, Рубежанском („Русскокраска“) и химических заводах, на Ртутном, Щербиновском и Горловском рудниках.

Химическая промышленность „по номенклатуре“ должна была иметь только 10% военнообязанных, но фактически их было там гораздо больше, чем в остальных отраслях, что и наложило свой особый реакционный отпечаток на поведение этих рабочих в годы войны и революции, несмотря на тяжелые условия работы в этой отрасли производства.

* * *

Империалистическая война внесла большие изменения не только в общую экономику бассейна, но и в положение рабочего класса. Во-первых, произошли большие изменения в самом составе рабочего класса, во-вторых, экономическое положение широких рабочих масс чрезвычайно ухудшилось, по сравнению с довоенными годами, в-третьих, война весьма быстрым темпом революционизировала рабочий класс, однако процесс этот происходил далеко неравномерно по отдельным категориям рабочих.

[1]) См. резолюции XL съезда горнопромышленников 1915 года.

Какие же изменения произошли в социальном составе рабочего класса? Общие цифры[1]) по горнозаводской промышленности говорят следующее:

Отрасли производства	Общее число рабочих в тысячах человек	В том числе					
		Военнообязанных, работающих по отсрочке	Женщин	Полурабочих (подростков)	Беженцев	Военнопленных	Прочих категорий[2])
Каменноугольные предприятия . .	237,0	104,6	12,4	17,1	2,5	47,9	52,5
Горнозаводские предприятия . .	115,6	37,3	22,2[3])		4,3	29,0	22,8

Прежде, чем приступить к анализу этой таблицы, следует оговориться, что при первых мобилизациях были призваны все категории военнообязанных, и отсрочки начинаются лишь со второго призыва 1915 года. Получилась „неувязка" между капиталистами и правительством, которые не успели сразу сторговаться. Тем не менее, предприниматели и правительство с лихвой получили за „упущение". Мобилизации на фронт вообще, служили хорошим средством „сбыть с рук" наиболее революционно настроенных рабочих, что и практиковалось на протяжении всей войны в качестве меры „воздействия".

Первое, что бросается в глаза в приведенной выше таблице, это большое количество военнообязанных, работающих по отсрочке: 44% по каменноугольной промышленности и 32% по металлургии. Какие это рабочие? На это отвечает отношение мобилизационного отдела горному департаменту, где говорится, что „подлежат освобождению только те рабочие и служащие, которые обладают технической подготовкой и навыком, не могущим быть приобретенным в короткий срок, и коим не могут поэтому, в короткое время, быть подысканы заместители из числа не подлежащих призыву на военную

[1]) См. „Труды XL съезда горнопромышленников" 1916 г., том II.

[2]) Под прочими понимаются все остальные рабочие: не военнообязанные, т.-е. молодые рабочие, не призванные еще на военную службу, китайцы и т. д. (*Прим. ред.*).

[3]) 22,2 — содержит в себе как женщин, так и подростков вместе.

службу“ [1]). Такие категории рабочих были определены правительством в 25% всех занятых рабочих в металлургической и каменноугольной промышленности. Таким образом, военнообязанных имеется „сверх штата“ 19% в каменноугольной промышленности и 7% в металлургии. Этот „излишек“ военнообязанных, состоящих из случайных элементов, попавших в рабочие из-за „обороны“ своей шкуры от фронта, и являлся самой реакционной силой в рабочем движении военного периода.

Затем идут женщины и подростки — около 12,5% в каменноугольной промышленности и 19% в металлургии. За годы войны удельный вес этой группы рабочих возрос в три раза. Все рамки, ограничивающие применение их труда в горнозаводской промышленности, были уничтожены законом 9 марта 1915 года. Эксплоатация труда женщин и малолетних была настолько выгодной для горнозаводчиков, что 13 августа 1915 г. Совет съезда горнопромышленников ходатайствовал перед министром торговли и промышленности „о распространении закона о допущении лиц женского пола и малолетних к ночным и подземным работам, а также на железные дороги и металлургические заводы“ [2]).

Широко применялся труд военнопленных, которые в каменноугольной промышленности составляли 20% и в металлургической 25%; однако не так-то легко было их достать. Власти ставили в этом отношении серьезные формальные преграды, мешавшие полному удовлетворению требований горнопромышленников. Сами „военнопленные нередко под тем или иным предлогом уклонялись от работ“, как свидетельствовала специальная комиссия Совета съезда горнопромышленников [3]).

В графу прочих категорий наряду с „не-военнообязанными“ рабочими, входят,— правда, небольшой группой,— рабочие китайцы, о применении труда которых упомянутая комиссия еще в 1915 г. докладывала, что „желательно привлечь таких рабочих, состав которых не был бы подвержен колебаниям из-за случайных причин, каковыми могли бы явиться рабочие других национальностей вообще, в частности рабочие персы и китайцы“ [4]).

---

[1]) См. „Труды XL съезда“, том II.

[2]) См. отчет Совета XL съезду горнопромышленников.

[3]) См. доклад комиссии Прядкина XL съезду, „Труды съезда“, том I, 1915 год.

[4]) См. там же.

Необходимо отметить, что „случайные причины“ есть формула, которую капиталисты выдвинули в качестве оценки стачечной волны 1915 года в Донбассе. Однако план горнопромышленников наводнить Донбасс ввозным „желтым“ трудом („китоперс“) был разбит рабочим классом в 1917 году.

Таким образом, рабочие Донбасса в значительной мере были милитаризованы и по своему составу не были однородны, хотя бы в той мере, как это было до войны. Эта разнородность состава чрезвычайно затрудняла общее организованное выступление рабочих всего Донбасса, что и давало возможность капиталистам весьма широко развить систему небывалой эксплоатации.

Несмотря на быстрый рост прибылей капиталистов и неоднократное повышение цен на продукты производства горнозаводской промышленности, положение рабочих из года в год ухудшалось. Зарплата рабочих за все время войны была значительно ниже довоенной. Так, цифры реальной зарплаты по общим данным в горной и горнозаводской промышленности по отношению к 1913 году составляли: в 1914 году — 89,5%, в 1915 г. — 76,4%, в 1916 г. — 93,6% и в 1917 г. — 57,4%. Рост зарплаты в 1916 г. является исключительным благодаря прокатившейся по всему Донбассу мощной волне стачечного движения. Из соотношения зарплаты военного и довоенного периода видно, что она при капитализме не могла угнаться за ростом дороговизны; рабочий день равнялся 12 часам; жилищные и санитарные условия ухудшались вместе с увеличением количества занятых рабочих; продовольствие все больше являлось предметом спекуляции, и голод с каждым месяцем чувствовался острее. Приведем для иллюстрации воспоминания т. Олейникова о положении в Горловско-Щербиновском районе накануне забастовки 1916 года:

„По мере удлинения войны, по мере ухудшения положения рабочих, удорожания жизни, повышения цен и увеличения бедствий стали появляться длиннейшие очереди за хлебом и другими продуктами. Рабочий, после повседневного труда, получал не отдых, а заботу о хлебе насущном, так как жена и дети проводили дни и ночи за хлебом и продуктами в очередях, иногда того хлеба не доставали, а если и доставали, то по высоким ценам. Заработок не оправдывал расходов на прожитие“.

Продовольственный вопрос (игравший огромную роль как революционизирующий фактор и заслуживающий того, чтобы

на нем остановиться подробнее) впервые встал остро перед Советом съезда горнопромышленников в конце 1915 года, принявши совершенно неожиданный оборот: „из всех рудников и заводов юга России сообщают, что рудничное и заводское население стоит перед угрозой острого недостатка главнейших продуктов продовольствия, как-то: муки, сахара, соли и т. д.“ [1].

Срочно стали принимать меры, но столкнулись „с расстройством железнодорожного транспорта“ и с тем, что „местные таксы устанавливаются вне надлежащего соображения с рыночными ценами“, что „продукт неожиданно исчезает с рынка вовсе, или перевозится из одной местности в другую, с более благоприятной таксой“. Эти обстоятельства заставили горнопромышленников установить „тесное содружество“ с уполномоченными особого совещания по продовольствию и с земствами [2].

В материалах екатеринославского губернского земства говорится, что еще в ноябре 1915 года „снабжение продовольствием рабочих предприятий горнозаводского района признано особым совещанием в такой же мере ответственным, как и снабжение фронта“ [3].

Были организованы уездные продовольственные комитеты, которые, однако, не удовлетворили в полной мере потребности в продовольствии, так как „кроме недостатка продуктов ввозного характера, перед нами вырисовывается более грозный признак — недостатка и основных продуктов нашего производства — зерновых хлебов и муки“ [4]. Этот „грозный признак“ объяснялся тем хаосом, который царил во всяком деле снабжения в годы войны, и исключительной спекуляцией на голоде, которой занимались почти все, имевшие отношение к заготовкам и снабжению, в том числе „комитеты“ и „уполномоченные“.

Данные земства о потребностях в продовольствии и их удовлетворении различными организациями в горнозаводских предприятиях Донбасса исходят из следующего расчета нормы душевого потребления: мука $1^1/_2$ ф., крупы $^1/_6$ ф., масла подсолнечного $^1/_8$ ф., мяса $1^1/_2$ ф., сала $^1/_8$ ф., рыбы $^1/_4$ ф. и т. д.

---

[1]) См. „Труды съезда“, 1916 г., том II.

[2]) См. там же.

[3]) См. доклад № 157 по продовольствию населения Екатеринославской губернии 51 губернскому земскому собранию.

[4]) См. там же, материалы земства.

Исходя из этого расчета, за 11 месяцев 1916 года было доставлено всеми заготовителями лишь около 50% требуемого количества продовольствия. Обращает на себя внимание отсутствие мяса в доставленных продуктах, о чем даже сообщалось (правда, под влиянием прокатившихся забастовок) главою горнопромышленников 24 августа 1916 года телеграммой чуть ли не всем министрам. Таким образом, рабочие массы очутились под двойным прессом эксплоатации: со стороны капиталистов — непосредственно на предприятии — и со стороны спекулянтов вне предприятия.

Здесь следует отметить попытку капиталистов прибрать к рукам кооперативы, что им в значительной мере и удалось. Обыкновенно этот маневр проделывался следующим образом: по договору с кооперативом, последнему для усиления оборотных средств предпринимателями выдавалась ссуда на выгодных условиях — долгосрочная или с пониженным учетным процентом, но за это во главе дела становился представитель капиталистов, который фактически являлся вершителем судеб в данном кооперативе.

Единичные кооперативы не поддались на эту удочку, например, Краматорский, по Константиновскому району только бутылочники остались самостоятельными, а кооперативы железопрокатного, стекольного, химического и зеркального заводов фактически перешли под руководство капиталистов. На некоторых же рудниках предприниматели являлись прямыми „учредителями“ такого рода „кооперативов“ [1]). Следовательно, и в этой области рабочие „чувствовали“ предпринимателей. В общем, ни продовольственные комитеты, ни кооперативы, ни специальные заводские лавки не смогли смягчить прогрессирующий продовольственный голод и хотя бы в незначительной мере удержать бешено падавшую реальную заработную плату рабочих в годы империалистической войны.

* * *

Невероятно тяжелые экономические условия уже в 1915 году сказались на рабочих массах Артемовщины, и они ринулись в бой с капиталом, сперва стихийно и почти без всякого руководства, потом более организованно и выдержанно.

[1]) См. „Літопис Революції“ № 3, 1928 г., стр. 86—87.

История двух передреволюционных лет массовой стачечной борьбы на Артемовщине весьма интересна. С одной стороны, она характерна тем, что рабочие Артемовщины не только не отставали от стачечного движения Донбасса и всей Украины, но их борьба, несомненно, занимает одно из первых мест по своей стойкости, выдержанности и упорству. С другой стороны, именно в Артемовском округе борьба эта носила в высшей степени диференцированный характер: впереди во всех отношениях идут горняки Горловско-Щербиновского района, за ними более осторожные металлисты, совершенно молчат соляники, химики (некоторое исключение составляют константиновские бутылочники) и другие.

Весной 1915 года происходят стихийные выступления рабочих Артемовщины. Первыми бастуют горняки Юзовского района (бывшая территория Бахмутского уезда): Рутченковского, Прохоровского, Вознесенского, Рыковского рудников и шахты „Президент". Более организованно выступают (также первыми) горняки-горловцы: Первый, Пятый, Восьмой, Фурсовский и Ртутный рудники почти одновременно. За ними бастуют Софиевский (Енакиево) и Щербиновский рудники. 5 мая на шахте № 8 (Горловка) не вышла одна смена, но, не поддержанная другими, она в тот же день приступила к работе. Требования предъявляются, как и по всему Донбассу, только экономические: о повышении зарплаты на 20%[1]).

Шахтовладельцам, при деятельной поддержке полиции и всего правительственного аппарата, удается сорвать забастовочное движение, и рабочие, не добившись улучшения своего положения, после нескольких коротких дней борьбы вынуждены приступить к работе. „Зачинщиков" отправляют на фронт, и капиталисты успокаиваются. Однако шахтеры вовсе не чувствуют себя побежденными: они лишь уступают превосходящим силам своего классового врага. Недовольство загнано в подполье, и рабочие готовятся к дальнейшей борьбе. Волна забастовок горняков прекращается к концу весны 1915 г., и дальнейшая борьба переходит, уже в общедонбассовском масштабе, к металлистам.

Что же вынесли горняки Артемовщины из опыта борьбы 1915 года? Они поняли, что выступать необходимо организованно; они узнали еще лучше настоящее лицо своего классового

[1]) Подробнее об этом см. „Літопис Революції", № 4, 1927 г., стр. 169 и № 3, 1928 г., стр. 93—95.

врага и убедились, что без жестокой организованной борьбы враг своих позиций не сдаст.

Если металлисты еще в 1915 году поднялись на борьбу в ряде пунктов Донбасса (макеевцы, гартманцы, таганрогцы, Сулинский завод), то на Артемовщине активность была проявлена только на Петровском заводе (РГЗ). Однако здесь выступление было не общезаводское, а отдельных цехов и именно горячих цехов: мартеновского, прокатного. Попытка выступления на этом заводе 1 мая 1915 г. была сорвана администрацией и полицией; забастовка вспыхнула лишь в июне месяце. Рабочие указанных цехов забастовали, но, не получив поддержки от других цехов, после трехдневной борьбы приступили к работе, не добившись, конечно, никаких результатов[1]). Требования и здесь были только экономического порядка: прибавка 20—30% зарплаты.

Другие металлургические заводы Артемовщины: Дружковский, Константиновский, Краматорский не выступили открыто не только в 1915 году, но и в следующем, 1916 году, а борьбу опять продолжал тот же Петровский завод и также не весь, а отдельные, наиболее революционно настроенные цеха: прокатный, мартеновский. На Краматорском металлургическом заводе была в 1915 году попытка забастовки в прокатном цеху, но она в самом начале ликвидировалась и прошла незаметно.

Что же касается химиков и соляников, то они никакого участия в предреволюционной борьбе не принимали и вообще являлись самой отсталой и консервативной группой среди пролетариата Артемовщины[2]).

Наиболее мощная волна экономических стачек прокатилась вторично по всему Донбассу, в том числе и на Артемовщине, уже весной 1916 года. Как и в 1915 году, лучше всех проявили себя горняки. Первыми в округе выступили, опять-таки стихийно, Софиевский и Веровский рудники, но руководство этим движением сразу же перешло к большевикам. Вот как описы-

[1]) См. „Літопис Революції", № 4, 1927 г., стр. 170—171.

[2]) Объяснение этому нужно искать в том, что большинство рабочих этой отрасли промышленности вообще было связано с сельским хозяйством и одновременно с работой на заводах занималось земледелием. В воспоминаниях тов. Звонарева (см. далее) как нельзя лучше вскрываются эти причины. Изменения, внесенные войной в состав этой категории рабочих, еще более усилили консервативную природу их. Автор несколько позже возвращается к этому вопросу. *(Прим. ред.).*

вает забастовку на Софиевском руднике один из участников ее, тов. Ляликов:

„В 1916 году, в апреле месяце, на Софиевском руднике вспыхнула забастовка, не знаю по чьей инициативе, должно-быть, стихийно. Пришлось взять на себя руководство. Собрались рабочие на площади, шумят, а определенных требований не предъявляют. Выставили следующие требования: 50% надбавки зарплаты, бесплатная подвозка угля и воды, бесплатное пользование квартирой и бензином для освещения в шахте... Забастовка все-таки была сорвана, и Софиевка приступила к работе. Человек 50, преимущественно молодняк, отправили на фронт. Только что мы приступили к работам, забастовала Веровка“ [1].

Первые стачки и на этот раз возникли стихийно, но большевики сумели взять руководство в свои руки уже в момент забастовок. Зато самая крупная по всему Донбассу стачка Горловско-Щербиновского района не только не была стихийной, но организация и проведение ее целиком находилось в руках большевиков. Подробное описание ее имеется в этом сборнике [2]). Здесь приведем лишь основные моменты ее по воспоминаниям группы большевиков — руководителей и участников этой забастовки.

Забастовка эта, охватившая до 45.000 рабочих, отличалась героической стойкостью и сознательностью всей массы бастовавших. Основными требованиями были: повышение на 50% зарплаты, уменьшение рабочего дня, страхование рабочих за счет капиталистов, улучшение жилищных условий, улучшение медицинской помощи и другие требования об изменении условий труда и быта. Решительность и стойкость, проявленные рабочими, встревожили не только капиталистов, но и правительство. Угрозы отправить на фронт не действовали, и только расстрел рабочих, голод и нужда заставили шахтеров 11 мая выйти на работу. Большевистская парторганизация продолжала руководить рабочими Горловско-Щербиновского района, не допуская, однако, неорганизованного выступления, которое опять стихийно назревало в июне месяце.

Бастовали также шахтеры Золотовских рудников. Здесь весьма характерно выступление жен рабочих, которые требовали не только хлеба, но возвращения мужей и отцов с фронта.

---

[1]) *Ляликов.*—„Воспоминания“. (Материалы Окристпарта).

[2]) См. Воспоминания горловско-щербиновских товарищей.

Как же проходила борьба на Петровском заводе? Остальные заводы, как отмечено выше, не участвовали в стачечной борьбе 1916 года. Дадим место также воспоминаниям.

„Экономическое положение рабочих не улучшилось, несмотря на то, что был организован военно-продовольственный [1]) комитет. Весь 1915 и 1916 год положение было напряженным; то в одном, то в другом цеху возникали стачки, несмотря ни на какие мобилизации на фронт, применявшиеся в виде карательных мер. В 1916 году это побудило прибыть на наш завод министра Шуваева, который собрал митинг рабочих мартеновского и листопрокатного цехов... В часовой своей речи министр призывал к прекращению всяких стачек и волнений и к работе на „оборону отечества“... Забастовки, однако, не прекращались, а 25 августа 1916 года снова по прокатному, а потом мартеновскому цеху рабочие прекратили работу, предъявив требование, состоящее из трех пунктов: 1) 50% прибавки к жалованью, не исключая женщин и подростков; 2) квартира, уголь и вода; 3) урегулирование продовольственного вопроса“ [2]).

Таким образом, и в 1916 году на Петровском заводе не было той организованности, которую мы видели у горняков: выступившие прокатчики и мартеновцы не получили поддержки рабочих других цехов. Почему другие металлургические заводы не откликнулись на такое серьезное движение? В чем причина того, что бастовавших рабочих не поддержали остальные цеха на самом Петровском заводе?

Основные причины этого кроются в тех изменениях состава рабочих металлургических заводов Артемовщины, которые внесла война, в их более привилегированном положении, вообще, по сравнению с горняками, в наличии наиболее квалифицированной, а следовательно, лучше оплачиваемой верхушки рабочих на этих предприятиях. Это в общем итоге передало в руки меньшевиков господство на этих предприятиях не только в годы войны, но и в период Февральской революции 1917 г. Существовавшая на Петровском заводе небольшая группа большевиков хотя и была крепкой организацией, но в культурном отношении стояла значительно ниже меньшевистской организации, более богатой интеллигентными силами.

---

[1]) Повидимому, военно-промышленный. *(Прим. ред.).*

[2]) *Кочкин.* — „Воспоминания“. (Материалы Окристпарта).

Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что большевистские лидеры, так же как и большевистски настроенные рабочие Петровского завода систематически „вылавливались" и удалялись с этих предприятий на протяжении ряда лет, в то время как меньшевики преследованиям подвергались меньше, так как в стачечной борьбе они как „оборонцы" участия не принимали. Больше того, среди технического персонала этого предприятия было немалое количество меньшевиков, которые в годы войны оказались лучшими агентами капитала; они-то — инженеры, техники, мастера, врачи — и стали во главе рабочих в начале Февральской революции.

Кроме металлистов Петровского завода, меньшевики имели преобладающее влияние в годы войны среди рабочих Дружковского, Горловского [1]), Константиновского и других заводов. Были здесь и эсэры, но особенного влияния они не имели. Эсэры находили отклик лишь среди отсталой части металлистов Артемовщины, связанных с селом. Таких рабочих на Артемовщине было немалое количество на всех предприятиях и до войны. Империалистическая война влила в промышленность еще большее количество их, а вместе с ними и некоторую часть сынков кулаков, торговцев, хозяйчиков, которые являлись благодарной почвой для развития эсэровщины всех оттенков.

Конечно, были среди рабочих этих заводов и большевики. Но это были отдельные работники, почти не объединенные в организации. Жестокое преследование большевиков-рабочих нередко заставляло этих товарищей, работавших в невероятно тяжелых условиях, слишком конспирироваться и не проявлять достаточной активности. Лучшие металлисты-большевики ушли с заводов на рудники, в шахты еще в годы реакции, после революции 1905 года, чтобы поднимать классовое сознание шахтеров до уровня металлистов.

Таким образом, металлисты Артемовщины были предоставлены меньшевикам, и этим в основном объясняется поведение рабочих металлистов в годы империалистической войны да и в самом начале Февральской революции.

Что касается рабочих, занятых в химической промышленности, то их пассивность в годы войны также объясняется социальным составом [2]). Они так же, как и соляники, были больше

[1]) Речь идет об Артиллерийском заводе в Горловке. *(Прим. ред.).*

[2]) См. об этом в настоящем сборнике воспоминания т. М. Звонарева.

других рабочих связаны с сельским хозяйством. Этим же объясняется и тот факт, что в первый период Февральской революции в районах — Лисичанск, Славянск, Артемовск среди химиков преобладающей партийной группировкой были даже не меньшевики, а эсэры (исключение составляет Константиновка, но это не меняет нашего вывода). Одним из подтверждений того, что данный вывод является правильным, может служить также то обстоятельство, что именно в этих районах уже при советской власти дольше всего держался анархо-эсэровский бандитизм.

Один из активных работников Донбасса в своих воспоминаниях, относящихся к началу гражданской войны (1918 г.), пишет: „На станции Лисичанск - Передной мы подверглись обстрелу со стороны некоторой части населения при участии обманутых рабочих содового завода“ [1]). Разумеется, и в данном случае речь идет о преобладающем влиянии эсэров среди химиков. Были здесь и меньшевики, которым, например, в Константиновке принадлежала преобладающая роль, большевиков же среди химиков в первое время почти совершенно не было.

Итак, влияние партийных группировок среди рабочих масс Артемовщины накануне Февральской революции несколько отличается от других пунктов Донбасса, например, Луганска. На Артемовщине большевики имели преобладающее влияние только среди горловско-щербиновских горняков-шахтеров. Металлисты были под меньшевистским руководством, а химики, за исключением константиновцев, находились под преобладающим эсэровским влиянием. Такое распределение „сфер влияния“ политических группировок на Артемовщине в основном сохранилось и в первые месяцы Февральской революции.

Но достаточно было нескольких месяцев господства кадетов, эсэров и меньшевиков, чтобы рабочие массы окончательно в них разочаровались и в то же время убедились в правильности большевистских лозунгов. На фоне социально-экономической действительности первого периода Февральской революции на глазах у рабочих масс происходило сращивание новой „социалистической демократии“ с неразбитыми и еще весьма сильными остатками буржуазно-помещичьего строя, которые грозили всей своей тяжестью обрушиться на рабочий класс. Все это еще до Октября заставило металлистов пойти за боль-

[1]) См. сборник „Гражданская война 1918—1921 г. г.“ т. I, изд. 1928 г., статья А. Каменского „От Донбасса к Царицыну“.

шевиками и с того времени поставило их в авангарде рабочих масс Артемовщины: они с честью выполнили свой классовый долг перед Октябрьской революцией и в годы гражданской войны. (Краматорские же металлисты с первых дней Февральской революции решительно пошли за большевиками)[1]).

Вполне устойчивыми оказались горняки Артемовщины. Они еще к Февралю шли под руководством большевиков. Свое руководство большевики еще больше сумели укрепить в период Февральской революции и решительно повели шахтеров на борьбу за пролетарскую революцию, а потом и на защиту Октябрьских завоеваний в период гражданской войны.

Гораздо позже большевики добились господствующего влияния среди рабочих химиков. Как уже было сказано выше, еще в начале гражданской войны многие из них были враждебно настроены к советской власти. Были, конечно, среди них небольшие группки, которые сразу стали на сторону большевиков и советов, но для основной массы рабочих-химиков понадобилось довольно значительное время, наглядный урок белогвардейщины и бандитизма различных оттенков, чтобы окончательно порвать с эсэровщиной и меньшевизмом, которые (особенно эсэры) свили себе прочное гнездо среди рабочих этой отрасли производства.

Значительная масса химиков несомненно отражала крестьянские настроения, притом не бедняцких масс, а середняцких и части зажиточных. Лишь по мере закрепления середняцкого крестьянства за советами эти рабочие окончательно порывают с своим прошлым руководством и передают свое доверие коммунистической партии.

* * *

Было бы несправедливо обойти молчанием крестьянское движение, потому что оно играло заметную роль, своеобразно переплетаясь с рабочим движением Артемовщины. Забастовка горняков в 1916 г. встретила явное сочувствие со стороны крестьянства этого района (Горловка-Щербиновка); причиной тому были последствия империалистической войны.

Война весьма губительно отразилась на сельском хозяйстве. Это видно из следующих данных. Во-первых, в 1916 году сократилась посевная площадь в крестьянских хозяйствах (бывшей

[1]) См. воспоминания т. Чекирисова в настоящем сборнике.

Екатеринославской губернии) на 7%, по сравнению с 1914 г., а крупных помещичьих — на 23%. Во-вторых, значительно сократилось количество рабочего скота. По бывшему Бахмутскому уезду в 1916 г. в крестьянских хозяйствах количество лошадей рабочего возраста сократилось на 8,7%, волов на — 22,4%, всего рабочего скота на — 9,2%, по сравнению с 1915 г.; в сопоставлении же с 1914 г. это сокращение было еще большим. В-третьих, война лишила сельское хозяйство почти всей основной рабочей силы; в сельском хозяйстве остались женщины и дети; привлекались к работе и военнопленные; однако, благодаря тому, что количество и этих рабочих рук было крайне ограничено, труд их применялся, главным образом, в помещичьих хозяйствах (17.200 чел. на 1 января 1917 года). В четвертых, катастрофически стал разрушаться мертвый сельско-хозяйственный инвентарь, потому что не было ни средств для приобретения нового, ни материалов, ни людей для починки старого.

Все это постепенно усиливало недовольство среди крестьянских масс существующими порядками. Вернувшиеся же с фронта солдаты-крестьяне приносили с собой разочарование, которое, несомненно, революционизирующе действовало на село.

Вследствие большой экономической зависимости сельского хозяйства от промышленности, на Артемовщине, как и во всем Донбассе, крестьянство жило более активной политической жизнью. Это замечание справедливо не только по отношению к военным годам, но и к революционным, особенно 1917—20 годам. Существование значительного количества экономически мощных помещичьих имений, а также кулацких хозяйств в округе, естественно, предполагало большие кадры батраков и бедняков и наличие классовой борьбы между ними. Эта борьба приняла наиболее резкие формы еще летом 1917 г., возникнув несколько раньше, чем в других местах бывшей Российской империи. Это же обстоятельство привело к быстрому, сравнительно, социальному расслоению крестьянства Артемовщины.

Уже в первые дни гражданской войны возникла организация крестьянских отрядов Красной гвардии, которые составлялись из бедняков и батраков и вливались затем в рабочие отряды. В ряде сел и волостей наблюдался также значительный рост крестьянских большевистских ячеек, связывавшихся с производственными рабочими ячейками и подчинявшихся руководству последних.

Раскулачивание села, реквизиция продовольствия и другие мероприятия, общие тому периоду, здесь, на Артемовщине, проводились несколько раньше, чем в других районах. Сопротивление кулачества, разумеется, было сильное. Оно выразилось в организации бандитских отрядов, боровшихся с советами, в установлении связи с белогвардейцами и оказании им содействия в организации убийств большевиков и т. п. В общем борьба на Артемовщине приняла весьма резкие формы и во всю ширину развернулась сравнительно в небольшой срок.

Если середняк центральной России имел сравнительно большой срок для „размышлений", то середняцкое крестьянство Артемовщины гораздо раньше, на личной практике, проверило, с кем ему по пути: с помещиками, кулаками или с рабочим классом. Не долго сомневаясь, оно выбрало своим вождем рабочий класс.

Одиннадцатилетнее существование советской власти с полной очевидностью показало всей бедняцко-середняцкой массе крестьянства, что выбор сделан правильно. Только под руководством коммунистической партии и возможно было создать советскую власть, отразить врагов рабочих и крестьян — капиталистов и помещиков, поднять разрушенное хозяйство и приступить к строительству нового, культурного, социалистического общества.

ГОРЛОВСКО-ЩЕРБИНОВСКИЙ РАЙОН ПЕРЕД ФЕВРАЛЕМ[1]).

Раньше чем перейти к описанию экономической и политической борьбы рабочих Горловско-Щербиновского района Донбасса, необходимо в нескольких словах остановиться на географии этого района.

Горловско-Щербиновский район по справедливости называют еще и центральным районом Донецкого бассейна. Это название присвоено ему по двум причинам: во-первых, район расположен территориально в центре самого Донбасса и, во-вторых, в нем сконцентрированы наиболее крупные и технически наилучше оборудованные каменноугольные предприятия Донбасса. В этом районе находились следующие рудники и заводы:

1. Щербиновская группа рудников: Щербиновка, Нелеповка (теперь имени Артема), Северо-Никитовский и целый ряд мелких шахт, носивших название „крестьянских", расположенных в Щербиновской степи.

2. Никитовская группа рудников: Фурсов, Ртутный, Трудовой, Узловой, Никитовский, Доломитный завод и ряд мелких „крестьянских" шахт, расположенных в Никитовской степи.

3. Горловская группа рудников: Горловка № 1, 5, 8, Государев Байрак (теперь им. Калинина), Горловский артиллерийский завод и целый ряд мелких „крестьянских" шахт, расположенных в Корсунской и Железнянской степях.

К этим группам примыкали, и территориально и административно, коксовые печи, химические заводы, являвшиеся частями основного каменноугольного производства.

Общая численность рабочих в этом районе на всех перечисленных предприятиях, а также и других, как, например, механический завод в Нью-Йорке (ст. Железная), кирпичные заводы,

[1]) Воспоминания т.т. А. Батова, С. Белозерова, Я. Борина, Н. Дубового, С. Лапина и М. Острогорского.

мельницы, ж.-д. мастерские ближайших узловых станций, достигала в 1916 году 50 тысяч человек. Горловско-Щербиновский район являлся, таким образом, самым крупным промышленным и рабочим центром нынешнего Артемовского округа.

* * *

Во время войны, когда шахтовладельцы Донбасса получали огромные прибыли от поставок угля военному ведомству, положение рабочих района было крайне тяжелым. Заработная плата в этот момент, при двенадцатичасовом рабочем дне, для забойщиков достигала 45—50 руб. в месяц; шахтеры же низшей квалификации зарабатывали по 15—16 рублей, не говоря уже о женщинах и подростках, труд которых оплачивался еще ниже.

Страхования рабочих на случай болезни или увечья не было, ибо закон о страховании 1912 года промышленниками саботировался, и они не проводили его в жизнь из-за боязни вызвать оживление рабочего движения[1]). В случаях тяжелых увечий шахтерам выдавали жалкие подачки, и этим исчерпывалось все страхование. Болеть же рабочим „обычными" — внутренними болезнями приходилось исключительно за свой счет.

Медицинская помощь была поставлена отвратительно. На целую группу шахт, как, например, Щербиновка, Нелеповка, Северо-Никитовский рудник, был один врач, а на каждом руднике по одному фельдшеру и акушерке. Не лучше в этом отношении дело обстояло и на других рудниках.

Жилищные условия были еще хуже, чем медицинская помощь. Большая половина рабочих жила в так называемых землянках, высотой не более 2 аршин от уровня земли и на 1 аршин глубины в землю, сложенных, вернее, смазанных из так называемого „самана" (смесь глины, навоза, песка и земли), с земляными полами и крошечными окошками. Более культурный тип жилища представляли собой каменные дома с деревянными или цементными полами. Обитателями этих жилищ являлись наиболее „заслуженные" рабочие рудников, т.-е. те из них, которые смирно работали на рудниках, покорно выгибая спину перед администрацией. Преимущественно же в этих домиках (так их называют на шахтах) жили служащие, десятники, подрядчики и т. д.

[1]) См. об этом „Літопис Революції" № 4, 1927 г., стр. 185 и № 3, 1928 г. стр. 89—90.

Самые условия труда на крупных шахтах не поддаются описанию. Дело в том, что почти все крупнейшие предприятия в районе принадлежали различными иностранным акционерным обществам, которые свои предприятия основывали на участках земли, арендованных у правительства или у крестьянских обществ. Арендаторы, имевшие договоры на право эксплоатации подземных богатств в течение только определенного договорами времени, стремились в пределах этих сроков разработать наиболее мощные пласты каменного угля, благодаря чему не особенно много раздумывали над усовершенствованием технического оборудования рудников.

Империалистическая война значительно ухудшила положение. Требования на топливо, предъявляемые нуждами „обороны", были настолько велики, что каменноугольная промышленность Донбасса не в состоянии была удовлетворить их без того, чтобы не углублять шахт, не производя в то же время капитального ремонта рудничного хозяйства в целом. Уже в 1916 году многие рудники района были приведены почти в полную негодность. Но для промышленников на первом плане была их прибыль, а не техническое благополучие предприятий. В условиях падающей валюты и растущей дороговизны жизни создавалась та мутная водица, в которой промышленники „наудили" немало „золотой рыбки". Если к этому добавить, что страна испытывала острый топливный голод, вызвавший к жизни правительственное вмешательство в дело распределения топлива, путем создания монопольного органа распределения „Монотоп", то картина хищнической разработки копей станет совсем ясной. При наименьшей затрате средств на капитальное оборудование рудников выработать как можно больше угля и извлечь побольше барышей — таков был лозунг промышленников в этот период.

Примитивное оборудование вентиляции рудников ставило их под постоянную угрозу взрывов, так как правильной, научно-поставленной борьбы с газами не было. Сама же система освещения мест работы при помощи лампочек „Вольфа" только усугубляла опасность взрывов, так как стекла этих лампочек весьма легко разбивались, и этого было вполне достаточно для того, чтобы газ воспламенился. А это означало, что катастрофа с несколькими десятками человеческих жертв неизбежна. Отсутствие разъяснительных указаний администрации об опасности курения в газовых шахтах (администрация предпочитала

систему расправы штрафами и увольнениями) увеличивало опасность внезапных взрывов.

Ужасная катастрофа, разыгравшаяся в последних числах февраля 1917 года на Горловском руднике № 1, где произошло 7 взрывов под ряд, стоившая многих десятков человеческих жертв, еще и сейчас жива в памяти рабочих района. Хозяева предприятий, сидевшие в Париже, Лионе, Брюсселе, скупились на устройство электрического освещения и введение аккумуляторных ламп. Электрическим освещением пользовались только возле стволов в шахте и на квершлагах (входе) до коренного штрека (прохода), а дальше шахта освещалась скудным светом лампочек „Вольфа".

Крепление шахт деревом, вместо бетонирования, стоившего, конечно, дороже деревянного крепления, постоянно угрожало обвалами с десятками человеческих жертв. Плохая система водоотливов всегда держала рабочих под угрозой затопления и создавала условия для профессиональных заболеваний, благодаря невероятной сырости, ревматизмом и т. п. Обрывы канатов, обслуживавших сообщение шахт с поверхностью (спуск людей и порожняка вагонов в шахты и подъем грузов и рабочих из шахт), были весьма частым явлением, нередко оканчивавшимся также человеческими жертвами.

Что касается правительственного горного надзора, то он, конечно, существовал, но.... он не только был подкуплен, а просто куплен промышленниками, которые или прямо платили чинам горного надзора жалование, или негласно давали огромные взятки. Поэтому всегда и во все времена во всех катастрофах были виноваты либо рабочие, либо „господь-бог", т.-е. естественные условия, но администрация, хозяева — никогда.

Продолжительность рабочего дня не меньше 12 часов, грубейшее обращение администрации с рабочими, мизерная заработная плата, система штрафов, полное экономическое бесправие рабочих, невероятная дороговизна жизни, возрастающая с каждым днем, отсутствие всяких культурных развлечений, грязь, нищета, пьянство и много других зол,— вот условия, в которых протекал труд и быт шахтеров района.

Таковы были условия на крупных рудниках. Что же касается мелких шахт, так называемых „крестьянских", расположенных вокруг крупных рудников, то там условия были еще хуже. Заработная плата, при еще более продолжительном рабочем

дне, была ниже, чем на крупных рудниках. Жилищные условия были еще более нечеловеческими, медицинской помощи не было никакой. Если на крупных рудниках были хоть какие-нибудь бани для рабочих, то на мелких их вовсе не было.

Вообще мелкая каменноугольная промышленность, в особенности в условиях войны, представляла собою золотое дно для ловких дельцов и мошенников, извлекавших из эксплоатации мелких шахт огромные барыши. Вследствие этого на мелких „крестьянских" шахтах условия труда были еще более ужасными.

Если на крупных рудниках, где применение хотя бы примитивной техники все же улучшило условия труда, то тут никакой техники и в помине не было. В шахты рабочие опускались либо в простой бадье, либо по лестнице со скользкими ступенями или по наклонным горизонтальным штрекам, иногда ползком на животе или на четвереньках в глубину до 40 саженей.

О водоотливах, освещении (не было даже лампочек „Вольфа", а были простые керосиновые светильники, в шутку называвшиеся „бог-помощь"), о креплении и прочих технических усовершенствованиях не могло быть и речи. Хозяева мелких шахт, бросившие свои капиталы на эксплоатацию этих копей временно, были заинтересованы только в том, как бы побольше и подешевле добыть угля, совершенно не думая о техническом благоустройстве своих предприятий. Очень многие из владельцев мелких шахт эксплоатировали эти копи с целью укрыться от войны (все шахтовладельцы, как работавшие „на оборону", были освобождены от призыва на военную службу) и, естественно, мало задумывались над вопросами оборудования, техники безопасности и прочими вещами, требующими расходов и, следовательно, уменьшения их прибылей.

Вот в каких экономических условиях находились шахтеры Горловско-Щербиновского района Донбасса в 1916 г. Недовольство рабочих росло с каждым днем. Политическое бесправие довершало это недовольство. Особенно рабочих раздражала „заботливость" администрации рудников и правительственных органов, выражавшаяся в том, что между Нелеповкой и Фурсовским рудником была расположена сотня конных стражников, приготовленных „на всякий случай", не говоря уже о том, что содержание полиции местных рудников на средства предприятий

являлось как бы совершенно узаконенным явлением. Это оправдывалось тем, что полиция несла караульно-охранную службу на рудниках, хотя больше всего занималась „охраной“ совсем другого рода.

При таком положении вещей условия для подпольной революционной работы в районе были весьма благоприятны. Горловско-Щербиновский район, понятно, не был лишен провокаторов и шпионажа. Этого „добра“ было, пожалуй, достаточно, но естественные условия конспирации были блестящими: необозримые овраги — балки, поросшие густым кустарником, летом являлись самым лучшим местом для собраний; той же цели служили и глубокие мрачные шахты (до 250 и более сажен глубины). Здесь при свете лампы „Вольфа“, а иногда по условиям конспирации и без нее, происходили собрания, недоступные ни для полиции, ни для шпионажа, так как „сообразительная“ полиция и „доморощенные“ шпионы „крамолу“ предпочитали искать на поверхности рудников. Правда, впоследствии, уже в период Февральской революции, при разоружении полиции, были обнаружены некоторые списки активных членов организации, изъятие которых, повидимому, было делом ближайшего времени.

Подпольная большевистская организация Горловско-Щербиновского района с центром в Макеевке нашла все условия для успешной постановки своей революционной работы: все более нараставшее недовольство рабочих масс и готовность их к активному сопротивлению создавали самые благоприятные перспективы для организованной революционной борьбы. Необходимо было умело руководить стихийно нараставшим движением, нужно было не допускать отдельных неорганизованных выступлений, которые назревали не только каждый день, но прямо-таки каждый час[1]). Как справилась с этой задачей подпольная большевистская организация, будет видно из дальнейшего.

* * *

На Фурсовском руднике еще в 1913 году тов. А. Батовым[2]) была сделана попытка организовать большевистский кружок. В результате проделанной работы тов. Батову удалось в 1914 г.

[1]) Данные о стихийном стачечном движении в районе см. „Літопис Революції“ № 3, 1928 г., стр. 93 — 95. *(Прим. ред.),*

[2]) Тов. А. Батов в тот момент возглавлял макеевскую организацию большевиков. *(Прим. ред.).*

организовать такой кружок и связать его с макеевской организацией большевиков. В этот кружок входили т. т. Петр (фамилию восстановить не удалось), Иван Цыганков, Галдобин, Передельский, Юрченко, Матросов и другие.

В 1915 году фурсовский кружок пополнился приехавшим из Питера большевиком С. Лапиным (В. Курочкин). С приездом последнего работа фурсовского кружка значительно оживилась, и тов. Лапин по поручению макеевского районного комитета большевиков взял на себя инициативу организовать аналогичные большевистские кружки и на соседних рудниках.

Вскоре ему удалось через т. т. Н. И. Дубового и Заволокина, связаться с Нелеповским рудником, где был создан кружок. Удалось связаться и с Северо-Никитовским рудником через кузнеца тов. Пострелова и десятника тов. Вербицкого; небольшой кружок был организован и здесь. На Щербиновском руднике связались с тов. Гладуненко (расстрелян бандитами в Старобельском уезде), энергично взявшимся за организацию кружка с помощью тов. Семенцова [1]). Благодаря усилиям этих двух товарищей, щербиновский кружок был одним из активнейших в районе.

В таком же порядке возникли кружки на Горловских шахтах № 5 и 8; на шахте № 5 наиболее передовыми членами организации были т. т. Николай Седов, Никифор Колесниченко, Яков Загнибеда (он же Борин), Вайнер (мать) и на руднике Государев Байрак (под руководством тов. Севрикова).

Макеевский районный комитет установил членские взносы и пустил подписные листы для сбора денег среди партийных и сочувствующих товарищей на приобретение литературы и вообще для ведения подпольной работы. Было собрано несколько десятков рублей.

Для укрепления связи с петроградским комитетом большевиков и закупки литературы макеевский комитет послал тов. Лапина в Петроград. Там Лапин разыскал тов Лутовинова, через которого и была установлена регулярная связь макеевского комитета с петроградским комитетом. Вскоре стали получать руководящий орган большевиков „Социал-Демократ“, издавав-

[1]) Тов. Семенцов имел псевдоним „Донецкий Бард“, под которым писал неплохие стихи из жизни шахтеров, печатавшиеся на страницах журнала „Прикубанские Степи“. Этот журнал издавался эсэрами в Екатеринодаре в 1916 г. (впоследствии перешел в руки большевиков).

шийся тогда в Женеве. А для того, чтобы распространять его по кружкам и среди беспартийных рабочих, отдельные статьи газеты перепечатывали на самодельном шапирографе, приготовленном самым примитивным способом из желатина и глицерина.

На Фурсовском руднике, в маленькой лачужке шахтера Михаила Бурых[1]), неграмотного, но беззаветно преданного делу рабочего класса, шла самая горячая работа подпольной „типографии", выпускавшей за ночь не менее 300—500 экземпляров прокламаций и листков, призывавших шахтеров к объединению и организованной борьбе. В день появления прокламаций сплошь и рядом наблюдались такие картинки: в шахте, на продольной у ствола или в забое собирается группа товарищей, которые при свете шахтерской лампочки с напряженным вниманием слушают чтение плохо оттиснутой прокламации и тут же детально, всесторонне обсуждают ее.

Отдельные товарищи, члены кружка, как, например, тов. Цыганков, ухитрялись даже инженерам и штейгерам всунуть в карман по прокламации, и если прокламация носила экономический характер, то инженеры и штейгера после этого, насторожившись, на некоторое время становились внимательнее по отношению к рабочим и не так притесняли их в повседневной работе.

Интересно отметить технику распространения прокламаций и то, как реагировала на это полиция. В партийном комитете был разработан строгий порядок, и кружки на местах, получавшие прокламации, должны были в точности выполнять его, а именно: в один и тот же день и в одни и те же часы начинать расклейку и распространение их. Полиция в таких случаях теряла голову: где же, собственно, пишутся эти прокламации, если они одновременно появляются на всех рудниках района? На каком руднике искать начало всей „крамолы"? Благодаря этому нередко можно было наблюдать полицейских курьеров, скачущих с одного рудника на другой с донесением, что „у нас, мол, крамольников нет, так как дело сыска и шпионажа поставлено на должную высоту". Подпольная типография, благодаря своей портативности[2]), так и не была открыта полицией.

[1]) Михаил Бурых, шахтер-бурильщик, погиб в начале Февральской революции в шахте при спуске бута.

[2]) Портативный — легко переносимый.

Внимание к призывам прокламаций и желание бороться со своими врагами у рабочих были так сильны, что приходилось опасаться внезапных, неорганизованных, стихийных выступлений.

Макеевский партийный комитет уже в то время не ограничивался кружковой работой и изучением текущих вопросов, а пытался пропагандировать программу партии и т. д., но этому мешало отсутствие сильных партийных работников, теоретически подготовленных. Получаемая же легальная и нелегальная литература, газеты и журалы, в том числе „Вопросы страхования“ (большевистский журнал), „Прикубанские Степи“, „Наш Голос“[1]) („Правда“ в то время была уже закрыта) только до некоторой степени могли заменить живых подготовленных пропагандистов.

Между тем, назревали события, которые развернулись вокруг следующего случая. Администрация Ртутного и Угольного рудников, желая проявить свой патриотизм в деле „обороны родины“, решила производить вычеты из заработка рабочих в пользу семей мобилизованных, для чего и назначила собрание с представительством от рабочих. На предварительном заседании кружка фурсовцы единогласно решили пойти на собрание и выявить свою точку зрения по данному вопросу. Это собрание и послужило началом открытого выступления большевиков. Как и следовало ожидать, на собрание явилась вся администрация, пришли пристав и поп. Директор предприятия Эллер, взяв на себя председательствование, открыл собрание и стал оглашать повестку дня, сказав несколько патриотических слов. Тов. Цыганков, стоя сзади Лапина, повторял: „А ну, Васька, скажи-ка им, что мы председателя не избирали, а председатель сам себя избрал“.

Тов. Лапин попросил слова и поставил вопрос примерно так: „Является ли это собранием, или здесь намерены рабочим сказать, что у них отбираются их заработанные копейки и только? Если это собрание, то мы требуем избрания председателя, если же это приказ администрации, то от имени присутствующих рабочих заявляю, что мы, рабочие, не затевали этой братоубийственной, ненужной нам войны. Эта война, по нашему твердому и неуклонному убеждению, начата капиталистами в интересах самих же капиталистов. Поскольку это так, то мы, рабо-

[1]) Газета „Наш Голос“ издавалась в Самаре меньшевиками-интернационалистами (мартовцами).

чие, не намерены помогать, даже косвенно, этой войне, хотя бы и под маской помощи „солдаткам“. Раз война идет в интересах капиталистов, то содержание и помощь „солдаткам“ должны итти исключительно из карманов капиталистов, а мы, рабочие, противники этой войны“.

Слова Лапина, как разорвавшаяся бомба, оглушили присутствующих. Безмолвная тишина, стоявшая несколько минут, была нарушена демонстративным уходом большевиков с собрания. Одна сердобольная старушка-учительница похлопала Лапина по руке и сказала: „Вот так, голубчик, правильно, правильно, давно бы вам за это нужно было взяться и сказать все то, что у вас наболело на душе“.

Открытое выступление большевиков усилило у товарищей желание более активно взяться за работу. На первом же после этого заседании кружок постановил назначить тов. Лапина профессионалом по руководству работой кружка, т.-е. платным работником (20 руб. в месяц). По согласовании этого вопроса с макеевским районным комитетом, последним было поручено Лапину же регулярное обслуживание всех девяти кружков Горловско-Щербиновского района. В результате фурсовский кружок фактически превратился в организационно руководящую единицу для кружков соседних рудников, сохраняя связь со своим макеевским районным центром и работая по его директивам.

* * *

Экономическое положение рабочих не улучшилось и в наступившем 1916 году, а, наоборот, все более ухудшалось. Условия подземного труда становились еще более тяжелыми, растущая дороговизна фактически снижала уровень заработной платы, которая совсем не увеличивалась, несмотря на неоднократные стихийные выступления, происходившие летом 1915 года. Все это, вместе взятое, и особенно неуспешность экономической борьбы прошлого лета, с каждым днем увеличивало возможность нового стихийного выступления на той или другой шахте.

Это обстоятельство было учтено, и в начале апреля месяца 1916 года макеевский партийный комитет дал директиву Первого мая организованно, под руководством партийных кружков на местах, начать забастовку на рудниках Горловско-Щербиновского района. Началась подготовка к забастовке.

Для того, чтобы всесторонне обсудить возможность организованного начала забастовки и ее успеха, макеевским партийным комитетом была созвана массовка. Она собралась в балке (овраге) между Фурсовским рудником и Горловской шахтой № 5 вечером 15 апреля 1916 г. На массовке присутствовало не менее 150 человек со всех окружающих рудников и шахт. Сюда же прибыл и тов. Батов.

На массовке стояли два главных вопроса: 1) доклад Батова о текущем моменте и наших задачах и 2) о забастовке. По второму вопросу выявилось две точки зрения: одна за то, чтобы немедленно выступить, другая же рекомендовала пока воздержаться и предложить бунговцам свою забастовку прекратить [1]) до общего выступления. Это последнее предложение мотивировано было тем, что только-что прошла Пасха, во время которой рабочие не только исчерпали все свои незначительные сбережения, но и влезли в долги; однако большинство оказалось сторонниками немедленной забастовки. После этого были проведены массовки на Горловской шахте № 8 и на Щербиновском руднике. Массовки прошли удачно; рабочие, присутствовавшие на массовках, приветствовали мысль о немедленном выступлении.

Фурсовским партийным кружком, при участии тов. Батова и представителей кружков других рудников, были выработаны основные пункты экономических требований, которые сводились к следующему: 50% прибавки заработной платы, уменьшение рабочего дня, улучшение жилищно-квартирных условий, улучшение медицинской помощи, проведение страхования рабочих за счет предпринимателей, вежливое обращение администрации с рабочими, устройство бань на мелких шахтах и ряд других мелких, специфических требований, вытекающих из условий труда на каждом отдельном руднике и шахте; эти мелкие требования были включены с целью еще больше вовлечь рабочих в забастовку [2]) и кровно заинтересовать в ней.

[1]) Накануне стихийно выступили шахтеры рудника Бунге (Енакиевский район) которые предъявили администрации экономические требования.

[2]) Между прочим, требования об уменьшении рабочего дня и страхования рабочих за счет капиталистов не подтверждаются в перечне тех требований, которые были предъявлены рабочими Фурсовского рудника (Александровского угольного рудника, Ауэрбах и К°, см. „Літопис Революції“ № 3, 1928 г., стр. 95—96). Однако это не исключает возможности того, что они в действительности фигурировали, поскольку в воспоминаниях участников дважды имеются указания на них. *(Прим. ред.).*

На 19 апреля было назначено общее начало забастовки. Для проведения стачки был оставлен Лапин, а Батову предложили вернуться в районный партийный комитет с тем, что в случае надобности его оттуда вызовут; тов. Цыганкову поручено было посылать ежедневные шифрованные сводки в Макеевку для информации, что и делалось им на протяжении всей забастовки.

19, 20 и 21 апреля забастовали рабочие следующих рудников: Фурсовского, Ртутного, Щербиновского, Нелеповского, Северо-Никитовского, Горловских № 1, 5, 8, Горловского артиллерийского завода, Байрака и всех мелких „крестьянских“ шахт района, расположенных вокруг этих рудников. Общее количество забастовавших рабочих достигло 45 тысяч человек.

На первом общем собрании рабочих всех рудников были приняты указанные выше требования и выбран стачечный комитет, куда вошли т. т. Лапин (он же В. Курочкин), Галдобин, Цыганков, Матросов и Юрченко. Впоследствии эти общие собрания проводились часто и прямо поражали своей численностью, так как, согласно постановлению стачечного комитета, решено было всех забастовавших рабочих собирать на одном месте — между рудниками Фурсово-Ртутным и Горловкой № 5. Бастовавшие шахтеры восторженно поддержали эту идею. Они прочно усвоили принцип — являться к „святому месту“ [1]) на собрания в полном составе с каждого рудника. Не отставали и женщины, которые приходили вместе с мужьями; являлись старики, старухи и дети. Иногда собрания эти достигали десятков тысяч человек. Собрания носили характер широкого ознакомления рабочих с условиями их быта и чрезмерной эксплоатацией со стороны шахтовладельцев.

Рабочие по инициативе партийных кружков взяли на себя охрану рудников, стремясь к тому, чтобы полиция не могла по ночам арестовывать проявивших себя активно товарищей, и чтобы не было никакого хулиганства со стороны несознательных рабочих. Охрана состояла главным образом из партийных товарищей и была вооружена берданками, охотничьими ружьями, топорами и обушками. На одном из общих собраний было постановлено: строго воспретить пьянство, игры в карты и устройство всяких вечеринок.

[1]) Так впоследствии было названо место постоянных собраний бастовавших шахтеров.

Нельзя не отметить проявления высокого чувства энтузиазма со стороны работниц-шахтерок и жен рабочих, ходивших организованными группами по квартирам отсталых рабочих, чтобы побудить их итти на собрания.

Был такой эпизод: на Щербиновском руднике группа женщин пришла на квартиру одного рабочего, избегавшего посещать собрания. На заданный жене его вопрос: „где твой муж", они получили ответ, что он ушел на собрание. Женщины, не удовлетворившись этим, стали производить в квартире „обыск". Оказалось, что рабочий сидит в сундуке... С тех пор этот рабочий, пристыженный женщинами, постоянно ходил на собрания.

Полиция регулярно приходила в организованном порядке на „святое место" и, останавливаясь на расстоянии 10—15 шагов от собрания, внимательно выслушивала ораторов. Бывали попытки с ее стороны срыва собрания, но они никогда не удавались, ибо рабочие, дружно бросая меткие и остроумные замечания, заставляли полицию „осадить". Полиция делала большие усилия, чтобы арестовать руководителей стачки и в том числе тов. Лапина, но тщетно: рабочие зорко охраняли своих руководителей.

Однажды в поисках руководителей стачки полиция обыскала за ночь не менее десяти мелких шахт на Корсунской степи, но безрезультатно. В эту же ночь с тов. Лапиным был такой случай: он как-раз ночевал на той же степи, где шли обыски в пекарне под Пятым рудником. „Помню,— рассказывает Лапин,— пекарь, слегка подвыпивши, всячески заверял, что мне здесь будет безопасно, что при пекарне есть большая злая собака, которая не допустит полицию и даст знать о ее приходе своевременно. Ложась спать, он к двери привалил большой камень, сам улегся у дверей, положив топор около себя, со словами: „Сначала эти кровопийцы перешагнут через труп моей собаки, потом мой, а тогда уже доберутся до вас".

На Горловском руднике № 5 один рабочий, не участвовавший активно в забастовке, так как благодаря большой потребности в питье привозил воду на собрание, был арестован за это, а вместе с ним еще пять рядовых рабочих. Среди бастовавших произошел большой переполох и смятение, так как пронесся слух, что в числе арестованных был Лапин и другие руководители стачки. Какова же была радость, когда они увидели своих руководителей, незаметно появившихся на собрании.

На этом собрании с большим подъемом выступали Матросов, Цыганков, Галдобин, Юрченко, Лапин и все с большей настойчивостью требовали продолжения забастовки до полной победы. К числу активных участников забастовки присоединился старый революционер П. А. Мойсеенко, известный организатор знаменитой стачки морозовских ткачей, работавший тогда в Горловке столяром, выступление которого имело большой успех и еще более ободрило забастовщиков. Забастовщики сплошь и рядом выходили из рамок экономической борьбы, предъявляя все новые требования к администрации рудников и требуя от полиции освобождения арестованных. Попытка полиции тут же на собрании арестовать Лапина и других не увенчалась успехом, так как собравшиеся густым кольцом окружили руководителей забастовки. Полиция же, находившаяся вблизи на маленькой горке, могла только наблюдать, оставаясь в положении, когда „видит око, да зуб неймет". По окончании собрания руководители уходили с группой товарищей того или другого рудника, ежедневно меняя свое местопребывание.

Забастовка принимала все более и более затяжной характер; среди бастующих носились слухи, что Петровский завод и прилегающие к нему рудники забастовали [1]), что в Екатеринославе также началась забастовка. Эти слухи, хотя и неверные, все же придавали бодрость бастующим. Насколько была спаяна и организована шахтерская стачка, настолько же была велика и нуждаемость бастующих. Уже чувствовалось, что многие рабочие страшно нуждаются, что силы истощаются. Макеевским партийным комитетом с самого начала борьбы было дано распоряжение местным партийным организациям (где забастовки не было, как, например, на Петровском заводе и его рудниках, на Макеевских рудниках и т. д.) о денежном сборе в пользу бастующих рабочих Горловско-Щербиновского района, но больших средств это не давало.

На одном из собраний вопрос о средствах был поднят, и шахтеры единогласно постановили, что рабочие, имеющие какие-либо сбережения, должны ими поделиться с неимущими това-

[1]) Правда, стачечный комитет еще до этого всячески старался склонить Петровский завод примкнуть к районной забастовке шахтеров, но безуспешно Только один рудник Бунге (принадлежал тому же акционерному обществу, что и Петровский завод), фактически начавший забастовку еще до районной стачки, боролся до конца.

рищами; кроме того, были пущены подписные листы среди самих бастующих. Эту работу взяли в свои руки партийные кружки на рудниках района. Тут можно было наблюдать поистине пролетарскую солидарность и горячее желание помочь делу забастовки со стороны тех, у кого были хоть какие-нибудь незначительные запасы. Рабочие, имевшие по 5 пудов муки, отдавали 4 пуда, оставляя себе только пуд; имевшие в сберегательных кассах деньги, вынимали их оттуда и отдавали в комитет помощи бастующим. Даже торговцы Никитовского поселка, Горловских рудников и другие охотно приняли участие в сборах в пользу бастующих, а многие из них открыли кредит рабочим.

„Предупредительная" администрация рудников в качестве меры воздействия закрыла так называемые „потребиловки", обычно отпускавшие рабочим продукты в кредит. Но эта мера только больше возмутила рабочих и подлила масла в огонь.

Нужда росла с каждым часом. Желание же продолжать борьбу было большое. Стачечный комитет решил послать своих представителей к петроградскому пролетариату, к его организациям, за поддержкой.

Предложение это, внесенное стачечным комитетом на утверждение общего собрания, встретило полную поддержку со стороны бастующих шахтеров, и тут же при помощи шапочного сбора было собрано около 100 руб. для поездки в Питер (поехали тов. Мойсеенко от стачечного комитета и тов. Батов от районной партийной организации). Одновременно были посланы две телеграммы социал-демократической фракции меньшевиков Государственной Думы (в то время фракция большевиков была уже в Сибири) и третья—министру торговли и промышленности с целью воздействовать на промышленников в смысле удовлетворения требований рабочих. Эти телеграммы так и остались без всякого ответа.

Упорство промышленников и нежелание их итти на уступки заставили стачечный комитет поставить на общем собрании вопрос о снятии всех кочегаров и машинистов (и вообще всех рабочих в шахтах, оставленных в начале стачки на своих постах с целью не допустить затопления и обвалов в местах выработки угля), если в течение трех дней не будет выполнено требование о повышении зарплаты на 50%.

В результате такого решительного требования в район стали прибывать высшие чины, как, например, какой-то чиновник осо-

бых поручений (из Петрограда), екатеринославский губернатор Колобов, бахмутский полицмейстер, а также представитель одесского окружного военного командования и другие чиновные лица. На ряду с этим рудничная полиция бумажками, написанными от руки, объявила о мобилизации бастующих шахтеров, числившихся военнообязанными.

Екатеринославский губернатор Колобов „не побрезговал" даже прийти на многолюдное собрание и своим зычным голосом стал призывать рабочих прекратить забастовку. В начале своей речи он пытался вызвать у рабочих патриотические чувства, говоря, что шахтеры своей забастовкой приносят вред „родине" и пользу нашему врагу — Германии. Он всячески старался доказать рабочим, что, дескать, эта забастовка проводится германскими шпионами и на германские деньги. Выступавшие т. т. Матросов, Галдобин и Юрченко заявили, что рабочие бастуют не ради желания бастовать и не для того, чтобы принести вред „родине", а забастовка вызвана невозможным экономическим положением, и поэтому никакая агитация не заставит шахтеров приступить к работе до полного удовлетворения их требований. Кроме того, было выставлено требование об освобождении арестованных во время стачки пяти товарищей, на что губернатор изъявил согласие и дал свое обещание освободить их (в тот же вечер, действительно, арестованные были освобождены).

Выступая после речей руководителей стачки и рабочих, губернатор ответил, приблизительно, следующее: „Перед тем, как к вам, братья рабочие, приехать, я говорил с промышленниками, и они соглашаются прибавить 30%, а не 50%, требуемых вами. В отношении же призыва молодых годов я никаких распоряжений не делал, ибо все подобные призывы должны пройти исключительно через меня". Он заверил, что распоряжение о мобилизации будет им отменено. Предложение губернатора начать работу было поставлено на голосование, конечно, для того, чтобы показать этому жиром заплывшему, краснощекому генералу, что рабочие тверды в своем решении, что никакая провокация и репрессии не могут заставить продолжать работу на тех жалких условиях, какие были до этого времени, что на их решение бороться до конца не влияют отдельные лица, как подстрекатели. Голосование дружным поднятием рук показало, что рабочие от своих требований не намерены отказаться.

Общие крики — „49½ процентов прибавки не заставят нас начать этот каторжный труд, который мы переносили и переносим повседневно“ — явились самым красноречивым ответом губернатору. Тогда губернатор предупредил, что дальнейших собраний рабочих он допустить не может и предлагает разойтись по домам, а те, кто не хочет быть врагом родины и итти за подстрекателями, должны выйти на работу; он же (губернатор) мирным путем будет добиваться повышения заработной платы. Эти угрозы встречены были единодушным криком протеста и негодования и новым заявлением о намерении продолжать борьбу до конца.

Были попытки на этом собрании со стороны чиновника особых поручений поднять погромную агитацию. Он говорил, примерно, следующее: „Братья рабочие, вы нуждаетесь и плохо живете не потому, что вам мало платят,— вам платят хорошо,— но ваши заработки отбирают у вас евреи-лавочники. Вы, для примера, посмотрите, как еврей-лавочник живет: жена его ходит в шелковых и шерстяных платьях, дети его хорошо одеты; вот почему, главным образом, и ведут они среди вас агитацию, чтобы вы больше получали и больше давали ему положить в свой карман“. Но и это выступление не увенчалось успехом; с горячей отповедью этому погромщику выступил тов. Лапин, расшифровавший значение речи чиновника. Губернатор и все „присные“ так и ушли, как говорится, „не солоно хлебавши“.

Вскоре в Горловку прибыло две роты учебной команды из Бахмута. Два офицера, командовавшие этими ротами, посетили несколько рудников для того, чтобы проверить полученные от своего начальства сведения, будто рабочие затопили рудники, сбросили клети в шахты, чинят всевозможные насилия над администрацией, убивают и т. д. Убедившись, что все это гнуснейшая ложь, что рабочие требуют исключительно повышения заработной платы и улучшения условий быта и труда, что забастовка носит экономический характер и протекает самым мирным образом, без всяких эксцессов, команды уехали обратно в Бахмут. Впоследствии ходили слухи, что оба офицера и с ними несколько солдат пошли под суд.

На другой день бастующие снова собрались на обычном месте. Сюда вторично приехал полицмейстер и в своем выступлении заявил собравшимся рабочим, что они выходят из рамок экономической забастовки, так как начинают строить баррикады.

Далее он сказал, что, проезжая вчера в 12 часов ночи по мосту около Фурсовского рудника, наскочил на одну из таких баррикад, состоявшую из толстой проволоки, протянутой через весь мост[1]). Рабочие в ответ закричали, что это ложь и провокация, что это полиция нарочно сделала с целью подвести их под ответственность. Очевидно, не желая разжигать страстей, полицмейстер этот вопрос замял, стал предлагать рабочим приступить к работе, не собираться более здесь в силу уже известного приказа губернатора, угрожая в противном случае прибегнуть к нежелательным мерам воздействия.

Вместе с приехавшим полицмейстером был также какой-то офицер от одесского военного округа, который имел на руках приказ применить силу оружия, если рабочие попытаются продолжать свои собрания. Он обратился к собранию с предложением кому-нибудь прочитать имеющийся у него приказ. Рабочие закричали: „Поручаем Ваське (Лапину)". Тов. Лапин стал читать, и рабочие услыхали подтверждение угрозы, хотя все же не хотели верить. Один из стариков с большой седой бородой, распахнув рубашку и подставляя обнаженную грудь, истерически кричал командиру: „Бейте, бейте мою старую грудь, пейте, кровопийцы, рабочую кровь!" и, показывая рукой на рядом стоящих детей, сказал: „Подрастающее поколение отомстит вам!". Женщины, стоявшие с детьми на руках, выдвигали вперед своих грудных детей и кричали: „Стреляйте барбосы, кровопийцы, не люди, а звери!". Крик, слившийся в общий гул, стоял довольно продолжительное время, и попытка успокоить взволновавшиеся массы не имела никакого успеха. Моментами казалось, что вот-вот прорвется эта человеческая лавина и одним взмахом сметет все и всех. Наконец, наступило некоторое успокоение.

Стачечный комитет делал все, чтобы стачка ни в коем случае не превратилась в ленские или иваново-вознесенские расстрелы. Но бастующие были так возбуждены всеми событиями,

[1]) История с этой „баррикадой" в действительности была такова. Организованная с самого начала самоохрана из рабочих, желая узнать, кто ночью ездит на рудники, переплела проволокой мост, связывающий рудники между собою. Самоохрана же засела под мостом. Когда кто-то подъехал к мосту, самоохрана вылезла и увидела незнакомого инженера, который объяснил, что едет к знакомым на Ртутный рудник. Рабочие изругали его, что называется, на чем свет стоит и заставили повернуть обратно туда, откуда он и приехал. Эту историю, повидимому, инженеры рассказали полицмейстеру, который и выдумал сказку о „баррикадах".

отчасти продолжая сомневаться в возможности расстрела мирного собрания, что трижды поставленный на голосование вопрос получил единогласное решение: „завтра всем собираться".

Это было 30 апреля. Учитывая, что общее собрание в день Первого мая может безусловно вызвать выполнение приказа, руководители стачки уговорили рабочих не собираться на „святом месте" Первого мая, а провести собрания по рудникам. Таким образом, празднование Первого мая в этих условиях проходило на местах, на каждом руднике в отдельности. Но на другой день никакие уговоры, доводы и убеждения не помогли.

2 мая рабочие Северо-Никитовского, Нелеповского и Щербиновского рудников и мелких шахт направились к „святому месту". Недалеко от балки шедших встретил какой-то человек, ехавший на велосипеде, который сказал: „Если вы пойдете прямо, то в балке наткнетесь на полицию; сверните влево и левой стороной можете пройти, миновав конную полицию". Не поверив сказанному, послали разведку, которая сообщила, что конная полиция стоит прикрытая в балке, как раз по левой стороне, а не на дороге, как указывал неизвестный, и шахтеры двинулись к балке другим направлением. Когда поднялись на горку, то идущих обогнала конная полиция, которая пересекла им дорогу. Пристав Ртутного рудника предупредил, что если они пойдут дальше, то будет применена сила оружия. Тогда тов. Заволокин внес предложение всем сесть и сидеть так до тех пор, пока полицейские не устанут рыскать и не вернутся обратно туда, откуда пришли. Шедшие забастовщики так и сделали,—сели спиной к полиции.

Через некоторое время к сидящим подъехал свой товарищ на велосипеде и сообщил, что возле Горловки уже прорвали две цепи конной полиции и все собираются на „святое место". Тогда тов. Заволокин встал и, обращаясь ко всем шахтерам, сказал: „Товарищи, там уже прорвали цепь таких же вот шакалов, давайте же и мы разорвем эту цепь, идемте вперед".

Сигнал был дан. Все вскочили с земли и ринулись вперед. Пристав скомандовал: „Шашки наголо и в нагайки!.." Масса отшатнулась, и все бросились бежать. В момент этого панического бегства полиция, очевидно, заметила тов. Лапина; несколько конных городовых бросились по направлению к нему, он стал быстро менять направление своего бега. Несколько товарищей, увидевши, что Лапину угрожает опасность, броси-

лись к нему; один из них, свалив Лапина с ног, лег на него, и в один миг на нем оказалась куча рабочих. „До слуха моего, когда я лежал внизу,— рассказывает тов. Лапин,— доносились только глухие удары нагаек. Смолкло... Товарищи расступились, и я освободился. Все бежали через балку, разделяемую небольшим ручейком". Полиция открыла по ним стрельбу, но жертв не было. В балке была растительность, в которой скрывались от полиции человек тридцать товарищей, осыпавших полицию камнями, но, в конце-концов, они были окружены тесным кольцом полиции и арестованы.

„В другой группе рудников (Горловской), на месте, где обычно собирались все рабочие района для обсуждения вопросов забастовки, разыгралась еще более жуткая трагедия. Шахтерам удалось прорваться на место своих постоянных собраний, несмотря на порку и противодействия оперировавшего там пехотного отряда войск, в количестве двух взводов.

„На предложение полиции и командира отряда разойтись, ответили отказом. Полиция приступила к обычным мерам насильственного разгона толпы. Рабочие (во всяком случае, какая-то значительная часть их) начали оказывать сопротивление кто чем мог— обаполами, стойками, кусками породы — благо, что всего этого было под руками и ногами вдоволь, так как кругом этого места было множество мелких шахт. Стражники и полицейские пустили в ход нагайки. Завязался обычный в таких столкновениях примитивный бой.

„По описанию екатеринославского губернского прокурора, полуторатысячная толпа бросилась к солдатам, начала хватать их за шинели и винтовки, чем и содействовала освобождению группы арестованных в 200 человек, окруженная этими солдатами. Более того, прокурор утверждал, что кто-то из рабочих даже стрелял дважды в командира отряда, поручика Лосиевского, но промахнулся. Упорства безоружных рабочих, казалось, нельзя было сломить ничем. Вместо того, чтобы разбегаться, собравшаяся масса рабочих усиливалась и одной своей численностью грозила раздавить вооруженную кучку усмирителей. Атмосфера накалялась. Тогда командир отряда, поручик Лосиевский, отдал команду солдатам, полицейским и стражникам — приготовиться к стрельбе. В гуще рабочих послышался глухой ропот, но ни один человек не двинулся с места. Ждали, что будет. Не верили...

„Вдруг неожиданно для всех послышалась команда „пли", и раздался залп. Вся масса рабочих легла...

„Когда рабочие поднялись на ноги, опять раздался залп... Толпа дрогнула и побежала, избиваемая нагонявшей их полицией и стражниками. На месте оказалось 4 человека убитых[1]) и 20 тяжело раненых. Впоследствии выяснилось, что отряд войск стрелял в воздух, а полицейские и стражники в это время стреляли в шахтеров, иначе количество убитых было бы гораздо больше. Что же касается легко раненых и избитых, то их количества выяснить не удалось, так как каждый скрывал это из боязни быть арестованным Из стрелявших нижних чинов—солдат, стражников и полицейских, согласно словам того же прокурора, ушибленных было 9 человек. Этим расстрелом стачка, однако, фактически не была окончена. Она была только придушена. Работа в течение нескольких дней не начиналась. Шахтеры, подавленные дикой расправой, молча продолжали упорно сопротивляться на рудниках, группами и в одиночку, не выходя на работу в течение 8—10 дней.

„Однако под влиянием голода и приказа о том, что все военнообязанные, не явившиеся на работу, будут немедленно отправлены в армию, шахтеры начали работать на прежних условиях.

„11 мая героическая горловско-щербиновская стачка была задушена окончательно. Арестовали свыше трехсот человек. Из них более ста человек связали в одно кольцо и пешком гнали в Бахмут от Щербиновки через Горловку, т.-е. кружным путем (Щербиновка от Бахмута расположена всего в 25 верстах). Полиция в знак своей победы издевалась над арестованными и все время до Бахмута избивала сопровождаемых нагайками, шашками... А обессилевших от жажды и голода привязывали к хвостам лошадей... Они вынуждены были итти таким образом, или тащиться по земле...

„Шахтеры Горловско-Щербиновского района из этой стачки извлекли блестящий урок, затаив в себе глубокую ненависть к своим хозяевам, администрации и царизму. Они быстро оправились от нанесенного им удара. Возмущение и недовольство не прекращались и через некоторое время начали нарастать с еще более грозной силой.

[1]) Убитыми оказались следующие товарищи: Кирилл Касаткин, Егор Караканица, Илья Маликов и Маркел Римишевский; что касается раненых, то их фамилии восстановить не удалось.

„Трусливые меньшевики, сидевшие в Государственной Думе как „представители" рабочего класса, не внесли даже запроса по поводу этой зверской расправы с мирно борющимися шахтерами. Дело обошлось так, что рабочий класс страны ничего не узнал тогда об этой стачке. Узнал он о ней уже впоследствии.

„На месте расстрела бастовавших шахтеров сейчас стоит скромный, незатейливый памятник, открытый в день первой годовщины стачки 1 мая 1917 года" [1]).

Памятник расстрелянным шахтерам: К. Касаткину, Е. Караканице, И. Маликову и М. Рамишевскому.

Из Питера вернулся только один тов. Батов, а П. А. Мойсеенко, вследствие слежки шпиков, желая, повидимому, избежать возможного ареста, уехал в неизвестном направлении. Из отчета Батова, сделанного им на собрании фурсовского кружка и на расширенном заседании макеевского комитета, было выяснено, что материальной поддержки получить не удалось, в равной степени оказалось невозможным какое-либо выступление питерских рабочих для поддержки стачки шахтеров Горловско-Щербиновского района. Поездка эта оправдала себя лишь в той степени, что она укрепила связь с партийным центром, в резуль-

[1]) Цитируем по журналу „Літопис Революції" № 3, 1928 г., стр. 99—101.

тате чего на макеевскую районную подпольную организацию было обращено больше внимания, чем до сих пор.

На происходившей в июне 1916 года районной партийной конференции в Макеевке выяснилось, что на ряде рудников Горловско-Щербиновского района дело вновь дошло почти до открытых стихийных выступлений, в которых было явно выражено намерение разрушить шахты, поломать машины, перебить администрацию и т. д. Макеевский районный партийный комитет, учитывая серьезность создавшегося на этих рудниках положения, командировал туда тов. Вениамина Ермощенко (Бориса), которому пришлось поставить на ноги все остатки партийных организаций этих рудников, чтобы не допустить неорганизованного выступления, грозившего подорвать силу нарастающего движения. Ему, вместе с местными товарищами, удалось переломить настроение и удержать неорганизованную энергию масс.

Уроки забастовки, с одной стороны, и разъяснительная работа партийной организации,—с другой, сказались в необычайно быстром росте организации. К началу 1917 года подпольные кружки Горловско-Щербиновского района, насчитывавшие во время стачки 400 чел., выросли до 1.216 чел., т.-е. увеличились более чем в три раза. Благодаря регулярной связи с Питером и Екатеринославом увеличилось количество распространяемой литературы, наладилась работа по выпуску листков и прокламаций. В конце декабря 1916 года в Макеевку приезжал тов. Лутовинов Юрий (ныне покойный), который проработал в районе до начала января 1917 года Екатеринославская организация в свою очередь также прислала в январе 1917 г. тов. И. Вишнякова (Кураженко), который остался в районе для постоянной работы.

Регулярные объезды всех организаций Горловско-Щербиновского района профессионалом тов. Острогорским (а с января 1917 г. он окончательно прикреплен был для партийной работы в районе) и Вишняковым, знакомившими кружки на местах со всеми моментами общественной и партийной жизни того периода и направлявшим работу этих кружков по директивам макеевского районного комитета,—еще больше укрепили организацию.

Практическая работа была направлена на подготовку к печальной годовщине расстрела шахтеров, которую решено было ознаменовать забастовкой протеста против зверской расправы и за осуществление требований задушенной в мае 1916 года стачки.

Эта подготовка шла весьма плодотворно. Часто приходилось слышать такие разговоры шахтеров: „Как только солнышко пригреет и наступит наш светлый праздник, Первое мая, мы вновь пойдем на „святое место“ и будем бороться уже не так, как в прошлый раз... Они уж нас так просто не возьмут...“ И не ошиблись... В феврале пал проклятый царизм, и шахтеры в день Первого мая 1917 г. радостно праздновали свою первую победу на „святом месте“, готовясь к новым тяжелым боям за полную и окончательную победу над буржуазией.

Мы, живые участники пережитых событий, можем с гордостью сказать, что наша подпольная организация, вдохновлявшая шахтерские массы на борьбу и организовавшая районную стачку в момент ожесточенной империалистической войны и дикого разгула царизма, развязала дремлющие силы донбасских рабочих, так как „с этого же месяца (мая 1916 года) разлилось широкой волной по всему Донецкому бассейну стачечное движение, везде выставлялись экономические требования“ [1]).

Наша подпольная большевистская организация, подготовлявшая продолжение начатой в 1916 году борьбы, фактически организовала рабочих-шахтеров на победоносную политическую борьбу со своими классовыми врагами. Не даром потрудилась организация: последовавшие затем события 1917 года вполне оправдали эту работу.

---

[1]) *А. Шляпников.*— „Канун 1917 года“, ГИЗ, 1920, стр. 285.

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ В ЕНАКИЕВО [1]).

1905 год не прошел бесследно для Енакиевского района. Рабочее движение не умерло. Остатки разгромленных революционных организаций продолжали жить в подполье и вести свою работу. В 1912 году в Енакиево возникает организация большевиков, и ею руководит тов. Д. Татаренко. В сентябре 1913 г. сюда приезжает представитель ЦК партии тов. Александров (Масленников) и вновь организовывает рассыпавшуюся было группу большевиков. В результате развернувшейся работы и главным образом благодаря проведенным тов. Александровым двум массовкам (одна из них происходила 13 октября 1913 г., а вторая, на которой присутствовало 80 человек рабочих, несколько позже) большевистская группа в апреле 1914 года имеет уже 20 членов. Тот же тов. Александров 17 апреля — 13 мая 1914 г. руководит общезаводской забастовкой [2]). Забастовщики выдвигают требования о расширении школьной сети, о введе-

[1]) По коллективным воспоминаниям участников и материалам Окристпарта, в обработке редакции сборника.

[2]) Вот документ из материалов Окристпарта, подтверждающий продолжительность забастовки: „Удостоверение. Настоящее выдается Управлению Русско-Бельгийского Металлургического Общества согласно просьбы его от 14 сего мая за № 38768 в том, что вследствие забастовки рабочих всех отделений Петровского завода, начавшейся утром 16 апреля, работы на заводе с указанного числа были окончательно прекращены. Неполное возобновление работ состоялось лишь 5 мая, когда довольно значительное число рабочих вернулось к своим обычным занятиям. Названное число не может считаться сроком восстановления нормальных работ, каковые не приняли своего обычного течения даже и до настоящего времени, в особенности на доменных печах. Гербовый сбор уплачен. 1914 года, мая 17 дня, № 2237. Окружной Инженер Горловского Горного Округа (подпись)".

Относительно удовлетворения требований сведения участников противоречивы: т. Кочкин утверждает, что „ни один пункт требований не был удовлетворен", а т. т. Сорокин, Татаренко и Логвиненко указывают, что „требования рабочих были частично удовлетворены", но не оговаривают какие именно. *(Прим. ред.).*

нии восьмичасового рабочего дня и шестичасового на тяжелых работах, об отмене ночного труда подростков, о введении института старост, полном страховании на случай инвалидности и смерти, устройстве столовых по цехам, устройстве бани, полной оплате за дни забастовки и ряд других требований. Забастовка проваливается, руководители, т.т. Александров и Я. Залмаев (из Юзовки) попадают в ссылку. В подавлении забастовки активное участие принимает казачья сотня 7 донского полка под командой сотника Пудовова и пристава Горева.

Начавшаяся в 1914 году мировая война требует неслыханного напряжения всех производительных сил богатой, но отсталой страны. От этого напряжения не могут уйти Петровский завод и его рудники — Веровский, Софиевский и Бунге. Но, вызывая напряжение всех сил рабочих, капиталисты и правительство не заботятся об их экономическом положении. Цены на продукты с объявлением войны растут все быстрее, положение рабочих все более ухудшается, и забастовки то в одном, то в другом цеху завода вспыхивают на протяжении 1915—1917 годов.

25 августа 1916 года вспыхнула забастовка, охватившая вначале прокатный и мартеновский цеха, а затем и все остальные мастерские и цеха завода. В Енакиево активно работали в это время т.т. Н. Мальванов, В. Доронин, Ф. Никифоров, Д. Татаренко, К. Логвиненко, Фролов, П. Вождаев, Пеньков, Сорокин, Кочкин, Степещенко, Н. Черкасов, Паулина, Борман и другие [1]), которые и руководили этой забастовкой. Были предъявлены следующие требования управлению завода:

> „Почти ежедневно возрастающая дороговизна на продукты первой необходимости не только в частном рынке, но и у нас в продовольственном магазине, вынуждает мастеров и рабочих с прокатных цехов просить г-на Потье о нижеследующей надбавке:
>
> 1. 50% на рабочий день, не исключая женщин и подростков.

---

[1]) Подпольная енакиевская организация в 1916 году входила в состав макеевского районного комитета большевиков. Енакиевскую организацию в тот период обслуживали профессионалы-большевики: до середины лета 1916 года — В. Ермощенко (Борис), а с конца лета 1916 года до Февральской революции — М. Острогорский (Михаил). *(Прим. В. Доронина).*

2. Квартира, уголь и вода.

3. Урегулирование продовольственного магазина“ [1]).

Как протекала забастовка, видно из следующего донесения заводоуправления:

„Г-ну Председателю Екатеринославского Районного Заводского Совещания.

„В ответ на Ваш запрос от 28 сентября с. г. за № 23056 имеем честь сообщить следующее:

„Забастовка на Петровских заводах началась 25 августа с. г. в 3 часа 30 м. дня. 26 августа Заводоуправлением было вывешено объявление за № 7405, копия коего при сем прилагается, о прибавке рабочим 20 копеек на каждый рабочий день и номер, не исключая женщин, подростков и детей, при непременном условии немедленного возобновления работ. Топка печей в Прокатном цехе по этому случаю поддерживалась беспрерывно 25, 26 и до 8 часов вечера 27 августа. К вечеру 27 августа дневная смена разошлась, а ночная хотя и явилась в неполном комплекте на завод, но к работам не приступила; таким образом, выяснилось, что 27-го ночью работы производиться не будут. Принимая во внимание наступающий воскресный день, когда вообще работы в Прокатном цехе не производятся, а печи и

---

1) Опубликованное заявление не исчерпывает требований забастовщиков. В этом нас убеждает следующий документ из материалов Окрисгпарта в котором говорится и о требовании института старост.

„Администрация заводов отдает себе отчет в огромной сложности продовольственного вопроса, но она имеет право заявить, что она не отступила и не отступит ни пред какими усилиями и ни пред какими материальными жертвами, чтобы обеспечить по заготовительной цене нужду рабочего населения в муке, мясе масле, обуви, материи, в коже, мыле и проч.

Несмотря на это, очень прискорбно, что внезапная остановка работ поставила известные группы рабочих в безусловно враждебное интересам отечества положение. Несмотря на это, администрация завода, преисполненная благожелательных намерений, извещает рабочих, что она согласна им дать при непременном условии, чтобы работы были немедленно возобновлены, дополнительную премию в 20 копеек за каждый рабочий день и номер, не исключая женщин, подростков и малолеток. Администрация заявляет, что эта прибавка является крайнею уступкою, которую она может предложить рабочим, и призывает их немедленно возобновить работу и спокойно исполнить свой долг перед отечеством, способствуя делу национальной обороны.

Вопрос о введении института старост на заводе не подлежит разрешению администрации завода, а будет представлен на рассмотрение г. Екатеринославского губернатора. 26 августа 1916 года № 7405. Главноуправляющий Член Правления Петровских заводов *Потье“*. (Курсив наш.— *Ред.).*

станы ремонтируются, Заводоуправлением 27 августа в 8 часов вечера после ухода ночной смены было приостановлено дутье печей.

„Днем 27 августа печи, после необходимого еженедельного ремонта, были снова растоплены с таким расчетом, чтобы к утру 29 августа они были готовы к предполагаемому Заводоуправлением возобновлению работ, соответственно объявлению, вывешенному 26 августа за № 7406, согласно которому рабочие, не приступившие к работам в понедельник 29 августа в 6 часов утра, подлежали увольнению.

„Несмотря на означенное предупреждение, рабочие все же не приступили к работам в назначенный срок, хотя печи были растоплены и станы в полной готовности к немедленному их пуску в ход. Такое неопределенное положение продолжалось весь день 29 августа, а к вечеру того же дня то же самое повторилось и с ночной сменой, которая хотя и явилась на завод в весьма ограниченном числе, но отказалась приступить к работам. Кроме ночной смены, явились на завод также некоторые рабочие и дневной смены: все они держались вызывающе по отношению к начальникам и мастерам, а после короткого между собой собеседования все эти рабочие покинули станы. На основании всего виденного и слышанного как заведующие станами, так и мастера пришли к заключению, что не может быть надежды, чтобы работы производились в Прокатном цехе как ночью 29, так и днем 30 августа.

„Руководствуясь объявлением о немедленном расчете, согласно ст. 105 Устава о промышленности, рабочих, не приступивших к работам в понедельник 29 августа в 6 часов утра Заводоуправление,—продержавши наготове все печи весь день 29 августа, вплоть до прихода ночной смены, после того, как выяснилось, как указано выше, что рабочие отказываются приступить к работе,—распорядилось 29 августа в 9 часов вечера прекратить дутье всех печей Прокатного цеха и привести в исполнение объявление о немедленном расчете рабочих по указанной выше статье Промышленного устава.

„Принимая во внимание, что подготовительные подсчеты к массовому расчету рабочих должны были по предположению Заводоуправления отнять не менее двух суток, Заводоуправление распорядилось на это время, т.-е. 30 и 31 августа, печей не зажигать до выдачи окончательного расчета бастовавшим

рабочим и приемки нового контингента. Желая, однако, все же воспользоваться малейшею возможностью хотя бы частичного возобновления работ в Прокатном, Заводоуправление распорядилось растопить печи на больших станах в среду 31 августа к приходу ночной смены, что и было исполнено Начальником Прокатных, инженером Лекок. Больше того, питая слабую надежду на то, что настроение рабочих может ежеминутно повернуться в благоприятную сторону, инженер Лекок распорядился растопить также одну из самых мощных печей мелкосортных станов. К сожалению, ночная смена, вышедшая на завод в среду 31 августа в 6 часов вечера, не приступила к работе, несмотря на наличие горячих печей, и никакие увещания Начальника Прокатных инженера Лекок не привели к положительным результатам. Рабочие отказались приступить к работам, заявив, что выйдут на работу лишь с утра 1 сентября, так как они явились на завод, не взяв с собой ни рабочего платья, ни пищи на ночь.

„К обусловленному рабочими сроку, т.-е. к 6 часам утра следующего дня, все печи Прокатных были в полном ходу, и тогда же работы действительно возобновились на всех станах.

„Доводя о вышеизложенном до Вашего сведения, Заводоуправление считает необходимым присовокупить, что во все забастовочные дни Начальник Прокатных, инженер Лекок, так как и все его помощники и мастера, были в урочное время на своих постах, не упуская ни малейшего случая повлиять тем или иным способом на прекращение забастовки, что могут также подтвердить те немногие рабочие, которые охраняли заводские машины и прочее имущество“ [1]).

Эта забастовка, вспыхнувшая в то время, когда капиталисты и правительство хотели только тишины и спокойствия (особенно после Горловско-Щербиновской стачки), перепугала всех представителей власти. Губернские власти оказались бессильными что-либо сделать, и к ним на помощь из Петрограда приехал министр Шуваев. На собрании рабочих граф Шуваев произнес двухчасовую речь. Рабочие мартеновского и листопрокатного цехов молча выслушали „блестящую“ речь министра и в самом патетическом месте, когда министр предложил спеть „боже, царя

[1]) Материалы Окрисгпарта.

храни", рабочие покинули собрание [1]). Так и уехал граф ни с чем, но, рассердившись, дал „соответствующие" директивы местным властям, в результате которых начинаются аресты, отправка в тюрьмы и на фронт.

Вот любопытный документ, характеризующий „меры воздействия" на забастовщиков со стороны полиции:

> „Бахмутский уездный исправник настоящим объявляет военнообязанным новобранцам призыва 1916, 1917 и 1918 годов, не приступившим сегодня в 6 часов утра к работе в денной смене Петровских заводов Р.-Б. М. О-ва, что в 5 часов полудня сегодня же они, как не пожелавшие приступить к работам, согласно объявления администрации Петровских заводов от 26 августа за № 7406 [2]) и 28 августа за № 2328, считаются уволенными, почему должны явиться в канцелярию пристава Петровских заводов за получением документов и завтра же явиться к бахмутскому уездному воинскому начальнику для зачисления в войска. При этом предупреждаю, что всякое нарушение порядка тотчас же будет подавлено, а лица, препятствующие чем-либо правильному возобновлению работ на заводе, немедленно будут привлекаться к ответственности. Августа 29 дня 1916 года. Бахмутский уездный исправник Яновский" [3]).

---

[1]) Случай этот т. Кочкин относит к забастовке, якобы происходившей в 1916 г. до этой последней, но ничем не подтверждает своего заявления. *(Прим. ред.).*

[2]) Приводим здесь документ из материалов Окристпарта: „Управление Петровских заводов Русско-Бельгийского Металлургического Общества сим предлагает всем не вышедшим на работы рабочим немедленно приступить к работе, в противном случае не возобновившие работу до шести часов утра понедельника, т. е. 29 сего августа, будут считаться уволенными на основании статьи 105 Устава промышленного. Время и порядок расчета с подробными указаниями часов и мест расплаты будут объявлены дополнительно. Деньги, причитающиеся не приступившим к работам и не явившимся своевременно за получением расчета, будут препровождены мировому судье поселка Енакиево, а паспорта в канцелярию пристава заводов, списки же военнообязанных будут представлены г-ну Бахмутскому Воинскому Начальнику. Августа 26 дня 1916 года. Главноуправляющий и Член Правления Петровских заводов *Потье. Свидетельствую:* Окружной Инженер Горловского Горного Округа *В. Белов.* Августа 26 дня 1916 года № 7406".

Сопоставление этих двух объявлений показывает, в каком дружественном контакте работали господа предприниматели и полиция. *(Прим. ред.).*

[3]) Из материалов Окристпарта.

На основании этого часть рабочих, не пожелавших приступить к работе, действительно отправили на фронт. Но забастовка все же продолжалась до 31 августа. Требования рабочих были частично удовлетворены. 2 сентября были арестованы и препровождены в тюрьму т.т. Козельский, Дедеков, Д. Татаренко, К. Логвиненко и Чаркин; некоторые из них были сосланы в Сибирь, другие высланы в разные губернии.

В благодарность полиции за ее усердную работу по подавлению забастовки „признательная" администрация пишет:

> „В главную бухгалтерию. Покорнейше просим выдать следующие наградные по случаю окончания забастовки на нашем заводе: приставу Янцевичу—400 р., офицеру Белову — 100 р., помощникам надзирателей по 70 — 50 р., околоточным по 50 — 30 р., урядникам по 30 р., старшим городовым по 15 р., старшим стражникам по 10 р., конным стражникам и городовым по 5 р." [1]).

Какая умилительная заботливость о „малых сих" с не менее трогательной градацией „наградных". „Благодетельная" администрация завода, во главе с г. Потье, никого не забыла: каждый полицейский Иуда получил свои сребренники — по чину...

Но и эти меры не подействовали. Забастовка затихла лишь временно, рецидивы ее неоднократно вспыхивали вплоть до Февральской революции [2]).

---

[1]) Из материалов Артемовского Окристпарта.

[2]) В частности, в январе 1917 года прокатный и мартеновский цеха вновь бастовали несколько дней, но, не поддержанные другими цехами, через 2—3 дня приступили к работе. *(Прим. М. Острогорского).*

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПУТЬ К ОКТЯБРЮ

Г. КУРАНОВ.

СОВЕТЫ АРТЕМОВЩИНЫ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ [1]).

Беспрерывно ухудшающееся материальное положение большинства рабочих к началу 1917 года, волнующие сообщения с фронта о поражении, измене в армии и оттяжке войны, свежие воспоминания о расправе властей с рабочими Горловско-Щербиновского района и Енакиева, пытавшимися отвоевать себе минимум материального обеспечения, нашумевшее убийство Распутина и, наконец, будирующая агитация большевиков (в частности, по Горловско-Щербиновскому району),—вот неполный перечень фактов, которые не только рассеивали патриотический угар, но и настраивали массу против существующих порядков

По части патриотизма пальма первенства принадлежит, безусловно, рабочим завода „Донсода". Но это был особый тип рабочих (наполовину связанных с сельским хозяйством, получавших сносный заработок и соответственно подобранных). Нет ничего удивительного, если они долго не верили в свержение самодержавия. Первый митинг здесь был созван 15 марта, а полиция во всеоружии охраняла „порядок" до 17 марта.

Первые вести о революции в Петрограде и низвержении монархии в различных местах округа [2]) были получены не в одно и то же время. Рабочие Краматоровки знали о совершившемся уже 28 февраля, в Горловке события стали известны 2 марта. Бахмут получил сведения лишь 4 марта, а села, находящиеся

[1]) Настоящий обзор в основном представляет собою статью из журнала „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г. стр. 162 и 189, переработанную в духе примечания к ней от редакции „Л. Р." и указаний Истпарта ЦК КП(б)У; места, тожественные по описанию, опущены и заменены соответствующими подстрочными сносками редакции сборника. (*Прим. ред.*).

[2]) Имеется в виду Артемовский округ в его настоящих границах, а не Бахмутский уезд.

вдали от рудников и железнодорожных станций, узнали о перевороте еще позже. Селяне Александровского района в достоверности совершившегося убедились лишь от солдат, пришедших из армии в отпуск. Объясняется это отчасти тем, что местные власти и полиция вначале пытались скрыть сообщение о революции или объяснить дело так, что вся шумиха поднята вследствие газетной утки. Таких чудаков, как пристав города Славянска, который по городу сам расклеивал воззвание о падении самодержавия, было мало.

На падение самодержавия представители различных общественных групп реагировали по-разному. Такие люди, как директор соляных рудников Лямин или глава „истинно-русских" угольного рудника Мицов, под влиянием событий скончались от разрыва сердца. Это были махровые реакционеры, потерявшие всякие перспективы. Совсем иначе вели себя представители либеральничающей буржуазии и интеллигенции. Временные комитеты, комитеты общественной безопасности во многих местах создаются или ими, или при их активном участии. Во главе горловского комитета общественной безопасности (шахта № 1) стоял заводской инженер Яцынич (кадет); кадетствующий доктор Демулен являлся одним из видных членов краматорского общественного комитета; милюковцы были вершителями судеб временного комитета на „Донсоде", а крупный торговец Яковлевского поселка (Дружковки) Гераскин был в числе членов обывательского комитета.

Бахмутский общественный комитет при городской управе представлял собой, кажется, самый устойчивый орган, в сравнении с другими аналогичными комитетами. Будучи по своему составу не рабочим (всюду по округу рабочие входили в эти временные органы), имея опору в широких слоях мелкой буржуазии, он сохранял власть значительный промежуток времени, в то время как по рабочим районам округа власть временных комитетов продолжалась незначительный срок.

Яцыничи, Демулены и К° при поддержке меньшевиков и эсэров выступали во временных комитетах или против разоружения полиции, как меры, могущей привести к общественным беспорядкам, или предлагали разоружить только „плохих" полицейских, а „хороших" оставить на местах. Более того, Демулен (Краматоровка) выступал вообще против организации советов. Было бы ошибочно думать, что все это являлось поведе-

нием единичных личностей; такая политика логически вытекала из явно буржуазной природы этих органов.

Параллельно буржуазным временным организациям создавались комитеты в защиту революции,—революционные комитеты, классовый состав которых был иной. Они вели энергичную борьбу за создание советов, в силу чего могут считаться их предшественниками.

Если представителям имущих классов в начале революции удалось, правда, на короткое время, возглавить органы временной власти в крупных промышленных центрах, где политическая жизнь била ключом, то тем легче им было это сделать в селах. Александровская волость, преобразовавшись по-новому, сохранила весь старый штат; председателем святогоровского волостного комитета в начале марта был избран помещик Енин. Любопытную картину в этом отношении представляют собой первые органы власти в Гришинском районе вообще [1]).

В других рабочих районах (Енакиево, Угольный рудник и др.), недоверие к совершившимся событиям было буквально мимолетно. Всюду после коротких митингов по поводу событий выносилось одно решение: разоружение полиции. Приводили в исполнение это решение в иных местах воинские части (Бахмут), а по большей части общественные комитеты. За исключением константиновского, енакиевского и лисичанского приставов, полиция, чувствуя свое бессилие, сопротивления не оказывала.

В эти дни особняком стоит Горловка (шахта № 1). Дело в том, что 28 февраля для них, с одной стороны, было днем радости, торжества и в то же время—днем траура, всеобщей подавленности, вызванной гибелью ряда рабочих от грандиозного выпала (взрыв в шахте).

Очевидно, этим и объясняется то обстоятельство, что первая демонстрация была со знаменами и... иконами. Врочем, это не помешало тем же горловцам на одном из митингов сжечь знамя союза „истинно русских", хранившееся в укромном уголке в церкви.

* * *

Кое-где благодаря временным комитетам, а местами вопреки им начинает разворачиваться работа по организации советов

[1]) См. воспоминания гришинских товарищей, публикуемые в настоящем сборнике.

рабочих депутатов. В абсолютном большинстве случаев процесс организации советов идет стихийно, т.-е. без заранее обдуманного плана, без руководства. Исключение представляет Горловско-Щербиновский район, где по единодушному утверждению всех участников, сравнительно крепкая большевистская организация наметила план работы по организации советов. Здесь с первых дней марта (приблизительно 4 марта) разворачивается большая митинговая кампания, связанная с выборами советов, во время которой скрещивают свое оружие партийные группировки.

К 6 марта в Енакиево, Попасной, Славянске советы были уже избраны. На 8 марта советы оформились в Константиновке, Дружковке, а 19 марта был организован донсодовский совет. В первой половине марта были организованы советы вместо общественных комитетов на Щербиновке, Нелеповке, Фурсовом и Ртутном рудниках с прилегающими мелкими шахтами, а во второй половине марта на группе Горловских рудников (№№ 5, 1, 8) и на Байраке. К концу марта во всех более или менее значительных рабочих центрах советы были уже созданы [1]).

Процесс организации органов власти на селе во многих случаях проходил под руководством советов рабочих депутатов ближайших заводов, рудников и железнодорожных узлов (Дебальцево, Попасная). В организации сельских и волостных комитетов принимали также активное участие солдаты, возвратившиеся совсем или отпущенные из армии на полевые работы [2]). Словом, в большинстие сел, волостей и в самом уездном центре в середине апреля закончилась первая стадия организации новых органов власти. Органы революционной власти в воинских частях были созданы довольно рано, сейчас же после революции. Как только были получены вести о создании Временного правительства, солдаты пятого запасного полка, расквартированные в селах Славянского района, приступили к выборам полкового комитета и к замене старого командного состава выборным [3]).

К началу второй половины апреля на Артемовщине был закончен период организации советов рабочих депутатов, волостных и воинских комитетов.

---

[1]) Порядок избрания советов приблизительно и коротко изложен в журнале „Літопис Революції“ № 5—6, 1927 г., стр. 164. *(Прим. ред.).*

[2]) Подробнее см. об этом в упомянутом журнале „Літопис Революції“ № 5—6, 1927 г., стр. 164—165.

[3]) Подробнее см. там же, стр. 165.

Прежде чем перейти к освещению партийного состава советов, их внутреннего устройства и деятельности, необходимо отметить работу и роль I конференции советов рабочих и солдатских депутатов, происходившей 15—17 марта в Бахмуте и отражавшей настроение 187 тысяч рабочих и солдат, объединенных в 48 местных советов, представленных 132 делегатами.

Конференция обсуждала следующие вопросы: 1) текущий момент, 2) отношение к временным общественным комитетам, 3) объединение советов рабочих и солдатских депутатов, 4) крестьянский вопрос, 5) продовольственный вопрос, 6) вопрос о профсоюзах, 7) вопрос о штрафных капиталах и 8) организация в Бахмуте информационного бюро.

Резолюция по текущему моменту, принятая конференцией, принципиально против войны, а фактически за оборону страны, как „самой свободной в мире, которой угрожает создавшееся положение на фронте". Такая постановка объяснялась преобладанием на конференции представителей мелкобуржуазных партий: эсэров, меньшевиков и других.

По другому, не менее важному вопросу—о крестьянстве конференция не заняла никакой определенной, принципиальной позиции и ограничилась формальной ссылкой на вышестоящую инстанцию, передав его на обсуждение имевшего быть всероссийского совещания советов, в то время когда принципиальная линия была абсолютно необходима.

Резолюцией по вопросу об отношении к временным общественным комитетам, последние, как чуждые рабочему классу, не только не распускаются, а, наоборот, приглашаются в исполкомы советов на коалиционных началах, в то время, как, например, в Краматорском и Горловско-Щербиновском районе общественные комитеты постановлением советов уже были ликвидированы.

Решение остальных, менее важных вопросов, несколько благоприятнее. Так, по вопросу об использовании фондов штрафных капиталов предприятий конференция требует передачи их в распоряжение местных советов для удовлетворения „нужд рабочих и их семейств".

Резолюция по продовольственному вопросу (рабочему снабжению) указывает, что кризис снабжения рабочие могут преодолеть лишь своими силами, организуя кооперацию и борясь с преступной политикой органов власти, саботирующих регу-

лярную доставку продуктов питания. И эта резолюция не блещет классовой выдержанностью, поскольку кризис регулярного рабочего снабжения зависел от общего хозяйственною развала страны, а не от отсутствия рабочей кооперации, которая, если бы и существовала, все равно не смогла бы ничего сделать в условиях господства бу́ржуазии.

В резолюции о профсоюзах, как и в резолюции по крестьянскому вопросу, принципиальная линия подменена была формальной ссылкой на областную союзную конференцию, которая, по мнению конференции, должна была разрешить вопрос „о принципах строительства экономических и культурно-просветительных организаций" рабочего класса. В этой резолюции, как и во всех других, и в особенности по вопросу о войне, со всей ясностью выявилась мелкобуржуазная физиономия организаторов и руководителей этой конференции — эсэров и меньшевиков, которые по основным боевым вопросам дня, выдвинутым революцией (о крестьянстве и профсоюзах) боялись сказать решающее слово, до того была ве́лика растерянность и беспомощность соглашателей. Откровенно оборонческая резолюция по вопросу о войне не может итти в счет, поскольку в ней отражена стародавняя политика социал-соглашателей.

Конференция, кроме того, не решилась даже создать своего исполнительного органа, заменив его выборами ничего не стоющего „информационного бюро", которое, просуществовав до мая 1917 года, распалось от ничегонеделания. Мелкобуржуазный Бахмут сам по себе и соглашательские партии, руководившие этим бюро, не могли стать действенным политическим центром для шести крупнейших рабочих районов уезда, тем более, что надежды последних, возлагавшиеся на конференцию, не оправдались ею.

В большинстве случаев состав советов был многочисленным. Бахмутский городской совет состоял из 200 человек, дружковский — из 132 человек и т. д. Особая многочисленность бахмутского совета объясняется тем, что в него входили представители близлежащих предприятий, поселков и значительного гарнизона. Советы малочисленные по составу были в Попасной и Гришино.

По крупным промышленным центрам (Щербиновка-Горловка, Дружковка-Константиновка, Краматоровка, Енакиево, Лисичанские рудники) членами советов были преимущественно рабочие.

Прямую противоположность этим советам по своему составу представляли бахмутский, славянский, донсодовский (ст. Переездная) и гришинский советы, где были больше всего представлены мелкобуржуазные элементы (ремесленники, чиновники, интеллигенция). В процентном отношении бахмутский совет на 80% состоял из этой городской демократии, представлявшей собою классовую опору соглашательских партий — эсэров и меньшевиков.

Иная картина получается, если советы рассматривать с точки зрения преобладания в них представителей тех или иных партий. С самого начала организации советов большевики получили преобладание только в Горловско-Щербиновском районе, за исключением Горловского рудника № 1, где меньшевики до мая 1917 года держали совет в своих руках. Преобладание большевиков в этом районе объясняется тем, что здесь ко дню организации советов существовала немалая большевистская организация, во главе которой были товарищи, по политическому уровню развития стоявшие достаточно высоко для того времени. В подтверждение этой мысли приведем один факт. Еще до приезда В. И. Ленина и опубликования его знаменитых апрельских тезисов, горловско-щербиновская организация ведет работу по разоблачению политики Временного правительства, империалистической сущности войны и т. д.[1]).

Первые 4—5 месяцев енакиевский, константиновский, славянский советы проводили свою работу под идейным руководством мелкобуржуазных партий (в Енакиево — эсэры, в Константиновке — меньшевики). В таком же положении оказался совет Веровского рудника („Красный Профинтерн"), где техник Ефремов (председатель) и учитель Широнин (секретарь) проводили линию, чуждую рабочему классу, и совет рудника им. Рухимовича (Лисичанск), во главе которого стоял меньшевик С. Лагунов.

Совет Сольрайона, куда входили Брянцевский (Карл Либкнехт), Пшеничный, „Новая-Величка", Терещенковский (Свердловский) и другие рудники, был целиком в руках меньшевиков, вначале под председательством инженера Друшеля, а затем Коваленко, вплоть до сентября месяца. До самого Октябрьского переворота мелкобуржуазные партии сохраняли свое руководство в ряде немаловажных центров (Бахмут, Попасная, Гри-

[1]) Подробнее см. воспоминания горловско-щербиновских товарищей в настоящем сборнике.

шино). Такой совет, как Александровский (село), даже после Октября был создан не большевиками, а левыми эсэрами.

Особняком стоят два совета: донсодовский и дружковский. Дело в том, что донсодовский совет определенный промежуток времени находился в руках „милюковцев"; идейным руководителем его был кадет Товткевич (инженер), чего не было ни в одном рабочем центре. Объясняется это отчасти отсутствием организационно оформленных партий меньшевиков и эсэров (не говоря уже о большевиках, которые появились здесь значительно позже), а главное той „хитромудрой" политикой администрации этого завода, о которой интересные подробности рассказывают лисичанские товарищи в настоящем сборнике.

В отношении дружковского совета мнения участников событий очень резко расходятся. В материалах-воспоминаниях о десятилетии дружковской организации, собранных в 1927 году, участники в один голос утверждают, что дружковский совет со дня основания (8 марта 1917 г.) стал на большевистскую позицию и что большевики создали его. Однако ряд воспоминаний других активных участников борьбы того времени, а также и документы приводят к убеждению, что дружковский совет очень большой промежуток времени со дня своего основания находился под влиянием меньшевиков. Констатируя наличие двух мнений, в последующем изложении рядом документов будет показано, какое мнение нужно считать соответствующим действительности.

Таким образом, за исключением Горловско-Щербиновского района, советы были созданы и руководимы значительный промежуток времени представителями мелкобуржуазных партий или даже кадетами (Донсода).

Так было с рабочими советами. Что касается крестьянских советов и комитетов, то здесь почти всюду было эсэровское засилье. Воинские комитеты, по крайней мере, в Бахмуте, создавались вне всякого влияния большевистской организации.

В силу каких же причин мелкобуржуазные партии на первых порах оказались вершителями судеб рабочих советов, а также крестьянских и солдатских комитетов? Большевистские организации и качественно и количественно к этому времени были слабы, в силу чего, естественно, не могли развернуть должной работы по революционному воспитанию масс. В этом смысле исключение представляет лишь Горловско-Щербиновский район

и отчасти Енакиево. В других местах, существовавшие до революции подпольные большевистские группы (в Краматоровке 5 человек) были между собой организационно не связаны и оторваны от центра. Связь с бюро ЦК большевиков в Петрограде держала только горловско-щербиновская организация[1]), куда в начале революции прибыл из бюро ЦК для работы товарищ Ш. А. Грузман.

В остальных местах округа организации большевиков появились спустя несколько месяцев после Февральской революции. В Сольрайоне большевики организуются лишь в июне, на Донсоде, в Гришино, Константиновке и Славянске в июле, а в Попасной только в августе 1917 года. Будучи политически малограмотными, неискушенные в политической борьбе, лишенные зачастую опытных вожаков, эти организации на первых порах не могли справиться с трудной задачей борьбы с мелкобуржуазными партиями.

Организации же мелкобуржуазных партий численно значительно превосходили большевистские. Так, эсэры на Донсоде имели организацию в 800—900 человек, в Енакиево — в 1.500 человек. В Дружковке меньшевики имели организацию значительно многочисленнее большевистской. Где эсэрам и меньшевикам не везло на счет идейного влияния и количества членов, так это в Горловско-Щербиновском районе. Здесь только на одном Нелеповском руднике до июльских дней было 600, а после июльских дней 500 членов партии большевиков, как передает один из участников, тов. Ф. Максименко. Впрочем, эту неудачу меньшевики и эсэры с успехом компенсировали в других, уже перечисленных местах, где большевики пока-что насчитывали только десятки членов.

В отношении культурных средств, ораторских сил и литературы мелкобуржуазные партии, безусловно, во много раз стояли выше большевиков, если брать округ в целом, а не отдельные районы. В те времена, когда масса стояла на слишком низком уровне политического развития, когда меньшевики и эсэры не успели еще показать своей контр-революционной сущности, в совет мог быть избран всякий, кто с большим или меньшим азартом выступал против монархии. В этом заключалась причина

[1]) Фактически горловско-щербиновская организация большевиков непосредственной связи с бюро ЦК не имела, а входила в состав макеевского районного подпольного комитета большевиков, который и был связан с Питером. (*Прим. ред.*).

того, что массы в первое время шли за меньшевиками и эсэрами. Этим же нужно, между прочим, объяснить и преобладание эсэров в бахмутском уездном исполкоме вплоть до июля месяца (из 9 мест — 7 у эсэров и 2 у большевиков).

* * *

Перед советами с самого начала почти всюду встала задача охраны общественного порядка. Созданная милиция на местах подчинялась советам и в то же время уездному комиссариату милиции, во главе которого стояли люди, чуждые интересам рабочих. Но охрана общественного порядка была лишь небольшой частью того, чем вообще занимались советы. Начиная от крупнейших политических кампаний, участия в спорах и конфликтах с предприятиями, поддержки бастующих мелких предприятий (Бахмут), помощи беднякам, солдатам, политзаключенным, военнопленным и кончая разбором и утверждением устава общества охотников, выдачей разных документов, вплоть до бракоразводных бумаг, — всем этим занимались советы. Под давлением рабочих масс советы с самого начала являлись единственными органами административной власти на местах.

Работу в массах советы проводили через своих членов, для коих существовала определенная дисциплина, а некоторые советы и при помощи издания газет районного значения („Горловско-Щербиновские Известия", „Гришинские Известия") и целой системы комиссий, которые были созданы повсюду, за небольшими исключениями (Попасная). Рекорд в смысле количества комиссий побила Дружковка: там было 8 комиссий со строго распределенными функциями (милиционная, продовольственная, культурная, железнодорожная и т. д. В дружковских комиссиях участвовали и лица, не имевшие никакого отношения к совету, как, например, священник Гонтаревский, работавший в культкомиссии и руководивший даже постройкой новой школы...). Открытые заседания, широко применявшиеся некоторыми советами, были также одним из способов сохранить связь с массами, так как работа протекала под их контролем, на их глазах.

Расходы по содержанию небольшого аппарата советов и разные текущие расходы покрывались из сумм, собранных от отчислений однодневных заработков, процентов от зарплаты и от кружечных сборов. Часть средств выделялась на содержание уездного информбюро (пока оно существовало), областного

совета и петроградского совета. При помощи добровольных пожертвований уездный исполком собрал среди селян 18.000 р. Таким образом, рабочие советы и крестьянские комитеты существовали на трудовые гроши своих выборщиков.

Никакой единой организационной структуры советов не было, но тем не менее, в большинстве случаев советы выбирались на 3 месяца. Отклонения были не только в сторону увеличения (Попасная), но и в сторону уменьшения срока. В Горловке (шахта № 1) большевики добились, при поддержке масс, досрочных перевыборов, с целью очистки советов от меньшевистского засилья. Связь с вышестоящими советами была далеко недостаточной даже у такого совета, как Горловско-Щербиновский.

Некоторые советы свое классовое существо понимали своеобразно. Дружковский совет 9 июня, т.-е. после трехмесячной работы, в одном из своих постановлений определяет свою социальную сущность, как органа, представляющего „интересы большинства и меньшинства населения", искажая тем самым классовую, пролетарскую природу совета. Отсюда совершенно ясным становится, что в то время совет был определенно меньшевистским. Так было в крупном рабочем центре. Что же после этого говорить о бахмутском, донсодовском или гришинском советах, во главе которых стояли люди, ничего общего с рабочим классом не имевшие!

Большевистских фракций при советах сначала не было. Первая фракция была создана в горловско-щербиновском райсовете в начале апреля. Дружковский совет приступает к созданию фракции лишь 6 сентября, а другие советы и того позже. Кроме большевистских фракций, в советах, разумеется, были фракции меньшевиков, эсэров и других партий, с которыми у большевиков борьба с каждым днем разгоралась все сильнее и ожесточеннее. Исключение представляют Константиновка, Дружковка, Гришино и Славянск. В Константиновке меньшевики, интернационалисты и большевики объединились на платформе интернационалистов. О политическо-принципиальной линии этого блока можно судить по следующему характерному эпизоду: когда в Россию приехал Ленин, то объединенный комитет решил не посылать приветственной телеграммы только потому, что к приезду Плеханова телеграмма также не посылалась.

М. Радин в „Социал-Демократе" № 152 от 19 сентября 1917 г. сообщает о состоявшемся в Дружковке объединении всех с.-д. групп (меньшевики-оборонцы и интернационалисты,

Бунд и латышские эсдеки), охватывающих в общем 1.200 членов партии. Блок избрал единый партийный центр и имел в виду организованно выступить на выборах в волостное земство и местное самоуправление. Как и в Константиновке, здесь длительного объединения не было. В Гришино и Славянске большевики, представляя собой отдельные единицы, просто входили в организации меньшевиков и, проводя внутрипартийную борьбу, впоследствии отказывались от них, увлекая за собой отвоеванную часть меньшевистских организаций. Лишь в Горловско-Щербиновском районе в это время не было никаких блоков и объединений. Наоборот, по всем вопросам участия рабочих в революции, по вопросам о сверхурочных работах на заводах военного ведомства (Артиллерийский завод) между большевиками и меньшевиками разгоралась самая жестокая борьба. Рабочие Артиллерийского завода, не успевшие отделаться от патриотического угара, шли еще за мелкобуржуазными партиями под лозунгом „спасения родины и революции".

С приездом Ленина в Россию и опубликованием его известных апрельских тезисов борьба стала еще ожесточеннее. В связи с этим кое-где начались гонения на большевиков, давшие себя особенно почувствовать в Гришинском районе, где, как передает один из участников (Медне), толпа на крик: „Це більшовик" сбегалась и устраивала чуть ли не суд Линча. Местные власти села Покровского послали специальную просьбу Временному правительству об аресте большевика Нагорного, работавшего в уездном исполкоме (Бахмут).

Межпартийная борьба постепенно стала переходить из советов в широкие рабочие массы. Ко дню пролетарского праздника Первого мая, готовились советы, крестьянские комитеты, политические партии и население, заранее об этом оповещенное как в промышленных центрах, так и близлежащих селах. Митинги были небывало многолюдны и красочны. Политические, общественные и национальные организации пришли со своими знаменами, и тут во всю ширь развернулась агитационная работа партий, в том числе и большевиков. Все партии должны были дать массам ответ на волнующие их вопросы. С трибун раздавались речи о войне, земле, рабочем вопросе, характере новой власти, значении первомайского праздника и т. д.

Решительную победу над мелкобуржуазными партиями в этот день большевики одержали лишь в Горловско-Щербиновском

районе. Это здесь освистывали, высмеивали меньшевистских и эсэровских краснобаев. Первомайский праздник в истории революции на Артемовщине можно принять за момент, от которого начинается перелом в настроениях масс и постепенный переход их на сторону большевиков.

Вскоре советы рабочих и солдатских депутатов, крестьянские комитеты, политические партии и трудящиеся массы были поставлены перед крупнейшими событиями (июньские, июльские, корниловские), на которые они должны были таким или иным образом реагировать; наступало время „политики больших дел".

К этому времени партийные группировки уже определились. В каждом значительном рабочем центре их было несколько. Так, на Донсоде были, как сообщает т. Звонарев, следующие политические партии: кадеты, меньшевики, эсэры, украинские эсдеки и одиночки большевики. Точно такую же картину можно было наблюдать в Енакиево, Константиновке, где были немалочисленные еврейские организации (Бунд, сионисты), польские и латышские эсдеки. Не отставали в этом отношении от рабочих центров ни Артемовск, ни Славянск. Прием в организации всюду был свободный. Были случаи, когда в партию записывались сразу целыми семьями (напр., в Сольрайоне). Больше того, как передает группа участников событий того времени, рабочие Нелеповки и Щербиновки постановили всем полностью вступить в партию большевиков.

* * *

Тяжелое экономическое положение рабочих округа ухудшалось не только в силу кризиса промышленности. „Цены на продукты первой необходимости неуклонно шли вверх. Цена на мясо в августе достигла 80 к. за фунт, на хлеб — 9 руб. за пуд. На большинство продуктов была введена система пайка, который с каждым месяцем уменьшался. Между тем, реальная зарплата стояла или на одном уровне, или падала, хотя номинальная зарплата поднималась, что создавало впечатление благополучия. Насколько остро стоял вопрос с зарплатой, видно хотя бы из обращения краматорских рабочих к Петроградскому совету" [1]).

[1]) Цитировано по журналу „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г. стр. 173. Обращение же, принятое краматорскими рабочими, см. в воспоминаниях тов. Чекирисова, помещенных в настоящем сборнике. (*Прим. ред.*).

Местные продовольственные органы, как и само Временное правительство, не могли безболезненно разрешить вопрос о снабжении рабочих продуктами первой необходимости по твердым ценам. В некоторых местах советы брались непосредственно за разрешение этого вопроса. Так, например, в Бахмуте, Константиновке, Дружковке и Славянске советами принят был ряд мер для борьбы с дороговизной. В Дружковке совет прибегал даже к реквизициям отдельных товаров за компенсацию, но все эти меры не спасали рабочих от надвигавшегося бедствия [1]).

Однако попытки эти, увеличивая авторитет советов, толкали их на более решительные действия.

Наиболее интересны в этом отношении мероприятия совета Горловско-Щербиновского района, где саботаж администрации заставил совет провести ряд жестких мер [2]). Эти жесткие меры вызвали общий переполох; так, „Народная Жизнь" 1 июля пишет о беспорядках в Горловке, самочинных действиях рабочих и возможности насилия над французскими гражданами.

Настроение крестьянства, успевшего на Первомайских торжествах познакомиться с лозунгами большевиков, стало постепенно выливаться в форму протеста против политики Временного правительства. Очень любопытные подробности рассказывает И. Нагорный в своих воспоминаниях о работе бахмутского уездного земельного комитета [3]), действия которого воспитывали крестьянство в большевистском направлении. Наконец, Временное правительство своей политикой войны, оттяжкой решения земельного вопроса и созыва Учредительного собрания само отталкивало от себя крестьянство и способствовало совершению перелома в крестьянских настроениях.

В конце мая к уездному комиссару поступает ряд заявлений о самовольных захватах, разделах сенокосов, самовольной запашке земли. Наибольшего размаха это чисто стихийное движение достигло в Криворожской волости (входящей ныне в состав Гришинского района) и в селах, находящихся вблизи Горловско-Щербиновского района. Для иллюстрации приведем ряд телеграмм, заимствованных из книги Котельникова и Меллера „Крестьянские движения в 1917 году".

---

[1]) Подробнее см. об этом „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 174. *(Прим. ред.)*.

[2]) См. об этом коллективные воспоминания горловско-щербиновских товарищей. *(Прим. ред.)*.

[3]) См. в настоящем сборнике.

„В Бахмутском уезде продовольственным комитетом крестьян Еленовской волости насильственно захвачено 440 десятин из заарендованных сенокосов у землевладельца Волковского правлением Русско-бельгийских заводов в Енакиево; кроме того, крестьяне намереваются снять еще 140 десятин этих сенокосов в аренду, обещая платить по 5 р. с десятины. Правление заводов, исключительно работавших на оборону, поставлено в критическое положение, так как лишилось возможности обеспечить кормовым довольствием лошадей и другой скот предприятия".

„Крестьяне села Веровки самовольно разделили между собой и косят траву, принадлежащую обществу государево-байракских рудников, что лишает общество сена, необходимого для прокорма рудничных лошадей".

„В имении Бантышево волостной комитет снял с уборки хлеба военнопленных и отказался возвратить их, несмотря на предписание уездного комиссара".

Некоторые советы поддерживали живую связь с фронтом, о чем свидетельствует письмо солдат 6 роты Новоселенгийского 727-го полка к константиновским рабочим[1]). Между рабочими и солдатами и их выборными органами идет перекличка о скорейшем прекращении „этой кровавой бойни". Авторы письма не совсем литературно, но зато искренно говорили классовую правду о войне. Точно так же впоследствии (после корниловского мятежа) были настроены солдаты 25 полка, расквартированного в Бахмуте, среди которых группа большевиков проводила свою работу.

Угольный (Фурсов) рудник поддерживал связь с армией, послав своего представителя Новицкого на фронт с подарками солдатам и соответствующей информацией о положении тыла, настроении рабочих и т. д.

Связь дружковского совета со 2-ой армией, приславшей своего делегата, подпрапорщика Лютых, была очень своеобразна. 30 мая общее собрание совета первым вопросом слушает сообщение делегата армии. Лютых, характеризуя состояние армии, говорит о вреде братания, о мерах борьбы с усилившимся дезертирством, о популярности Керенского среди солдат и о не-

[1]) Письмо это полностью опубликовано в журнале „Літопис Революції" № 5-6, 1927 г., стр. 175.

обходимости высылки всех чинов жандармерии, полиции в одно место—к персидской границе. Совет постановляет: „Доклад принять к сведению". Ни одного слова по существу обсуждаемого вопроса. Повидимому, решение это было молчаливым признанием правоты доводов подпрапорщика.

* * *

Было бы ошибкой думать, что падение влияния мелкобуржуазных партий на массы, советы и другие организации явилось фактом, совершившимся в течение одного дня, недели или даже месяца. Факты говорят о довольно длительном и болезненном процессе освобождения рабочих масс из идейного плена меньшевиков и эсэров. Исключением в этом смысле являлся Горловско-Щербиновский район (без Артиллерийского завода, где меньшевики прочно окопались).

Небезизвестная апрельская нота Милюкова достойный пролетарский отпор встретила лишь в этом районе, благодаря энергично развиваемой большевистской агитации против войны. В остальных местах патриотические настроения были так сильны, что выступать большевикам было далеко небезопасно (Гришино, Лисичанск).

„Заем свободы", выпущенный Временным правительством в целях продолжения войны, был поддержан подавляющим большинством советов. Дружковский совет в заседании 21 апреля вынес постановление об оказании активной поддержки займу, чем еще раз доказал свою меньшевистскую сущность. Подобные резолюции были вынесены и другими советами, в частности бахмутским и лисичанским[1]).

На ряду с размещением займа в ряде пунктов округа (Попасная, Лисичанск) правительственные эмиссары из эсэров проводили сбор в пользу солдат фронта и пленных „натурой": серьги, браслеты, кольца и прочие предметы из серебра, золота принимались от расчувствовавшихся дам и введенных в заблуждение рабочих и работниц. Агитация в таких случаях была прямо-таки сногсшибательной. Образчиком может служить речь Горденко — члена исполкома железнодорожников станции Гришино на общем собрании. „Известия Гришинского Совета" (№ 2 от 23 июня 1917 г.) так передают эту патриотическую речь:

[1]) Подробнее см. об этом „Літопис Революції" № 5 — 6, 1927 г., стр. 176 и в настоящем сборнике „Революция в Дружковке".

„Он говорил о том, как смертельно невыносимо нашим товарищам в плену, как они мрут голодной смертью. О, ужас, граждане... 500.000 умерло от голода и холода наших товарищей. Оставшиеся пока живыми с мольбой простирают к нам руки и вопиют о помощи. Товарищи граждане, наш святой долг помочь нашим страдальцам, не допустить наших товарищей пленных питаться отбросами помойных и мусорных ям Германии. Собирайте сухари, одежду, сахар, чай и деньги.

Товарищи, граждане, гражданки, во имя бога, во имя юной русской свободы, во имя братской любви—помогите"[1]

Надо ли доказывать, что это было самой беззастенчивой спекуляцией на незнакомстве рабочих с событиями и на их патриотических настроениях!

К моменту выборов на первый всероссийский съезд советов влияние большевиков несколько возросло: от горловско-щербиновского районного совета выбраны были большевики Грузман и Семенцов (меньшевики полностью провалились), от Константиновского района прошли делегаты с большевистским настроением, несмотря на то, что меньшевики активно пытались сорвать большевистские кандидатуры; представители мелкобуржуазных партий были выбраны от Бахмута и ему подобных центров.

Ко дню всероссийской демонстрации 18 июня в ряде мест принимаются большевистские резолюции. В то время как петроградским советом первая большевистская резолюция была принята только 31 августа, некоторые советы Артемовщины большевистские резолюции принимали ко времени I всероссийского съезда советов, а в Горловско-Щербиновском районе — со дня основания советов.

В мае месяце рабочие Щербиновки, Нелеповки и Северо-Никитовского рудников принимают резолюцию, заключающую в себе все основные требования большевиков, которая целиком помещена в № 15 „Звезды" от 30 мая. Резолюция эта заканчивается следующими словами:

„Мы, как свободные пролетарии, первые поднимаем знамя за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения наций. Мы требуем опубликования тайных договоров, передачи власти советам, национализации бан-

[1]) Из материалов Окрисгпарта.

ков, конфискации монастырских земель и награбленных бывшим царем Николаем II капиталов и создания III Интернационала. Да здравствует всемирная революция".

Повторение точно таких же требований, но в еще более решительных выражениях, имеется в резолюции, принятой рабочими тех же мест в количестве 5.000 человек на митинге 15 июня. Особенно выразительна та часть резолюции, где требуется роспуск Государственной Думы и Государственного Совета, как притягательных центров всей контр-революции. Краматоровцы 18 июня выносят резолюцию, требующую передачи власти советам рабочих и крестьянских депутатов [1]).

Вслед за горловско-щербиновскими и краматорскими рабочими идут некоторые рабочие Славянска, главным образом, заводов Эссена и Регина. В резолюции, принятой 4 июля под давлением делегатов с указанных заводов, славянский совет требует передачи всей земли в собственность народу, мира без аннексий и контрибуций, скорейшего созыва Учредительного собрания, бойкота буржуазных газет и распространения социалистических газет, заключения Николая II в Шлиссельбургскую крепость и решительно протестует против травли Ленина, ведущейся буржуазной прессой. Однако по отношению к Временному правительству резолюция рекомендует принять пока выжидательную позицию.

Смесь большевистских лозунгов с надеждами на более энергичные действия „социалистических" партий и нерешительность в отношении Временного правительства составляют характерную черту славянского совета, который в тот период стоял, повидимому, на распутьи. Зато в резолюции от 21 июня, принятой рабочими тех же заводов, лозунги ликвидации Государственной Думы и Государственного Совета, признание советов рабочих депутатов органами государственной власти выдвинуты на первое место как очередные задачи дня и знаменуют собою более решительный поворот к большевикам. В менее крупных промышленных районах, как Гришинский, Попаснянский, Бахмутский, с одной стороны, и в таких значительных рабочих центрах, как Лисичанск и Сольрайон — с другой, советы продолжают выражать доверие Временному правительству, поддерживают войну, травят большевиков, оттягивают решение всех вопросов до созыва учредиловки.

[1]) См. воспоминания тов. Чекирисова.

Борьбу против войны и поддержки Временного правительства в указанных советах вели немногочисленные еще большевистские группы. В Сольрайоне большевики на одном из рабочих митингов, разъясняя программу партий и агитируя против войны, привлекли в организацию 300 человек. Бахмутские большевики не без успеха вели работу среди солдат 25-го запасного полка, рабочих стекольного завода Фарке и т. д. В том же направлении работали большевики в Гришинском районе. Кампания против большевистских лозунгов в названных советах имела только частичный успех. Среди советов промышленных районов, поддерживающих лозунги мелкобуржуазных партий, был енакиевский совет, находившийся под руководством доктора Тавшевадзе (эсэр) и доктора Сперанского (меньшевик).

Последнее событие перед июльскими днями, это — приказ Керенского о наступлении на Западном фронте. Эта авантюра в рабочих центрах не встретила сопротивления, а, наоборот, все ожидали счастливого исхода дела. Остались верными делу пролетарской революции лишь рабочие Горловско-Щербиновского района, открытая решительная борьба которых, проводимая под руководством большевистской организации, все больше и больше раздражала Бахмутскую уездную „демократию". Начались попытки мобилизации в армию видных работников совета, попытки арестов и т. д., окончившиеся, однако, неудачно, вследствие того, что вся милиция этого района была в руках большевиков.

В июльские дни в некоторых районах, принимавших до того большевистские резолюции, наметился чрезвычайно резкий поворот в сторону поддержки Временного правительства и мелкобуржуазных партий, меньшевиков и эсэров, поведших яростную кампанию против большевиков.

Так, на митингах краматорских рабочих (1 июля) вынесена резолюция доверия Временному правительству, а на славянских заводах Эссена, Регина и Лянге рабочие 12 июля принимают типично эсэро-меньшевистскую резолюцию, сокровенный смысл которой направлен прямо против большевиков, не говоря уже о „поддержке правительства спасения революции, образованного соответственно указаниям всероссийского съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов" [1]).

[1]) Подробнее см. в журнале „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 179—180.

„Гришинские железнодорожники, жители поселка, руководимые советом, на митинге после июльских событий постановляют приветствовать Временное правительство „за меры подавления в решительную минуту контр-революционных сил, посягающих на русскую свободу". Большевистская пресса и организация в Енакиево на некоторое время были загнаны в подполье. Лисичанский совет по предложению прапорщика Шубникова обсуждал вопрос о расстреле большевика Френкеля „за разложение и смуту на заводе. Агитация против большевиков, как „немецких шпионов", к этому времени достигла огромных размеров. Бахмутский совет в общей травле большевиков занимал далеко не последнее место" [1]).

„Провокация со стороны представителей старого режима в такой обстановке была неизбежна. Иллюстрировать можно случаем, имевшим место в селе Камышеваха. По распоряжению священника Левандовского с колокольни церкви ударили в набат Население быстро собралось к церкви, где „служитель церкви" сообщил о якобы готовившемся погроме села рабочими рудника Золотого, к тому времени большевистски настроенного. Население, чувствуя свою слабость перед лицом „врага", послало своих гонцов к железнодорожникам узла Попасная с просьбой о выручке. Представителями совета были приняты меры к ликвидации ложных вымыслов, имеющих своей целью натравить рабочих и крестьян друг на друга" [2]).

Только в Горловско-Щербиновском районе соглашательским партиям не удалось сломить большевистского влияния в июльские дни. Практический вывод из июльских событий горловско-щербиновская организация большевиков и совет сделали один: усилить вооружение рабочих района.

Дружковский совет в принятой резолюции призывает массы не верить клевете печати, поднятой вокруг июльских дней в Петрограде, а 5 июля, по информации Радченко об этих событиях, совет выделяет специальную комиссию „для всестороннего наблюдения и изучения всех поступающих сведений о ходе революции в Петрограде"; немного странным кажется только то обстоятельство, что „гвоздь" событий разбирался в текущих делах (см. протокол № 25).

---

[1]) Цитируем по журналу „Літопис Революції" № 5 — 6, стр. 179.
[2]) Там же, стр. 180.

Гастролеры — „ораторы", меньшевики и эсеры — помогали местным лидерам громить большевиков. Харьковские меньшевики (Марков и Рожицын) разъезжали по округу и читали лекции на темы: „Аграрный вопрос и социал-демократы", „Ленин и большевики" и т. д. Бахмутский корреспондент, излагая смысл этих лекций, замечает, что „ораторы в очень ярких красках" излагали свои темы. Эсэр Алексеев больше практиковался на „текущем моменте". По части оплевывания большевиков немало потрудился в Краматоровке приезжий „оратор" из Ленинграда, от плехановской группы „Единство" — Игнатьев с мандатом от... комитета Государственной Думы. На заседании совета он повторил пошлые басни о „пломбированном вагоне", „немецком шпионе Ленине" и особенно настаивал на необходимости „нажать на немцев", чем вызвал неописуемое возмущение присутствующих, как передает корреспондент Монгин в одном из июльских номеров „Пролетария".

Июльское поражение вызвало среди части рабочих сомнение в победном исходе организованной борьбы: в некоторых местах начался переход от большевиков к анархистам (Горловско-Щербиновский район). Травля большевиков местными организациями эсеров и меньшевиков, погромные лекции приезжих ораторов, преследование властями большевиков вплоть до их ареста (Харитонов, Хаустов — оба из Горл.-Щерб. района), — вот неполный перечень неблагоприятных условий, в которых большевикам округа пришлось вести борьбу после июльских дней.

* * *

В последних числах августа происходил уездный съезд крестьянских советов, который обсуждал следующие вопросы: 1) текущий момент, 2) отношение к „крестьянскому союзу", 3) вопрос о хозяйственной разрухе и 4) циркуляр уездного комиссара о порядке утверждения приговоров сельских общих собраний. Резолюции, принятые съездом по этим вопросам, носят ярко выраженный революционный характер, приближающий крестьянство к большевистским лозунгам. Да и на самом съезде „влияние большевиков, в сравнении с другими партиями (в том числе и эсэрами), было решающим" [1].

[1] Цитируем по журналу „Літопис Революції" № 5 — 6, 1927 г., стр. 181. Там же см. более подробное освещение решений съезда. (*Прим. ред.*).

„Крестьянский союз", упоминаемый в порядке дня съезда, был основан 3—4 мая. Не лишним будет остановиться здесь на социальной природе этого союза. На первом организационном собрании союза присутствовало 69 представителей от 25 волостей. Литвин Г. З., Власович А. В., Бирюков В. И., Трусов И. О., Нестеренко Н. Г. (все бахмутские эсэры), были не только президиумом организационного заседания, но и наиболее активными участниками в выработке платформы союза, являясь, таким образом, идейными вдохновителями его. Сущность платформы, принятой на этом заседании, достаточно ясна; в пунктах 1, 2 и 3 программы говорится о необходимости:

> „Добиваться созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, которое должно *учредить народную республику на федеративных началах, с президентом во главе,* избираемым законодательным собранием на 3 года" [1]).

В отношении совета крестьянских депутатов было вынесено такое решение:

> „Организационный комитет Всероссийского крестьянского союза по Бахмутскому уезду находит, что *на ряду с партийной организацией крестьян не может существовать другая какая-нибудь крестьянская организация и потому предлагает бахмутскому совету крестьянских депутатов ликвидировать свои дела и передать имеющиеся в его распоряжении суммы крестьянскому союзу*" [2]).

По земельному вопросу платформа предусматривает передачу всех земель (государственных, кабинетных, удельных, монастырских, церковных и помещичьих) без выкупа в пользу трудового народа, без прав покупки и продажи, при чем все это нужно добыть не иначе, как через Учредительное собрание. Платформа ратует за политические свободы, уничтожение постоянной армии, косвенных налогов и т. д. В заключение собрание союза телеграфно обратилось к петроградскому совету о принятии срочных мер к „немедленному нормированию цен на промышленную продукцию (земледельческие орудия, мануфактуру, железо и т. д.)".

Цитаты, которые приведены здесь из сокращенного протокола собрания „крестьянского союза", несмотря на отдельные

[1]) Курсив наш. (*Ред.*).
[2]) Курсив наш. (*Ред.*).

очень „левые“ революционные лозунги, делают настолько ясной мелкобуржуазную — эсэровскую сущность этого союза, что она не нуждается в доказательствах. Чего стоит, например, такая „скромная“ претензия, как ликвидация совета крестьянских депутатов!

В этот же период происходили выборы местных органов самоуправления: волостных и уездных земств и городских дум. Советы всего округа, разумеется, принимали деятельное участие в проведении этих выборов. Вот некоторые данные об этом участии:

„Рабочие Западно-Донецкого рудника с женами и даже детьми, руководимые советом, в день выборов пошли в село Гришино, находящееся на расстоянии 12 верст, и, таким образом, завоевали пять мест в волостном земстве“ [1]). Победа, понятно, небольшая, но для Гришинского района достаточно характерная, ибо она указывала на конец безраздельного господства эсэров.

„По Константиновскому подрайону, куда входила Краматоровка — Дружковка — Железная, при выборах в волостное земство, советам и партийным организациям, за исключением эсэров достичь солидных результатов не удалось. Эсэры во всех случаях получили большинство, правда иногда не совсем честными избирательными путями. Подрайонный съезд советов (27 сентября) по докладу Степанченко о выборах в волостное и уездное земство поставил на вид и вынес порицание Константиновскому и Дружковскому советам за слабое участие в выборной кампании в земства. Только по Горловско-Щербиновскому району в волостные и уездные земства большинством прошли большевики“ [2]), да и те, признавая работу земств малополезной и будучи лишенными нужных сил для этой работы, почти не участвовали в них.

Меньшевики, в целях координации предвыборной борьбы с эсэрами, созвали уездную конференцию РСДРП (объединенную), на которой присутствовало 17 человек, представлявших 4.249 членов партии, принадлежавших к разным фракциям. Дружковские с.-д. были представлены товарищами Радченко и Мойсеенко, которые принимали в конференции активное участие. Большевистская организация Горловско-Щербиновского района совсем не была представлена, не желая, повидимому, принимать

[1]) Цитируем по журналу „Літопис Революції“ № 5 — 6, 1927 г., стр. 182.

[2]) Там же.

в ней участия. Однако, несмотря на усилия советов, большевиков и меньшевиков, волостные земства оказались почти полностью в руках эсэров или шедших за ними группировок[1]).

После сентябрьских перевыборов городских дум большинство в них также принадлежало мелкобуржуазным партиям. Так, в бахмутской городской думе из 40 мест — 14 принадлежало объединенному с.-д. блоку; в славянской думе также преобладали представители „среднего класса"; в никитовской думе 14 мест принадлежало эсэрам и 13 меньшевикам и лишь в енакиевской городской думе большевики занимали второе место, проведя 11 гласных, первое же место (17 гласных) и тут занимали эсэры.

Таким образом, городские думы, будучи по своему социальному составу мелкобуржуазными, в политическом отношении представляли собой самую надежную опору на местах для контрреволюционного Временного правительства. Причины мелкобуржуазного засилия в думах целиком лежат в мещанско-собственническом составе избирателей в таких городах, как Бахмут, Славянск и Никитовка, и в инертности рабочих масс такого большого района, как Енакиевский, где рабочие шли еще за эсэрами и меньшевиками [2]).

Бахмутская уездная земская управа по своему классовому составу и проводимой политике была еще реакционнее и правее, чем городские думы Славянска, Никитовки и самого Бахмута. Большевистская прослойка и влияние здесь были совсем ничтожны. К тому же тактика большевиков — членов управы в отношении уездного земства была бойкотистской. Т. И. Харечко (большевик, прошедший в земство) в своем заявлении в земскую управу пишет: „Я не считаю себе обязанным подчиняться большинству, на половину состоящему из бывших преданных слуг старого режима, которым трудовой народ никогда не доверял защиту своих интересов. Работу свою в таких условиях я считаю бесполезной и объявляю земскому собранию о сложении с себя полномочий члена управы" [3]).

Интересно отметить перемещение центров политической тяжести: в сентябре месяце советы рабочих депутатов, за исклю-

[1]) Подробнее об уездной конференции РСДРП (объединенной) и результатах выборов в волостные земства см. там же, стр. 183.

[2]) Подробнее см. „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 183—184.

[3]) Из материалов Окрисгпарта.

чением бахмутского, гришинского и донсодовского, уже шли за большевиками, в то время как местные органы самоуправления (думы и земства) оказались в руках мелкобуржуазных партий, спешно окапывавшихся на новых позициях. Но и в этих последних (думах и земствах) удельный вес большевиков был меньше того, чем он мог бы быть при более энергичной работе в предвыборных кампаниях.

* * *

Руссотяпская шовинистическая политика Временного правительства и его приспешников на местах крайне обострила усиленное национальное движение на территории округа.

Не останавливаясь здесь на таких национальных организациях, как Бунд, польские, латышские социал-демократы и т. д., встречавших всемерную поддержку советов рабочих депутатов, которые вводили в свой состав представителей этих организаций, укажем на весьма сильное украинское национальное движение.

Последнее особенно быдо обострено попыткой Временного правительства выделить ряд южных губерний из территории Украины. В журнале „Літопис Революції" № 5—6 за 1927 год приведен ряд фактов, показывающих, как реагировали на этот „самодержавный" акт украинские национальные организации бахмутщины. Дело не обошлось без националистически-шовинистических крайностей [1]).

Наибольшее значение из украинских политических партий в округе имела, безусловно, УСДРП. Ее организации были в Енакиево, Горловке (шахта № 5), Донсоде, Бахмуте, Авдеевке и рудниках Ауэрбаха с уездным центром в Никитовке. Число членов организации по тому времени было значительно; так, например, в горловской организации к августу месяцу состояло 48 человек. Линия политического поведения УСДРП довольно ясно была определена на III уездном съезде ее, состоявшемся 29 октября 1917 года, т.-е. на четвертый день после пролетарской революции в Петрограде. Съезд, руководимый Шевченко, Вербицким, Благим и Лимарем, вынес специальные резолюции по вопросу об Учредительном собрании и по текущему моменту. В резолюции по текущему моменту говорится:

„Повітовий з'їзд УСДРП в Бахмуті постановив, *що влада в цілій державі мусить належати органу, утвореному*

[1]) „Літопис Революції", стр. 184—185.

революційною демократією, за її відповідальністю. *Влада на Україні мусить належати Українській Центральній Раді з її Ген. Секретаріятом, компетенція котрих повинна поширитись і на анексовані губернії*, як то Харківську, Катеринославську, Херсонську й Таврійську" [1]).

В резолюции по вопросу об Учредительном собрании точно так же, как и в остальной части резолюции по текущему моменту, выдвинуты следующие требования: прекращение войны и заключение мира без аннексий и контрибуций с оглашением тайных военных договоров; немедленная передача всей земли крестьянству и введение земельных комитетов на местах; рабочий контроль над производством и распределением продуктов; максимальное обложение крупного капитала; конфискация военных прибылей; провозглашение Центральной Радой Украины демократической республикой, состоящей в федеративной связи с Россией, скорейший созыв всероссийского и украинского Учредительного собрания.

Требования о прекращении войны и об установлении рабочего контроля были лишь тактическим маневром с целью использовать популярные в рабочей массе лозунги к своей выгоде, ибо донсодовская (ст. Переездная) организация незадолго до съезда выступала за продолжение войны и т. д. Что же касается организации высшей политической государственной власти, то дальше заезженных лозунгов мелкобуржуазных партий правительство из революционной демократии — в России и Центральная Рада — на Украине, уездная конференция УСДРП, в силу своей шовинистической природы, не пошла.

Различные украинские партии сходились на требовании украинизации школ, организации украинских воинских частей и признании Центральной Рады единственной высшей властью на Украине.

Среди рабочих и большевистских организаций, в особенности в Горловско-Щербиновском районе, агитация за Центральную Раду встречала резкий отпор, на что жалуется „Робітнича Газета" в № 214; здесь была создана секция из большевиков-украинцев, как сообщает в своих воспоминаниях тов. Олейников, которая вела борьбу против „Просвиты" и ей подобных организаций.

[1]) „Робітнича Газета" № 182, 1917 г. (курсив наш. — *Ред.*).

Советы, руководимые большевиками, стремились к установлению диктатуры своего класса и не признавали буржуазную Центральную Раду высшей властью на Украине. Отвлеченные своей непосредственной борьбой против калединской контр-революции, советы слишком мало или почти совсем не занимались разрешением национального вопроса.

* * *

Корниловский мятеж ознаменовался в округе резким сдвигом влево со стороны всех тех советов, которые еще в июльские дни выступали против большевиков. Этому также немало способствовали и предкорниловские события, в роде Московского совещания и тому подобных контр-революционных „репетиций" Временного правительства перед главным актом — корниловщиной.

Все советы без исключения признали контр-революционную сущность корниловского мятежа, но меры борьбы с явно нависшей над революцией опасностью были далеко не одинаковы. 30 августа состоялся съезд советов Горловско-Щербиновского района, который в выборе мер борьбы пошел по пути захвата власти в свои руки.

Постановление [1]) горловско-щербиновского районного совета во многом напоминает кронштадтское „отложение" с некоторыми особенностями. Вся политическая и административная власть, как и в Кронштадте, была революционным порядком взята советом. Был официально узаконен восьмичасовой рабочий день, введенный ранее стихийно, начались регулярные занятия с рабочими и партийцами по изучению военного дела под руководством солдат, пришедших с фронта. Полученное ранее оружие помогло поставить дело по-настоящему.

Это всполошило не только местные власти, но и Временное правительство. Не замедлили приехать эмиссары Временного Правительства и начали уговаривать совет, чтобы он отказался от постановления 30 августа, ликвидировал комитеты рабочего контроля, не мешая администрации руководить производством, и подчинился уездному центру; с своей стороны „демократические" представители обещали выделить Донбасс в особую административную единицу (губернию), усилить снабжение продуктами питания, мануфактурой и т. п.

[1]) См. „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 185—186.

Совет, при полной и безоговорочной поддержке масс, под твердым руководством большевиков, отказался принять эти условия и еще энергичнее продолжал организацию революционных сил. Для вторичного „уговора“ мятежных горлово-щербиновцев была послана Временным правительством 3-я дивизия в 16.000 человек, снятая с румынского фронта. Свою задачу генерал Бискупский (начальник дивизии) на митинге (созванном между Никитовкой и Ртутным рудником в середине октября) определил так: „Цель моего приезда водворить порядок в районе и привести в покорность и подчинение коалиционному правительству“ [1]). Однако бравому генералу сыграть роль Галифе и восстановить „порядок“ не удалось, ибо части, прибывшие в район, быстро разложились под влиянием большевистской агитации, разошлись по домам, а оружие осталось на местах, как трофеи „обработки“ дивизии. Словом, горловско-щербиновская „диктатура“ от кронштадтского „отложения“ отличается благополучным исходом дела. Абсолютно права группа участников этих событий, когда в своих воспоминаниях пишет: „В сущности Октябрьский переворот оформил уже ранее фактически совершонный захват власти и рудников“.

В связи с корниловскими событиями в Петрограде дружковский совет создал „комитет спасения революции“; в резолюции, принятой на заседании совета 8 сентября, были выставлены такие требования: суд над мятежниками, изменившими делу революции, освобождение арестованных 3 и 5 июля, роспуск Государственной Думы и Государственного Совета, как явно контр-революционных гнезд, отмена смертной казни, „являющейся позором в свободной стране“, немедленное прекращение войны, контроль над ставкой верховного главнокомандующего, „немедленная организация однотипного правительства в лице революционной демократии“, передача земли трудовому народу, введение восьмичасового рабочего дня, минимум зарплаты, контроль над промышленностью, производством и распределением и сохранение твердых цен на хлеб, ибо повышение их „ложится тяжелым бременем на плечи рабочих и безземельного крестьянства“ [2]).

Если последние дни перед корниловщиной для горловско-щербиновского совета были днями кипучей работы по захвату

[1]) О 3-ей дивизии сообщается согласно воспоминаниям тов. Олейникова.

[2]) „Літопис Революції“ № 5—6, 1927 г., стр. 186.

власти, то дружковский совет в это же время празднует полугодовой юбилей русской революции, при чем митингам предшествует массовая церковная панихида в честь павших борцов за свободу. Порядок такого празднования вырабатывался исполкомом совета. В этом было огромное отличие Дружковки от Горловки-Щербиновки. Первая резолюция дружковского совета, признающая безоговорочно передачу власти советам, была принята только 18 октября 1917 года [1].

В перечисленных требованиях дружковского совета (к которым в общих чертах присоединилось большинство советов округа), влияние большевистской организации сказалось особенно сильно и отчетливо. Мелкобуржуазные партии под влиянием событий и под напором масс не противились намеченным мероприятиям, ибо это для них было бы смерти подобно. „Даже в таком мелкобуржуазном городе, как Славянск, рабочие на многочисленных митингах повторяли те же лозунги. Офицер Корякин, открыто восхвалявший поступок Корнилова, был арестован рабочими-дружинниками без всяких промедлений. Дума в тревожные дни осталась верной Временному правительству; осуждая действия Корнилова, она в то же время призывала объединиться вокруг Временного правительства“ [2], что прямо противоречило постановлениям, вынесенным советом и рабочими митингами. „Город был объявлен на военном положении, в силу чего все лица, прибывающие в город, обязаны были регистрироваться в комиссариате; устройство митингов допускалось только с разрешения комиссара за исключением случаев, когда митинг собирался советом [3].

Если в Славянске дума и совет в дни корниловщины стояли на противоположных позициях, то такого положения избежали в Бахмуте. „Дума и городской совет, создавши „комитет спасения революции“, вовсе не думали развернуть широкую программу деятельности. Правда, принятая резолюция требовала наказания корниловцев, но это не мешало кадетам открыто выступать в думе и безнаказанно вести агитацию с трибуны за свою платформу. Однако сторонники решительных действий против корниловщины и Временного правительства были и в Бахмуте. Уездный съезд советов крестьянских депутатов 11 сентября, а солдаты 25-го полка днем позже вынесли подлинно большевистские

[1] См. в настоящем сборнике статью „Революция в Дружковке“.

[2] „Літопис Революції“ № 5—6, 1927 г., стр. 186.

[3] Там же.

резолюции“ [1]). В дни корниловщины рабочие массы и их руководители — советы стремительно пошли влево. Даже такие советы, как гришинский и лисичанский, по своему составу стали почти наполовину большевистскими.

Вскоре после корниловских дней в Бахмуте разразилось событие, которое до основания встряхнуло мещанский покой города. Речь идет о больших „пьяных беспорядках“ (10 — 12 сентября 1917 года). По сведениям газет, поместивших интервью с председателем революционного штаба Кином, события протекали следующим образом:

„Исполнительный комитет бахмутского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с общественным комитетом добился разрешения уничтожить водку в количестве 100.000 ведер и спирт в количестве 600.000, находившиеся на винном складе. Водку, спущенную в реку Бахмутку, скоро обнаружили жители. „Вылавливание“ водки с поверхности воды привлекало много населения.

„Среди эскадрона солдат-драгун кавалерийского полка, назначенного на 10 сентября к отправке из города, начался ропот по поводу того, что „народное добро зря губят“. Решив это „добро“ использовать по-настоящему, часть драгун и пехотинцев силой сняла охрану, которая дала лишь несколько выстрелов вверх, и пробралась внутрь склада.

„Вначале допускались только солдаты, что заставило многих брать напрокат военные костюмы. Несмотря на большой спрос, цена на водку стремительно падала, скатившись до стоимости коробки папирос. Вести о столь дешевом товаре чрезвычайно быстро докатились до ближайших поселков и сел.

„С раннего утра 11 сентября потянулись к Бахмуту крестьянские подводы. Поезда, идущие на Бахмут, были также переполнены. Своего апогея пьяная вакханалия достигла 11 сентября. По городу ходила масса пьяных людей, среди которых были „граждане“ 12 — 15-летнего возраста. В целях приобретения закуски были разбиты продовольственные лавочки. Пьяные солдаты открыли винтовочную стрельбу по железнодорожным сигнальным фонарям, разгромили буфет и бесчинствовали по городу. Евреи уезжали из города, опасаясь погрома.

„Местные городские власти растерялись и были лишены возможности что-нибудь предпринять. На выручку пришли рабочие

[1]) „Літопис Революції“ № 5 — 6, 1927 г., стр. 186.

дружины из Дружковки и Константиновки (около 200 человек). Разбушевавшаяся толпа обвиняла рабочих-дружинников в том, что они „защищали буржуев". Конфликт зашел так далеко, что харьковские военные власти хотели открыть по городу артиллерийский огонь, но план не был осуществлен, вследствие отсутствия надежных частей. Для ликвидации бунта выехал полковник Курилко во главе с чугуевскими юнкерами и одной ротой 25-го полка" [1]).

После подавления беспорядков полковник Курилко издал приказ, согласно которому город был объявлен на военном положении, жителям запрещено без надобности появляться на улице, солдатам 25-го полка предложено сдать оружие воинскому начальнику.

В общем, приказ, подтверждая и дополняя картину происходивших событий, однако, не проливает света на причины „бунта". Надо полагать, что беспорядки сознательно никем не провоцировались, а возникли в результате ошибки, допущенной советом. За исправление этой ошибки и принялась прежде всего большевистская организация. Через два дня после ликвидации беспорядков большевики Харечко, Нагорный и эсэр Литвин устроили митинг солдат 25-го полка, на котором присутствовало 1.500 человек; митинг принял большевистскую резолюцию.

* * *

Расчеты на улучшение материального положения рабочих в связи с новым урожаем далеко не оправдались. Осень принесла не улучшение, а заметное ухудшение жизни. Надежды на способность Временного правительства удовлетворить насущные потребности масс растаяли даже в самых отсталых районах. Игра в „предпарламент" встретила общий взрыв негодования всех рабочих районов округа.

Саботаж владельцев рудников и заводов, разрушавших предприятия и не удовлетворявших требований рабочих, еще больше разжигал классовые противоречия. При таких условиях агитация большевиков за власть советов находит огромную массу сторонников, и все советы, за исключением бахмутского, переходят на сторону большевиков. Авторитет мелкобуржуазных партий окончательно падает. Делегатами на II съезд советов выбираются

[1]) Описание бунта цитировано по журналу „Літопис Революції" № 5 — 6, 1927 г., стр. 187 — 188. *(Прим. ред.).*

большевики не только от Горловско-Щербиновского района, но даже от Лисичанского, не говоря уже о других районах. Протест дружковских эсэров (320 человек) против созыва II съезда советов был „гласом вопиющего в пустыне". Советы рабочих депутатов округа победоносно шли к диктатуре своего класса.

Крестьянство, руководимое уездным исполкомом совета крестьянских депутатов (где с июля месяца большевистские настроения стали господствующими), под влиянием все усиливающейся агитации большевиков, революционных действий рабочих и пришедших с фронта солдат, к осени стало выступать довольно смело и решительно. Крестьяне села Луганка произвели раздел земли вопреки предписаниям уездного комиссара; помещик Бантыш обратился к губернскому комиссару с просьбой о немедленном „принятии мер против захвата крестьянами его земли"; имение „Золотой Колодец" было реквизировано со всем инвентарем по постановлению волостного комитета; еленовский волостной комитет самовольно захватил землю помещика Паденко и роздал ее крестьянам; Ларин, владелец хутора „Трудовое" Криворожской волости, вынужден был отдать все скошенное сено крестьянам; крестьяне деревни Опат разделили между собой хутор Михайловского и т. д.

Отличительной чертой крестьянского движения на Артемовщине в этот период является его организованность. Если весной были отдельные стихийные вспышки, то осенью движе́ние принимает массовый характер, возглавляемое выборными организациями — комитетами.

В дни Октябрьского переворота в округе волны рабочего и крестьянского революционного движения слились — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководимые большевиками, стали у власти.

А. О.

ПРОФСОЮЗЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА РАБОЧИХ АРТЕМОВЩИНЫ [1]).

(В ПЕРИОД ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ).

В первые же недели после Февральской революции одновременно с советами рабочих депутатов по всему Артемовскому округу возникают профсоюзные организации. Первыми из них были заводские и рудничные комитеты [2]), вслед за которыми создаются и профессиональные союзы.

Рабочие прекрасно понимали, что без создания своих классовых организаций им не удастся долго удержать тех немногих завоеваний, которые дала Февральская революция.

В Дружковке сейчас же после Февральской революции был организован заводской комитет. От каждого цеха было избрано по два человека. Один из них входил в институт старост, другой—в заводский комитет. Через некоторое время каждый цех избрал еще по одному человеку—в совет рабочих депутатов.

На Горловском артиллерийском заводе союз был организован в мае, при чем организован он был по профессиям: рабочие имели свою секцию, служащие — свою, инженеры — свою и т. д. В таком виде союз существовал два года, и лишь в 1919 году произошло слияние всех секций в единый производственный союз.

Краматорский союз (по словам тов. Иванова, бывшего тогда секретарем союза) был организован так: „В марте 1917 года мы с работающим в механическом цеху тов. Жаховым загово-

[1]) В основу статьи легли материалы, документы и воспоминания отдельных товарищей, хранящиеся в Артемовском Окристпарте.

[2]) К сожалению, вследствие отсутствия материалов, история возникновения и интересная деятельность заводских и рудничных комитетов не нашли своего полного освещения в настоящей статье. Между тем, последние играли колоссальную роль в грандиозной борьбе рабочих Донбасса с предпринимателями на местах, поскольку областные объединения профсоюзов, находясь в первое время в руках меньшевиков, не отражали действительного настроения рабочих масс. (*Прим. ред.*).

рили об организации союза. Тов. Жахов живо откликнулся на мое предложение, и, не составляя плана действий на будущее, мы уже на другой день ходили по цехам и вели запись рабочих, желающих вступить в союз. И теперь я еще помню, что чем больше мы разъясняли значение союза, тем больше понимали сами, что мы делали. Разъясняя другим, мы сами учились. Когда число записанных достигло 300 человек, мы решили созвать общее собрание, на котором было избрано правление союза [1]). В правление вошли: Жахов — председателем, Иванов — секретарем, Никитченко — казначеем и еще несколько человек. Организовав союз, мы обратились в совет рабочих депутатов с просьбой дать нам инструкции и указания о том, что делать далее. Инструкции совет нам так и не дал, но прислал лектора Гуревича, который читал лекции и проводил общие собрания. За активность мы избрали его почетным председателем".

На Константиновском железопрокатном заводе союз был организован сейчас же после Февральской революции. 3 марта было получено известие о свержении самодержавия, а к 17 марта в союз записалось 900 чел. На общем собрании произведены были выборы правления: председателем избрали И. С. Грушко, а секретарем — В. А. Мурманя.

Там, где союзы существовали ранее, их оформление идет быстрее. Всячески притесняемые царским правительством, они после Февральской революции делаются передовыми среди союзов предприятий одной и той же отрасли промышленности и зачастую становятся их организующими центрами. Об этом и свидетельствует воззвание бахмутского союза печатников:

„Мы, типографские рабочие, учитывая важность момента, в целях укрепления свободы и защиты своих интересов, организовали свой союз. Товарищи, мы имеем свою защиту, мы тесно организованы, и в нашем единении — наша сила. Силою союза у нас с 1 апреля уже проведен восьмичасовой рабочий день. Но, организовавшись сами, мы не могли оставаться при этом, зная, что в районе имеются наши товарищи, которым тоже нужна организация, нужен союз. Товарищи типографские рабочие всего Бахмутского уезда, мы призываем вас объединиться для создания одной крепкой организации, для защиты наших интересов. В воскресенье 16 апреля в помещении народного

[1]) Возникновение союза в Краматорской, по данным газеты „Социал-Демократ" от 7 июня 1917 года, относится к маю—июню 1917 года. *(Прим. ред.)*.

дома мы созываем рабочих печатного дела Бахмутского уезда. Просим всех товарищей произвести выборы по одному представителю от каждой типографии и приехать в день конференции" [1]).

Константиновский союз стекольной промышленности [2]), работавший с перебоями, в виду частых разгромов и притеснений, после революции делается центром, к которому тяготеют остальные предприятия стекольной промышленности Донбасса. 11 мая 1917 г. образуется центральное бюро профсоюзов Константиновского района.

Почти одновременно возникают профессиональные организации и на горных предприятиях Артемовского округа.

„На Щербиновской группе рудников уже в апреле месяце,— пишут в своих воспоминаниях горловско-щербиновские товарищи,—был организован первый горняцкий профессиональный союз„ Рабочий", а в мае членам союза уже были розданы билеты, которые и поныне сохраняются у некоторых товарищей. Огромнейшее большинство рабочих всего района немедленно вступило в союз, и профессиональная работа закипела".

„10 апреля, в помещении земской школы Щербиновского поселка состоялось многолюдное собрание служащих горной промышленности Щербиновского района для организации профессионального союза, в состав которого вошли штейгера, десятники, конторщики, бухгалтеры, мастера, весовщики и т. д. Собрание, избрав правление, поручило последнему разработать проект устава и для объединения с местным советом рабочих и солдатских депутатов избрало четырех делегатов" [3]).

Последнюю фразу только что приведенной заметки —„для объединения с местным советом"— нужно понимать, как установление связи с советом рабочих депутатов, в котором выделенные четыре делегата являлись представителями профсоюза.

На горловской группе рудников союзные ячейки создавались в разное время [4]). Периодом организации был апрель

[1]) „Социал-Демократ" № 25 от 14 апреля 1917 года.

[2]) О дореволюционной деятельности союза см. „Літопис Революції" № 4 за 1927 год, стр. 219—224. (*Прим. ред.*)

[3]) „Социал-Демократ" от 10 апреля 1917 г.

[4]) Здесь приводятся данные только об организации профсоюза на Горловке № 1 и, повидимому, на Горловке № 5. Что же касается Горловки № 8, то, по данным тов. Куранова, профсоюз оформился там лишь 20 июня 1917 г. Тов. Остапенко, в то время казначей этого союза (Горловка № 8), пишет: „Начали мы работать,

месяц. В мае союз объединял до 25% всех рабочих Горловского подрайона; 21 мая уже было создано объединенное правление горняков. В июне из 1.500 рабочих рудника № 5—700 состояли членами союза [1]).

На руднике „Веровка", Енакиевского района, союз был организован в апреле 1917 года. Руководило им правление, в которое входили т.т. Ульяненко, В. Ф. Струев, С. Кузьменко, Н. Р. Соколов, Воронков и Коваленко. На Софиевском руднике союз возник 1 апреля 1917 года, в который входило 2.700 человек [2]).

В Лисичанском районе после Февральской революции возобновляет свою деятельность профессиональный союз завода „Донсода", еще в 1906 году организованный группой товарищей. В 1907 году, когда велась борьба за девятичасовой рабочий день, союз был на нелегальном положении. После Февральской революции союз вновь возникает в мае 1917 года, избирается правление из двенадцати человек. Правление выделило из своего состава заводской комитет из пяти человек [3]).

К этому же времени (май—июнь) относится и возникновение профсоюза горняков, объединявшего рабочих угольных рудников Лисичанского района. Данных о возникновении союзов на химических предприятиях этого района, к сожалению, не имеется.

В июне—июле организовались союз металлистов в Дебальцево и союз горняков в Гришинском районе. В июле же месяце организовался союз металлистов Петровского завода в Енакиево, который объединял 6.000 рабочих (из 8.000). Этот союз, по уговору с бахмутской уездной продовольственной управой, открыл мастерскую для ремонта сельскохозяйственных орудий [4]).

директив свыше не было, как проводить работу, а проводили, кто как сумел. Были созданы при союзе торговые лавки, где продавались разные закуски, чай пиво, в том же помещении, где принимали членские взносы". (*Прим. ред.*).

[1]) На одном только руднике Горловка № 5 работало в то время более 3.500 рабочих. В указанную цифру (1.500 рабочих), повидимому, не включены военнопленные и китайцы, работавшие на руднике. (*Прим. ред.*).

[2]) По данным, сообщаемым тов. Курановым, к организации профсоюза на Софиевском руднике приступили лишь 1 июля 1917 года, а тов. Д. Шлоссберг в „Літопис Революції" № 4, 1927 г., стр. 230 — 231, сообщает, что здесь союз организовался в июне месяце. (*Прим. ред.*).

[3]) Однако союз этот в период революции не являлся классовой организацией; интересные подробности об этом см. в воспоминаниях т. М. Звонарева, публикуемых в настоящем сборнике. (*Прим. ред.*).

[4]) См. воспоминания: „Февраль и Октябрь в Енакиево". (*Прим. ред.*).

Таким образом, в течение апреля, мая и июня весь Артемовский округ был покрыт сетью профессиональных союзов. С уверенностью можно сказать, что к июлю 1917 года половина рабочих Артемовского округа были членами профессиональных союзов. Из вышесказанного видно, что в разное время и по-разному строились профессиональные организации: в одних местах они возникали стихийно, по инициативе самих рабочих, в других создавались бывшими ранее в подполье партийными группами и советами рабочих депутатов, в третьих возобновили свою работу уже существовавшие ранее союзы.

Руководство профсоюзы получали по двум линиям: сверху ими руководили краевые объединения, а на местах—партийные организации. Первое время чуть ли не все союзы были под влиянием меньшевиков, но по мере обострения классовой борьбы вообще усиливалась и борьба внутри союзов за влияние на рабочих, объединенных в союзы.

„Борьба между двумя политическими группировками,— пишет группа участников профдвижения в Дружковке,— была чрезвычайно ожесточенной. Всегда почти проходили резолюции, выдвигаемые большевиками. Доходило до того, что меньшевики, озлобленные своими неудачами, буквально плакали".

То же самое происходило и в горловском союзе металлистов. В состав старост попало большинство меньшевиков и эсэров, но были и большевики. Между этими группами и велась борьба. Был даже такой случай, когда большевика Губарева один меньшевик ударил гайкой, а в других бросал камнями и обломками кирпичей. Несмотря на то, что в руководящей головке союза численный перевес имели меньшевики, и тут влияние большевиков было сильное.

Накануне Октября влияние большевиков во всем Горловско-Щербиновском районе настолько возросло, что рабочие уже активно готовились к вооруженному восстанию (районный партийный комитет большевиков имел большой запас винтовок, рабочие обучались военному делу), а в профсоюзах горняков все рудничные правления были большевистскими. Еще 27 мая в Краматорской общим собранием рабочих вынесена резолюция [1]) далеко не в меньшевистском духе, где речь шла о конфликте, создавшемся между рабочими и предпринимателями всей украинской металлургии вообще и на этом заводе, в частности.

[1]) См. статью тов. Чекирисова в настоящем сборнике. (*Прим. ред.*).

Одновременно с процессом увеличения большевистского влияния в рабочих массах объединительные тенденции начинают преобладать над разрозненностью и цеховой раздробленностью союзов.

Объединение профсоюзов идет по двум линиям: отдельные секции на одном предприятии сливаются в один производственный союз, и союзы отдельных предприятий объединяются вокруг районных центров.

Так, товарищ Владимирский, служащий Краматорского металлургического завода, пишет, что „в Краматорской был создан свой союз служащих", который, просуществовав несколько месяцев, постановлением большинства был расформирован, и все служащие влились в союз металлистов.

То же самое было и в Дружковке, где сначала был организован один производственный союз. Части служащих не понравилось преобладание большевиков в союзе и они под руководством служащего Дреймана откололись и организовали свой союз с особыми билетами. Этот союз существовал не более трех месяцев, и служащие, убедившись в слабости его, возвратились в союз металлистов.

Одновременно с этим союзы объединяются и по районам. Так, уже в августе месяце в Горловке работало районное правление профессиональных союзов, объединявшее Горловские рудники, Никитовские (Ауэрбах и К° и другие), Государев Байрак и мелкие шахты этой части Горловско-Щербиновского района. Профсоюз щербиновской части района не вошел в это объединение и все время до областного съезда находился под непосредственным руководством горловско-щербиновского районного комитета большевиков. Однако в Щербиновке параллельно горняцкому союзу „Рабочий", а также и в Горловке на протяжении всего революционного периода существовали самостоятельные союзы служащих низшей и средней администрации рудников.

По союзу горняков объединение окончательно оформилось на конференции профсоюзов Донецкого бассейна, открывшейся 2 октября в Харькове. Эта конференция выработала основные положения организационного построения и устава областного союза, дав ему название „Горнотруд". Весь Донбасс был разбит на районные отделения, при чем в Артемовском округе таких объединений создалось семь: Бахмутский соляной район, Сла-

вянский соляной район, Гришинский, Енакиевский, Горловский, Щербиновский и Лисичанский каменноугольные районы. Конференция постановила считать краевым центральным органом делегатский съезд, который и состоялся в марте следующего года.

В октябре 1917 г. состоялась конференция союза металлистов Донецкого и Криворожского бассейнов; на ней присутствовало 59 делегатов, представлявших около 140 тысяч организованных металлистов. Эта конференция положила начало объединению союза.

В декабре 1917 года состоялась краевая конференция химиков Донецкого бассейна, оформившая объединение союза.

Союз торговых служащих [1]) во второй половине 1917 года объединял служащих города Бахмута и Соляного района. Окончательное оформление этого союза произошло уже в 1920 году, когда он объединил всех совторгслужащих Артемовского округа.

Таким образом, к концу 1917 года первый этап организационного строительства союзами Артемовского округа был пройден. Цеховая раздробленность к этому времени заменяется объединением союзов по производственному принципу, которые, в свою очередь, объединяются в мощные краевые и областные организации. Однако областная верхушка профсоюзов почти целиком находится в руках мелкобуржуазных партий и особенно меньшевиков. Это обстоятельство и предопределяет ту соглашательскую позицию областных объединений, которой они так отличались до конца первого периода Октябрьской революции на Украине.

* * *

Первыми шагами профессиональных организаций по всему нынешнему Артемовскому округу была борьба за восьмичасовой рабочий день, за повышение заработной платы, улучшение условий труда и за рабочий контроль над производством. Борьба эта, вследствие слабости молодых профсоюзов, носила весьма неорганизованный характер. Уже в первые недели после Февральской революции по всему округу возникают конфликты на экономической почве [2]). Кое-где эти конфликты улаживались

[1]) Легально существовал в Бахмуте и до революции, равно как и нелегальный союз портных; см. об этом упомянутую статью т. Шлоссберга. *(Прим. ред.)*.

[2]) Интересную характеристику конфликтов в Донбассе дал М. Балабанов. См. его статью в сборнике Истпрофа ВУСПС „Материалы по изучению истории про-

путем переговоров и соглашений в примирительных камерах, кое-где их приходилось решать путем стачек.

В самом Бахмуте значительные размеры приняла борьба торговых служащих с торговцами. В конце апреля здесь забастовали торгово-промышленные служащие. Стачечный комитет предъявил бахмутскому торгово-промышленному комитету требование об увеличении заработной платы, о введении восьмичасового рабочего дня и шестичасового для конторских служащих. К сожалению, всех материалов об этой стачке нет, но и те, которые имеются, показывают, что стачка проходила весьма организованно. Характерно, что даже в этой, столь незначительной, в условиях Донецкого бассейна, отрасли труда служащие натолкнулись на организованный отпор торгово-промышленного комитета. Стачечным комитетом были разбросаны прокламации, призывающие население Бахмута сохранять спокойствие и тем самым прийти на помощь служащим. В этой прокламации были все те требования, которые предъявляли служащие своим предпринимателям [1]).

фессионального движения на Украине" изд-во „Украинский Рабочий", стр. 52—75. Там же см. статью Гейро „Практика коллективных договоров на Украине в 1917 г." стр. 21—51, в которой частично приведен характерный материал. (*Прим. ред.*)

[1]) Приводим эту прокламацию. „К населению города Бахмута. Граждане! Торгово-промышленный пролетариат, служащие магазинов и контор годами задыхались в атмосфере убийственного гнета своих предпринимателей. Годами их труд эксплоатировался самым бесчеловечным образом. Труд их был вне всякого закона и контроля. При мизерной до ужаса заработной плате мы работали без устали, не зная отдыха, не зная покоя. Холодные стены базарных лабазов, каменные полы шикарных магазинов, сырые подвалы оптовщиков изо дня в день подтачивали наш организм. Каждый год армия ревматиков и туберкулезных пополнялась нами. Годами, в силу вещей, мы таили свой справедливый ропот в глубине наших наболевших сердец.

„Граждане, знайте, что при всей растущей дороговизне наша мизерная заработная плата не повысилась. До сих пор мы получаем те же гроши, что и до войны. Прежде чем выставить требования, мы обсудили их со всей тщательностью, со всей справедливостью. Мы предъявили предпринимателям самое меньшее, минимум из наших необходимостей. Из колоссальных прибылей предпринимателей мы требуем для себя только ту неотъемлемую нашу часть, которая необходима для насущных потребностей.

Мы требуем увеличения заработной платы до нормы, отвечающей дороговизне продуктов.

Мы требуем восьмичасового рабочего дня для служащих магазинов и шестичасового рабочего дня для контор.

Из условий труда мы требуем только лишь уничтожения произвола.

В ответ на требования служащих бахмутский торгово-промышленный комитет расклеил свое обращение, стараясь полумерами и дискредитацией союза предупредить нарастающую забастовку [1]).

В конце концов, борьба, начатая союзом, была доведена до победоносного конца, и в результате было опубликовано следующее объявление:

„Правление и стачечный комитет профессионального союза торговых и торгово-промышленных служащих сим удостоверяет, что требования служащих в этом предприятии удовлетворены полностью. Служащие допущены к работам".

Мы исчерпали все способы для удовлетворения наших насущных жизненных потребностей. У нас осталось единственное средство борьбы—забастовка. Других средств у нас нет.

И если забастовка эта, быть может, нарушит нормальный ход вашей жизни, то помните, что виноваты в этом не мы, а наши предприниматели, для которых личные интересы, интересы наживы—выше всего".

[1]) Приводим это обращение. „К населению города Бахмута. Граждане! По городу расклеено воззвание к вам от имени правления и стачечного комитета профессионального союза торгово-промышленных служащих. В этом воззвании вас стараются восстановить против купцов и промышленников. Вас стараются убедить в том, что в происходящей теперь забастовке виноваты не те, которые бастуют, а купцы и промышленники, и для того, чтобы убедить вас в этом, говорят заведомую неправду.

Неправда, что заработная плата торговых и конторских служащих за время войны не увеличилась. Почти все торговцы и промышленники увеличивали жалованье своим служащим не один раз за время войны, при чем это увеличение заработка было очень значительно. Конечно, и среди торговцев имеются люди, которые неохотно шли навстречу своим служащим; громадное большинство торговцев удовлетворяло все справедливые требования своих служащих. Неправда и то, будто бы мы отказывались удовлетворить предъявленные требования. Дело в том, что служащие обсуждали свои требования в течение 2—3 недель и в своем профессиональном обществе и на общих собраниях, нам же они дали для ответа на все их многочисленные требования всего лишь два дня. За такой срок мы, конечно, обдумать и решить все вопросы не могли и попросили подождать одну неделю, но профессиональный союз служащих даже и говорить с нами не пожелал и объявил забастовку.

...Теперь они мешают и нам самим удовлетворить наших покупателей. Они запрещают помогать нам нашим братьям и детям, запрещают работать тем, которые довольны своим положением.

Это уже совсем незаконно. Они угрожают нам, но мы угроз не боимся, так как поступаем справедливо, соглашаясь обсудить все их требования и удовлетворить справедливые из них, но мы требуем, чтобы служащие сейчас же прекратили свою забастовку, а если они на это не согласны, то вина за забастовку ляжет на них самих. Бахмутский торгово-промышленный комитет".

Забастовка кончилась полным удовлетворением требований союза: 1) установлением восьмичасового рабочего дня для приказчиков и шестичасового—для конторских служащих; 2) увеличением зарплаты на 100—250% и 3) уплатой компенсации при увольнении в размере месячного заработка за каждый прослуженный год.

В основных отраслях донецкой промышленности — горной и металлургической—рабочие в самом начале борьбы за улучшение своего материального положения сразу же натолкнулись на еще более организованный отпор промышленников. В апреле на большинстве предприятий создалось такое положение, при котором администрация, принципиально признавая восьмичасовой рабочий день, фактически его не проводила.

По металлургической промышленности в Артемовском округе восьмичасовой рабочий день фактически был введен только на Константиновском заводе, но заработная плата повышена не была. На Петровском заводе восьмичасовой день введен не был, и зарплата также оставалась прежней. Такое же положение было и на дружковских заводах, где администрация принципиально признавала восьмичасовой рабочий день, но фактически он оставался таким же, каким был и до революции. На Краматорском заводе, несмотря на то, что для введения восьмичасового рабочего дня в большинстве цехов не встречалось никаких затруднений, фактически работали 10 и больше часов. В Горловско-Щербиновском районе на ряде предприятий восьмичасовой рабочий день был введен явочным порядком [1]).

Первое совещание представителей советов рабочих депутатов Донбасса и горнопромышленников состоялось 28 марта 1917 года в Харькове; на этом совещании присутствовали члены Государственной Думы Туляков (меньшевик), Лашевич (кадет) и еще несколько меньшевиков. Углепромышленники согласились в принципе с введением восьмичасового рабочего дня, боясь самовольного установления его рабочими, но на фактическое повышение заработной платы не пошли и по этому вопросу никакого существенного соглашения не состоялось [2]).

После этого совещания 11 апреля 1917 года областным советом рабочих и солдатских депутатов было созвано объеди-

[1]) См. об этом коллективные воспоминания горлово-щербиновских товарищей, публикуемые в сборнике.

[2]) Более подробно см. об этом упомянутую статью тов. Гейро, стр. 27—30.

ненное совещание представителей металлургических заводов, местных советов рабочих депутатов Донецкого бассейна и представителей от рабочих, состоявшееся в Екатеринославе [1]).

По вопросу о заработной плате выступил меньшевик Сандомирский, старавшийся подействовать на чувства промышленников и доказать необходимость повышения зарплаты. „В Харькове,— говорил он в своей речи,— между углепромышленниками и рабочими уже достигнуто соглашение в этом вопросе. Нужно и здесь прийти к тому же. Надо действовать совместно. Заработная плата не может быть разной в разных предприятиях, иначе это поведет к конфликтам и эксцессам среди рабочих". Сандомирский требовал прибавки к существующим нормам оплаты труда в следующей пропорции: для получающих за 8 часов работы 2 рубля — 100%, для получающих 3 рубля — 70%, 4 рубля — 50%, 5 рублей — 40%, 6 рублей — 25%, 7 рублей—15%, 8 рублей — 10% и 10 рублей — 10%.

После долгих прений промышленники, согласившись с целым рядом оговорочек на введение восьмичасового рабочего дня, по вопросу о заработной плате вынесли следующее постановление: „В виду того, что осуществление принципа восьмичасового рабочего дня увеличивает само по себе настолько расходы предприятий, что последние не могут покрыть их из своих оборотных средств, и что осуществление этого принципа является следствием, главным образом, известного политического лозунга, мы считаем, исходя из экономического положения предприятий, невозможным делать никаких дальнейших увеличений расходов предприятий. Однако, будучи уверенными, что Временное правительство придет нам с финансовой стороны на помощь, мы считаем возможным сделать следующую прибавку: лицам, зарабатывающим до 2 рублей — 50%, до 3 рублей — 40%, до 4 рублей — 30%, до 5 рублей — 20% и т. д.".

Таким образом, по одному из главных вопросов — о повышении заработной платы — и на этой конференции соглашения достигнуто не было, а разрешение его перенесли на майскую конференцию советов рабочих и солдатских депутатов. Первые попытки добиться улучшения экономического положения рабочего класса мирным путем разбились о неприступную стену предпринимателей. Представители от рабочих, в большинстве своем меньшевики, разъехавшись по местам, вместо того, чтобы

[1]) См. ст. Гейро.

подготовлять всеобщую забастовку и таким путем принудить промышленников выполнить требования рабочих, предлагали рабочим ждать результатов майской конференции.

Конференция, которая должна была состояться 1 мая, открылась в Харькове 27 апреля [1]). За два дня до ее открытия начала свою работу и конференция промышленников юга России. 2 мая конференция советов рабочих депутатов вынесла следующее решение по докладу рабочей секции:

„1. Единогласно принимается минимум заработной платы для рабочих старше 17 лет—в 4 рубля за восьмичасовой рабочий день.

2. Женщины и подростки, делающие ту же работу, что и мужчины, получают тот же минимум — 4 рубля.

3. Для женщин на более легких работах устанавливается минимум в 3 руб. 50 коп.

4. Для подростков обоего пола от 15 до 17 лет устанавливается минимум в 2 руб. 50 коп.

5. Труд детей до 15 лет во всех отраслях производства должен быть безусловно воспрещен. Для ликвидации применения детского труда и замены его другим, промышленникам предоставляется срок в 2 месяца. В это время минимум заработной платы для детей до 15-летнего возраста устанавливается в 2 рубля за шестичасовой рабочий день.

6. Все вышеозначенные минимумы приняты при условии, что промышленники обязаны сохранить отпуск продуктов первой необходимости из продовольственных лавок и кооперативных организаций по ценам не выше себестоимости в июле месяце 1916 года; там же, где таковых не существует, открыть их для продажи продуктов на изложенных основаниях и при полном контроле рабочих.

7. Секция полагает, что интересы рабочего класса требуют отмены сдельных работ, но, считаясь с исключительными условиями момента, находит возможным временно допустить сдельные работы.

8. Секция полагает, что нормальным основанием для определения заработной платы было бы установление тарифных расценок, но, считаясь со сложностью вопроса и необходимостью регулировать плату в исключительных условиях момента,

---

[1]) Тов. Гейро в упомянутой уже статье сообщает, что конференция эта открылась 23 апреля о вообще приводит несколько иной материал о ее решениях, см. стр. 30—32. (*Прим. ред.*).

признает себя вынужденной временно принять за основание расчета процентные надбавки на существующий дневной заработок.

Вместе с тем секция находит необходимым избрать на данной конференции тарифную комиссию, которой поручить разработать тарифные расценки на основании имеющихся материалов с мест.

Кроме этого, на местах также собираются материалы по вопросу об установлении тарифных ставок. Избранной конференцией тарифной комиссии поручить в возможно кратчайший срок созвать представителей рабочих юга России для окончательной выработки и утверждения тарифных расценок.

9. Процентные прибавки рабочим начисляются только до 12 рублей дневного заработка.

10. Заработная плата рабочим и служащим должна быть увеличена путем процентных надбавок на средний дневной и месячный заработок".

Конференция горнопромышленников, происходившая в это же время под председательством фон-Дитмара, выработала свои контр-условия. Как минимум заработной платы, она предлагала 2 р. 50 коп. за восьмичасовой рабочий день. Для женщин и подростков зарплата была установлена: для первых — от 1 р.— 1 руб. 50 коп. до 2 руб. и для вторых — от 1 руб. до 1 р. 50 коп

Не возражая принципиально против запрещения труда детей, промышленники считали невозможным отменить его до конца войны, при чем оплату детского труда они установили в размере 75 к. за шестичасовой рабочий день. Отказываясь от обязательной доставки продуктов первой необходимости по ценам 1916 года, промышленники обещали содействие в устройстве кооперативов и других продовольственных организаций. По целому ряду других вопросов также выявились разногласия между рабочими и промышленниками.

Как видим, и эта конференция не дала рабочим желаемых результатов. Промышленники поняли, что меньшевики, выступавшие в защиту экономических требований рабочих, „лягут костьми", а не допустят всеобщей забастовки, и поэтому были непоколебимы в своих решениях. Вопрос был передан на разрешение Временного правительства.

Временное правительство не торопилось с разрешением этого конфликта между рабочими и предпринимателями. Рабочие

волновались, один за другим возникали конфликты на предприятиях, рабочие рвались в бой, но все их действия парализовались соглашателями. „В настоящее время,— говорит областной совет рабочих и солдатских депутатов Донецкого бассейна (находившийся в руках меньшевиков) в своем воззвании от 1 июня,— необходимо сохранять могучее напряженное спокойствие".

Несмотря на призывы соглашателей, рабочие не могли и не хотели ждать. Последующие месяцы богаты конфликтами на отдельных предприятиях. В это же самое время происходит процесс полевения широких рабочих масс. В июльские дни некоторые рабочие центры Донбасса поддерживают большевиков не только резолюциями протеста против Временного правительства, но и подготовкой вооруженного восстания, как это было в Горловско-Щербиновском районе.

Рабочие комитеты, не ограничиваясь функциями, указанными им постановлением Временного правительства от 23 апреля, начинают вмешиваться в административную жизнь предприятий, контролировать действия администрации.

Горловско-щербиновские товарищи в коллективном воспоминании рассказывают, что рабочие комитеты, в связи с начавшимся бегством администрации рудников, вынуждены были провести ряд весьма жестких мероприятий для обеспечения „бесперебойного функционирования" предприятий [1]).

Точно так же и заводской комитет дружковских заводов разрешал дела административного характера. В коллективном воспоминании дружковских товарищей говорится, что без ведома старост цеховая администрация ничего не делала, а иногда желая умалить значение старост перед рабочими, саботировала, используя случаи неудачного вмешательства.

На Краматорском заводе завком был избран в октябре 1917 года. Тов. Владимирский пишет в своих воспоминаниях, что завком установил контроль над заводской кассой. Без ведома завкома денег из кассы не выдавали. Попутно были созданы три контрольные комиссии: по топливу, сырью и производству. О том, какую роль играл комитет рабочего контроля на Краматорском заводе, свидетельствует чрезвычайно интересный документ, найденный среди архивных материалов:

---

[1]) См. воспоминания горлово-щербиновских товарищей.

„Удостоверение. Настоящее выдано профессиональным союзом металлистов Краматорского заводского района Якову Андреевичу Горбунову, делегируемому для ходатайствования перед соответствующими учреждениями о скорейшей доставке для заводов Краматорского металлургического общества нужного заводу сырья и других материалов". (Подписи председателя и секретаря).

Со второй половины года промышленники начинают проводить в жизнь план широко задуманного экономического саботажа. Положение угольной промышенности делалось все более критическим. С одной стороны, падала производительность труда донецких рабочих, с другой — промышленники всеми мерами старались внести разруху в предприятия.

Уже в июле месяце добыча угля понизилась по сравнению с предыдущим месяцем на 7 млн. пудов, а по сравнению с июлем предыдущего года — на 24 млн. пудов. В сентябре, по сведениям, приводимым газетой „Трудовой Народ", было закрыто 77 угольных предприятий и приблизительно столько же антрацитных. С каждым днем обострялся продовольственный кризис [1]).

---

[1]) Картину экономического саботажа рисуют корреспонденции с мест, помещенные в разных газетах. Приведем некоторые из них:

„Щербиновский рудник. Добыча падает. Вина за это падает на администрацию, ее пренебрежение. Нет листового железа. На все требования администрация отвечает, что негде взять. Рабочие волнуются, плохо работают. Без листов уголь не идет. Администрация все время говорила, что нет костылей для железнодорожных путей. Рабочие нашли их в овраге, заросшие бурьяном, до 200 пуд. Планок и болтов совсем нет. Администрация не считается с указанием старост о посылке рабочих, куда нужно. Вагончики разбиты. Большие запасы угля лежат на крестьянских шахтах. Администрация не принимает никаких мер для повышения производительности труда. Когда забойщики угрожали забастовкой, совет рабочих депутатов вмешался, и по его настоянию рабочие пошли на работу. Интенсивность труда забойщиков понизилась на половину: 1) в виду плохого питания у них нет больше сил, 2) в виду непрерывности работ" („Рабочий Путь" от 7 сентября 1917 года).

„Щербиновско-Горловский подрайон. Разруха в нашем подрайоне дошла до последних пределов. Нет буквально ничего. Рабочие сидели под ряд 6 дней без керосина. Об отсутствии всех остальных предметов первой необходимости уже и говорить не приходится.

Нет фуража для лошадей, и последние, по всей вероятности, обречены на безусловную смерть. Уже теперь падеж их начался. Изморенные и голодные, они уже не могут возить восемь вагончиков — обычную их нагрузку, а тащат еле только два...

Не лучше положение было и в других отраслях промышленности. На заводах проводились скрытые локауты. Под разными предлогами закрывали целые заводы (в Константиновке), подготавливались к остановке других заводов и рудников. Горнопромышленники, вместо действительных мер к восстановлению расстроенного войной хозяйства, готовились к войне с рабочими, и война эта вскоре была объявлена ими...

Что же делали рабочие? Профессиональное движение к этому времени усилилось. Рабочие комитеты начали захватывать управление предприятиями в свои руки. Группа участников профдвижения (металлисты) в Горловке пишет, что „заводской комитет начал выполнять на производстве роль хозяйственника. Получал от банка деньги, производил выплату рабочим, заведывал и распоряжался хозяйственной и финансовой частью завода, распределял квартиры среди рабочих, ведал производством и снабжением. Работала контрольная комиссия, выделенная из состава заводского комитета. В общем, завод перешел в полное распоряжение рабочих".

То же самое в несколько ином виде происходило в Дружковке, Краматорской, на рудниках Горловско-Щербиновского района и т. д. В горной промышленности, по свидетельству корреспонденции в „Южном Крае" от 30 сентября, на целом ряде предприятий рабочими насильно удаляются и подвергаются аресту представители администрации, что действительно неод-

У всех, близко соприкасающихся с подрайоном, создалось твердое убеждение, что весь подрайон накануне краха. Ведь на других шахтах еще кое-как дело движется, ведь не везде такое катастрофическое положение. У нас сейчас нет администрации, у нас нет распорядителей, которые бы хоть как-нибудь следили за таким сложным механизмом, как хозяйство рудников. Ни Гюэна, ни Эллера нет уже до трех месяцев. Нет, и где их искать — неизвестно. А всему приходит конец. Шахты завалены (№ 5 на Горловском руднике) или залиты водой (как у Ауэрбаха). Техническая оборудованность пришла в совершеннейшую ветхость. Требования рабочих, самые малые и законные, не удовлетворяются, как будто бы желают в самом деле создать причину конфликта.

Не даются коногонам тормозчики, благодаря этому работа сейчас на некоторых камерах стоит. На мелких крестьянских шахтах есть залежи угля, которые уже начали гореть.

Объясняется это тем, что нет возчиков. Но возчики бы нашлись, если бы нашлось желание немного увеличить им плату. Из-за своекорыстных интересов господ шахтовладельцев страдают интересы всего государства.

А теперь еще и на Горловке объявили, что вовсе не будут давать продовольствия. Это еще больше нервирует, это еще больше обостряет положение". („Социал-Демократ" от 26 сентября 1917 г.).

нократно наблюдалось в Донбассе, там где предпринимательский саботаж достигал своего апогея [1]).

Приведенные факты активного вмешательства рабочих в управление предприятиями показывают всю жизненную необходимость ленинского лозунга „рабочий контроль над производством" и одновременно говорят о том, насколько соглашатели, сидевшие в областных объединениях профсоюзов, были далеки от жизни, стремясь путем бесконечных переговоров найти выход из безвыходного для капиталистов положения.

Рабочие Артемовщины, главным образом, горняки, убедившись на опыте бесплодных совещаний с промышленниками, что им не улучшить своего положения до тех пор, пока власть находится в руках буржуазии, окончательно перешли на сторону большевиков, готовясь к активным действиям, обеспечивающим победу диктатуры пролетариата.

Тем не менее, конфликт между горнорабочими и горнопромышленниками продолжался до самого Октябрьского переворота. К тому времени в Донбассе предполагалась всеобщая экономическая стачка, не состоявшаяся, однако, вследствие победы пролетарской революции, открывшей другие пути к разрешению споров между трудом и капиталом.

20 сентября металлургический союз и конференция горнопромышленников Донецкого и Криворожского бассейнов вырабатывает ультиматум Временному правительству, предлагая свои условия, „при которых возможно существование промышленности". Содержание этого ультиматума следующее:

„1. В основу возможности продолжения работы предприятий ставится восстановление упавшей производительности рабочих и служащих предприятий до размеров хотя бы не ниже, имевших место в 1916 году.

2. *Прием и увольнение служащих и рабочих составляют неотъемлемое и исключительное право предприятий.* Самовольный прием и устранение рабочих и служебного персонала рабочими и служащими или их организациями не допускается.

Примечание: В случаях, когда администрация предприятия признает необходимым, ранее устраненные служащие и рабочие должны быть возвращены на их должности и восстановлены в своих правах и обязанностях.

---

[1]) Любопытные данные об этом сообщают Д. Шлоссберг в своей статье, напечатанной в журнале „Літопис Революції" № 2 за 1927 год, и М. Балабанов в статье, помещенной в сборнике Укристпрофа,—„Материалы по изучению истории профдвижения на Украине в 1917 г.", стр. 59—64. *(Прим. ред.).*

3. *Внутренний распорядок* на заводах и рудниках *всецело устанавливается администрацией* предприятий в пределах действующих законов.

4. Организация и руководство работой и надзор за производством подлежат исключительно ведению лиц, назначенных для того администрацией предприятий. *Вмешательство СРД, комитетов* или каких-бы то ни было других организаций в *область управления предприятиями, руководства, надзора за производством для контроля не допускается.*

5. *Продолжительность рабочего дня* для служащих предприятий *должна быть такою же, какою она была в феврале 1917 года.*

6. Необходимо подтверждение со стороны Временного правительства рабочим, служащим и вообще всему населению, что за неисполнение и за нарушение не отмененных Временным правительством законов будут привлекаться к законной ответственности и нести кару, предусмотренную всеми неотмененными законами. В частности, необходимо строгое подчинение действующим законам о промышленности и правилам о безопасности ведения работ, а также принятие правительственными органами решительных мер к сохранению свободы труда, неприкосновенности личности, жилища и имущества, а в случае правонарушений—немедленному восстановлению нарушенных прав и привлечению нарушителей к ответственности по закону.

7. *Снабжение предприятий* продовольствием, фуражем и другими предметами первой необходимости *должно производиться на условиях снабжения армии.*

8. *Местные органы власти и правительственные учреждения* (почта, телеграф и милиция), судебные учреждения и прочие *должны быть независимы от профессиональных рабочих и иных организаций.*

9. *Предприятия не обязаны нести расходов по содержанию и оплате членов* и делопроизводства *советов рабочих и солдатских депутатов,* исполнительных комитетов, профсоюзов и вообще разных классовых и партийных организаций.

10. Существующие *рудничные и заводские комитеты не соответствуют закону* о фабрично-заводских комитетах, и благодаря, главным образом, *бесконечному расширению своей компетенции,* комитеты вносят дезорганизацию в деятельность предприятий.

Конференция считает необходимым *изменить закон о фабрично-заводских комитетах:* число членов комитета должно быть точно определено, в зависимости от количества рабочих.

11. Конференция, *по поводу требования рабочих об общем увеличении оплаты труда,* в связи с растущей дороговизной, пришла к нижеследующим заключениям: конференция констатирует, *что финансовые средства* предприятий в настоящее время подорваны настолько, что *не дают возможности дальнейшего увеличения оплаты труда* на счет собственных средств предприятий. Это обстоятельство, в связи с той безнадежностью положения, которое характеризует современное состояние промышленности, оказывает угнетающее влияние на частный кредит, который, естественно, не может предоставить финансовую помощь промышленности, самое существование которой в настоящий момент представляется чрезвычайно ненадежным, при еще более мрачных перспективах в ближайшем будущем. Кроме того, конференция считает необходимым установить, что требование повышения оплаты труда, в значительной мере объясняемое современной дороговизной, неспособно, при удовлетворении этого требования, принести действительное облегчение рабочему классу, ибо всякое повышение оплаты труда является фактором, способствующим дальнейшему росту дороговизны. Поэтому единственным средством разрешения этого вопроса конференция считает планомерную, систематическую борьбу правительства с дороговизной при помощи соответствующих мер финансово-экономического характера, что должно быть принято безотлагательно. Наконец, в частности, по отношению к каменноугольной и антрацитовой промышленности Донецкого бассейна необходимо отметить, что *с введением угольной монополии судьбы промышленности зависят от правительства,* устанавливающего цены, являющегося единственным покупщиком товара и вследствие всего этого *разрешение таких вопросов,* как вопрос о цене топлива и ее элементах, в том числе *об общих прибавках по оплате труда, находится вне компетенции одних промышленников, а главнейшее—во власти правительства,* которое должно решать вопросы этого рода.

12. *Переход с 10, 11 и 12-часовых смен на практическую восьмичасовую работу возможен лишь там, где позволят условия работы, топлива и продовольствия, при чем оплата за*

восьмичасовую работу производится только из расчета за 8 часов, т.-е. без сохранения существующей оплаты за сверхурочные часы" [1]).

Этим ультиматумом промышленники объявили открытую войну рабочим: они требовали фактической отмены восьмичасового рабочего дня и сохранения его на уровне февраля 1917 года, т.-е. 10, 11 и 12 часов, отмены завоеванного рабочего контроля, фактического упразднения советов, так как последние не могли бы существовать, если бы члены их не оплачивались в тот период по месту своей работы. Словом, горнопромышленники требовали фактической ликвидации революции и ее завоеваний. Что же касается повышения заработной платы, они снимали с себя всякие обязательства, кивая на Временное правительство. Руководствуясь этой программой борьбы с революцией, директора отдельных предприятий, в свою очередь, предъявили ультиматумы местным профессиональным организациям, рабочим комитетам и контрольным комиссиям.

„...Что касается прилагающихся требований (предъявленных рабочими Петровского завода и рудников Енакиевского района.— *Ред.*), — говорится в одном из таких ультиматумов,— *то таковые, согласно постановления* металлургического союза, *совершенно не могут быть удовлетворены* [2]), кроме принятия на счет завода последовавшего в сентябре увеличения цен на хлеб.

„Только при принятии всех указанных условий (речь идет об условиях, предъявленных администрацией к профсоюзам.— *Ред.*) Русско-бельгийское металлургическое общество может взять на себя обязанность привести финансовое и техническое состояние своих предприятий в то нормальное положение, которое поднимет упавшую производительность на прежнюю высоту и тем самым обеспечит непрерывный и полный ход работ заводов и рудников.

„Окончательный и вполне определенный ответ на настоящее предложение просим дать не позже 10 октября с. г. Неполучение положительного ответа или уклончивый ответ поставит главное управление в необходимость, согласно постановления металлургического союза, немедленно объявить о прекращении

---

[1]) Курсив всюду наш.— *Ред.*

[2]) Курсив наш.—*Ред.*

дальнейших работ и о закрытии предприятий. Главноуправляющий, член правления Г. Потье" [1]).

Таким образом, угроза промышленников была не пустыми словами: они наступали развернутым фронтом. И только в это время Временное правительство нашло нужным вмешаться в конфликт в донецкой промышленности. Но как вмешаться!

Вот данные, характеризующие это вмешательство. „Южный Край" пишет: „... Что касается требования рабочих, то, по данным экономического совета, имевшие место эксцессы возникали благодаря отдельным группам злонамеренных агитаторов" [2]). Далее, говоря о необходимых мероприятиях, газета продолжает: „По вопросу об отправке в Харьков и Донецкий бассейн делегации, заместитель председателя главного экономического комитета Н. Н. Савин имел беседу с министром председателем А. Ф. Керенским, который отнесся к посылке вполне сочувственно". Однако положение несколько меняется, и „на последнем заседании главного экономического комитета признано более целесообразным отправить в Харьков и Донецкий бассейн не делегацию, а одно лицо, облаченное диктаторскими полномочиями" [3]). Решение послать „диктатора", а не делегацию, вызвано было, повидимому, желанием избежать лишней „говорильни" и приступить к решительным действиям. Этим лицом и явился столь известный „диктатор" в Донбассе А. С. Орлов.

Но пока правительство совещалось, обсуждало и решало, события быстро разворачивались. 24 сентября конференция представителей рабочих каменноугольной, антрацитовой, железорудной и фабрично-заводской промышленности, ознакомившись с телеграммой [4]), посланной горнопромышленниками Вре-

[1]) Это тот же самый г. Потье, француз, который не так давно еще призывал забастовавших рабочих в 1916 году возобновить работы и „исполнить свой долг перед отечеством", а теперь нисколько не задумывался о судьбах отечества", угрожая, закрытием предприятий, работавших на оборону отечества..." Такова классовая логика этого махрового эксплоататора. *(Прим. ред.).*

[2]) Какая тупоумная близорукость заключается в этом определении процесса назревавшей борьбы. И это говорили лучшие представители и политики нашей отечественной буржуазии. Впрочем, этот „прогноз" совершенно понятен: буржуазия, смотревшая на революционное рабочее движение сквозь призму жандармских сводок и привыкшая к обычным царистским мерам его подавления, и в этом случае рассматривала борьбу рабочих, как следствие „злонамеренной" воли отдельных лиц. В этом лежали корни поражения буржуазии. *(Прим. ред.).*

[3]) „Южный Край" от 30 сентября 1917 года.

[4]) Телеграмма эта полностью опубликована в упомянутой уже статье М. Балабанова, стр. 56—57. *(Прим. ред.).*

менному правительству, вынесла резолюцию, в конце которой говорится, что „угрозы промышленников закрытием предприятий могут послужить той искрой, которая вызовет пожар во всем названном Донецко-Криворожском бассейне".

2—5 октября состоялся первый съезд союза горнорабочих Донбасса, а через два дня областной совет рабочих и солдатских депутатов созвал свой съезд. Эти съезды, выработав ряд требований к промышленности, подкрепили их совсем недвусмысленной угрозой всеобщей забастовки. Переговоры с правительственной согласительной комиссией в Донецком бассейне поручены были оргбюро союза горнорабочих, областному исполнительному комитету советов и рабочей фракции Донбасса из трех делегатов, выбранных съездом. Повидимому, эти органы выделили из себя впоследствии областной стачечный комитет, который начал деятельно готовиться к всеобщей забастовке.

В это время — в октябре — прибыл Орлов. На заседании от 26—27 октября областной стачечный комитет постановил, не распуская созданных на местах и в центре стачечных комитетов, войти в согласительную комиссию (Орлова) с тем, чтобы работы ее были закончены к 10 ноября.

Как известно, эта согласительная комиссия затянула свою работу до 27 ноября, т.-е. закончила ее уже после Октябрьского переворота [1]).

Между тем, промышленники не дремали. Совет съездов промышленников опубликовал в „Народной Жизни" сообщение, в котором угрожал и пугал окончательной гибелью промышленности. Всю вину он сваливал на „разных безответственных агитаторов, часто с уголовным прошлым, совершающим насилия над промышленниками и служащими". „Повальное безумие готово овладеть массами и, если такое положение не прекратится, наступит неминуемая гибель Донецкого бассейна и вместе с тем всей России",— заканчивали промышленники свое угрожающее заявление.

Администрация саботировала, не желая пускаться в объяснения с рабочими по поводу своих действий. Широкой волной разлился экономический саботаж на предприятиях. Закрылись за-

[1]) Тов. Гейро в упомянутой ранее статье (стр. 41) освещает этот момент так, что соглашения достигнуто не было, и 13 ноября 1917 г. стачечный комитет дал директиву вопросы конфликта разрешать на местах. *(Прим. ред.).*

воды: „Русский Провиданс“, Дружковский, Кадиевский. Константиновские—стекольный, железопрокатный и зеркальный. Некоторые шахты, как, например, в Горловско-Щербиновском районе, были затоплены. Закрытие ряда других предприятий было на очереди, при чем вина за все это, конечно, сваливалась на рабочих.

Но не спали и рабочие. В период, пока тянулись переговоры в согласительной комиссии, прошел ряд конференций рудничных и заводских комитетов. В первых числах ноября собрался подрайонный съезд заводских комитетов в Константиновке. На нем были представлены завкомы химического, стекольного, бутылочного, железопрокатного, зеркального, Торецкого и Донецкого заводов.

На съезде стоял один весьма важный вопрос: об угрозе остановки предприятий. К моменту открытия съезда фактически остановились два завода. Остальные заводы этого района были накануне остановки из-за отсутствия угля. Докладчики от завкомов говорили, что их представители уже были на рудниках и что уголь трудно доставить на заводы. Съезд принял следующую резолюцию:

„Подрайонный съезд заводских комитетов в Константиновке в своем заседании от 7 ноября с.г. (1917 г.) постановил обратиться к районному комитету советов с просьбой немедленно созвать районный съезд заводских комитетов, профессиональных союзов как металлистов, так и углекопов и существующие контрольные комиссии на местах для выяснения вопроса в связи с закрытием заводов в Донецком бассейне, а также прислать на этот съезд представителей от железнодорожных организаций. Все делегируемые должны привезти с собой все данные и точные материалы“.

Еще одно чрезвычайно интересное сообщение опубликовано в газете „Наша Борьба“ (№ 33 от 1 декабря 1917 года).

„На областном совещании рабочих-металлистов Донецкого бассейна 17—21 ноября, — сообщает газета,— постановлено... по вопросу о борьбе с разрухой... предложить областному бюро ВСРМ приложить все усилия к созданию районного экономсовета для регулирования промышленности. С таким же предложением обратиться к горнорабочим и железнодорожникам“.

10 ноября в Никитовке собралась первая (неполная) конференция рудкомов Донецкого бассейна. Эта конференция постановила принять самые решительные меры борьбы с саботажем. В последних числах ноября в Дебальцево состоялась вторая,

более широкая областная конференция фабрично-заводских и рудничных комитетов и железнодорожных коллективов Донбасса, о чем рассказывают „Известия Временного Рабоче-Крестьянского Правительства“ (№ 34 от 16 декабря 1917 года).

Все решения конференции проникнуты большевистским духом. По вопросу о рабочем контроле представители комитетов высказываются в том духе, что он может быть осуществлен только при повсеместном захвате власти на местах советами рабочих депутатов, которые одни лишь в состоянии обеспечить его правильное применение. Вместе с тем в одной из резолюций подчеркивается необходимость организации на местах Красной гвардии, как лучшей гарантии укрепления Октябрьских побед. Конференция здесь же на месте из своего состава выделила штаб из 5 человек, поручив ему раздобыть оружие и распределить его между рудничными штабами Красной гвардии. Отношение конференции к политическому моменту было бесповоротно большевистским: от имени 200 тысяч рабочих конференция в своей резолюции заявила, что она не признает никаких распоряжений, за исключением приказов Совнаркома.

По вопросу о закрытии предприятий конференция вынесла следующую резолюцию: „Обсудив вопрос о борьбе с закрытием предприятий, конференция фабрично-заводских и рудничных комитетов и железнодорожных коллективов Донецко-Криворожского бассейна считает, что только при наличии хорошо организованных контрольных комиссий на местах и их согласованной работы с районными и областным советами фабрично-заводских и рудничных комитетов можно выяснить точное положение предприятий и повести энергичную борьбу с закрытием предприятий. Контрольным комиссиям дать самые широкие полномочия, и без ведома контрольных комиссий и экономсовета закрытие предприятий не допускать. Советы рабочих и солдатских депутатов должны на местах оказать содействие этим организациям в проведении контроля“.

На саботаж промышленников рабочие ответили полным подчинением предприятий рабочему контролю. Октябрьский переворот и фактический захват предприятий органами рабочего контроля — вот результат долгой и упорной борьбы с горнопромышленниками.

К концу 1917 года промышленность Донбасса была перед окончательным развалом. Контрольные комиссии и рабочие

комитеты, борясь с закрытием заводов и саботажем владельцев и дирекций предприятий, фактически осуществляли национализацию предприятий, организуя рабочее управление производством. Советы рабочих депутатов закрепляли эту национализацию путем создания районных советов народного хозяйства, в ведении которых переходили захваченные таким образом предприятия (Горловско-Щербиновского района, Гришино и т. д.).

Последовавшие за этим события—кровопролитная гражданская война с контр-революционным казачеством Дона, ареной которой стал Донбасс, оккупация Украины немцами и т. д.—временно приостановили дальнейшее развитие революционного профессионального движения. Полное организационное оформление профсоюзов произошло уже в период окончательного укрепления советской власти в Донбассе.

1917 ГОД В ГОРЛОВСКО-ЩЕРБИНОВСКОМ РАЙОНЕ [1]).

Дни февральской революции в районе совпали с той катастрофой на Горловском руднике № 1, о которой уже упоминалось раньше [2]). Она разразилась как раз 27 февраля, т.-е. в тот момент, когда в Питере судьба царизма была решена.

На почве этой катастрофы, вызвавшей несколько десятков человеческих жертв, среди шахтеров царило недовольство и заметное возбуждение, готовое внезапно вылиться наружу. На другой день, 28 февраля, в районе очередные столичные газеты получены не были. Возбуждение еще больше усилилось. Такое напряженное состояние тянулось до 2 марта.

Вечером 2 марта на железнодорожных станциях (Никитовка, Горловка) по телеграфу были получены первые сведения о падении самодержавия и об образовании Временного правительства из состава членов Государственной Думы.

На устроенных в эту же ночь совещаниях большевистских кружков на рудниках решено было на следующий день активно выступить с разъяснением происшедших событий и организовать революционные органы власти.

3 марта на открытом митинге рабочих Горловского артиллерийского завода большевики выступили с протестом против войны, разъясняя буржуазную природу Временного правительства, призывая организоваться в советы рабочих депутатов, по примеру питерских рабочих, и требовать от Временного правительства прекращения войны, введения восьмичасового рабочего дня и т. д.

Меньшевики выступили с программой поддержки Временного правительства, продолжения „обороны отечества“ и высказыва-

[1]) Воспоминания т. т. С. Белозерова, Я. Борина, Н. Дубового и М. Острогорского.

[2]) См. в наст. сборн. „Горловско-Щербиновский район перед Февралем“.

лись против организации совета рабочих депутатов, предлагая создать „общественный комитет спасения революции". Благодаря преобладанию меньшевиков на артиллерийском заводе победа осталась за ними.

Но на рудниках дело пошло иначе. Несмотря на все старания и провокационные выходки меньшевиков, влияния большевистских организаций сорвать не удалось, и руководство событиями и массами по всем рудникам района осталось за большевиками.

Под руководством большевиков на рудники была обезоружена и арестована полиция, были назначены из членов партии начальники рудничной милиции и самые милиционеры; полицейские же чины, напутствуемые насмешками рабочих, их жен и ребятишек, были конвоированы в Бахмут.

Вслед за этим на Щербиновском, Нелеповском, Северо-Никитовском, Фурсовом, Ртутном рудниках и на мелких крестьянских шахтах в первой половине марта вместо общественных и революционных комитетов были организованы советы рабочих депутатов.

На остальных рудниках Горловки; № 5, 1, 8 и на Байраке советы были организованы во второй половине марта, так как здесь влияние меньшевиков, имевших, как выше было указано, весьма сильную организацию на Горловском артиллерийском заводе, мешало проведению выборов советов. Но и тут в апреле месяце от этого влияния также ничего не осталось, и рабочие, несмотря на торжественные, громкие фразы меньшевиков о поддержке Временного правительства и войны, плохо их слушали.

Агитация большевиков против войны и за немедленное проведение восьмичасового рабочего дня, организационный успех в создании советов рабочих депутатов, повсеместный захват милиции в руки большевистской организации (за исключением Горловки № 1, где милиция была даже не в руках меньшевиков, а во главе ее стоял кадетствующий инженер Яцынич) подняли удельный вес большевиков среди шахтерских масс, поставив их на много выше организаций меньшевиков и эсэров вместе взятых.

Дальнейшая работа большевиков в районе развернулась в направлении полной консолидации своих сил как по партийной линии, так и по объединению рудничных советов в район-

ный исполнительный комитет. Основным недостатком в партийной работе было отсутствие твердых руководящих директив высших партийных центров в вопросах об отношении к Временному правительству, войне и общественным комитетам. Макеевский районный комитет большевиков (связь с которым не прекращалась вплоть до апреля месяца) в начале марта 1917 г. созвал широкую партийную конференцию, на которой были подвергнуты обсуждению все основные вопросы, волновавшие партийную организацию.

Решение этой конференции в основном сводилось к следующему: попрежнему продолжать решительную агитацию против войны, разъясняя ее истинные цели; никакой поддержки Временному правительству не оказывать, а укреплять организацию советов рабочих депутатов; вести борьбу с общественными комитетами как половинчатыми мелкобуржуазными организациями; требовать и по соглашению с администрацией рудников вводить восьмичасовой рабочий день и повышать заработную плату; приступить к организации профессионального союза горняков и т. д.

На конференции присутствовали и представители харьковской организации большевиков, с которой макеевскому центру удалось в начале революции установить некоторую связь. Представители харьковской организации, покойный тов. Данилевский и второй, по имени Алексей (фамилии восстановить не удалось), привезли с собой листовки, в которых были выставлены, в числе прочих, два лозунга: „Долой Временное правительство“ и „Да здравствует гражданская война“.

Группа делегатов конференции, уезжая из Макеевки вместе с этими двумя товарищами, по дороге и на станции Харцызск распространяла эти листовки, расклеивая их повсюду, где только они могли быть видны. Какой-то кадетствующий комендант станции, он же одновременно и комиссар Временного правительства в Харцызском поселке, прочитав листовки, отдал распоряжение о немедленном аресте всех тех, кто будет с этими листовками замечен.

В результате арестовали 15—16 ехавших делегатов, среди которых были т. т. Данилевский и Алексей из Харькова, М. Острогорский, Рашель (Борисова), Н. Седов и целый ряд других товарищей, преимущественно с рудников Горловско-Щербиновского района. Всем арестованным было предъявлено обвинение в „немецком шпионаже“, и они были заперты в кутузку до сле-

дующего дня. Арестованным не давали есть, водили напоказ рабочим, как какое-то пугало, и только через сутки всех арестованных товарищей заперли в теплушку и под сильным конвоем отправили в Таганрог.

Необходимо отметить, что перед этим, в результате уведомления, посланного арестованными макеевскому комитету большевиков, в Харцызск прибыл председатель макеевского совета, меньшевик-оборонец Телия, который, зная многих товарищей в лицо, пытался освободить их. Комендант-комиссар станции, фанатически уверенный в злополучном „шпионаже", категорически отказался сделать это.

В Таганроге арестованных выстроили в ряды для отправки в тюрьму. Представители таганрогского совета, явившиеся на вокзал [1]), осмотрели летучки, находившиеся на руках у стражи, как „вещественные доказательства", выслушали претензии арестованных и уехали. Через 2—3 часа все арестованные были освобождены. Таганрогский совет (в котором преобладали меньшевики и эсэры) выразил свое сожаление по поводу случившегося и обещал принять меры к привлечению виновных к ответственности, посоветовав не распространять этих летучек. Однако летучки были взяты в район и там распространены с большой пользой для укрепления большевистского влияния.

* * *

В средних числах апреля 1917 г. состоялись первые районные съезды советов и большевистских организаций; были созданы районный исполнительный комитет СРД и первый районный комитет РСДРП (большевиков). С этого момента фактически и была прекращена подчиненно-организационная связь Горловско-Щербиновского района с Макеевкой. Район непосредственно связался с екатеринославским комитетом большевиков, одновременно поддерживая связь с харьковской организацией, и нередко координировал свою работу с макеевским комитетом большевиков.

На всероссийскую конференцию СРД были избраны только большевики, меньшевики же полностью провалились. После блестящей победы над меньшевиками на первом районном съезде СРД большевикам сравнительно быстро удалось овладеть на-

[1]) Представители таганрогского совета явились сюда вследствие телеграфной просьбы макеевского СРД об освобождении арестованных.

строением всей шахтерской массы и повести свою внутрипартийную работу главным образом по линии количественного расширения своих рядов и, по возможности, качественного улучшения организаций. Вести более глубокую пропагандистскую воспитательную работу не удавалось, вследствие большого недостатка хорошо подготовленных подпольных партийцев; агитационная же работа большевиков сводилась к разъяснению текущих событий, которые нарастали с невероятной быстротой.

Прямолинейная, классово выдержанная агитация большевиков, неустанно разоблачавших все хитросплетения и козни буржуазного Временного правительства, все более и более сплачивала вокруг большевистских организаций дышавшие здоровым революционным энтузиазмом шахтерские массы. Борьба с меньшевиками и эсэрами как внутри советов, так и на бесконечных митингах, происходивших по несколько раз в неделю, уже не представляла большого труда. Организации меньшевиков и эсэров были численно невелики, в состав их входили преимущественно представители рудничной администрации, местной интеллигенции и лишь незначительная часть рабочих, что говорило само за себя. Таким образом, меньшевики и эсэры не только не привлекали к себе рабочих, но отталкивали их своими соглашательскими выступлениями—призывами к „обороне отечества“ и поддержке Временного правительства.

Единодушный протест в районе вызвала апрельская нота Милюкова к союзникам, в которой Временное правительство заявляло о своем намерении продолжать войну до победного конца. Митинги и демонстрации протеста против этой ноты, организованные и проводимые большевиками, еще более усилили авторитет большевиков и толкнули в ряды организации все активное и сознательное в шахтерской массе.

Организация большевиков росла чрезвычайно быстро. На отдельных рудниках, как, например, на Нелеповском и Щербиновском, рабочие постановили вступить в ряды большевистской организации полностью. Пришлось разъяснить, что всех сразу принять в партию нельзя—по множеству причин.

Празднование Первого мая 1917 года почти совпадало с первой годовщиной кошмарной царской расправы с мирно бастовавшими шахтерами в мае 1916 года. В этот день сначала происходили отдельные рудничные собрания на местах, затем около 10 часов утра многотысячные колонны шахтеров с пе-

нием революционных песен и с красными знаменами двинулись на „святое место".

Грандиозный и величественный вид имела эта демонстрация. Год тому назад на этих же самых местах царская нагайка гуляла по спинам рабочих, а сегодня горняки твердым шагом и без всякой опаски шли к месту, где покоились их убитые братья. Шествие до такой степени было необычайно и мощно, что по пути увлекало за собой не только жен и детей, но и целые группы крестьян из сел, расположенных по пути к „святому месту". Десятки тысяч человек собрались к скромному памятнику жертвам, павшим за рабочее дело; открытие памятника состоялось в тот же день.

Демонстрация целиком прошла под большевистскими лозунгами: „Немедленный мир без аннексий и контрибуций", „Долой войну", „Восьмичасовой рабочий день", „Да здравствует Третий Интернационал". Все меньшевистские и эсэровские выступления были освистаны рабочими, а отдельные их плакаты, в роде так называемой „эмблемы свободы" по требованию рабочих были удалены с митинга. Встреченные градом насмешек и свистом рабочих меньшевики и эсэры вскоре покинули этот многочисленный митинг, окончательно подорвав свой авторитет в районе.

Кроме указанных, фигурировали и другие большевистские лозунги, вытекавшие из апрельских тезисов Ленина. Эти тезисы оформили у большевиков района еще недостаточно осознанные стремления двинуть революцию дальше ее буржуазно-демократического содержания. Районный и местные советы тогда уже фактически являлись полновластными административными органами в районе, так как ими сразу же были захвачены милиция и все другие административные учреждения. Благодаря этому обстоятельству в районе не было более популярного лозунга, чем „Вся власть советам".

Только большевистская печать получила широчайшее распространение в районе; газету „Правда" шахтеры прямо рвали из рук; почти то же самое было и со „Звездой" — газетой екатеринославского комитета большевиков. Мощь и влияние большевистской организации росли и крепли, но пока только в пределах Горловско-Щербиновского района. Соседние районы — Енакиевский, Макеевский, Дружковский и Константиновский — были поставлены в худшие условия и вынуждены были вести

долгую и упорную борьбу с меньшевиками и эсэрами за завоевание масс.

Горловско-Щербиновский район территориально был отнесен к Бахмутскому уезду, в центре которого (в г. Бахмуте) была достаточно сильная организация меньшевиков, которые вместе с эсэрами и кадетствующими элементами города захватили все функции уездной власти и пытались тормозить большевистскую работу в районе до самого Октябрьского переворота.

Бахмутские администраторы были все же бессильны остановить большевистское движение в районе или ослабить его путем ареста руководителей организации, что они неоднократно пытались сделать. Но все их приказы по милиции о подобного рода мероприятиях попадали прямо к большевикам в руки через членов партии—начальников рудничной милиции. Послать свои силы они не решались по многим причинам, а главным образом из боязни вызвать вооруженный конфликт, о чем большевики весьма прозрачно намекали им.

На этой почве росла глухая вражда к району со стороны уездного центра, тем более, что район наладил крепкую надежную связь с екатеринославским губернским центром как по партийной линии, так и по линии совета рабочих депутатов. Правда, в екатеринославском совете также преобладали отъявленные соглашатели-меньшевики, однако последние, находясь далеко, были бессильны влиять на работу районного совета, и эта связь, таким образом, была лишь формальной.

Борьба с Бахмутом, однако, не ослабляла внутренней работы в районе. На щербиновской группе рудников уже в апреле месяце был организован первый горняцкий профессиональный союз „Рабочий", а в мае месяце членам союза уже были розданы билеты, которые и поныне сохраняются у некоторых товарищей.

На Горловской группе рудников профессиональный союз был организован, примерно, на месяц—полтора позже; задержка здесь была вызвана затянувшейся борьбой с меньшевиками артиллерийского завода. Огромнейшее большинство рабочих всего района немедленно вступило в союз, и профессиональная работа закипела под руководством большевистской организации, ибо в правление союза рудники выбирали большей частью большевиков.

Лозунг „рабочий контроль над производством“ уже в июне месяце был практически осуществлен выделенными (профсоюзами) для этой цели комитетами рабочего контроля. В конкретных условиях жизни и работы района надобность в рабочем контроле настолько назрела, что, если бы он не был проведен в то время, то пришлось бы получить в наследие от капиталистов еще большее кладбище рудников, чем то, какое попало в руки рабочих после Октября.

В 1917 году предприятия каменноугольной промышленности пришли в еще больший упадок, чем это было в 1916 году. Дело в том, что горная промышленность района (как и всего Донбасса) наивысшего своего расцвета достигла еще в 1913 году, и дальнейшее развитие производительности рудников могло итти только при условии усовершенствования производства путем установки новых машин и котлов взамен изношенных и капитального ремонта всего рудничного хозяйства в целом. Но в 1914—1916 г.г. развитие производительности шахт района продолжалось неослабевающим темпом за счет такой перегрузки всего технического оборудования рудников, что на любом из предприятий в любой момент могла произойти катастрофа. Капитального ремонта изношенного оборудования ни во время войны, ни в 1917 году совершенно не производилось, ибо барыши для промышленников попрежнему были важнее дальнейшего благополучия предприятий.

В 1917 году, по мере того как развивалась и совершала свое победное шествие революция, интересы шахтеров и промышленников все резче и резче расходились. Рабочие района были настроены особенно враждебно в силу того, что их требования о повышении заработной платы на 50%, предъявленные в 1916 г., так и остались неудовлетворенными. Переговоры с Советом съездов горнопромышленников юга России, начатые еще в марте 1917 г., не привели ни к каким результатам, превратившись в затяжной конфликт [1]). Бешено растущая дороговизна жизни, а также падение производительности труда, обостренное размахом революционных событий, подогревали этот конфликт до высших пределов и он особенно резко чувствовался в Горловско-Щербиновском районе, где между администрацией и рабочими происходили беспрерывные столкновения.

[1]) См. в наст. сборн. статью „Профсоюзы и экономическая борьба рабочих Артемовщины“.

Администрация рудников, растерявшаяся от неожиданно грянувшей революции, не имея директив от своих правлений, сначала по инерции сопротивлялась требованиям рабочих. Но требования росли. Рабочие все сильнее волновались, и администрация некоторых рудников (Горловки, Ртутно-угольного) трусливо бежала, очевидно уже по директивам своих правлений оставив на произвол судьбы предприятия.

Это обстоятельство заставило большевиков через СРД и комитеты рабочего контроля провести ряд мероприятий, главными из которых были: 1) запрещение администрации рудников отлучаться из предприятий без ведома СРД; 2) овладение гужевыми средствами передвижения, пользоваться которыми администрация могла только с разрешения СРД; 3) контроль над телефонной сетью, как средством связи администрации одних рудников с другими; 4) просмотр всей официальной корреспонденции, поступающей в управления рудниками, и т. д.

Эти жесткие мероприятия были продиктованы желанием большевиков и рабочих не допускать злостного саботажа со стороны администрации рудников, которая своим бегством лишала предприятия правильного технического руководства. На этой почве произошло очень много конфликтов, но принятые меры вполне оправдали себя, обеспечив до поры до времени более или менее бесперебойное функционирование рудников.

На фоне такой экономической действительности разворачивалось революционное движение и борьба горняков Горловско-Щербиновского района в 1917 году.

Революционные события во всей стране шли своим чередом. Большевики повсеместно завоевывали симпатии рабочего класса. В Петербурге, под непосредственным руководством В. И. Ленина, большевики овладевали доверием рабочих. Начатая в это время травля Ленина, как „немецкого шпиона", докатилась и до шахтеров района, вызвавши глубокое возмущение, которое проявилось на многочисленных бурных демонстрациях и митингах протеста, показавших, что шахтеры не верят этой провокационной лжи.

Когда Временное правительство в лице главкома Керенского издало знаменитый приказ 18 июня о наступлении на австро-германском фронте, весь район, под руководством большевиков, ответил невиданной силы протестом и призывом к солдатам, борющимся на фронте, брататься с немецкими и австрийскими солдатами.

Выпущенный Временным правительством „заем свободы“ был в районе провален. Офицерам, переодетым матросами и солдатами, предлагавшим его, не удалось распространить ни одной облигации, несмотря на все их красноречивые доводы и убеждения. Шахтеры, выслушав этих „матросов и солдат“, потребовали немедленного отъезда их с рудников.

* * *

Районная большевистская организация не забывала и другой своей основной задачи. Значительная часть рудников района была расположена по соседству с селами. По сути дела эти села лишь наполовину были земледельческими, ибо земельные участки их были крайне неплодородны, так как все соки земли высасывались мощнейшими пластами угля, „хвосты“ которых от поверхности земли находились не более, чем на 2—3 аршина, а часто прямо выходили и на поверхность. Поэтому крестьянство ближайших к рудникам сел предпочитало заниматься именно ковырянием этих поверхностных пластов, устраивая примитивные шахты, так называемые „вертушки“, т.-е. неглубокие ямы, откуда уголь добывался при помощи простых воротов, обычно применяемых для доставания воды из сельских колодцев. Отсюда-то и стали называть все мелкие каменноугольные шахты „крестьянскими“. Но значительная часть крестьянства все же занималась сельским хозяйством.

Между селами и рудниками и до революции существовала особая связь, выражавшаяся в том, что шахтеры ходили в соседние деревни, гуляли там, женились и т. д.; крестьяне же, в свою очередь, снабжая сельскохозяйственными продуктами все рудничное население, довольно часто заходили к шахтерам в „гости“— узнать последние „новости“, которыми рабочие были гораздо богаче, чем селяне. Со времени Февральской революции эта чисто бытовая связь усилилась, дополнившись еще и политическим содержанием, так как рудники представляли собой значительно более культурные центры, нежели села. На рудниках и газеты и живая общественная жизнь била ключем и до революции. С момента же революции рудники по отношению к селу превратились в культурные центры, которые разъясняли селянам смысл происходящих событий, помогая делать революцию на селе.

Большевики, конечно, не могли отказаться от использования этой связи, а, наоборот, в силу своей политической программы, рассматривающей крестьянство, как огромную движущую силу революции, которой нужно овладеть в интересах победы революции,— стремились эту связь расширить и углубить. При участии большевистской организации в окружных селах были организованы советы крестьянских депутатов, впоследствии, после Октября, объединенные в общий с рабочими районный исполнительный комитет. Весьма часто большевики посылали в села делегатов, разъяснявших политику своей партии и смысл текущих событий того времени. На крестьянских собраниях в селах Щербиновке, Нелеповке и особенно в Железной очень часто возникали довольно серьезные столкновения с эсэрами, которые успели там свить себе довольно прочное гнездо. Тем не менее, к Октябрьской революции крестьянство упомянутых сел было вполне распропагандировано и в основной своей массе шло за лозунгами: „Земля крестьянам без выкупа", „Мир без аннексий и контрибуций" и „Вся власть советам".

Еще до Октября при участии большевиков были организованы и земельные комитеты, которые, не ожидая Учредительного собрания, деятельно принялись за самостоятельное разрешение вопросов землеустройства по-революционному, по-большевистски. Одновременно с этим большевики частично работали и в волостном земстве, где главным образом и протекала ожесточенная борьба с эсэрами за обладание крестьянской массой, а в селе Железное — и с меньшевиками, которые, работая на Нью-Йоркском механическом заводе, также принимали участие в борьбе за крестьянство, не говоря уже о том, что занимали господствующее положение на своем маленьком заводике.

Таким образом, и в этой области революционного движения большевики завоевывали все новые и новые позиции, которые значительно приблизили крестьянство района к достижению главной цели — захвату власти советами.

* * *

Общее развитие событий не замедлялось ни на один момент. Назрели и прошли июльские дни, отмеченные в районе на митингах протеста и демонстрациях, происходивших на рудниках. Общерайонную демонстрацию партийный комитет решил не

устраивать [1]). Митинги протеста прошли под лозунгами: „Долой десять министров-капиталистов", „Вся власть советам", „Долой войну", „Земля — крестьянам, фабрики — рабочим" и т. д. В то же время, с целью ограждения района от грозящей опасности со стороны контр-революции, в повестку дня работы большевиков был поставлен вопрос о вооружении рабочих-шахтеров.

Как уже указывалось, районным комитетом большевиков связь была установлена одновременно с Харьковом и Екатеринославом, которые тогда оспаривали друг у друга право стать революционным центром Донбасса. В силу такого положения приходилось сноситься и с одним и с другим центром. Но и этот спор между двумя областными центрами в общем послужил только на пользу победоносного развития революции в районе, так как спорящие центры, стараясь словно опередить друг друга, стремились на деле показать свое практическое значение для района. При содействии харьковского и екатеринославского комитетов район получил довольно большое количество оружия, тайно храня его до поры до времени в местной организации. В нужный момент оказалось, что не только все члены партии до одного оказались вооруженными, но и для значительной части активных рабочих, шедших за большевиками, хватало оружия.

Непосредственной серьезной угрозы контр-революции в районе пока не было. Сила и боевая готовность большевистской организации росли одновременно с беспрерывным количественным ростом ее. Практическим же выводом из всего этого была еще более усиленная доставка оружия для вооружения рабочих.

Меньшевики и эсэры окончательно потеряли свое влияние, и их организации начали разваливаться. Многие из руководителей этих организаций уехали с рудников. Но зато начало расти влияние анархистов, борьба с которыми отнимала у большевиков немало времени. Наиболее неустойчивые элементы шахтерских масс, разуверившиеся в быстрой победе пролетарской революции, последовали за ложными лозунгами анархистов, призывавших к полному безвластию и разрушению всего созданного буржуазным строем, буржуазной наукой и техникой. Но силы анархистов были все же недостаточны для того, чтобы мешать основной большевистской работе и успехам.

[1]) Некоторые подробности об июльских днях в районе см. в журнале „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 372.

Экономическая жизнь района за это время изменилась только в том отношении, что большевики, не ожидая Временного правительства с его Учредительным собранием, ввели восьмичасовой рабочий день на предприятиях района с сохранением прежней зарплаты и расценок. Этим, пожалуй, в известной степени был урегулирован вопрос об удовлетворении требований союза горняков о повышении зарплаты. В отдельных местах удалось даже заставить администрацию рудников пойти на уступки и увеличить заработную плату; другие же предприятия, администрация которых разбежалась, о чем сказано выше, были предоставлены самим себе, вернее комитетам рабочего контроля, как это было на Ртутно-угольном руднике Ауэрбаха.

На Щербиновской степи, где была расположена целая сеть мелких „крестьянских" шахт, в виду беспрерывных конфликтов между хозяевами и шахтерами, местный СРД (мелких рудников Щербиновской степи) в июне месяце фактически забрал несколько шахт в свои руки, что, конечно, в тех условиях не могло вывести мелких шахт из жестокого кризиса. Однако нельзя обойти молчанием любопытных подробностей, сопутствовавших этой „национализации". Бывшие владельцы этих „национализированных" шахт, как наиболее злостные и упорные эксплоататоры, не желавшие признавать вмешательства СРД и не хотевшие выполнять его постановлений, были последним арестованы и заперты в местной „каталажке". Разумеется, такое самоуправство местного СРД не осталось без последствий. Оставшиеся на свободе шахтовладельцы тайком отправили телеграмму прямо на имя Керенского в Питер, и последний распорядился арестованных шахтовладельцев освободить, а вместо них посадить главного „виновника"—председателя СРД Щербиновской степи тов. С. М. Белозерова и привлечь его к суду. Вслед за этим прибыл какой-то чиновник из Харькова, благодаря хлопотам и увещеваниям которого СРД арестованных освободил. Но посадить или отдать под суд тов. Белозерова так-таки не удалось. Вскоре после отъезда представителя Временного правительства освобожденные шахтовладельцы попрежнему начали тянуть волынку, за что вновь были арестованы и только по миновании надобности в их задержании были отпущены на все четыре стороны.

Все это вместе взятое ясно показывало, что буржуазия всерьез жаждет борьбы с рабочими. В таком политическом и экономи-

ческом состоянии находился район в дни корниловских событий, когда вооруженная контр-революция сделала решительную попытку разгромить революционных питерских рабочих и по-настоящему захватить власть в свои руки. Районный съезд советов, созванный в это время, учитывая создавшееся положение в стране и настроения рабочих, требовавших немедленной передачи власти в районе советам, по предложению большевиков всю административно-политическую власть взял в свои руки[1]).

СРД, захватив власть, ограничился тем, что объявил себя высшим административно-политическим органом в районе. В области экономической совет подтвердил приказами те мероприятия, которые были вызваны бегством отдельных администраторов рудников и, кроме того, администрацию всех предприятий поставил в подчиненное положение по отношению к комитетам рабочего контроля; усилен был контроль за средствами связи и внутренних сообщений между рудниками, а также введен надзор над всеми ж.-д. станциями, находившимися на территории района; официально узаконен был восьмичасовой рабочий день не только на предприятиях, но и в торговых заведениях района.

Одновременно с этим партийный комитет вместе с СРД развернул широкую и открытую работу по созданию отрядов Красной гвардии. На всех рудниках района началось обучение членов партии и беспартийных рабочих военному искусству под руководством солдат, вернувшихся с фронта. Полученное ранее оружие сослужило теперь свою службу.

Результат этих достаточно энергичных выступлений не заставил себя долго ждать. Уездные власти (администрация рудников, понятно, информировала кого следует) начали действовать. Сначала в харьковских, а затем и в столичных газетах появились заметки и статьи, посвященные большевистскому „перевороту“ в районе. В этих статьях громы и молнии сыпались на головы большевиков. Через некоторое время в район явились эмиссары Временного правительства, которые, пытаясь „уговорить“ и „урезонить“ совет, обещали в целях борьбы с

[1]) Подлинный протокол этого съезда от 30 августа 1917 года лишь в 1924 г. был передан в Истпарт ЦК КП(б)У одним из участников съезда — тов. Острогорским; разыскать протокол до сего времени не удалось. Между прочим, в большевистской газете „Пролетарий“ (Харьков) № 124 от 1 сентября 1917 года протокол этого съезда частично опубликован в крайне искаженном виде.

растущей дороговизной объявить правительственную продовольственную диктатуру в Донбассе, которая якобы обеспечит бесперебойное снабжение рудников продовольствием и предметами широкого потребления, в которых уже и тогда ощущался большой недостаток. Эмиссары обещали выделить Донбасс в самостоятельную административную единицу (губернию) и т. п.

Взамен этого районному СРД предложено было отменить решение о взятии власти в свои руки, предоставив администрации рудников самостоятельно, без вмешательства комитетов рабочего контроля, управлять производством; подчиниться уездным органам Временного правительства и, в частности, передать рудничную милицию в ведение уездного милицейского комиссариата, допуская на должность рудничных комиссаров только лиц, утвержденных уездным комиссаром милиции. Словом, от районного совета хотели добиться отказа от всего, что было им завоевано за это время. Но совет решительно отверг все эти предложения, не веря ни одному слову буржуазных эмиссаров. Тогда эмиссары заявили, что Временное правительство оставляет за собой свободу действий, и уехали из района.

Через некоторое время в районе стало известно, что „сам" Керенский распорядился послать в район войска. Цель этого распоряжения была ясна.

Вскоре в район действительно прибыла воинская часть. Это была 3-я кавалерийская дивизия в составе 16.000 штыков под командой генерала Бискупского, переброшенная с румынского фронта. Хотя войска прибыли после Октябрьского переворота, возможность столкновения не исключалась, так как дивизия была настроена далеко не миролюбиво. Шахтеры до того были возмущены, что чрезвычайно трудно поддавались призыву— спокойно реагировать на прибытие „гостей", „гостинцы" которых — дула орудий и пулеметов — были обращены в сторону рудников. Много потребовалось времени для обработки дивизии. В конце концов солдаты ушли по домам, не подняв оружия против рабочих, разве только весьма сильно содействовали усилению голода в районе, так как хлеба дивизия съела немало. Зато огромная часть их оружия осталась в распоряжении района в качестве трофеев обработки дивизии, которую большевикам удалось разоружить.

* * *

В сентябре состоялось „демократическое совещание"; в октябре собрался „предпарламент" (Совет республики). Район реагировал на них, как на очередные слеты черного воронья революции. Лишним будет повторять о митингах протестов, о грозном гневе возмущения рабочих. Это само собой понятно из того, что уже сказано выше.

Так подошел район к моменту второго всероссийского съезда советов. Делегатами на этот съезд избраны были только большевики. Меньшевики и эсэры, оставшиеся к тому времени одиночками, не получили ни одного места. Их организации значительно раньше этого успели безславно развалиться. Анархисты же сами себя посадили в ловушку. Так, не признавая никакой власти и агитируя за безвластие, они были совсем обойдены большевиками во время выборов на второй всероссийский съезд советов.

Наступили Октябрьские события. В это время в районе находился тов. Г. И. Петровский, под руководством которого и прошли первые Октябрьские дни. Немедленно был создан военно-революционный комитет Горловско-Щербиновского района. На все ж.-д. станции и телеграфы были назначены официальные комиссары, и, таким образом, были оформлены те наблюдательские функции, которые совет принял на себя с момента корниловских событий.

В экономическом отношении исполком горловско-щербиновского СРД объявил себя полным хозяином всех промышленных предприятий района, выделив соответствующий административный орган для управления ими. В сущности Октябрьский переворот только оформил уже ранее фактически совершонный захват власти и рудников.

Остановимся на выборах в Учредительное собрание, как на одном из важных этапов борьбы. Тут нужно отметить один факт, в известной степени предопределивший успех большевиков на выборах в Учредительное собрание, это—объезд района тов. Г. И. Петровским, главным кандидатом большевистского списка по Екатеринославской губернии в члены Учредительного собрания.

Авторитет Г. И. Петровского, как главы большевистской пятерки в Государственной Думе, еще в 1914 году был чрезвычайно велик. Когда Г. И. Петровский посетил рудники района, революционный энтузиазм шахтеров не имел границ. Шахтеры

чутко и взволнованно слушали его рассказы о тех переживаниях, которые выпали на долю большевистской фракции в Сибири, а когда он перешел к освещению текущих событий и задач рабочего класса, то все, как один, поклялись отдать свои силы революции. И клятву эту впоследствии многие сдержали.

В Учредительное собрание прошел только большевистский список, который получил около 84%, эсеровский — 10%, украинский — 4½% и меньшевистский немного более—1½%. Однако рабочие района не придавали особенного значения Учредительному собранию, ибо большевики, агитируя за свой список, достаточно хорошо успели разъяснить, что это „всенародное" собрание с участием буржуазии и помещиков, поддерживаемых меньшевиками и эсэрами, вряд ли даст рабочему классу то, чего он требует от революции и для чего он делает эту революцию.

Впоследствии разгон Учредительного собрания никакого впечатления на шахтеров района не произвел. Всем была понятна необходимость разгона и, пожалуй, совершенная бесцельность этого сборища после Октябрьской победы.

Октябрьский переворот вплотную поставил район перед грозной опасностью столкновения с казацкими калединскими бандами, которых на Дону к моменту Октябрьских событий было сосредоточено очень много. Контр-революция, засевшая на Дону, на Октябрьский переворот, совершонный в расположенном по соседству Донбассе, ответила вооруженным выступлением против рабочих. Поскольку контр-революции удалось подавить восстание рабочих в Ростове, что развязало руки этому черному воронью, Каледин двинулся на Донбасс. Нужно было объединять свои силы для борьбы.

В это же самое время по инициативе районного комитета большевиков началась организация Центрального бюро военно-революционных комитетов Донбасса (Центробюроревком, а впоследствии Центроревком ДБ) и Центрального штаба Красной гвардии Донецкого бассейна (Центроштаб) [1].

В виду того, что наиболее активным районом Донбасса в то время был Горловско-Щербиновский, являющийся к тому же центральным пунктом территории бассейна, эти первые настоя-

[1]) Более подробно см. об этом „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г., стр. 130—162, статья Т. Харечко.

щие донбасские центры [1]) поместились на ст. Никитовке и на Ртутном руднике. Тут было сосредоточено военное командование вооруженными частями Красной гвардии всего Донбасса, тут же находились склады оружия, которое прибывало в район, и пролетарские „интендантские" склады продовольствия и обмундирования для красногвардейцев. Сюда же стекались все рабочие отряды Красной гвардии с рудников Макеевского района (Ясиновского, Ханжонковского и др.), отступившие под напором калединских банд, которые, заняв эти рудники, чинили там кровавые расправы.

На узловых станциях Донбасса, Ясиноватой, Никитовке, Дебальцево и т. д. по инициативе Центроштаба были устроены так называемые „заслоны" для разоружения казачества, едущего с фронта на контр-революционный Дон, а также и всех других

[1]) Создание этих двух революционных центров Донбасса в момент калединского наступления на Донбасс и обострения украинского контр-революционного национализма, во главе которого стояла буржуазная Центральная Рада, дало, повидимому, сильнейший толчок организации Донецко-Криворожской республики (возникшей позже). Однако большевики района рассматривали эти свои центры (в том числе и ДКР), как административно-политические областные объединения, нужда в которых вызывалась еще с самых первых дней революции.

Само собой разумеется, что сумасбродная идея Центральной Рады отделения Украины от Советской республики рассматривалась в районе (состоявшем более чем на три четверти из русских рабочих, хорошо распропагандированных с точки зрения интернациональной), как прямая контр-революция кулацко-помещичьих кругов Украины; большевики и рабочие не могли примириться с этим шовинистическим угаром и открыто шли против него.

Последующая шовинистическая затея—созыв „украинского национального Учредительного собрания"—была самым решительным образом отвергнута в районе, и шахтеры под руководством большевиков горячо протестовали против дезорганизаторской контр-революционной шайки, отказавшись принимать какое-либо участие в этой новой „учредилке" и вообще поддерживать Центральную Раду с ее националистическими „универсалами", направленными против власти советов. Все это вызвало дикую ненависть со стороны петлюровцев к району, о чем не раз писалось в газетах того времени.

Зато создание Центрального исполнительного комитета советов Украины, правда, вначале не понятое рабочими, после разъяснений большевиков было встречено с большим одобрением и выражением своей поддержки, не говоря уже о Донецко-Криворожской республике.

Носители украинского национал-шовинизма—гайдамацкие отряды, оперировавшие почти на всей территории Украины и нагонявшие страх и ужас на все мирное население городов, до прихода немцев не смели и носа показать в районе, ибо отлично понимали, какой „гостинец" ожидает их в случае вторжения на рудники.

воинских частей, которые по тем или иным причинам попадали неразоруженными в Горловско-Щербиновский район.

В районе развернулась интенсивнейшая военная подготовка всех, кто только заявил желание бороться за дело революции и записался в Красную гвардию. Дело дошло до того, что под руководством т. т. Жлобы, Л. Вайнера и др. в районе начали формировать даже и конные отряды красногвардейцев.

Таким образом, боевой Горловско-Щербиновский район с первого же момента вооруженной борьбы с калединщиной превратился в центр всего революционного Донбасса, с одной стороны, и с другой в отправный пункт всех вооруженных сил республики в борьбе с донской контр-революцией.

Вспоминая сейчас горячее желание сражаться с врагом со стороны тех, кто еще вчера упорно отказывался воевать на фронтах империалистической бойни, еще раз убеждаешься в непобедимой силе рабочего класса, ярким примером которой являлись тогда шахтеры района.

Казаки под предводительством некоего Чернецова на ст. Иловайской расстреляли рабочих железнодорожного депо и совершили первые налеты на Юзовку, Макеевку, а также на целый ряд рудников, расположенных на территории Дона, как Ханжонковский, Буросовский, Прохоровский и Ясиновский. В ответ на это вооруженные шахтеры района, соединившись с отступившими рабочими названных рудников, не плохо обученные стрельбе, сформированные в крепкую боевую единицу—первый Донецкий пролетарский полк, численный состав которого был не меньше нормального полка, двинулись в первый настоящий бой с остервеневшим врагом.

Однако в борьбу были втянуты все же далеко не равные силы: на стороне белогвардейцев была наука и техника, а рабочие пока умели только хорошо умирать и, к сожалению, только начинали учиться военному делу, при чем самая учеба эта происходила в боях с врагом, а не в школах и академиях.

Первый донецкий пролетарский полк потерпел поражение в первом же бою с казаками, под Ясиновским рудником. Остатки этого полка слились впоследствии с другими красными частями.

Действовавший с самого начала борьбы с донскими белогвардейцами отряд под командой тов. Жлобы получил задание двинуться на станцию Лозовую, где он вместе с войсками

т. Егорова должен был остановить наступления корниловских отрядов, двигавшихся на Дон от Белгорода, так как была не исключена возможность нападения корниловских банд на Харьков и отсюда на Донецкий бассейн. Но эта опасность миновала как Харьков, так и Донецкий бассейн[1]).

Тов. Жлоба уже больше не вернулся со своим отрядом в район, так как из Лозовой он впоследствии был переброшен на царицынский фронт, где, как известно, покрыл себя неувядаемой славой блестящего революционного полководца.

К этому времени в район начали прибывать красногвардейские полки из Питера и Москвы под командованием первого народного комиссара по борьбе с контр-революцией тов. Антонова-Овсеенко.

Создав оперативную военную базу на станции Никитовка, где находились административные центры района, а также и всего Донбасса, эти части вместе с находившимися в ведении Центроштаба двинулись в наступление на контр-революционные силы, сконцентрированные на Дону.

Поскольку все внимание большевиков района отвлекалось военными действиями, вооружившиеся „под шумок" анархисты начали активно выступать, производя дерзкие ограбления, вплоть до экспроприации щербиновского сельсовета, у которого забрали полученные им деньги за аренду участков земли, принадлежавших сельсовету и находившихся под шахтами. На руднике Байрак было совершено ограбление предприятия: анархисты „экспроприировали" деньги, предназначенные для выдачи заработной платы рабочим. Нужно сказать, что даже так называемый идейный анархизм в тех условиях выливался в простые грабежи. Но так как в районе даже и этого „идейного" анархизма не было, то деяния анархистских групп рассматривались большевиками как определенные грабежи, нисколько не отличающиеся от обычных уголовных преступлений.

[1]) Нам остается только выразить свое глубокое изумление по поводу ежегодно публикуемых во всех календарях и особенно в „Календаре Коммуниста" сведений, где говорится, что 28 декабря 1917 года произошел „захват корниловцами Донецкого бассейна"... Откуда такая „осведомленность"—неизвестно, но нам, живым участникам Октябрьского переворота и военной борьбы в Донбассе, хорошо известно, что никаким корниловцам в 1917 году захватить Донбасс не удалось, как не удалось это Калединым, Богаевским и прочим белым генералам, вплоть до прихода немецких оккупационных войск и гайдамаков.

Районный исполком СРД объявил беспощадную борьбу анархо-уголовным шайкам, вследствие чего они вскоре были почти все разоружены, но, к сожалению, еще не ликвидированы полностью. До самой эвакуации района приходилось то здесь, то там вести настоящую вооруженную борьбу с ними, которая во всех случаях оканчивалась в пользу большевиков, ибо анархо-бандиты хотя и были хорошо вооружены, но крайне трусливы, недисциплинированны и неорганизованны. В этой борьбе сочувствие шахтерских масс района было целиком на стороне совета и они во многом способствовали ликвидации анархо-бандитских шаек.

На фронте гражданской войны с Доном после ликвидации генерала Каледина, как известно, застрелившегося в результате разгрома его войск, на контр-революционной сцене появились сначала Богаевский, затем Краснов и т. д., борьба с которыми продолжалась с переменным успехом. Шахтеры района продолжали беспрерывно пополнять собой ряды борющихся красногвардейцев.

Несмотря на все эти события, партийная жизнь в районе пульсировала с неослабевающей энергией. Тяжелы и вместе с тем весьма ответственны были эти дни. Вся работа протекала в условиях колоссального роста дороговизны, отсутствия денежных знаков для расчета с рабочими за добываемый уголь, при невероятной силы провокации со стороны всех явных и тайных врагов молодой советской республики, стремившихся нанести ущерб нашему делу—это с одной стороны. С другой—наличие фронта борьбы с контр-революционным Доном вызывало необходимость снабжать средствами и Красную гвардию. Для содержания Красной гвардии была проведена грандиозная работа по взиманию контрибуций, наложенных на помещиков-кулаков и богатых немцев-колонистов района. Вся тяжесть этой работы, проводившейся под руководством Центрального Военно-Революционного Комитета Донбасса, лежала на товарищах Н. И. Дубовом и Пашиной, действовавших вместе с небольшим отрядом конных красногвардейцев под командой тов. Леонида Вайнера.

В Харькове постоянно находились представители рудников, в ожидании денежных средств для зарплаты шахтерам, но получаемых средств было недостаточно. Однако шахтеры района, хотя и с большим трудом, но все же мирились с этим поло-

жением, отлично понимая, что лучших условий сразу создать нельзя было, поскольку, как уже отмечено выше, владельцы шахт и рудников заранее сделали все возможное для их разрушения. Кроме того, вооруженная борьба настолько захватила всю рабочую массу района, что у нее оставалось мало времени для обсуждения своих повседневных интересов. Тем не менее, партийной организации района приходилось напрягать все свои силы для того, чтобы разъяснить, почему экономическое положение вообще и материальное положение рабочих в частности— стало еще хуже, чем до переворота.

В это время горячие споры развернулись в партийной организации по вопросу о Брестском мире, стоявшему главным вопросом на повестке дня VII съезда партии. Эти же споры происходили и в самой шахтерской массе, которая всегда и во всяких условиях весьма живо и горячо реагировала на все события внутри партии. Как среди партийцев, так и в рабочей массе громадное большинство склонялось в пользу „священной войны" против напиравшего немецкого империализма. Были и такие, которые разделяли пресловутую точку зрения „ни мира, ни войны", но этих было значительно меньше, чем первых. Большевистская организация чуть было не стала на ложную позицию. Впервые за все время революции она оказалась на распутьи и приняла сначала решение поддерживать священную войну. Но, в конце концов, здравый смысл все же взял верх. Горячие доводы тов. Ленина против сторонников „священной войны" и „ни мира — ни войны" определили решение организации, которая большинством, правда, не весьма значительным, приняла Брестский мир, как наименьшее „зло".

Боевые силы красных под напором наступавших немцев и гайдамаков начали отступать, продвигаясь к Воронежу и Поволжью, где, соединившись с другими красногвардейскими частями республики, продолжали действовать против донского белогвардейского казачества. Красногвардейские отряды района вместе с другими отрядами Донбасса, переформированные в регулярную Красную армию, под командованием тов. Жлобы, проявили подлинные чудеса героизма на царицынском фронте, где большинство из них и сложило свои головы, не посрамив красного знамени и оружия шахтерского Донбасса.

После ухода красных вооруженных сил район был предоставлен самому себе. Большевики, волей революции поставленные

у власти, продолжали оставаться на своих постах до последнего момента. И лишь под обстрелом приближавшихся гайдамаков и немецких войск большевики, отступая с боями, при невероятно трудных условиях эвакуировали народные ценности и имущество в глубь республики—в Москву, на Поволжье и т. д., так как не желали, чтобы всем этим воспользовался наступавший враг.

На этом фактически и заканчивается первая страница того боевого прошлого, от которого нас в данный момент отделяет только одно десятилетие [1]).

Оглядываясь на пройденный путь борьбы и побед, мы видим, что потраченные в то время силы и бесчисленные жертвы шахтеров Горловско-Щербиновского района не пропали даром. Из молодой неопытной Советской республики теперь вырос уже мощный Союз Социалистических Советских Республик.

Донецкий бассейн, наш Горловско-Щербиновский район вновь восстановлены. И не только восстановлены, но Горловско-Щербиновский район расширяется и переоборудуется, отстраивая новые шахты. Добыча довоенного времени в районе превзойдена. Все это сделано исключительно внутренними силами нашей страны, силами шахтерских масс, немало потрудившихся над восстановлением разрушенного хозяйства своего района.

А из отдельных отрядов Красной гвардии Донбасса выросла еще никем не побежденная мощная рабоче-крестьянская Красная армия, в красном командном составе которой и по сей день находится ряд крупнейших командиров, вышедших из рядов горловско-щербиновской организации большевиков.

* * *

Описывая изложенные события, мы стремились вполне объективно изложить их ход в Горловско-Щербиновском районе Донбасса за период 1916—1918 г. г. и почти совершенно не указывали на роль отдельных работников того времени. В этом случае нами руководило желание не выпячивать значение и роль отдельных личностей. Нашей целью было показать дей-

[1]) В журнале „Літопис Революції" № 3 (стр. 41—69) и № 4 (стр. 123—130) за 1923 год опубликованы воспоминания т. Казимирчука о Горловско-Щербиновском районе, которые не совсем полно и точно освещают этот же самый период. Однако мы этого в вину т. Казимирчуку не ставим, т. к. писал он свои воспоминания один, на основании только своей памяти и без чьей-либо помощи со стороны работавших в районе товарищей.

Активнейшие работники Горловско-Щербиновского района (1916—17 г.г.).

ствие всего коллектива в целом, его напряженную волю, его борьбу и победы.

Тем не менее, мы считаем долгом отметить погибших в боях товарищей: Ш. А. Грузмана, Ф. Тинякова (Харьковский), Л. Смолякова, Стажко, Гладуненко, Желудева, Савелия Микулина. Кроме этих товарищей, погибли также следующие: Иваненко, З. Ключка, Иван Татаренко, О. Д. Ткаченко, Осташкин, Зуев, Ира Дубовая, Хальмовые (отец и два брата), Ф. Падалка, Зубров, А. Ткаченко, Мирошниченко, Н. Бондаренко, Т. Падалка, М. Тихонов, Кривошеев, В. Ладинев, Жеребцов, Мышай, Касай, Булатецкий, К. Смеян, Шевченко, Сиваненко и многие другие.

Перечисленные 26 человек — рабочие только одного Нелеповского рудника, фамилии которых удалось восстановить. Что же касается общего числа погибших товарищей, то его трудно определить даже приблизительно.

Умерли: Демьян Иванович Пономарев, Заволокин, Савченко, Огнев, Медянников, Хальмов, Пашина.

Мы особо подчеркиваем безвременную утрату одного из наших лучших руководителей и борцов тов. Ш. А. Грузмана [1]), убитого в Екатеринославе петлюровскими бандитами. Вместе с ним мы также отмечаем преждевременную гибель тов. Пономарева, Тинякова, Смолякова, Гладуненко и Стажко.

---

[1]) О значении т. Грузмана для горловско-щербиновской организации см. „Літопис Революції“ № 5 — 6 за 1927 год, стр. 371 — 373. Там же см. о товарищах: Тинякове (стр. 359—361), Смолякове (стр. 374 — 378) и Пономареве (стр. 390—393).

ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В ЕНАКИЕВО [1]).

Февраль пришел в Енакиево и был встречен так же, как и везде. Когда были получены первые сведения о перевороте, то выделенный рабочими временный комитет потребовал от полиции оглашения имевшейся у нее телеграммы. Полиция сопротивлялась до тех пор, пока не собрались рабочие со всего завода. Несмотря на попытки пристава Кунцевича [2]), рабочих разогнать не удалось: общей массой они двинулись от главной конторы завода к полицейскому участку, где при помощи солдат 2-й роты немедленно разоружили всех полицейских чинов, а пристава и его помощников арестовали. Тут же выделили рабочих, которых вооружили отобранным у полиции оружием и поручили им нести охрану города.

1 марта временному комитету было поручено послать приветственную телеграмму в Питер — комитету Государственной Думы; в эту телеграмму большевики внесли требование о политической амнистии.

Обыватели всех мастей, боявшиеся проявить малейшую активность в тяжелые дни царизма, наводнили теперь организации эсэров и меньшевиков. „Во время Февральской революции у нас в ячейке не было ни одного интеллигента",— говорят в своих

[1]) Все сообщаемые данные, за исключением специально оговоренных, заимствованы из хранящихся в Артемовском Окрисгпарте воспоминаний т.т. В. Кочкина, Сорокина, Д. Татаренко и К. Логвиненко, *(Прим. ред.)*.

[2]) Почему так усердно защищался этот сатрап старого строя, видно из следующего любопытного документа: „Русско-Бельгийское Металлургическое Общество. Февраля, 16 дня 1917 г. № 14651. Конфиденциально. В главную бухгалтерию. Так как в декабре минувшего года Федор Порфирьевич Кунцевич назначен полицейским приставом наших заводов, покорнейше просим выдавать ему *причитающиеся ему от нашего общества жалование и проч. денежные пособия*, начиная с 1 января текущего года. С совершенным почтением *Башмаков*". (Материалы Окриспарта). (Курсив наш. *Ред.*).

Вот в чем заключались причины „доблестного" поведения Кунцевича... *(Прим. ред.)*.

воспоминаниях Сорокин, Татаренко и Логвиненко. „Ораторов у нас не было“,—в один голос заявляют участники-большевики, в то время как с трибун потоками лились речи меньшевистско-эсэровского словоблудия, как туман опутывавшего сознание рабочих масс.

В конце марта временный комитет приступил к организации совета рабочих депутатов. По настоянию меньшевиков выборы происходили путем тайной подачи голосов по цехам. В совет прошло 15 большевиков, которые составляли в нем меньшинство, так как первое место получили меньшевики, а второе эсэры. Тем не менее, в исполкоме большевики получили 7 мест, но оказывать существенного влияния на ход работы совета они не могли. Таким образом, в Енакиево до самой Октябрьской революции господствующими организациями были меньшевики и эсэры, богатые интеллигентными силами.

Однако большевики не ограничивались только работой в совете и развивали энергичную агитацию среди заводских рабочих, благодаря чему проведение „займа свободы“ наполовину удалось сорвать, о чем пишет в своих воспоминаниях т. Кочкин.

В июне и июле организовываются и начинают быстро расти профессиональные союзы. Союз „Горнотруд“ на Веровском руднике в июле охватывает уже почти всех горняков. Союз горняков на Софиевском руднике 1 июля насчитывает 2.000 челов. Союз металлистов Петровского завода 2 августа 1917 г. насчитывает уже 6.000 членов из 8.000 рабочих [1]). В профсоюзах большевики определенно занимают руководящее положение. Да и сами союзы возникли лишь тогда, когда большевистские организации на заводе и рудниках достаточно окрепли, одна только заводская организация в первых числах июля насчитывала 250 человек действительных членов. По инициативе большевиков при союзах открываются библиотеки. Интересен факт организации при заводском союзе металлистов сельскохозяйственной мастерской для обслуживания нужд села — починки бричек, ковки лошадей и т. д.—в целях укрепления связи с деревней [2]).

К июльским дням наметился определенный перелом в настроении рабочих. Ясность большевистских лозунгов, огненные ленинские слова: „Хлеба, мира и свободы“ и „Вся власть со-

[1]) „Социал-Демократ“ № 145, 1917 г., стр. 4.

[2]) Там же.

ветам" сделали свое дело: организация росла и развивалась, хотя налаженной связи с большевистскими центрами еще не было. В июльские дни большевики провели демонстрацию, не давшую, однако, положительных результатов, вследствие контрвыступления всех враждебных сил. Настроение рабочих в пользу

Активнейшие работники Енакиево (1916 — 17 г.г.).

большевиков было несколько подорвано. На большевиков посыпались репрессии. Совет вынес постановление, запрещающее распространять большевистские газеты и особенно „Окопную Правду". Большевистская организация перешла на полулегальное положение, но работы своей и распространения запрещенных газет не прекращала.

„Свободолюбивая" революционная демократия, провозгласившая свободу печати и неприкосновенность личности, не гнушалась в эти дни даже такими средствами, как избиение от-

дельных большевиков на улице (случай с тов. В. Дорониным на базарной площади в Енакиево).

Все это, в конце концов, привело к тому, что во время выборов в городскую думу большевики вновь были внушительной силой, боровшейся не просто за влияние, а за первенство в думе. Первенства, правда, завоевать не удалось, но все же большевистский список занял второе место (первое место получили эсэры), и в думу было проведено 11 большевиков, несмотря на все „прямые" и „тайные" давления „свободолюбивой" демократии. Меньшевики заняли третье место.

За сентябрь организация большевиков выросла еще больше, и в первых числах октября имела уже 500 действительных членов. На митингах в октябре целиком проходят большевистские резолюции против коалиционного правительства, за немедленное прекращение войны, за созыв Всероссийского съезда советов, который признается единственною властью, и т. д.

Октябрьский переворот енакиевские рабочие встретили с энтузиазмом, который еще резче проявился благодаря посещению завода и рудников Г. И. Петровским. Его речи гремели в унисон пушкам Петрограда и Москвы; каждое его выступление сопровождалось огромным успехом; в организацию большевиков начали переходить рабочие из других партий. Большевистское влияние окончательно укрепилось к моменту выборов в Учредительное собрание: список большевиков получил первое место.

Новые выборы совета (второго созыва) дали большевикам 31 место, эсэрам—6 и меньшевикам лишь 3 места[1]). Совет выделил из себя ревком (в таком составе: т.т. Татаренко, Лавров, Фролов, Рябинин и Форбошка) и, по образцу всероссийского, свой Совет народных комиссаров, в который вошли: Друян, Доронин, Степещенко, Жарков (умер), Мальванов, Козельский, Турутин, Татаренко, Сорокин, Перебейнос, Рябкин, Вицман, Фролов (все большевики) и Иванский (эсэр).

Большевизированный совет сразу стремится взять в свои руки руководство предприятиями, вследствие злостного сабо-

[1]) Тов. Кочкин в своих воспоминаниях (стр. 4) утверждает, что перевыборы происходили 5 и 6 января 1918 г., при чем меньшевики и эсэры получили вместе 6 мест. Там же тов. Кочкин пишет следующее: „Немного позже появились анархисты... Начался разгул, неподчинение совету, неорганизованный захват имущества енакиевской буржуазии. Этот разгул и захват шли до 18 апреля 1918 года", т.-е. до прихода немцев. (*Прим. ред.*).

14 енакиевских рабочих, погибших 27 — 28 декабря 1917 г. в бою с казацкими бандами под Ясиновским рудником. Сняты в момент похорон в Енакиево 9 января 1918 года.

тажа администрации. Одновременно принимаются меры для охраны порядка и борьбы с контр-революцией. В ноябре проходят выборы на областную конференцию рудничных и заводских комитетов Донбасса. Во время этих выборов обсуждаются вопросы о рабочем контроле, организации Красной гвардии, о восьмичасовом рабочем дне, о мерах поднятия производительности труда.

Это сравнительно спокойное время тянется недолго. Енакиевский район попадает в водоворот событий. С запада на Донбасс наседают снявшиеся с фронта организованные отряды контр-революции, которые стремятся прорваться на Дон, сохранив свою организацию и все оружие. Таков, например, казачий отряд полковника Дроздова, снявшийся с румынского фронта, но задержанный и разоруженный ревкомом, несмотря на противодействие командного состава. Все вооружение и аммуницию казаки сдали без единого выстрела.

В это же время был послан тов. Дурьян в Питер за оружием, откуда и привез 2.000 винтовок, пулеметы „Максима" и один автоброневик.

Винтовки распределили так: большевикам—800 штук, эсэрам—150, меньшевикам — 120, анархистам—60, бундовцам—50 шт.[1]); часть оружия отправили на рудники, а все остальное ревком оставил в своем распоряжении.

Контр-революция, собиравшая силы на Дону, вызвала необходимость организации Красной гвардии. На заводе под руководством тов. Кобзева составился отряд в 200 человек, который обучался военному делу и нес охрану завода.

В декабре калединцы двинулись в наступление. Первыми попадают под удар дебальцевские рабочие и шахтеры Ясиновского рудника. Енакиевские рабочие в эти грозные дни не остаются пассивными: на всех рудниках комбината и в самом заводе спешно формируются дополнительные красногвардейские отряды[2]), которые под руководством т.т. Лаврова и Кобзева

[1]) В этом „распределении" оружия была недопустимая ошибка енакиевских большевиков, так как снабженные оружием меньшевики, эсэры и анархисты впоследствии воспользовались им против большевиков же. (*Прим. ред.*).

[2]) Товарищи Сорокин, Д. Татаренко и К. Логвиненко указывают, что выступило до 3.000 человек при 4 пулеметах и одном автоброневике, который занял Ясиновский рудник перед боем с казаками. В самом бою убито 14 человек енакиевцев, были и раненые, количество которых не указано; убитых привезли 7 января, а 9 января 1918 года похоронили в Енакиево. (*Прим. ред.*).

выступают на выручку своих товарищей. Наскоро организованные рабочие не умеют еще обращаться с винтовками, в бою стреляют по своим, но дерутся храбро даже и тогда, когда противник заходит в тыл (бой под Ясиновским рудником). Первые сражения с организованным врагом убеждают всех в том, что, не обучившись военному делу, нельзя рассчитывать на успех в бою. И вот в Енакиево начинается горячка обучения. Город превращается в лагерь спартанцев. На улицах и площадях идет обучение военному строю. Учатся старики, учится и молодежь. Участники рассказывают о таких фактах, когда в одном отряде отцы проходили военный строй вместе со своими сыновьями. Вооруженный регулярный отряд Красной гвардии доводится до 500 человек. Для содержания отряда ревком проводит реквизицию продовольствия и накладывает контрибуцию на кулаков.

Скоро надвигается новая беда: с запада движутся немцы и гайдамаки. Енакиевцы не ожидают врага дома и дерутся вместе с другими красными частями под Киевом, Полтавой, Синельниково, Лозовой, Юзовкой, Никитовкой, отступают к Царицыну и т. д. Только эсэры и меньшевики стоят в стороне от этого движения.

18 апреля из Енакиево ушел последний подрывной эшелон красных на ст. Волынцево [1]). Меньшевики и эсэры создали в это время два отряда: вооруженный и санитарный, последний во главе с доктором Сперанским (меньшевик). Немецкие войска находились уже на ст. Ясиноватая.

После отступления подрывного отряда часть анархистов осталась еще в городе для ликвидации своей федерации. Меньшевики, узнав об этом, арестовали анархистов Комарова и Богатикова, остальные скрылись и сообщили об аресте своих товарищей подрывному отряду, стоявшему еще на ст. Волынцево под командой анархиста Фомичева и большевика Д. Татаренко. Командир отряда, узнав об аресте товарищей, предъявил ультиматум меньшевистским и эсэровским властям Енакиево: „освободить арестованных, в противном случае будет открыт огонь по городу". Ответа не было. В 1 час дня подрывным отрядом был открыт артиллерийский огонь. Меньшевистско-эсэровский отряд „солдатской организации" под коман-

[1]) Этим отрядом командовали Фомичев (анархист) и Д. Татаренко (большевик). (*Прим. В. Кочкина*).

дой Отто выступил против подрывного отряда и расположился по Веровской железнодорожной насыпи. Началась перестрелка, длившаяся до трех часов дня. Во время перестрелки командир отряда Красной гвардии Д. Татаренко решил обойти солдатский отряд, взял пулемет, зашел в тыл меньшевикам в направлении Веровской насыпи и там расположился. Но не успел заложить в пулемет ленту, как кто-то из солдатской организации, подкравшись незаметно, ударил тов. Татаренко прикладом по голове, сбил его с ног и взял вместе с пулеметом в плен.

Подрывной отряд, получив об этом сведения, немедленно направил двух красногвардейцев, т. т. Кочкина и Лазарева, в город, узнать об участи задержанных. Когда указанные товарищи пришли в город, на площади около пожарной команды уже шел митинг, на котором судили захваченных. Толпа, наущаемая контр-революционерами, требовала расстрела. По предложению лидера меньшевиков Мосякова суд был перенесен на общее собрание, которое и состоялось в 4 часа дня в здании театра „Иллюзия"; сюда и привели „подсудимых" — Д. Татаренко, Комарова и Богатикова. Некоторые предлагали отдать их немцам на усмотрение. Тогда выступил Мосяков и, указав на то, что немцы уже заняли Никитовку, Криничную и были близко от Енакиево, предложил отпустить „пленных". Собрание арестованных освободило.

По окончании собрания навстречу немцам выехала делегация на заводском паровозе, на котором красовался белый флаг. Через некоторое время поезд вернулся с немцами, привезшими пулеметы и одно орудие. К прибытию немцев на станции Енакиево собралась, в ожидании своих „защитников", масса торговцев, обывателей и интеллигенции. Немцам устроили овацию, толпа засыпала их цветами и в приподнятом настроении разошлась по домам. На станции остались только представители петлюровской рады в лице Козачкова, Горчака и переводчика Отто, которые объясняли немцам расположение города.

19 апреля 1918 г. начались аресты и избиение рабочих шомполами. Шпионаж работал во-всю. Петлюровская рада и обыватели в 11 часов дня устроили молебствие о даровании победы над большевиками. После молебна открылся митинг, на котором поп Лоренцев благодарил все оставшиеся „организации" за их храбрость и избавление города от большевиков.

С аналогичными речами выступали представители солдатской организации: Отто и др.

Аресты всех заподозренных в большевизме рабочих не прекращались [1]). Ежедневно до 50 человек избивалось шомполами. Рабочие массами покидали Енакиево и пробирались через фронт к своим отрядам. Так продолжалось до ноября 1918 г., когда терпение рабочих лопнуло и они под руководством большевиков открыто выступили. В екатеринославской большевистской газете „Звезда" (от последних чисел ноября 1918 г.) помещена следующая корреспонденция:

„Енакиево. В ночь на 15 ноября рабочие Софиевского и Веровского рудников вместе с рабочими Петровского завода обезоружили варту у себя и в городе почти без сопротивления. Настроение напряженное, организуются дружины и отряды. Часть из них направилась к Павлограду и Н.-Днепровску под лозунгом „Вся власть советам", часть на ст. Синельниково".

Активными участниками разоружения варты, по воспоминаниям т. т. Островского и Штыри, были: И. И. Мозговой, Турутин, Кошуба, Юденко (последние трое расстреляны белыми), Воронков, Евонин, Моисеев, Заверуха, Поляков, И. Агеев и др.

В 1919 г., когда красные вновь заняли Енакиево, меньшевики и эсэры совместно с деникинцами вели борьбу против советской власти, заявляя, что „лучше белые, нежели большевики". Под напором генерала Шкуро красные части отступили на несколько дней из Енакиево. Вследствие обхода красных отрядами Шкуро с тыла, человек 300 красноармейцев попали в затруднительное положение, но, благодаря туману, некоторым из них удалось незаметно, переодевшись в штатское, вернуться в Енакиево и скрываться там более шести дней. Армяне Берберов и Иванов

---

[1]) По словам тов. Островского, инженер В. Ф. Вишняков предавал рабочих-большевиков и в частности, когда вартовые пришли на завод арестовать Островского, указал варте, где и в какие часы он работает. Однако Островскому удалось скрыться; вместо него был арестован беспартийный рабочий В. С. Бывший, Островскому, как и многим другим товарищам, удалось избежать ареста, благодаря предупреждению со стороны тов. Копылова (тогда еще подростка), который, состоя на службе в варте, всегда помогал подпольной организации большевиков либо непосредственным предупреждением о грозящей беде, либо умышленным искажением фамилий и адресов товарищей, подлежащих аресту. Этот подросток Копылов ловко похитив круглую печать варты, сдал ее большевикам, чем оказал большую услугу организации, которая при помощи этой печати изготовляла необходимые для работы документы.

скрывали их, всячески помогая им как информацией, так и материально.

Когда белый капитан Заремба повесил большевиков Быковского, Пшеницына и трех меньшевиков (повешенные висели несколько дней), беспартийные рабочие заявляли меньшевикам: „так вам, подлецам, и нужно, вы копали ямы другим и сами попали в них".

Дикие расправы белых заставили лучшую часть рабочих-меньшевиков и эсэров впоследствии перейти в партию большевиков.

А. ЧЕКИРИСОВ.

КРАМАТОРСКИЕ РАБОЧИЕ НА ПУТИ К ОКТЯБРЮ.

До Февральской революции на Краматорском заводе существовала подпольная группа большевиков, в которую входили: Сиротин, Г. Резников, А. Чекирисов,[1] Кучеренко, Ф. Кущ, Е. Котляров, Ф. Чекирисов и Красников [1]). Связи с соседними районами группа не имела, а была непосредственно связана с харьковской организацией большевиков, откуда получала директивы и явки.

1 марта 1917 года в час дня на коксовой подстанции собрались члены подпольной группы, чтобы выбрать товарища для посылки в центр за директивами в связи с неточными сведениями о питерских событиях. На собрании кто-то сообщил, что в контору завода прибыла телеграмма о событиях в Питере, которая находится у коммерческого директора Проце. К нему отправилось несколько товарищей.

Отобрав у Проце после некоторых препирательств телеграмму, в которой было извещение о совершившемся в Петрограде перевороте, подпольщики отправились в механическую мастерскую.

Рабочие, собранные заводским гудком на митинг, бурными аплодисментами встретили прочитанную телеграмму и тут же избрали организационный комитет, задачей которого было ор-

[1]) Уже в процессе революции выяснилось, что Красников был провокатором и в 1916 году работал в охранке. В июне 1917 года, когда Красников был председателем СРД, из Екатеринослава приехал один товарищ, который показал нам документы охранки, разоблачавшие провокаторство Красникова. Мы арестовали его и отправили в Екатеринослав, где над ним состоялся межпартийный суд, который, благодаря меньшевикам и анархистам, оставил Красникова на свободе. При повторном суде (уже при советской власти) Красников был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами заключения.

ганизовать власть. В число избранных вошли все перечисленные выше товарищи, члены подпольной группы большевиков. Уже один факт избрания большевиков в состав комитета говорил о том, кому доверяют рабочие и по какому пути пойдет развитие революции в Краматорской.

Избранный рабочими организационный комитет разбился на три группы: одна группа — по разоружению полиции, другая — для проведения выборов совета рабочих депутатов и третья — по организации крестьян.

Часть местной революционно настроенной интеллигенции, мелкая буржуазия, меньшевики и эсэры также претендовали на власть. В ночь на 2 марта ими был организован общественный комитет. Однако, чувствуя силу заводских большевиков, они пригласили их на объединенное заседание.

Уже на этом первом заседании начались трения между членами организационного комитета и членами общественного комитета. Так, в вопросе о разоружении полиции выявились две совершенно различные точки зрения. В то время, как большевики предлагали немедленно разоружить полицию, большинство общественного комитета высказывалось против разоружения, мотивируя это тем, что будет нарушен общественный порядок и общественная „безопасность".

Все же группой большевиков полиция была разоружена. Момент разоружения полиции является характерным штрихом, рисующим подъем революционных масс и трусливую подлость прежде грозных, теперь жалких полицейских. Уполномоченные организационного комитета: Котиков, Жахов, Собирай, Куц, имея только два нагана и одну палку, пришли разоружать полицию. Тот, кто не имел оружия, держал руки в карманах, делая вид, что оружие находится в них. Уполномоченные заявляли: „Именем революционного комитета..." — и полицейские трусливо отдавали свое оружие, плача и прося не трогать их самих.

Разоружение полиции прошло безболезненно, но при разоружении станционной жандармерии один из жандармов оказал вооруженное сопротивление, давши пять выстрелов из револьвера и ранив в руку одного из товарищей. Этого жандарма разоружавшие тут же расстреляли. Так перестали существовать полиция и жандармерия; вместо них, к удивлению и негодованию „радетелей" порядка из общественного комитета, порядок стала поддерживать милиция под начальством т. Ганджелы.

Группа по организации крестьян, во главе с А. Чекирисовым,— отправилась в Белянское волостное управление. Когда мы зашли туда,— рассказывает один из членов группы, то застали там старшину и урядника. Предложили старшине созвать сход. Старшина справился у урядника, можно ли. Тот, видя свою беспомощность, только рукой махнул: „Делай, как хочешь". Когда мы разъяснили старшине в чем дело, он испугался. Мы успокоили его и попросили созвать сход. Через 40 минут сход был созван; прочли телеграмму о перевороте в Питере. Крестьяне растерялись. Они очень недоверчиво отнеслись к нам. Всем еще был памятен 1905 год и последовавший за ним разгром. В это время вошел урядник. Мы предложили ему сдать оружие. Он повернулся, заскрипел зубами, снял шашку, револьвер и положил на стол. Крестьяне засмеялись и зааплодировали: „Теперь верим..." На этом собрании крестьяне выбрали своих представителей в совет, главным образом из бедноты. Кто-то предложил избрать депутатом старосту. Мы этому не препятствовали, учитывая, что крестьянство еще недостаточно верит нам и придерживается своего постоянного „вождя".

Наводнение (разлив р. Торца), постигшее Краматорскую весной 1917 года, не дало организационному комитету возможности провести выборы в совет рабочих депутатов своевременно. Совет был избран только 21 марта (ст. ст.)

Из-за выборов совета опять произошли трения большевиков с членами общественного комитета. На заседании последнего предложение большевиков организовать совет встретило сильное противодействие. Кадет, доктор Дюмулен (товарищ председателя общественного комитета) выступил против организации совета. Все же совет был избран в составе 60 человек (модус представительства: от 100 человек — 1 депутат), из которых 17 человек вошли в исполнительный комитет. Состав последнего был преимущественно большевистским, в него входили: Аникеев, Г. Резников, Ф. Кущ, А. Чекирисов, П. Будняков, Ф. Чекирисов, Н. Шкадинов, Р. Бегайло, Кучеренко, Сиротин и др.

С избранием совета установилось „двоевластие": общественный комитет целиком поддерживал Временное правительство, исполком совета проводил политику захвата власти в свои руки. Споры и трения тормозили работу. Многие предложения совета, направленные к улучшению положения рабочих, обще-

ственным комитетом срывались. Дальше так работать было невозможно. На общем собрании рабочих члены совета резко поставили вопрос о ликвидации общественного комитета и провели постановление о его роспуске. „Комитетчики“ не захотели сдаваться без боя, и пришлось снова созвать собрание рабочих,

Краматорские активные работники.

чтобы доказать, что именно такова их воля. 16 (29) апреля общественный комитет был распущен. Остался только совет рабочих депутатов.

После победы над общественным комитетом авторитет большевистской группы значительно вырос. Собственно она уже перестала быть группой. Она все шире разворачивала свою деятельность, и к маю месяцу выросла до 100 человек. 20 мая был организован заводской партийный комитет РСДРП (большевиков).

Местные меньшевики, эсэры, кадеты своих организаций еще не имели и хотя участвовали в работе совета, но большой роли в революционном движении не играли. Только потом, в июле, они сыграли свою подлую роль. Но об этом ниже.

Настроения рабочих особенно ярко выразились в праздновании первого мая и в борьбе за рабочий контроль. В газете „Пролетарий" № 27 от 9 мая 1917 года помещена следующая заметка:

> „Из Краматорской, Харьковской губернии, нам пишут, как прошел там праздник Первого мая. Трудно описать это зрелище, которое было у нас в день великого трудового праздника. Десятки знамен развевались над стройными рядами рабочих. Чувствовалось великое торжество мирового пролетариата. Произносились речи, в которых, между прочим, указывалось на невозможность и *недопустимость завоевательной политики Милюкова и Гучкова*, на необходимость опубликования тайных договоров, заключенных старым правительством, правительством Николая Кровавого. Заканчивались речи в большинстве случаев призывом *прекратить братоубийственную бойню*. После речей рабочие направились по деревням, где их встречали торжественно и радушно. Одним словом, всюду были радость и веселье".

Еще резче выявились большевистские настроения рабочих в борьбе за рабочий контроль над производством. Этот ленинский лозунг был с энтузиазмом подхвачен рабочей массой. Избранные советом в первой половине июня контролеры хотели было приступить к работе, но встретили сильное противодействие дирекции завода. Свое нежелание допустить рабочих к контролю над производством дирекция объяснила довольно хитро: „Как же вам можно дать книги в руки, если вы в них ничего не понимаете и истолкуете их неправильно?"

В течение двух недель шла ожесточенная борьба. Одновременно шла борьба и за увеличение зарплаты на 20% в виду растущей дороговизны. Видя, что контролеры напирают сильнее, дирекция обратилась с жалобой к Временному правительству. Из министерства труда во второй половине июня приехал Степанский (ярый меньшевик). Он выступил на объединенном заседании представителей от рабочих и дирекции с двусмыслен-

ной речью, явно увиливая от решительного ответа: „Лозунг рабочего контроля не плох, но не совсем своевремен. Подождите, мы вопрос обсудим и недельки через две пришлем вам инструкции. Зарплату же процентов на десять повысить надо. Вы, администраторы, не скупитесь, а вы, рабочие, сбавьте". Вот, примерно, как „улещал" Степанский краматорских рабочих.

Две недели ждали контролеры инструкции и не дождались. Тогда совет вынес на своем заседании решение: ввести контроль над производством, хотя бы пришлось арестовать всю дирекцию, и увеличить явочным порядком зарплату на 20%. Администрация, испугавшись такого решения, заявила: „Вот вам книги, делайте, что хотите".

В „Правде" от 17 июня 1917 года № 75 мы находим следующую заметку под заголовком: „Рабочие Краматорского завода о конфликте рабочих с южно-русскими предпринимателями".

„Мы, рабочие Краматорского завода, собравшиеся в количестве более 3.000 человек 27 мая 1917 года, заслушав доклад наших представителей на южно-русской конференции по делу увеличения заработной платы рабочих, сообразно с повышением цен на предметы потребления, пришли к следующему выводу: создавшийся конфликт между рабочими и предпринимателями южного района России не может быть решен без решительных мер. *Временное правительство настоящего состава не в силах* без давления со стороны петроградского совета рабочих и солдатских депутатов пойти на такие меры. Мы, рабочие Краматорского завода, *не верим* всевозможным посулам и обещаниям на словах, которые делались отдельными членами Временного правительства. Мы знаем, что *полумерами делу не помочь*, поэтому работаем и будем работать по созданию мощной рабочей организации, при помощи которой *заставим* принять решительные меры как Временное правительство, так и господ капиталистов, и еще требуем, чтобы прибавки были за счет прибылей господ предпринимателей, но ни в коем случае не были бы взвинчены цены на товары и сырье, как это уже делалось господами углепромышленниками с разрешения Временного правительства".

Свою резолюцию краматорские рабочие послали петроградскому совету рабочих депутатов и копию Временному правительству. В ней отразилось недоверие рабочих к буржуазному правительству и вера в совет рабочих и солдатских депутатов, который рабочие считали своей властью.

18 июня 1917 г. эти настроения были отчетливо запечатлены в следующей короткой резолюции:

> „Мы, рабочие Краматорского завода, собравшись на митинг 18 июня с. г. в количестве более тысячи человек, вынесли следующую резолюцию: Принимая во внимание, что временное коалиционное министерство неспособно вывести страну из хаотической разрухи и потворствует организации контр-революционных сил, поддерживая своим молчанием существование Думы и Государственного Совета,—мы требуем *осуществления контроля над производством и передачи власти в руки советов рабочих и крестьянских депутатов*“ [1]).

Сплоченность большевиков, их авторитет в массах заставляли организовываться и их противников. Первыми поняли необходимость этого эсэры. Но в их группе не было единомыслия. Председатель их организации, левый эсэр Крюков, который одно время был председателем совета рабочих депутатов, пользовался поддержкой большевиков и тянулся за ними. В то время к эсэрам примыкали кадетствующие либералы и политические „деятели“ различных течений и оттенков. Все это вместе взятое увеличивало численный состав организации, но ослабляло идейную силу эсэров.

В июне начались столкновения между большевиками и эсэрами, кадетами и проч. Большевики под лозунгами „Вся власть советам“ и „Долой войну“ укрепляли и вооружали милицию и военный отдел совета. Эсэры и кадеты препятствовали этому, выдвигая свои лозунги: „Оборона страны“ и „Война до победного конца“, пропагандируя „заем свободы“ и мобилизуя охотников для защиты Временного правительства. Охотников защищать „свободу“ Керенского среди рабочих не находилось. Записывались только гимназистки. „Заем свободы“ имел также слабый успех. Но зато организация эсэров все более и более сплачивала вокруг себя все антибольшевистские элементы.

[1]) „Пролетарий“ № 75 от 24 июня 1917 года.

В июльские дни эти антибольшевистские элементы выступили открыто, показав свое контр-революционное лицо. Когда получились известия о событиях в Петрограде, они подняли травлю против большевиков, называя их „предателями“ и требовали разгрома большевистских организаций. Тов. Тимченко, член краматорского совета, один из активнейших большевиков, так рассказывает об этих событиях:

„Большевики собрались в клубе. У клуба собралась, подстрекаемая эсэрами и кадетами, толпа. Некто Романов, крикун высшей марки, все время кричал: „Эй, предатели, выходите...“ Большевиков было немного — человек 50. Толпа — около 1.500 человек. Тогда выходит Крюков и говорит: „Товарищи, всем в помещении собраться невозможно, пойдемте в сад“. Открыли собрание в саду. Много говорил Сиротин, который проводил большевистскую линию, и Мещеряков — в эсэровском духе. Потом выступил Шишакин, который был очевидцем всех происходящих в Питере событий, и рассказал о том, что происходит в центре. Один казак Мартыненко все время кричал: „Вот что делается, смотрите“, и размахивал газетой „Южный Край“.

Однако эсэрам не удалось подстрекнуть толпу ни к избиению большевиков, ни к разгону большевистской организации. Только благодаря тому, что большевикам не давали говорить, что тов. Сиротина заглушали истерическими криками „довольно“, что рабочим преподносили неверную, подтасованную информацию, эсэрам удалось протащить резолюцию, в которой участники собрания „выражают свое презрение тем темным силам, врагам нашей великой свободы, которые под лозунгом большевизма устраивают контр-революцию и проливают братскую кровь“ [1]).

Но торжество приспешников Керенского, выразивших в той же резолюции „полное доверие министрам-социалистам“, было не долгим. Большевики снова сомкнули свои ряды и с популярными лозунгами „Хлеба, мира и свободы“ и „Вся власть советам“ попрежнему повели за собой массы. Во время выборов в Учредительное собрание больше всех голосов собрал большевистский список № 3, за ним следовал эсэровский, потом кадетский и последним меньшевистский.

В протоколах краматорского совета (протокол от 29 сентября 1917 г.) имеется следующее характерное заявление председа-

[1]) „Социал-Демократ“ № 111 от 28 июля 1917 года.

теля совета Крюкова, который, прося освободить его от занимаемого поста, мотивирует это так: „Я принадлежу к партии эсэров, а в совете преобладает подавляющее большинство членов совета, принадлежащих РСДРП (большевиков). Занимая пост председателя, я не могу быть слепым орудием в чужих руках, потому что большинство, по партийным соображениям, если не всегда, то в большинстве случаев будет несогласно со мной и этим самым создастся тормоз в работе, а этого теперь не должно быть. Нужна работа продуктивная и усиленная".

Заявление Крюкова совет удовлетворил, председателем избрал большевика тов. Шкадинова.

В сентябре большевики стали организовывать отряды Красной гвардии. Это вызвало дикий рев со стороны правых эсэров и кадетов и полную поддержку со стороны рабочих. Всем было памятно корниловское выступление в Питере, и необходимость вооружения заводских рабочих была очевидна.

Краматорская боевая дружина под командой тов. М. И. Карнаухова 10—12 сентября 1917 года вместе с другими рабочими отрядами выезжала в Бахмут для подавления происходившего там пьяного бунта. Вот документ о подробностях этого события:

„Докладчиком (на заседании совета) выступил тов. Ф. Чекирисов, который доложил, что в понедельник утром ходили слухи о беспорядках в г. Бахмуте. Часа в 3 дня пришел в бюро начальник боевой дружины из Дружковки и предложил ехать в Бахмут, так как было передано по телефону, что там разбит винный склад. Мы, наскоро собравшись, поехали в Бахмут. Приехав туда в 7 часов вечера, увидели, что ничего особенного и серьезного беспорядка не было, а были лишь пьяные солдаты, которые ничего серьезного к погромам не предпринимали, но и не допускали никого до винного склада, покуда не съехались боевые дружины рабочих районов: Константиновки, Дружковки, Горловки, Краматорской и др., и тогда, взяв в свои руки склад, держали его в своих руках при помощи революционных частей войск, но, по прибытии Изюмского революционного штаба и юнкеров из г. Чугуева, мы уехали из г. Бахмута. Тов. Кучеренко доложил, что были случаи, когда офицер руку стеклом поранил и кричал, что „мне прострелили рабочие". Тов. Кучеренко предлагает вынести благодарность

ездившим в г. Бахмут. Была вынесена благодарность всем советам, ездившим в Бахмут“ [1]).

Та же боевая дружина в составе двухсот человек в декабре 1917 года вместе с соседними рабочими отрядами участвовала в разоружении 25-го пехотного полка, стоявшего в Бахмуте. По предложению славянских товарищей краматорский отряд Красной гвардии, под командой тов. М. И. Карнаухова, ходил в Славянск для подавления мещанско-купеческого продовольственного бунта, происходившего в начале 1918 года.

В протоколах заседания краматорского совета все время встречаются резолюции, выражающие стремление к власти рабочих и крестьян. Вот, например, протокол от 22 сентября 1917 г.

По докладу тов. Ф. Чекирисова о всероссийской железнодорожной забастовке, которая должна начаться с 23 сентября 1917 г., совет вынес следующую резолюцию: „Мы присоединяемся к железнодорожной забастовке, требуем всеобщую забастовку и требуем всю власть советам“ [2]).

Так реагировал руководимый большевиками совет на всякое общественное явление, идущее на благо пролетарской революции.

В протоколе краматорского совета рабочих и крестьянских депутатов от 10 октября 1917 г. (ст. ст.) говорится: „Признавая, что (предпарламент), искусственно созданный по повелению и подобию того правительства, которое своей соглашательской, преступной политикой ведет страну к гибели, что такой предпарламент не может отражать волю народа и пользоваться авторитетом, требуем немедленного роспуска предпарламента и передачи власти советам рабочих и крестьянских депутатов. Резолюция принята единогласно“ [3]).

Как видно из этого протокола, и в данном случае большевистский совет остался верным своему классовому знамени.

Приведем еще одну резолюцию, характеризующую линию совета:

„Заслушав доклад представителя с областного съезда советов, тов. Шкадинова, краматорский совет рабочих и крестьянских депутатов выносит следующую резолюцию: Принимая во

[1]) Центрархив, дело № 5, стр. 2, протокол краматорского совета от 15 сентября 1917 года.

[2]) Там же, лист 6.

[3]) Там же.

внимание, что Временное правительство нового состава открыто... продолжает свою разрушительную политику, поддерживая буржуазию, поставившую страну на край гибели, требуем немедленного перемирия на всех фронтах и передачи всей власти советам рабочих и крестьянских депутатов. В этом мы видим спасение свободы и революции" [1]).

Такова была воля краматорских рабочих и крестьян. В этом была действительная пролетарская свобода и спасение революции.

В момент, когда петроградский совет и ВРК захватили власть в свои руки, краматорский совет, возглавляемый большевиками, уже являлся единственным органом революционной власти. Таким образом, захват власти в Краматорской произошел значительно раньше Октября, т.-е. фактически тогда, когда был распущен общественный комитет, что может быть подтверждено целым рядом фактов, зафиксированных в протоколах краматорского совета. В качестве иллюстрации значения совета приводим здесь одну из выдержек:

„Заслушав прошение гражд. Ф. Ф. Гаркалька о разрешении открыть писчебумажный и книжный магазин при ст. краматорской, постановили: разрешить открыть магазин, но с продажей полезных социалистических и других книг, не возбуждающих вредную агитацию и при контроле агентов комиссии Совета Р. и К. Д." [2]).

Вот почему самый Октябрьский переворот в Краматорской не был днями борьбы, а днями радости и торжества. Об этом говорит следующая резолюция краматорцев:

„Заслушав доклад тов. Петровского о текущем моменте, мы приветствуем геройски выступивших солдат и рабочих Питерского и Московского районов за революцию рабочих и крестьян; глубоко преклоняясь перед всегда приносящим жертвы пролетариатом Москвы и Питера за идеалы рабочего класса, мы, рабочие и крестьяне Краматорского района, всеми силами будем стремиться поддержать и углубить вторую нашу рабоче-крестьянскую революцию и готовить рабочие батальоны" [3]).

Как любопытную деталь, необходимо отметить, что краматорский исполком совета рабочих и крестьянских депутатов, осуще-

[1]) Центрархив, дело № 5, лист 23.
[2]) Там же, стр. 23.
[3]) „Донецкий Пролетарий", № 12, 1917 г.

ствляя лозунг „Власть на местах“, организует свой Совнарком. Состав следующий: предсовнаркома—Шкадинов, продкомиссар—Аникеев, комиссар финансов—Годованный, военный комиссар—Крюков, путей сообщения — Павличев и т. д.

Ни меньшевистско-эсэровское предательство, ни националистические вопли контр-революционной Центральной Рады о „незалежній Україні“ не могли сбить краматорских рабочих с революционного пути. Вот что говорят о Центральной Раде рабочие краматорского цементного завода „Пушка“:

> „Общее собрание рабочих и служащих от 19 декабря 1917 года, заслушав доклад петроградского делегата, вынесло следующую резолюцию: Мы, рабочие и служащие вышеуказанного завода, приветствуем самоопределение Украины на демократических началах, но вместе с тем признаем настоящий состав Центральной Рады не чисто демократическим и действия его контр-революционными, что выражается в противодействии народным комиссарам пропустить военно-революционные отряды на Кавказ для подавления контр-революционной калединщины и запрещении *пропускать жизненные продукты из Украины в Москву.*
>
> Мы усматриваем в этом действии Центральной Рады *желание задушить голодом революционный пролетариат Петрограда и Москвы,* а посему требуем немедленной смены данного состава Рады и замены ее чисто демократическими элементами, которые бы исполняли волю украинских пролетарских и крестьянских масс. Народных комиссаров приветствуем, как выразителей воли пролетарских и крестьянских масс и как стойких борцов с контр-революцией“ [1]).

Таковы короткие странички из революционной борьбы краматорских рабочих за диктатуру своего класса.

---

[1]) „Донецкий Пролетарий“, № 48 от 31 декабря 1917 года.

Г. К.

РЕВОЛЮЦИЯ В ДРУЖКОВКЕ.

Дружковка прежде всего один из металлургических центров Донбасса, правда, не самый большой, но и не самый маленький. Из числа 18 крупнейших металлургических заводов на Украине дружковские заводы по выплавке чугуна занимали девятое, а по выработке готового продукта седьмое место, уступая первенство таким гигантам, как Юзовский, Енакиевский, Краматорский заводы.

По Донецкому заводу выплавка чугуна с 7 миллионов пудов в 1907 году поднялась до 11 в 1912 году, а выработка полупродукта — с 6 до 12 млн. пудов; в соответствии с этим увеличился также и сбыт готовой продукции завода. Торецкий завод был меньше Донецкого, но в смысле темпа роста развивался значительно быстрее его.

Рост дружковских предприятий продолжался в течение всего 1913 года и первой половины 1914 года. В конце второй половины 1914 года последствия войны уже успели сказаться в работе этих предприятий: если за март 1914 года по Донецкому заводу выплавка чугуна составляла 1.164.517 пудов, то в декабре того же года она упала до 800.000 пудов. Торецкий завод в марте 1914 г. вывозил металлических изделий 50.000 пудов, а в декабре 22.000 пуд. В доставке угля и руды начались перебои, которые скоро привели к уменьшению выработки, так как заводы не располагали большими запасами топлива и сырья. Вместе с падением производства сокращалось и количество рабочих. Об этом достаточно ясно говорят нижеследующие цифры:

По Донецкому заводу в январе 1914 года было 3.904 рабочих, в апреле—4.309, а в декабре того же года— уже 3.643 рабочих; по Торецкому заводу в январе было 1.050, в июне—1.072,

а в августе 1914 года — 900 рабочих. Вопрос о рабочей силе стоял настолько остро, что дирекция обоих заводов ставила вопрос о привлечении к работе арестантов.

О положении рабочих на обоих заводах лучше всего говорит уровень их зарплаты. Средний годовой заработок рабочего Донецкого завода в 1912 году составлял 475 руб., т.-е. 39 руб. 58 к. в месяц; в 1913 и 1914 г.г.—481 руб., т.-е. 40 руб. в месяц.

По Торецкому заводу было еще хуже: в 1912 году средний годовой заработок составлял 397 руб. или 33 руб. в месяц, в 1913 г. — 436 руб. или 36 руб. 30 к. в месяц и в 1914 г. — 454 руб. или 37 руб. 83 к. в месяц. Если учесть, что в 1914 году из 4.954 рабочих по обоим заводам холостяков было только 1.315 человек, т.-е. одна треть, а две трети были семейными, то станет понятным положение среднего рабочего при таком уровне зарплаты и беспрерывно растущих ценах на продукты первой необходимости.

Система выдачи зарплаты на Торецком заводе — через каждые 6 дней—ставила рабочих на положение временных, что, конечно, не было им на руку.

Не лучшая картина наблюдалась и в отношении медицинской помощи. Донецкий завод в среднем на одного рабочего за год тратил в 1903 году 12 руб., в 1907 г.—16 руб., а Торецкий в том же году — 15 рублей.

Как видно из этих цифр, промышленники думали не о здоровьи рабочих, а только о том, как лучше и больше выжать и съэкономить на них. Это как нельзя лучше подтверждается следующими данными о жилищных условиях. Служащие Донецкого завода (сюда относится и технический персонал) и в 1907 и в 1914 г.г. были квартирами обеспечены больше чем на 100%, тогда как рабочие в 1907 году были обеспечены жильем не больше, чем на 30—35%, а в 1914 году на вольных квартирах жило 1.386 рабочих.

Что касается рабочих Торецкого завода, то они находились в еще худших условиях. Здесь основная масса рабочих жила в казармах и общежитиях, а не на семейных квартирах.

Дети рабочих по части образования держались в „черном теле". Так, в 1914 году на обучение тратилось (исходя из расчета в среднем на одного рабочего) по Донецкому заводу 5 р. 06 к., а по Торецкому—только 3 р. 23 коп. в год.

После поражения революции 1905 года существовавшие группы различных партий распались. Отдельных политических работников в довоенный период и во время войны можно было сосчитать по пальцам, никакой организованной работы они не вели.

В годы войны в Дружковке стачечного движения не было. В момент, когда в 1916 году весной проходила горловско-щербиновская стачка, в Дружковке собралась группа старых рабочих-революционеров до 22 чел., в числе которых были т. т. Агарков, Корыто, Кулинич и Попов. Для связи с забастовщиками, как утверждает т. Агарков, группа выделила тов. Гаршина.

Группа эта, собираясь еще несколько раз, пришла к необходимости организовать в Дружковке кооператив, который и возник вскоре благодаря усилиям группы. Уже после возникновения кооператива полиция арестовала ряд товарищей и отправила их на фронт (фамилии восстановить не удалось), благодаря чему группа распалась[1]). Только революция 1917 г. снова дала возможность втянуть широкие массы обоих заводов в политическую деятельность[2]).

* * *

О революции в Петрограде стало известно в Дружковке на другой день после свержения самодержавия. Летучие митинги на Донецком и Торецком заводах, в поселках Яковлевке и Гавриловке возникали сами собой.

Первый летучий митинг состоялся на станции Дружковка сейчас же после получения по телеграфу сведений о событиях в столице.

С получением указаний от комитета Государственной Думы об организации „комитетов спасения родины" на большом ми-

[1]) Данные об этой группе, политическая физиономия которой не выяснена, сообщаются, по словам тов. Агаркова, на совещании старых большевиков при Артемовском окружкоме КП(б)У от 9—11 января 1929 г. (*Прим. ред.*).

[2]) Тов. Плотников в частном письме в редакцию сообщает, что в Дружковке в 1912 году существовала большевистская группа, которая в 1913 г. была связана с большевистской фракцией Государственной Думы. Группа эта существовала до самой Февральской революции, когда и легализовалась. Однако это утверждение отрицается участниками событий т.т. Агарковым и Шумиловым (см. стенограмму совещания старых коммунистов при Артемовском окружкоме КП(б)У от 9—11 января 1929 г. (*Прим. ред.*).

тинге, около магазина братьев Неженцевых, был избран местный „обывательский комитет". Название очень странное, но если принять во внимание, что в этот комитет были избраны такие лица, как торговец Гераскин, представители заводских администраций и самое незначительное количество рабочих, то в таком названии нет ничего противоречащего его политическому содержанию. Ясное дело, что комитет этот ни в какой мере не отражал интересов рабочих; отсюда вытекала необходимость создания рабочего революционного органа.

Возникновение совета в Питере указало путь активной части дружковских рабочих; работа по организации совета началась с цехов в начале марта, а 20 марта совет был избран в составе 123 человек. На другой день совет выделил председателем Радченко, заместителями Троценко и Шувалова, секретарями Жукотского и Коробкова. Затем по докладу представителя харьковского совета Ткаченко принято было решение о создании 8 комиссий с подробным указанием задач каждой.

Таким образом, обывательский комитет был отстранен от руководства не 8 марта, как передают в своих воспоминаниях Волохов и Радченко, а с момента возникновения совета, т.-е. со второй половины марта.

Иллюзия классового мира, широко распространенная в первый период Февральской революции, не миновала рабочих и политических организаций Дружковки. Эта полоса настроений проходила здесь вплоть до июльских событий. Что это было именно так, подтверждается целой серией фактов, которые дают объективные и беспристрастные протоколы дружковского совета тех дней.

На первом уездном съезде советов 15 марта 1917 г., состоявшемся в Бахмуте, дружковская делегация голосует за резолюцию о продолжении войны, поддержке Временного правительства, т.-е. идет на поводу у мелкобуржуазных партий.

Как бы в подтверждение поведения своей делегации, дружковский совет 21 марта выносит следующую резолюцию по текущему моменту:

> „Принимая во внимание переживаемый момент и выставленные лозунги отношения к войне, Временному правительству, собрание считает позицию, занятую советами рабочих и солдатских депутатов Петрограда, Москвы, Харь-

кова, а также конференцией представителей СР и СД Донецкого бассейна, правильной и присоединяется к ней. Кроме того, собрание считает необходимым скорейший созыв Учредительного собрания для установления в России демократической республики“ [1]).

Та же политическая линия продолжается на заседании совета (в конце мая — протокол № 20) по докладу военного делегата II армии подпрапорщика Лютых, требовавшего войны до „победного конца“, прекращения братания на фронте, поддержки Керенского. Эти предложения не встречают ни тени возражений и вовсе не из-за уважения к делегату, а потому, что такова была линия поведения самого совета, отражавшего шовинистические настроения некоторых кругов рабочих, особенно Торецкого завода.

Солдат Наливайко, делегированный тремя воинскими гарнизонами (Бахмута, Мариуполя, Луганска) на первый всероссийский крестьянский съезд, на заседании дружковского совета (перед которым он отчитывался) 7 июня предложил резолюцию, где между прочим говорилось: „Безусловная поддержка Временного правительства. Отказаться от сепаратного мира... во имя революции, свободы... Волостные, сельские и уездные комитеты должны заниматься плановым распределением земли на правах собственности“.

Таков был смысл предложений авксентьевского (правоэсэровского) подголоска, и совет постановил: „Заслушано и выражено одобрение“.

Дружковский совет вполне может похвастать своей последовательностью. На войну нужны деньги. Временное правительство выпустило „заем свободы“, распространяя его среди рабочих и крестьян с целью финансирования войны. Совет, обсуждая этот вопрос на заседании от 21 апреля, после выступления Яндовского, Шнапера, Радченко и др. единогласно принимает следующее постановление:

„Считая, что современная революционная обстановка требует предоставления Временному правительству необ-

[1]) Центрархив УССР, протоколы дружковского совета за 1917—1918 г. г., дело № 2, стр. 7.

Назвать такого рода резолюцию большевистской никак нельзя, а ведь это кое-кто делает в своих воспоминаниях, например, тов. Мануйлов (материалы Окрисполкома). — *Г. К.*

ходимых средств для укрепления завоеваний революции и защиты страны от внешней опасности, совет рабочих и солдатских депутатов постановил оказать *активную* поддержку „займу свободы", требуя в то же время от Временного правительства коренной реформы налоговой системы, переложения финансового бремени с неимущих классов на имущие, а также настаивает на покрытии военной задолженности и процентов на нее за счет имущих классов" [1]).

Ударение нужно делать на первую часть резолюции, где говорится об активной поддержке, ибо конец резолюции объективно представляет маневр, направленный к затушевыванию социального значения „займа свободы" [2]).

Первомайский митинг, привлекший много тысяч рабочих, проходил с большим подъемом, но далеко не под большевистскими лозунгами. Тут были всякие лозунги и выступления, но не было тех, под какими, например, проходило Первое мая у горлово-щербиновцев. Однако нельзя упустить из виду значение Первомайского дня для Дружковки, как толчка к созданию профессионального союза „Металлист", который с этого времени начинает свой массовый рост, прерванный реакцией в 1906 году.

На знаменитое кронштадтское „отложение" совет также реагировал, исходя из своей основной линии — поддержки Временного правительства. На заседании 30 мая этот вопрос вызвал страстные прения, в результате которых на одной стороне оказался весь совет, а на другой... кронштадтский делегат в единственном числе.

Характерно, что телеграмма на имя кронштадтцев с призывом к единению послана была в редакции „Социал-Демократа", „Земли и Воли" и „Известий Харьковского Совета", но забыли „Правду", единственно занявшую достойную революционную позицию в отношении „отложившихся".

В июльские дни совет попрежнему был далек еще от большевистских лозунгов. Бешеной агитации против большевиков со стороны меньшевиков и эсэров совет ничего не противопо-

---

[1]) Центрархив УССР, дело № 2, стр. 24 (курсив мой. — *Г. К.*).

[2]) Когда председатель дружковского совета А. Ф. Радченко в своих воспоминаниях пишет, что последний (совет) был против займа, то законно удивляешься слабости человеческой памяти даже насчет таких крупных событий. — *Г. К.*

ставил, кроме создания комиссии для выработки воззвания. Политическая резолюция об июльских событиях в Питере принята советом только 30 июля [1]).

Если сравнить это решение с прежними, то здесь кое-какое, хоть и незначительное, движение вперед есть. Требование разгона Государственной Думы и Совета, прекращения войны, отмены смертной казни, отмены репрессий в отношении „крайне левых печатных органов" и „членов Центрального Исполнительного Комитета",— все это не плохо, но нет главного — передачи власти в руки советов, ликвидации Временного правительства и открытой поддержки ленинградских рабочих в их выступлении.

Таким образом, дружковский совет высказался не за власть советов, а за *контроль* над Временным правительством, и в этом проявляется та линия поведения, которая была взята еще в мартовской резолюции. В свете этой общей линии становится ясной и та позиция, которую занимал совет, как руководитель масс, в отношении дружковских предпринимателей. Приведем несколько примеров. Донецкий завод ассигновал в распоряжение совета ежемесячно 1.000 руб. (на содержание совета), по

[1]) Резолюция вынесена по докладу тов. Радченко после продолжительных прений. Приводим ее полностью:

„Дружковский совет РС и К депутатов, обсудив вопрос о текущем моменте и резолюцию харьковского совета рабочих и солдатских депутатов, всецело присоединяется к вынесенной резолюции названного совета и со своей стороны протестует самым энергичным образом против введения смертной казни и заявляет, что введение таковой является позорным фактом в развитии нашей революции, отняв одно из наших главнейших завоеваний.

Мы требуем также немедленной отмены 129 ст. Уголовного уложения, как недопустимого насилия в свободной стране, и от Временного правительства — издания декрета о роспуске цензовой Думы с Государственным Советом, которые служат явным умалением достоинства совета РС и К депутатов, способствуют контр-революции и стремятся расширить свои империалистические тенденции.

Одновременно с этим протестуем против незаконных разгромов, арестов и обысков в наших рабочих организациях и против давления на крайне левые печатные органы, а также незаконных арестов без представленных обвинительных актов членам Центрального Исполнительного Комитета.

По вопросу о вновь сформированном Временном правительстве мы заявляем, что мы нисколько не отступим от занятой нами до сих пор позиции и никому не дадим отнять право контроля над таковым и требуем энергичных действий от Временного правительства в борьбе за мир и прекращения ужасной войны на объявленных лозунгах от 27 марта сего года. В заключение мы с своей стороны обещаем принять все меры для сохранения дисциплины, организованности и избежания единичных, неорганизованных выступлений и обращаемся к своим районным советам с призывом поддержать общими солидарными действиями нашу резолюцию".

поводу чего последний выносит решение: „Выразить заводоуправлению Донецкого общества благодарность". Тот же завод ассигнует к празднику Пасхи 6.000 руб. для рабочих и 7.000 руб. для солдаток, а совет занимается распределением этих „праздничных" подачек. На заседании же 24 марта совет по незафиксированным мотивам „с благодарностью отказывается" от ежемесячного пособия в 1.000 руб. на помощь нуждающимся рабочим. По предложению Педана совет выносит благодарность правлению Донецкого общества за предоставленное ему (совету) помещение.

Из всех описанных фактов напрашивается один вывод, что политика примирения и соглашения в вопросах общего и частного порядка проводилась советом систематически.

В деятельности совета следует отметить преобладание местных, мелких вопросов над общими. Подсчет вопросов по 36 протоколам исполкома, за время с 2 июля 1917 г. по 16 апреля 1918 г. и по 55 протоколам общих собраний совета, с марта 1917 г. по апрель 1918 г., дает следующие цифры: из 333 вопросов, разобранных исполкомом совета, на долю мелких местных приходится 272, при чем общеполитические вопросы начинают занимать более солидное место лишь с августа месяца. Общие собрания совета из общего количества 572 вопросов разбирали 453 мелких местных [1]), хотя в 1918 году (январь-апрель) из 94 разобранных вопросов на долю общеполитических пришлось 27. По такого рода мелким вопросам сплошь и рядом принимались определенные решения. Что же касается общеполитических вопросов, то тут картина иная. Делают ли делегаты отчет (5 июля) о работе I всероссийского съезда советов, или (8 ноября) о работе II съезда советов, о съездах ли в Бахмуте, Юзовке, Харькове, Екатеринославе или, наконец, отчитывается председатель о деятельности совета — решение неизменно: „принять к сведению".

Что совет занимался местными вопросами — не плохо, так как это показывает, что рабочие массы сразу же увидели в

---

[1]) Под мелкими местными вопросами мы понимаем такие, как, например, разбор просьбы союза металлистов об отпуске им медного чайника, утверждение устава союза охотников, вопрос об отпуске ботинок председателю совета из местного кооператива, о бесплатном питании отдельных членов совета в общезаводской столовой, выдача разрешений на гражданский брак отдельным лицам, установление таксы извозчикам и т. д. — *Г. К.*

своем совете единственно близкую и авторитетную для них власть, заставляя совет разрешать все вопросы, связанные с их повседневным бытом. Однако отстранять политику на второе место и по многим главнейшим вопросам выносить резолюции „к сведению"— целиком совпадало с идеями мелкобуржуазных меньшевиков и эсэров, господствовавших в совете до октября 1917 г.

В состав 8 комиссий (о которых говорилось выше, что они организационно оформились на третьем заседании совета от 22 марта) вошло 110 человек. Самая меньшая комиссия состояла из 4, а самая многочисленная (продовольственная) из 16 человек. В некоторые комиссии вошли такие „представители" рабочего класса, как Томашевский (кадет), который до мая месяца был комиссаром милиции[1]), поп Гонтаревский[2]), долго работавший в культкомиссии совета.

Задачи каждой комиссии были определены достаточно ясно, но практически работа всех их сводилась к предварительной подготовке вопросов для общего собрания совета. Активная работа проводилась только в 4 комиссиях: милиционной, продовольственной, финансовой и культурно-просветительной, а остальные 4 комиссии (муниципальная, мандатная, железнодорожная и агитационная) являлись фикцией.

Несмотря на изобилие комиссий, военной секции или комиссии не было (хотя совет именовался: „рабочих и *солдатских* депутатов"), и это вовсе не случайно. Так, по вопросу о вооружении рабочей дружины совет 7 июля выносит следующее решение: „Вопрос об организации военной дружины оставить открытым"[3]). Следовательно, утверждения участников, говорящих о создании боевой дружины сейчас же после Февраля, лишены основания. Была милиция да и та, как вооруженная сила, не являлась опорой большевиков.

Неоднократно пополняемая новыми членами, культкомиссия занималась очень многими вопросами: организацией празднеств

---

[1]) Только этим и можно объяснить тот факт, что милиция, наряду со своей обычной мирной работой, занималась такими делами, как борьба с дезертирством, или защищала контр-революционных офицеров от солдат.—*Г. К.*

[2]) Этот поп совершенно открыто считал, что совет — это временный орган до созыва учредилки и поэтому, очевидно, мирился с ним, принимая участие в его культкомиссии. По заявлению тов. Плотникова, сделанному на заседании совета 3 апреля 1917 года, Гонтаревский произносил с церковной паперти определенно враждебную „проповедь" против революции.—*Г. К.*

[3]) Центрархив УССР, дело № 2, стр. 49.

Пасхи и Троицы; устройством газетных киосков; составлением плана проведения празднования Первого мая; начинаниями по организации библиотеки; проведением празднования полугодового юбилея русской революции — 26, 27 и 28 августа, при чем митингам предшествовала массовая церковная панихида в честь павших борцов за свободу, как об этом свидетельствует протокол комиссии № 23. К числу наиболее важных мероприятий, которые были намечены культкомиссией, нужно отнести предположение о создании своей газеты и о постройке среднего учебного заведения. Исполком 15 июня одобрил предложение комиссии о создании своей газеты под названием „Известия дружковского совета рабочих и солдатских депутатов".

По поводу постройки среднего учебного заведения был проведен опрос населения: какое учебное заведение строить — гимназию или техническое училище. В голосовании принимало участие больше 4.000 человек, при чем за гимназию высказалось 1.850, а за техническое училище 2.236, что весьма показательно, как подтверждение огромной тяги к учебе проснувшихся масс. В комиссию по постройке этого учебного заведения поп Гонтаревский вошел председателем, Дрейман, Педан и еще двое членами. Комиссия решила провести подписку среди заводских рабочих и частной публики с целью сбора средств на постройку школы, стоимость которой была определена в 400.000 руб. Однако это хорошее начинание, как и предположение об издании газеты, не пошло дальше благих намерений.

Кроме своих постоянных комиссий, совет руководил: комиссией по организации в Дружковке рабочего кооператива, который и возник из старых и новых пайщиков во второй половине июня; комиссией по демобилизации промышленности; реквизиционной комиссией; примирительными камерами и профсоюзами. Отношение совета ко всем этим организациям было сформулировано, в связи с обсуждением вопроса об обывательском комитете, в следующей резолюции (9 июня): „Дружковский совет рабочих и солдатских депутатов, *представляя в себе интересы как большинства, так и меньшинства населения*[1]), является высшим революционным учреждением и что все постановления общественных организаций (имеющих в нем своих представи-

[1]) Курсив наш.— Оценка этого замечательного определения роли совета дана в статье „Советы Артемовщины от Февраля к Октябрю" на стр. 81 настоящего сборника. (*Прим. ред.*).

телей), затрагивающие интересы общественной жизни, должны быть санкционированы советом“ [1]).

С материальной стороны совет был достаточно крепок. Ежемесячные рабочие отчисления в 1½% от заработка плюс средства, выдаваемые заводом, дали возможность совету содержать свой аппарат, оказывать помощь информационному бюро в Бахмуте, посылать известный процент харьковскому областному и петроградскому советам.

Кроме того, совет имел возможность приобретать за свой счет газеты, книги, оказывал помощь „детям воинов“ (2.500 рублей), больным проезжающим солдатам (до 60 случаев помощи на сумму 2.719 руб.) и бывшим политзаключенным. Одновременно совет субсидировал политические организации путем выдачи „взаймы“ эсдекам 2.000 руб. эсэрам — 1.000 руб., обывательскому комитету (!)—3.000 руб., местной украинской раде—200 р. и на расходы комиссии по выборам в учредилку—800 руб. [2]). И только после корниловского мятежа часть средств совет начинает более регулярно использовать на вооружение рабочих.

Недостаточную поддержку как денежную, так и моральную оказывал совет военнопленным, которых в Дружковке было изрядное количество (3.000 человек). Правда, в совете был делегат от военнопленных. На заседаниях совета вопрос о военнопленных разбирался 11 раз, а на исполкоме—до 20 раз, но это отнюдь не облегчало тяжелого положения пленных. Только 6 июня исполком признает необходимым „принципиальное облегчение режима“ военнопленных; выделяется комиссия по обследованию их быта, тов. Радченко поручается их организовать, но дело не двигается.

В июле общее собрание совета по докладу Горохова о военнопленных выносит решение, которое сильно напоминает круговую поруку. Вот оно: „Признать право за чехословацкой организацией и защиту заводских комитетов по оплате им жалованья. При этом установить *ответственность* [3]) организации за побег ее членов“.

[1]) Центрархив, дело № 6, стр. 4.

[2]) Этими субсидиями, как мы видим, пользовались все существовавшие в Дружковке политические организации, только о большевистской организации ничего не слышно.

[3]) Курсив автора. Эту грамматически неясную формулировку, целиком взятую из протокола дружковского совета, нужно понимать так, что на военнопленных распространяются все экономические права, которыми пользовались заводские рабочие. (*Прим. ред.*).

Добавим к этому еще одну выписку из протокола совета, проливающую свет на его отношение к военнопленным. В конце сентября Торецкий завод попросил 6 пудов кожи для военнопленных. Совет по этому поводу выносит решение: „Выдать 2 пуда кожи, при этом написать Торецкому заводу, чтобы впредь делались для военнопленных не кожаные подошвы, а деревянные“ [1]).

Эти факты свидетельствуют о чем угодно, только не о политике братания, не о тесной связи с пролетарским элементом из числа военнопленных. Влияние мелкобуржуазных партий, проповедующих войну и классовый мир во имя борьбы с немцами, сказалось и в этом случае.

Общий итог таков: начиная с крупнейших политических вопросов того времени и кончая мелкими вопросами местного порядка, дружковский совет, руководимый в этот период меньшевиками и эсэрами, разрешал их не по-революционному.

С ходом дальнейших событий рабочие Дружковки, под влиянием постепенно возраставших агитации и влияния большевиков, резко повернули влево, вопреки воплям Яндовских, Педанов, Амелиных. Не последнюю роль в этом процессе сыграл экономический фактор.

Революция ни в какой мере не ликвидировала трудностей в промышленности, вызванных войной. Разруха транспорта чувствительно отражалась в Дружковке, создавая перебои в доставке угля и железной руды. Уже 7 апреля совет был вынужден выделить своих делегатов для выяснения причин этих перебоев. К октябрю оба завода дошли до положения, когда у них не было никаких запасов угля. По этой причине и отчасти вследствие отсутствия заказов ряд цехов должен был прекратить работу, и совет, в целях недопущения этого, поставил вопрос о демобилизации части цехов для того, чтобы заводы могли взять заказы с мирного рынка и тем самым избежать катастрофы; но дело с демобилизацией дальше разговоров не пошло. Когда у снарядных цехов Донецкого и Торецкого заводов не оказалось заказов, то исполком совета 9 июня постановил: „Командировать члена исполкома тов. Дреймана, которому поручается совместно с избранными от заводских комитетов и заводоуправлений представителями объехать все учреждения,

[1]) Центрархив, дело № 2, стр. 62.

ведающие заказами, выяснить причины неполучения заказов и получить необходимые заказы" [1]).

Отсутствие квалифицированной рабочей силы заметно отражалось на производительности; заводоуправления обоих заводов часто обращались в совет с просьбой не снимать с завода незаменимых по своей квалификации рабочих для работы в совете и его комиссиях. Совет, в свою очередь, на заседании 5 мая по предложению Педана постановил обратиться с просьбой к центральному военно-промышленному комитету и верховной ставке о возвращении с фронта квалифицированных рабочих на заводы, работающие на оборону.

Май был уже на исходе, а о введении восьмичасового рабочего дня и повышении зарплаты и речи еще не было [2]).

Но, повидимому, терпению рабочих наступил конец: 30 мая совет принял следующую резолюцию по докладу Дреймана, участвовавшего в переговорах с представителями горнопромышленников юга России.

„Доклад тов. Дреймана принять к сведению, выразить ему благодарность и наградить аплодисментами...

...Протестуем самым энергичным образом против нелепых наветов господ предпринимателей, вылитых перед Временным правительством на головы рабочих юга России, и, в частности, Дружковского района. Принимая во внимание те тяжелые условия жизни, в которые поставили нас господствующие классы, капиталисты и буржуазия, открыто заявляем, что мы никогда не откажемся от своих требований, выработанных градаций надбавок Южно-Русской конференцией в Харькове и настаиваем на полном осуществлении наших жизненных минимальных требований" [3]).

Медленно поднималась зарплата, зато внушительные прыжки вверх делали цены на продукты первой необходимости. Продовольственная управа Бахмута, куда входили два дружковских представителя, по заявлению одного из них—Салия—на заседании совета, бездействовала. На районном продовольствен-

[1]) Укрцентрархив, дело № 6, стр. 4.

[2]) Тов. Мануйлову, повидимому, изменяет память, когда он в своих воспоминаниях делает рискованное заявление о том, что восьмичасовой рабочий день к 18 мая был введен и что Дружковка шла в этом вопросе впереди всего Донбасса,— *Г. К.*

[3]) Центрархив, дело № 2, стр. 35.

ном совещании в Константиновке, состоявшемся в начале сентября, представитель Дружковки Михайловский сообщал, что дело с питанием, обувью, мануфактурой обстоит относительно благополучно только благодаря запасам прошлого года. Совет при помощи продовольственной и финансово-хозяйственной комиссий намечал ряд мероприятий к облегчению положения дела.

Создание рабочего кооператива с количеством членов в 2.000 человек должно было явиться средством к обузданию аппетитов торговцев. Кооперация, как потом оказалось, была не в состоянии повлиять хоть сколько-нибудь заметно на понижение уровня цен, так как во всем зависела от общих законов рынка, на котором процветала беззастенчивая спекуляция.

В отношении торговцев была занята довольно оригинальная позиция. С одной стороны, с ними велись переговоры о регистрации продаваемого товара, об установлении цен, предусматривающих „законную прибыль", как это было с мясоторговцами, а с другой, производилась реквизиция дефицитных товаров и передача их кооперации для продажи пайщикам. Так, в марте у Неженцевых были реквизированы сахар и 38 пудов кожи.

В конце сентября комиссия, в составе Горохова, Гайдукова, Бурцева, Васильева, Черникова и Михайловского, реквизировала у купцов Гераскина, бр. Неженцевых, Дикштейна и Камерштейна следующие товары: мануфактуру, кожу, мыло, табак и спички. Эти товары, конечно, были взяты за денежную компенсацию и переданы кооперации для выдачи пайщикам.

Посылка делегации в Москву и Екатеринослав за мануфактурой и обувью не дала положительных результатов. С другой стороны, запрещение вывоза овощей за пределы Дружковки и перекупки торговцами у крестьян продуктов питания до обеденного времени, постановление исполкома (11 июня) об обобмене железа, отпускаемого крестьянам, на зерно и другие с.-х. продукты; распределение штрафных капиталов предприятий с целью поддержки малообеспеченных рабочих, срочная уборка хлеба (в экономии Елисеева), предназначенного продовольственной управой для удовлетворения Дружковки, введение карточной системы и таксирование цен на предметы первой необходимости,—все эти мероприятия совета не привели к заметному улучшению экономического положения рабочих.

Тяжелое материальное положение рабочих еще ухудшилось после того, как хозяева повысили цены на уголь для рабочих квартир, а потом и вообще прекратили выдачу рабочим угля даже и по высоким ценам.

Сумма всех этих больших и мелких экономических нужд каждодневно убеждала дружковских рабочих в неспособности Временного правительства и мелкобуржуазных партий вывести страну из тупика, в который они завели ее.

* * *

Подлинный основатель дружковской организации большевиков матрос Балтийского флота и дружковский рабочий металлист Д. И. Пономарев вернулся сюда в июле 1917 года [1]). По утверждению т. Агаркова, Д. И. Пономареву на первых порах приходилось проводить свою работу нелегально, в обстановке невероятной провокации, под угрозой в любой момент быть арестованным. Под руководством тов. Пономарева большевистская организация, как нечто единое и законченное целое, образовалась лишь накануне Октябрьского переворота. Об этом свидетельствует следующий документ: „Общее собрание организации, именовавшейся РСДРП (объединенных интернационалистов) в Дружковке, состоящей из 2.100 зарегистрированных членов, 19 октября постановило: Признать единственным своим центром Центральный Комитет большевиков, своим органом — „Рабочий Путь“ [2]).

---

[1]) Более подробно см. „Літопис Революції“ № 5—6 за 1927 г., стр. 390—393. Аналогичные воспоминания имеются в заметках Корытного, Незведовского и др. в материалах Константиновского Истпарта.— *Г. К.*

[2]) См. „Рабочий Путь“ (так одно время назывался в 1917 году центральный орган партии большевиков „Правда“ после неоднократных разгромов его контр-революцией) № 175 за 1917 год.

Эта корреспонденция кладет конец той легенде, по которой большевистская организация Дружковки возникла якобы сейчас же после переворота в феврале, по поводу чего, между прочим, был уже устроен торжественный юбилей, т.-е. была торжественно узаконена легенда.— *Г. К.*

Редакция сборника считает необходимым дать здесь место следующей выдержке из воспоминаний дружковского рабочего тов. Даниленко Анисима (ныне рабочий завода „Красный Химик“ в Славянске, член КП(б)У). Приводим, почти не меняя орфографии:

„Февральская революция застала меня в Дружковке. Пристав и полиция были арестованы без сопротивления. Сейчас же были избраны по два человека от каждого цеха на конференцию для выборов в комитет местной власти. В комитете

В Дружковке в начале апреля оформилась организация меньшевиков под руководством Яндовских (муж и жена). С 12 апреля происходит регулярный сбор членских взносов. Среди рабочих Донецкого завода они собрали 495 рублей и 477 руб.— среди рабочих Торецкого завода на партийное знамя, что говорит о наличии симпатий рабочих к меньшевикам. Первого мая меньшевики открыли партийный клуб „Единение", библиотеку-читальню, где два раза в неделю читались политические лекции. Три их представителя входили в совет от самой организации, не считая избранных на общих основаниях. К началу июля организация насчитывала в своих рядах до 300 членов.

Параллельно этой меньшевистской организации под руководством Радченко создается другая социал-демократическая группа интернационалистского направления. По своей численности и по размаху работы она не уступала первой группе. Тов. Радченко в своих воспоминаниях называет эту организацию боль-

---

в большинстве оказались меньшевики, кадеты и даже псаломщики, а также в комитете был и т. Радченко А. Ф. и еще некоторые товарищи с большевистским духом, но они были в меньшинстве. И так шло дело до июня. Выпущен был „заем свободы", но его рабочие не покупали. Вскорости после Февральской революции на Торецком заводе организовали комитет СДРП. Вожаками были меньшевики с Яндовским во главе. К июлю месяцу в организации было больше 100 членов.

1 мая 1917 г. во время празднеств на митинге выступали первые большевики т. т. Пономарев (матрос) и Есава. Их не очень приветствовали, а меньшевики кричали „долой".

Июльские дни в Петрограде раскрыли глаза рабочим массам, был создан партийный комитет большевиков из 25 человек на Донецком заводе, т.-е, на Гавриловке, отдельно от меньшевистского, и большинство членов партии отошло от меньшевиков к большевикам. Наша организация к октябрю насчитывала до 2000 человек, а у меньшевиков осталось 20 человек. После Октября были назначены выборы в дружковский горсовет. Голосовали по спискам. Из общего числа 80 членов городского совета большевики получили 72 места, меньшевики 2 места, социал-революционеры — 2 места, украинцы — 4, так что в горсовете во главе с товарищами Радченко А. Ф., Моисеенко К. В., Пономаревым, Недритом, Есава, Михиенко и др. большевики получили подавляющее большинство. Я также был избран в горсовет по списку большевиков, в то же время я был членом партийного комитета; в горсовете работал в комиссии народного хозяйства".

Говоря о численном составе совета, тов. Даниленко, повидимому, впадает в ошибку. Совет первого созыва состоял из 123 человек, что установлено по протоколам. Разницу между 123 и 80, т.-е. 43 человека составляли, повидимому, левые эсэры (и частично беспартийные), о сильной организации и влиянии которых автор статьи Г. К. приводит основательные доводы. В равной мере неверно указание о том, что К. В. Моисеенко и Михиенко были большевиками, т. к. первый был левым укр. с.-д., а второй левым эсэром. (*Прим. ред.*).

шевистской, хотя таковой она официально не именовала себя, но, по его мнению, дело не в названии.

Согласиться с этим нельзя по двум соображениям. Во-первых, один из меньшевистских деятелей Константиновки, бывавший в Дружковке, по поводу взаимоотношений этих организаций пишет: „Создалось, таким образом, немыслимое в партийной жизни положение: существование двух организаций с одним и тем же направлением“ [1]). Во-вторых, в сентябре произошло слияние этих двух организаций, плюс латышские эсдеки и Бунд, избравших общий комитет [2]).

Однако, несомненно, что под влиянием Пономарева часть дружковской организации эсдеков-интернационалистов (группа Радченко) чем ближе к Октябрю, тем все больше принимала большевистскую ориентацию. К Октябрю группа Яндовских насчитывала не более двух десятков членов.

Чрезвычайно многочисленной (1.300 человек) и влиятельной была эсэровская организация, руководимая Мануйловым, Уваровым, Волоховым (левые эсэры) и Потаповым, Амелиным, Педаном (правые эсэры).

Если к этому добавить значительное влияние лево-украинских элементов, представленных в совете К. В. Моисеенко и Покойницким, то станет совершенно ясным, почему совет, руководимый этими партиями (которые в большевизме заподозрить нельзя), проводил шовинистическую и примиренческую линию по всем принципиальным вопросам.

Некоторой иллюстрацией господствовавших в совете настроений может служить следующий факт: некие Курилов и Степанов публично объявили тов. Радченко провокатором только за то, что в его речах сквозили большевистские нотки. Впрочем, совет, специально разбирая этот вопрос, клевету о провокаторстве отверг.

* * *

Результатом тяжелых экономических условий и краха меньшевистско-эсэровской политики было то, что, уже начиная с ав-

[1]) См. „Социал-Демократ“ № 152 за 1917 г., корреспонденция М. Радина.

[2]) Всякий мало-мальски знакомый с историей нашей партии скажет, что в 1917 г., после апрельских тезисов Ленина, ни одна большевистская организация не поддерживала Временного правительства, войны, займа и не сливалась с меньшевиками. Подробнее об этом см. стр. 81—82 настоящего сборника — *Г. К.*

густа, дружковские рабочие и их совет начинают все заметнее поворачиваться в сторону большевизма.

Время, когда совет безмятежно занимался установлением рабочего дня для парикмахеров, ревизией и улаживанием склок на почте, примирением врача Русевича с низшим персоналом больницы и разбирательством шумных споров на тему, следует ли бороться с самогоном, карточной и биллиардной игрой (дело дошло до того, что часть членов, не согласившаяся с постановлением совета, вышла из его состава),— время этих мелких дел прошло. Предстояли серьезные политические испытания.

На циничную торговлю, которая имела место между эсэромеиьшевиками и буржуазией на Московском совещании, дружковский совет ответил решением, являющимся поворотным пунктом, начинающим вторую главу его революционного прошлого. Резолюция, принятая 16 августа, гласит:

> „Общее собрание Совета Р. К и С. депутатов, обсудив положение дела в стране с политическо-экономической точки зрения в связи с Московским совещанием, постановило выразить свой протест против этого совещания, не имеющего никакого практического значения, кроме непроизводительного обмена мнений, в то время, когда по необоснованным причинам срок созыва Учредительного собрания откладывается. Общее собрание полагает, что единственная возможность борьбы с разрухой страны явится тогда, когда будет прекращена война и будет немедленно приступлено к частичной демобилизации (армии) для возвращения крайне нужных стране производственных сил и сокращено расходование народных денег на цели разрушительные, а не созидательные. Мы заявляем, что только в этих вопросах Временное правительство должно проводить свой авторитет, а не в совещании с контр-революционными силами“ [1]).

Разумеется, назвать резолюцию большевистской нельзя, ибо здесь Временное правительство признается способным вести политику иную, чем оно вело, что было безусловно ошибкой; но самый факт осуждения совещания и требование прекращения войны уже были значительным шагом в направлении к большевизму.

---

[1]) Дело № 2, стр. 53.

Другой, более решительный шаг был сделан в корниловские дни. На митингах и на общем собрании совета была принята весьма резкая резолюция[1]), которая, однако, и на этот раз обходит вопрос о передаче власти советам, заменяя его требованием „однотипного правительства в лице революционной демократии".

В ответ на выступление Корнилова был создан „комитет спасения революции" из трех членов совета, одного представителя от РСДРП, одного от эсэров и офицера местного гарнизона. Комиссаром спасения революции был избран Радченко,

---

[1]) Приводим ее целиком:

„1. Дружковский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, обсудив политический момент данного времени, протестует всеми наличными силами против авантюры генерала Корнилова и его приспешников.

2. Мы требуем немедленного суда над мятежниками, которые являются изменниками и предателями дела революции.

3. Протестуем против освобождения контр-революционеров—Львова, Гучкова и компании.

4. Мы требуем немедленного освобождения арестованных с 3 по 5 июля без всяких обвинений.

5. Немедленного роспуска контр-революционных очагов в лице Государственной Думы и Государственного Совета.

6. Долой смертную казнь, которая разлагающе действует на все человечество; смертная казнь позором является в свободной стране.

7. Мы требуем немедленного прекращения ужасной бойни, которая является рычагом всех несчастий и горестей мира.

В области организации:

1. Полная, всеобщая демобилизация армии для спасения революции изнутри и извне.

2. Контроль над генеральной ставкой в лице революционных армейских комитетов, полковых, дивизионных и корпусных,

3. Полная свобода печати.

4. Протестуем против запрещения левых органов печати, которые вскрывают весь поход буржуазии против трудящихся масс.

5. Мы требуем немедленной организации *однотипного правительства* (курсив мой.—*Г. К.*) в лице революционной демократии. Только это правительство может спокойно довести страну до Учредительного собрания, но не кадетская коалиция, которая всегда ставила тормоз в деле строительства страны.

6. Проведение широких реформ, обнародованных в декларации 8 июня: а) земля — трудовому народу; б) восьмичасовой рабочий день и установление минимума зарплаты в законном порядке; в) контроль над промышленностью, производством и распределением органами революционной демократии.

7. Протестуем против повышения твердых цен на хлеб, ибо это повышение ложится тяжелым бременем на плечи рабочих и безземельного крестьянства. Да здравствует братство всех народов! Долой контр-революцию!" (Дело № 2, стр. 57).

его заместителями: по Гавриловке — Дрейман, по Яковлевке — Недрит.

Дальнейшими шагами по пути ликвидации доверия Временному правительству следует считать решение совета от 23 сентября по вопросу о железнодорожной забастовке. Совет не только избрал четырех представителей в стачечный комитет железнодорожников (Радченко, Рыбалко, Горохова и Бурцева), но и дал следующую общеполитическую оценку положения: „Принимая во внимание положение страны и революции... совет заявляет: все выступления и эксцессы, выдвигаемые жизнью, являются только последствием ужасной войны и той нетворческой силы, которую так ложно проводило Временное правительство вместо осуществления декларации революционной демократии от 8 июня“ [1]).

Это было в сентябре, а 11 октября на заседании совета по вопросу о захвате Макеевского района казаками была принята резолюция, в которой, между прочим, говорится: „Протестуем против преступной политики Временного правительства“; отсюда оставался только один шаг к лозунгу „вся власть советам“. Это была первая решительная победа большевиков. Но эсэры, во главе с Волоховым, продолжали еще прочно сидеть в Сантуриновской волости, как представители Дружковки [2]), а меньшевики—в местной думе, окопавшись здесь во время августовских перевыборов.

Большевики, не имея крупных успехов на селе, продолжали закреплять свои позиции в совете. Резолюция, принятая на заседании совета под председательством Недрита 18 октября, гласит: „В виду явно контр-революционной политики настоящего безответственного правительства, занимающегося бесстыдным шантажем, позорящего и губящего великую революцию и ведущего страну к окончательной гибели, требовать немедленной передачи власти в руки единственных представителей народа и истинных защитников трудящегося класса — советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов“ [3]).

[1]) „Известия Юга“ № 171 от 30 октября 1917 года.

[2]) Эсэры провели энергичную работу по близлежащим селам и получили в волостном земстве, как сообщает „Социал-Демократ“ № 174 за 1917 год, 36 мест, а блок эсдеков остался без единого представителя. Тут, безусловно, сказалась меньшевистская тенденция: мы-де рабочая партия, и с мужиками особенно возиться не стоит.— *Г. К.*

[3]) Центрархив, дело № 2, прот. № 46.

Эта резолюция подводит итог всей работе по большевизации масс и совета. От слепого доверия через протесты и, наконец, к признанию контр-революционной сущности Врем. правительства — таков путь дружковского совета к диктатуре пролетариата.

Принятие первой истинно-большевистской резолюции 18 октября и официальное образование большевистской организации 19 октября, т.-е. за одну неделю до Октябрьского переворота, вовсе не представляет собой случайного совпадения дат и лишний раз подтверждает неправоту тех, кто относит создание дружковской организации к началу Февральской революции.

Влияние дружковских большевиков к этому времени начинало выходить за пределы Дружковки. Ими велась борьба уже за Константиновку, где сидели такие крупные по тому времени меньшевики, как Радин, Кизин и др. Ездившие туда большевики Пономарев, Недрит, Реут разоблачили перед константиновскими рабочими мелкобуржуазную сущность меньшевиков и эсэров.

На подрайонном совете в Константиновке, куда входили дружковский, константиновский, краматорский и ньюйоркский (ст. Железная, теперь Фенольная) советы, Дружковка была представлена двумя депутатами-большевиками — Недритом и Реутом, которые совместно с Чекирисовым (из Краматоровки) давали отпор разным Сидликам, Мурмиловым, Бегам и т. д.

Таким образом, большевизация рабочих масс и разоблачение мелкобуржуазных групп, проводившиеся в течение $2^1/_2$ месяцев большевиками под руководством Пономарева, подготовили совет к захвату власти в Октябрьские дни, и пролетарская революция не застала Дружковку врасплох.

* * *

Через день после Октябрьского переворота дружковский совет [1]) создал революционный комитет из представителей своего

[1]) Политическую оценку происходивших событий совет дал 31 октября в следующей резолюции:

„Дружковский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, обсуждав вопрос о политическом моменте данного времени, в связи с петроградскими событиями: 1) горячо приветствует всероссийский съезд СРК и С депутатов, 2) привет революционному комитету, спасающему революцию; 3) привет тому правительству, которое начнет осуществлять требования беднейших классов крестьян, рабочих и солдат. Хочется верить, что раз навсегда будет положен конец позорной и жалкой коалиции, которая 8 месяцев топталась на месте. Мы заявляем что не должно быть больше правительства Керенского, позорящего революционный авангард демократии". (Дело № 2, стр. 71).

исполкома, социалистических партий и местного военного гарнизона. В подчинении революционного комитета находился боевой комитет. В него могли записываться как члены совета, так и члены социалистических партий, умеющие обращаться с оружием. „Оружие у населения отобрать и передать в ведение революционного комитета",—гласит решение совета.

О вооружении рабочих совет 31 октября постановил: „организацию и устав боевой дружины поручить составить в кратчайший срок революционному комитету". Так встречен был Октябрь в Дружковке передовым сознательным большинством, но поиному встретили его правые эсэры, меньшевики, местная интеллигенция и идущая у них на поводу отсталая часть рабочих. Эсэры вынесли погромную резолюцию против II съезда советов. Дружковские учителя, вслед за славянским педагогическим обществом, посылают тысячи проклятий на головы большевиков. Судя по заявлению наркомздрава Дружковки т. Есавы, настроение медперсонала было не лучше, чем настроение учительства.

Основная задача совета, большевистской организации и их руководителей сейчас же после переворота состояла в вооружении рабочих, которое было начато еще в момент корниловщины и казацких походов на Макеевку; теперь же калединщина требовала удесятерения роста вооружения.

До Октября приобретение оружия идет очень слабо. В конце июля по поручению совета Шнапер приобретает на 1.000 рублей оружие в Петрограде. В октябре Мануйлов ставит вопрос на заседании совета (17 октября) о приобретении оружия для профсоюза, на что получает санкцию.

После Октября вооружение принимает массовый характер. Оружие приобретается у Центроштаба, помещавшегося в Никитовке; собирается оружие, привезенное солдатами с фронта, используется местный гарнизон и, наконец, устраивается организованная экспедиция вместе с соседними боевыми дружинами в Бахмут с целью разоружения 25-го полка.

Создание организованной военной силы в Дружковке проходит 3 этапа: боевая дружина [1]), Красная гвардия, Красная армия.

[1]) Боевая дружина была создана не в марте, как вспоминает ряд участников, а после корниловского мятежа. Первое проявление деятельности боевой дружины связывается с неудачной поездкой в Бахмут для водворения революционного порядка, когда там был „винный бунт" (12—13 сентября). Некоторые ездившие поддались искушению, и совет должен был одного из своих членов (Соломаху) исключить „за неблаговидные поступки", т. е. за пьянку в Бахмуте.—*Г. К.*

Боевой отряд не был постоянной военной единицей, знавшей своего командира, дни учебы, несение постовой службы и прохождение строя. Это были наиболее активные члены совета, партийных организаций, молодняка, умеющие немного обращаться с оружием и собиравшиеся от случая к случаю. Естественно, что такая боевая дружина должна была уступить место более совершенной военной организации. Спустя некоторое время после Октября была выделена специальная комиссия по организации Красной гвардии. Во главе дружковской Красной гвардии был вначале К. М. Козюлькин. К моменту, когда украинское советское правительство назначило Антонова-Овсеенко командующим всеми красными войсками Украины, Дружковка имела красногвардейский отряд кавалеристов под командой Збитнеева и отряд пехоты под командой Георги.

Об общем состоянии Красной гвардии можно судить по следующей телеграмме дружковского военно-революционного штаба, который на запрос Центрштаба Донбасса о количестве красногвардейцев, их вооружении и расположении, отвечает: „Конных 31, пехотинцев 219, пулеметов 3 (один негоден), винтовок 1.000. Недостатка в оружии не чувствуется, кроме револьверов, которых требуется 50 штук с соответствующим количеством пуль к ним. Красногвардейцы живут в своих квартирах, все работают на местных заводах, довольствуются каждый дома".

Первое боевое крещение дружковские красногвардейцы получили в боях с калединцами под ст. Дебальцево в конце декабря 1917 г. Тов. А. Даниленко передает об этом так: „22 декабря 1917 г. подали вагоны экстренным порядком, и мы выехали на ст. Никитовку, где находился штаб обороны. Наш отряд был направлен на ст. Дебальцево для занятия, как стратегического большого узла ж. д., и защиты таковой от вторжения белых. Нами были выставлены заставы и караульные посты, где это нужно было. В ночь на 27 декабря калединцы подкрались и сняли наш пост, открыв ураганный огонь по ст. Дебальцево, т.-е. по нас. Наш отряд был вынужден отступить, потеряв 11 чел. убитыми".

После Октябрьского переворота совет до конца января оставался по своей структуре неизменным, хотя направление его работы коренным образом изменилось. После январских перевыборов совет внешне и по существу значительно изменился [1]).

[1]) О составе совета см. стр. 190 настоящего сборника, где тов. А. Даниленко сообщает об этом частичные данные. (*Прим. ред.*)

Вместо былых комиссий появилось 10 комиссариатов. Во главе каждого комиссариата стояла коллегия, которая из своей среды выдвигала комиссара. Десять наркомов составляли Совнарком, который согласовывал работу отдельных комиссариатов. Исполнительный Комитет 23 января точно определил функции каждого комиссариата и их роль, как подсобных органов, проводящих мероприятия совета. Кроме того, комиссариатам было поручено проводить в жизнь декреты соответствующих комиссариатов центра.

Продовольственный комиссариат, во главе которого стоял Салий, разбился на два отдела: реквизиционный и хлебный. Первый отдел реквизировал по твердым ценам товары всех торговцев, устанавливал определенную таксу на товары, назначал наценку на кооперативные товары, контролировал кооператив; реквизировал все: льняное масло, вещи некоего Овчаренко, пришедшие по почте, здание под магазин компрода; разрешал продажу хлеба, муки (в том числе и на еврейскую мацу к празднику). Второй отдел держал постоянную связь с уездной продовольственной управой, Екатеринославом, приобретал хлеб, заботился о получении и выполнении нарядов на сахар, мануфактуру и т. д. Для связи с селом продкомиссариат ввел в свой состав крестьянина Орлова из села Сурово. Перепись населения с целью установления права на паек, помощь безработным, выдача промысловых свидетельств, переговоры с селянством об обмене борон на хлеб,— все это проводилось компродом довольно решительно.

Комиссариат финансов во главе с Г. Бондаренко начал свою деятельность с наложения контрибуции на местных торговцев и прочих лиц. Обложению подверглось 120 человек на общую сумму 559.400 рублей. Максимальная цифра обложения была 20.000 рублей, минимальная — 500 рублей. Впрочем, с низших категорий контрибуция была снята. Кроме того, комиссариат финансов забрал все средства яковлевского самоуправления, предложил заводам вносить в его кассу 2% от суммы заработка рабочих, установил контроль над сберегательной кассой и банком взаимного кредита, предложив им выдавать на руки вкладчикам суммы не больше 100 рублей.

Все эти мероприятия, утвержденные советом, взбесили местных буржуа: 19 февраля около театра „Аполло“ они устроили враждебную демонстрацию. Совет сумел взбесившихся буржуа привести в надлежащее подчинение и контрибуцию они внесли.

На снимке изображены дружковские красногвардейцы: А. Азерный, П. Беребенец, Фадеев, А. Маслов, Н. Смычков, И. Меринков, И. Горяинов, Ашурков, И. Шашков, погибшие в бою с чернецовской бандой под станцией Дебальцево в конце декабря 1917 года.

Через комиссариат земледелия, во главе которого стояли эсэры Уваров, а затем Амелин, совет устанавливал связь с ближайшими селами и экономиями. На первом же заседании комиссариат ставит вопрос об учете всей земли, усадеб, о формах землепользования, агрономической помощи и о связи с крестьянскими советами Дружковского района.

Комиссариат совместно с советом посылает людей в села для проведения весенней посевной кампании, на перевыборы советов и даже для проведения кампании по выборам в учредилку. Обложение контрибуцией кулацких верхов, сохранение экономий от попыток разграбления, выделение специального диктатора по Сантуриновской волости — Токарева — и чрезвычайной комиссии с участием Головченко, распределение огородной земли среди рабочих по жребию,— все это было делом комиссариата земледелия. К национализации помещичьих имений (Елисеева) совет приступил лишь 17 марта 1918 года.

Деятельность остальных комиссариатов (труда, просвещения, здравоохранения, „театр-развлечения" и т. д.) была достаточно интенсивна, но они все же не занимали такого места в работе совета, как эти три комиссариата. Деятельность всех комиссариатов, продолжавшуюся три месяца с небольшим, как и деятельность самого совета за этот период, оценить на основании только этих материалов очень трудно.

После Октябрьского переворота совет должен был определить свое отношение к назревающей гражданской войне, Центральной Раде, учредилке и к местному самоуправлению. Эта общая линия поведения частично намечена в резолюции, принятой в связи с выборами в совет [1]).

---

[1]) Резолюция эта гласит:

„1. Широкий размах великой русской революции поставил перед рабочими и крестьянами громадные задачи — осуществления и закрепления за трудящимися прав, завоеванных Октябрьской революцией, которая ярким факелом освещает (путь) социального переустройства — путь уничтожения в корне старых устоев самодержавия, капиталистов, помещиков, издевавшихся над рабочими и крестьянами и втянувших страну в ужасную европейскую бойню...

Мы заявляем, что каждый прошедший день рабоче-крестьянской революции является показательным фактом пробуждения международного братства трудящихся масс, и верим, что недалек тот день, когда рабочие Германии, Австрии, Франции, Англии и других стран порвут связь со своими империалистами, слившись с нами под одним знаменем „вся власть советам рабоче-крестьянских и солдатских депутатов".

Враждебная позиция к Центральной Раде была занята еще раньше принятия этой резолюции. „Донецкий Пролетарий“ 31 декабря помещает резолюцию, принятую в Дружковке, в которой говорится:

„Общее собрание дружковских рабочих, выслушав доклад по текущему моменту, после долгих прений постановило считать, что Центральная Рада не идет по пути классовой борьбы, а идет под флагом натравливания трудящихся на своих же братьев-трудящихся,—иными словами, идет под флагом контр-революции, и мы протестуем против действий Рады, которые не на радость нам — трудящимся, а на радость ненавистной буржуазии. Мы, рабочие, протягиваем братскую руку своим братьям украинцам и говорим им: „Братья, вам не по пути с теми, кто ведет вас к братской борьбе, нам по пути только с тем, кто ведет нас к братству народов. Да здравствует братство народов!“.

Вряд ли нужно характеризовать эту резолюцию, так как в ней контр-революционная сущность Рады схвачена достаточно метко и определенно.

---

2. Дружковский совет РК и СД выражает полную солидарность с III всероссийским съездом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

3. Начатая решительная борьба за мир является главным оплотом великой русской революции, и мы убеждены, что конец ужасной бойни настал; еще одно усилие и кровавый кошмар исчезнет.

4. Приветствуем земельный декрет и ту сплоченную силу единения, которая произошла на III съезде, объединив братскими узами крестьян и рабочих — истинных выразителей труда.

5. Дружковский совет обязывается всеми наличными силами вести борьбу с контр-революционером Калединым и компанией, а также жалкими саботажниками, прихвостнями буржуазии — меньшевиками и правым эсэрами.

6. Искренний привет революционным красным войскам, ведущим решительную борьбу за власть советов на Украине, в Сибири и на Дону.

7. Щиро вітаємо українських робітників, вояків та селян, вітаємо діда Київа, скинувшего ярмо контр-революції з радою гайдамаків, Петлюр, Винниченко та інш.

Дружковский совет принимает самые энергичные меры в деле проведения декретов, изданных правительством рабочих и крестьян...

Да здравствует социальная революция!

Да здравствует международная революция!

Да здравствует мир всего мира!

Да здравствует власть советов РК и СД!

Да здравствует коммуна!“ (Дело № 2, стр. 84).

В решительные дни гражданской войны на Украине и на Дону дружковцы держат связь с армией не только путем посылки на фронт своих делегатов (Бондаренко, Федоренко), которые вместе с подарками (311 пуд. сухарей и 650 комплектов белья) везли и большевистские идеи, но и заслушивают также доклады делегатов от солдат на своем совете. Так, например, 15 ноября по докладу солдата Денина о московских событиях (восстание юнкеров) совет выносит резолюцию, где предлагает солдатам, „которые еще продолжают быть обманутыми, обсудить еще раз создавшееся положение, рассматривая гражданскую войну как возникшую не по вине большевиков, а по вине тех, кто вызвал ее, расстреливая советы и т. д. Мы признаем, что эта власть советов выведет страну из того тупика, куда завели ее Черновы, Керенские, Корниловы, Каледины и прочие господа".

По вопросу об отношении к Брест-литовскому миру на общем собрании советов 26 февраля под председательством эсэровских лидеров (Уваров и другие) было постановлено: „Империалистический мир неприемлем, и совет объявляет красный террор всей империалистической буржуазии и империалистам. Да здравствует социализм!".

Таким образом, совет по этому вопросу принял лево-коммунистическую бухаринскую ориентацию. Эта резолюция одновременно показывает на чрезвычайно сильное еще лево-эсэровское влияние в совете.

В феврале же, за несколько дней до вынесения резолюции о Брест-литовском мире, совет принял очень важное решение о роспуске городской думы, мотивируя свое постановление тем, что Дружковка „населена исключительно рабочими", недопустимостью существования двух „однотипных организаций, регулирующих политической и хозяйственной властью", и, наконец, „слабостью материального положения городского самоуправления". Здесь нигде не сказано, что дума разгоняется, как организация контр-революционная, в которой было засилье правых эсэров и меньшевиков [1]). Отсутствие этого мотива и при-

[1]) Кажется несколько странным заявление бессменного председателя дружковского совета, и в то же время члена этой думы тов. Радченко, что его присутствие в думе и ряда других товарищей было продиктовано желанием „большевизировать думу". Был ли смысл организации большевиков, насчитывавшей к декабрю 2½ тыс. членов и ведущей за собой решающую часть рабочих, заниматься большевизацией учреждения, потерявшего под собой всякую почву? Думается, нет.— *Г. К.*

Дружковский ревком в январе 1918 года. Сидят слева направо: Збитнеев, К. Моисеенко, А. Есава, Радченко, М. Красиенко, Г. Бондаренко. Стоят справа налево: Прокопов, через одного—Недрит, Цалес, Георги; снимок в квадрате — Д. И. Пономарев.

равнивание думы к совету, как „однотипной" организации, надо объяснить не совсем решительной тактикой лево-эсэров, сидевших в совете и не желавших окончательно порывать с правыми друзьями, окопавшимися в думе.

Власть советов дружковцами понималась исключительно как власть на местах. Так, 28 марта 1918 года совет, определяя свое отношение к бахмутскому уездному исполкому, постановляет: „Признать таковой и войти с ним в тесный контакт и координацию действий, но признать Бахмутский уездный совет, как верховную власть над нашим советом не можем, ибо это противоречит декретам народных комиссаров — власть советов на местах".

Наконец, последний вопрос, по которому можно судить о политической физиономии Дружковки, это — кампания выборов в учредилку, которой занималась специальная комиссия совета в составе: Плотникова, Винникова и Парфенова. От Дружковки прошла эсэровская кандидатура — Головченко. К сожалению, не сохранилось точных данных о результатах голосования. Однако несомненно, что Дружковка отстала от Горловско-Щербиновского района, где большевики собрали 84% голосов, но шла впереди города Бахмута, где большевики получили 30% голосов. Дружковская организация большевиков вела работу по выборам в учредилку не только в самой Дружковке, но и в окружающих селах, где список большевиков, как передают участники, встречал жестокое сопротивление со стороны кулачества.

Итак, от Октября до ухода под напором немцо-гайдамаков дружковская большевистская организация, руководившая рабочими, и совет, несомненно, шли к той цели, которая была намечена Октябрем. Немецкая оккупация и гайдамачина, а затем деникинщина не убили у дружковцев воли к борьбе, а, наоборот, укрепили ее, несмотря на жертвы тяжелого подполья. Из их рядов вышел первый организатор Красной гвардии Донбасса, идейный вдохновитель дружковских большевиков (ныне покойный) — Д. И. Пономарев, достойный сын своего класса.

БОРЬБА ЗА ОКТЯБРЬ В КОНСТАНТИНОВКЕ [1]).

Затянувшаяся война, вызванная ею дороговизна жизни, усиливавшийся нажим со стороны заводской администрации остро ощущались рабочими бутылочного завода. В каждой семье были жертвы войны. Большинство рабочих было связано с крестьянством, разорение которого в связи с войной било и по рабочим. Все это заставляло напрягать мысли в поисках выхода из положения.

Небольшая группа социал-демократов-большевиков [2]), работавшая подпольно, старалась объяснить рабочим, где надо искать выхода из тупика, созданного войной. Появление брошюры Ленина „Социализм и война" внесло ясность в работу группы, которая усиленно занялась разъяснением ленинского лозунга — превращение империалистической войны в войну гражданскую.

Известие о свержении самодержавия, полученное на бутылочном заводе 3 марта, вызвало небывалый энтузиазм. Рабочие бутылочники, бросив работу, организованным порядком, с красными знаменами, пошли по улицам рабочей Константиновки к другим заводам. По дороге к бутылочникам присоединились колонны рабочих химического, стекольного, зеркального и металлургического заводов. Тут же был организован первый митинг, после которого демонстрация двинулась дальше. На базарной площади состоялся второй митинг, на котором было решено вечером созвать заседание представителей всех слоев населения Константиновки.

[1]) По воспоминаниям участников Добровольського, Ф. Игнатова, И. Прищепы и др. Некоторые данные о Константиновском бутылочном заводе см. в „Літопис Революції" № 4 за 1927 г., стр. 219 — 224.

[2]) Существование большевистской группы в Константиновке в 1916 году подтверждают также А. Батов и М. Острогорский, работавшие тогда в макеевском подпольном районном комитете большевиков, куда и входила эта группа. Однако фамилий участников ее восстановить не удалось. (*Прим. ред.*).

Вечером 3 марта [1]) это заседание состоялось. Один из участников, в своих воспоминаниях так рассказывает об этом заседании:

„В 6 часов вечера в помещении мелко-кредитного товарищества состоялось первое организационное собрание. Здесь присутствовали торговцы, домовладельцы, лица свободных профессий, представители приказчиков и рабочих. Присутствовал и бывший пристав Веселовский при оружии и в погонах. В президиум вошли Выродов — тогда правый эсэр (от служащих железопрокатного завода), Кизин — меньшевик (доктор), Варшавский и Берман (торговцы), Веселовский (пристав), Грушкин, Ефимов (рабочие) и друг. Состав президиума отражал лицо собрания: торговцы, домовладельцы, промышленники и с ними полиция, с одной стороны, и представители от рабочих — с другой. Были группы служащих, приказчиков, интеллигентов, колеблющихся и диференцирующихся, часть которых впоследствии работала с красными, другие же, как, например, Выродов и Двужильный пошли (впоследствии) к деникинцам и активно работали в „Осваге". На заседании 3 марта сразу же наметились две различные классовые политические линии, ярко выявившиеся в принятой для отправки думскому комитету на имя Родзянко телеграмме, примерно, такого содержания: „Мы вполне присоединяемся к революции, приветствуем свержение самодержавия и даем свое горячее революционное обещание поддерживать русскую революцию всеми средствами. Выражаем надежду, что, помимо свержения самодержавия, революция даст рабочим экономические улучшения, восьмичасовой рабочий день, повышение зарплаты до прожиточного минимума". Внесенное же представителями рабочих добавление гласило: „Требовать от Временного правительства амнистии и возвращения из-за границы на государственный счет всех политических". В этом „требовать" и „выражаем надежду" уже намечались пути, по которым шли в революции рабочий класс, с одной стороны, и мелкая буржуазия — с другой. На этом же заседании был сконструирован временный общественный комитет, в который вошли представители от всех слоев населения".

Заводские рабочие выдвинули свои массовые организации. На цеховых собраниях в первых числах марта были избраны

[1]) Тов. И. Василенко в своих воспоминаниях (материалы Истпарта ЦК КП(б)У) говорит, что это собрание состоялось 5 марта 1917 года. *(Прим. ред.).*

делегаты в заводские комитеты, на обязанности которых лежало, на первых порах, улаживание конфликтов между администрацией и рабочими.

Выделенная рабочими охрана для поддержания общественного порядка приступила к своим обязанностям, заменив бездействующую полицию. Среди крестьян распространялось отпечатанное общественным комитетом воззвание, разъясняющее события и призывающее крестьян поддержать революцию.

Вопрос об организации совета рабочих депутатов был поставлен только по возвращении делегированных в Бахмут на первую уездную конференцию советов (происходила 15—17 марта) Лунева и Кизина, которые сделали доклад на заседании общественного комитета, где и было принято решение приступить к выборам.

Выборы происходили по цехам: на 100 человек 1 делегат; цеха, в которых не было 100 человек, объединялись с другими. На первом заседании совета, состоявшемся 18 марта вечером, был сконструирован президиум, выделена продовольственная и административная комиссии и избран исполнительный комитет, в состав которого вошли Лунев, П. Кравченко, Кизин, Грушкин, Мурмилов, Н. Шустов, А. Игнатов, Ефимов (все меньшевики). Исполнительный комитет, президиум совета (самостоятельно существовавший) и его комиссии приступили к работе.

Административной комиссии было поручено отобрать оружие у полиции и проверить архив, обратив особое внимание на сыскной отдел. Но получить какие-либо сведения не пришлось, так как со дня революции прошел большой период, давший возможность полиции убрать и припрятать архив; оружие же было отобрано. Продовольственная комиссия совета вошла в горнозаводской комитет и работала совместно с администрацией.

Так как руководство первым советом и его органами находилось в руках меньшевиков, то естественно, что в работе его была большая нечеткость, благодаря половинчатости занятой им позиции. Так, например, сконструировав органы управления, совет рабочих депутатов, тем не менее, не распустил общественный комитет, оставив его существовать и на далее. Таким образом, в Константиновке установилось „двоевластие“: общественный комитет, претендующий на власть, с одной стороны, и совет рабочих депутатов — с другой. Между этими двумя „властями“ был создан мостик — паритетный орган из

представителей общественного комитета и совета для разрешения спорных вопросов при проведении тех или иных мероприятий, но за весь период своего существования этот паритетный орган ничем себя не проявил.

По оформлении СРД на арену общественной жизни появляются партийные группы, начавшие борьбу за влияние на массы и, в частности, на состав совета рабочих депутатов. Интенсивно развили свою работу социал-демократы (в самом начале организация эсдеков была объединенной: в нее входили и большевики [1]) и меньшевики; деление на две партии произошло несколько позже) и эсэры.

Наряду с оживлением работы эсдеков и эсэров проявляется и национальное движение: украинское, еврейское и др. По инициативе части депутатов, избранных в совет, организовались национальные украинские партии социал-демократов и эсэров. Об уродливости украинских национальных организаций говорят лозунги, выдвинутые ими при выборах в городскую думу: „Голосуйте за того, у кого корова є, а не за босяків"— так провозглашал некий „украинец" гр. Иващенко.

Помимо административной и продовольственной работы, совет рабочих депутатов занимался также и вопросами улучшения положения рабочих, разрешением конфликтов с администрацией предприятий и т. д. Для разрешения конфликтов была создана примирительная камера, куда входили представители администрации и рабочих.

Изданный министром труда Скобелевым приказ о праве администрации самостоятельно увольнять рабочих (без вмешательства рабочих организаций) встретил отпор константиновского совета. Последний принудил администрацию все вопросы об увольнении разрешать в примирительной камере (совет, в большинстве своем меньшевистский, должен был проделать это под давлением революционно настроенных рабочих). Камера эта сразу же была загружена всякого рода конфликтными делами. Приходилось

---

[1]) Повидимому, большевистская группа, существовавшая до революции, вследствие малочисленности своей влилась в оформившуюся после революции меньшевистскую организацию. В этом, очевидно, нужно искать и причины того, что деятельность большевиков до июльских дней почти совсем не освещена авторами настоящих воспоминаний. Большевики лишь внутри объединенной организации вели борьбу и слабо, вернее совсем не проявляли себя в происходивших событиях до июльских дней. (*Прим. ред.*).

заседать ночами, и все же не удавалось разрешить всех дел. Тогда по заводам были созданы местные конфликтные комиссии, действовавшие на тех же началах, что и примирительная камера. Вопросы, не разрешенные в заводских комиссиях, переходили на окончательное решение в примирительную камеру. Необходимо отметить, что в большинстве случаев дела решались в пользу рабочих.

Еще в апреле месяце стало известно, что закрывается зеркальный завод и останавливаются некоторые цеха бутылочного и стекольного заводов, рабочие же выбрасываются на улицу. По этому вопросу было собрано заседание заводских комитетов, на котором было постановлено, чтобы рабочие сами проверили необходимость закрытия того или иного цеха, для чего и были избраны специальные контрольные комиссии.

Когда о предстоящем закрытии заводов узнал константиновский совет, он без особых возражений вынес следующее постановление: „Против остановки заводов не возражать, но обеспечить увольняемых шестимесячным заработком и оставить их в заводских квартирах". Был созван митинг рабочих, на котором это решение, в конце концов, было утверждено. Избранные на митинге 6 делегатов пошли к администрации заводов для подписания соглашения об обеспечении увольняемых шестимесячным заработком и квартирой. После долгих переговоров администрация соглашение подписала, но сообщила в Харьков, что подписала под давлением рабочих и не признает его. В результате приехал комиссар Временного правительства, ставший на сторону предпринимателей. Только после длительной борьбы удалось обеспечить увольняемых рабочих трехмесячным заработком.

Администрация заводов переехала в Харьков, а созданные во время конфликта контрольные комиссии стали не только контролировать, но и управлять предприятиями. Ездили в Харьков, добывали деньги, производили тарификацию. При проведении тарификации не обошлось без курьезов. На металлургическом заводе было созвано собрание для обсуждения вопроса о ставках, которое по предложению тов. Павленко установило одинаковую для всех ставку — 15 руб. за восьмичасовой рабочий день. Когда рабочие вышли потом на работу, произошли такие сцены: кузнец заставлял молотобойца быть кузнецом, а сам становился молотобойцем, вальцовщик бросал клещи и брал дру-

гую, несложную работу и т. д. Эти курьезы заставили пересмотреть и отменить уравнительную систему оплаты труда. Так без всякой напряженной борьбы нашел в Константиновке своеобразное применение ленинский лозунг „рабочий контроль над производством". Этому способствовало полное закрытие одних и частичное — других заводов.

Совет рабочих депутатов вмешивался не только в заводские дела. Его внимание привлекал и рост цен на предметы питания и потребления как у частных торговцев, так и в кооперации (надо сказать, что кооперация находилась все время на поводу у предпринимателей). Были установлены твердые цены путем ограничения наценок на предметы торговли: наценка была установлена в размере 10%. Все товары были проштемпелеваны печатью совета, и за нарушение постановлений торговцы привлекались к ответственности. Так, у ряда торговцев были конфискованы товары в пользу кооперации.

Совет развил и культурно-просветительную работу. Выделенная культпросветкомиссия организовала вечерние курсы рабочих (посещало их более 500 чел.), устраивала митинги, проводила беседы на международные темы и т. д. Большая работа проводилась и среди крестьян также путем устройства митингов и бесед

Энергичная работа совета вытеснила общественный комитет и он увял, незаметно и постепенно, не оставив по себе никакого следа [1]). Вместо него было избрано местное самоуправление — городская дума.

Во время партийной борьбы при выборах в думу определилось соотношение сил. Если в совете все время преобладали меньшевики, то в думе получили большинство эсэры.

К этому же времени относится и окончание работы по организации профсоюзов. Еще в конце марта началась работа инициативных групп по созданию профсоюзов. В апреле уже работали профсоюзы на бутылочном, химическом и металлургическом заводах. Несколько позднее сорганизовались профсоюзы на стекольном и зеркальном заводах. В первой половине мая было создано центральное бюро профсоюзов, в которое вошли все константиновские профсоюзы рабочих.

---

[1]) Тов. А. Чекирисов (материалы Артемовского Истпарта) указывает, что общественный комитет был ликвидирован 10 мая 1917 года (см. стенограмму „Как проходила Февральская революция и первые дни Октябрьской революции в Краматорском, Константиновском и Изюмском районах"). (*Прим. ред.*)

Как уже указывалось выше, руководство советом рабочих депутатов находилось в руках объединенной социал-демократической организации, главным образом — меньшевиков. Между большевиками и меньшевиками все время были трения[1]). В памятные июльские дни меньшевики подняли особенно ожесточенную кампанию травли большевиков. Во второй половине июля состоялся районный митинг в саду бутылочного завода. В своих выступлениях меньшевики и эсэры всячески ругали большевиков, называя Ленина „немецким шпионом" и т. д. Рабочие И. Прищепа, Е. Белоусов, Ф. Игнатов, Сойкин, Соловьев и Я. Коваленко поднялись с мест и заявили протест против этой клеветы. Митинг был сорван.

Большевистски настроенная группа рабочих стала сколачивать свою большевистскую организацию[2]). Тт. И. Прищепа и Ф. Игнатов так рассказывают об этой работе: „После митинга мы взялись за создание организации, втянули деловода больничной кассы тов. Сорокина и поручили ему проводить запись в партию большевиков. На следующий же день записалось 250 чел. рабочих; недели через две был избран партийный комитет при бутылочном заводе в составе т.т. А. Якусевича, Я. Коваленко, И. Прищепы, Ф. Игнатова и В. Сорокина. Партийный комитет забрал меньшевистское имущество, печать и изгнал их из заводской библиотеки. Установили связь с дружковской организацией и начали организовывать ячейки на химическом заводе, на стекольном, на железопрокатном, приготовляясь к боям с меньшевиками".

---

[1]) Тов. А. Чекирисов в упомянутых воспоминаниях характеризует это положение так: „В Константиновке было засилье меньшевиков, правых эсэров, национальных партий (бундовцев, украинцев, серповцев и т. д.), туда большевику нельзя было появляться. Когда из Краматоровки мы послали большевика Монгина, то его там избили. Таким образом, нам пришлось там работать полуподпольно. Нам нельзя было сказать, что мы большевики, и мы два месяца работали под маркой центровиков. Тов. Панков в своих воспоминаниях рассказывает, что в 20-х числах июня 1917 года он приехал с фронта в отпуск к своей семье и выступив на одном из митингов против войны, сорвал тем самым эсэровскую затею по организации „батальонов смерти". После выступления Панкова к нему на квартиру пришел комиссар милиции Самаров (правый эсэр) и арестовал его по обвинению в дезертирстве, несмотря на то, что Панков зарегистрировал в милиции свой воинский отпускной билет. *(Прим. ред).*

[2]) Тов. А. Чекирисов там же указывает, что большевиков в это время насчитывалось на бутылочном заводе около 20 человек, и на железопрокатном 15 чел. *(Прим. ред.)*

Бои начались ожесточенные. Они шли по всем вопросам и всюду: на заводах, митингах, на собраниях совета и в профсоюзах. В качестве иллюстрации можно указать на борьбу за кандидатуру председателя совета (меньшевики выставили Гончарова, эсэры — Самарова, большевики — Я. Коваленко) и вообще на борьбу вокруг избрания президиума совета. Председателем прошел все же меньшевик; большевистская фракция, не желая проводить эсэра Самарова, против которого было настроено большинство рабочих, поддержала Гончарова, так как кандидатура большевика Я. Коваленко провалилась. Позднее происходила борьба вокруг кандидатуры комиссара милиции. Должность эта была чрезвычайно важная, и партии боролись за то, чтобы провести свою кандидатуру. Ожесточенная борьба партий закончилась, в конце концов, победой большевиков. Комиссаром был избран тов. А. Якусевич.

Корниловское восстание 28 августа на время прервало партийную борьбу. Угроза контр-революционного переворота была настолько велика, что все социалистические партии, забыв на время споры, как бы объединились; был созван пленум представителей всех социалистических партий, на котором заслушали доклад о событиях в Петрограде и избрали ревком, в который вошли представители большевиков, меньшевиков, эсэров и украинских эсдеков.

После ликвидации корниловщины ревком был распущен и борьба между партиями разгорелась с еще большей страстностью. Иллюстрацией господствующих настроений в Константиновке может служить следующий факт: Тов. Гладков, выступая с докладом как делегат демократического совещания, сказал, что „прежде чем выехать из Константиновки, кассир станции не выдавал ему билета до Петрограда, говоря, что он получил депешу от начальника поезда, что мест в поезде нет. Тогда тов. Гладков обратился к начальнику станции с просьбой выдать ему билет, но тот ответил отказом, выражаясь: „Не мое дело". Тогда он вновь обратился к кассиру и, несмотря на предъявленные им мандаты, получил отказ. По прибытии поезда тов. Гладков обратился к начальнику поезда с просьбой помочь ему. Начальник поезда, просмотрев мандаты, сказал, что он никаких депеш не давал и что для делегатов он всегда найдет место. Тов. Гладков сказал, что пока он возьмет билет, то поезд уйдет, но начальник поезда ответил, пока т. Гладков

не возьмет билета, поезд не будет отправлен. И таким образом удалось получить билет" [1]).

Константиновский совет, заслушав это сообщение, зафиксировал в своем протоколе: „Общее собрание доклад приняло" [2]). Социал-соглашатели, сидевшие в совете и заправлявшие им, повидимому, вполне солидаризировались с действиями контрреволюционной администрации станции.

Межпартийная борьба достигала таких пределов, что константиновские партийные организации прозевали выборы в волостное и уездное земство. Об этом свидетельствует следующий документ:

„Заслушав доклад тов. Степанченко о выборах в уездное земство, в котором ясно было сказано, что совет не готовится к выборам в таковое, считаем долгом поставить на вид, что таковые упущения демократии ни в коем случае допустимы быть не могут, а по сему съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов предлагает немедленно направить все усилия, дабы использовать выборы в уездное земство и представить своих кандидатов во что бы то ни стало. А также принимая во внимание прошлое демократическое совещание в Петрограде и его последствия в решении дальнейшей судьбы страны, съезд предлагает всем советам подрайона зорко следить за тем, чтобы впредь не было оставлено неиспользованным ни одно как политическое, так и экономическое завоевание демократии. За опоздание же представить к выборам в волостное земство кандидатов константиновского и дружковского советов съезд отзывается с глубоким прискорбием, считая, что таковые упущения равны смерти революционной демократии" [3]).

Особо острая борьба развернулась вокруг выборов в Учредительное собрание. К выборам готовились серьезно. Большевики даже посылали несколько человек на курсы для подготовки инструкторов по перевыборам. По селам разъезжали пропагандисты, разъясняя задачи различных партий. Перед самыми выборами состоялись многочисленные митинги, на которых выступали представители всех партий, течений и оттен-

[1]) См. материалы Центрархива УССР — протокол константиновского совета от 13 сентября 1917 года, лист 3.

[2]) Там же.

[3]) Там же, протоколы константиновского подрайонного совета, лист 13.

ков. На один из таких митингов перед началом,— рассказывает тов. И. Василенко,—появилось духовенство, облаченное в ризы, с хоругвями и предложило отслужить молебен, но рабочие категорически отказались и духовенство возвратилось обратно не солоно хлебавши.

В своих воспоминаниях т.т. И. Прищепа и Ф. Игнатов так описывают одно из предвыборных собраний:

„В сентябре в кино Берманта было созвано районное собрание по поводу проведения предвыборной кампании. Наш партийный комитет (большевиков) секретно передал об этом дружковской организации, и оттуда приехали т. т. Радченко, Пономарев, Есава и др. Кроме того, неожиданно приехал тов. Г. И.Петровский (наш первый кандидат в Учредительное собрание). Меньшевики испугались, увидев таких противников, и начали требовать закрытия собрания. Но большевики взяли руководство собранием в свои руки, и меньшевики ушли с криками и руганью, называя нас бандитами, погромщиками, угрожая арестом большевиков. В октябре произошло объединение всех большевистских ячеек районов и избрание районного партийного комитета, председателем которого был т. Я. Коваленко. Райком установил крепкую связь с селами и поселками, а также с находящимися в районе военнопленными".

В момент выборов на II всероссийский съезд советов также развернулась горячая межпартийная схватка. 14 октября 1917 года состоялось очередное общее собрание константиновского подрайонного совета, на котором был поставлен вопрос, имеют ли право принимать участие в голосовании присутствующие крестьяне, так как они должны требовать созыва крестьянского всероссийского съезда. После продолжительных прений вопрос был поставлен на голосование и большинством решено допустить к голосованию.

„Фракциями были выставлены кандидаты: от большевиков т. т. Ф. Чекирис и Недрит, от меньшевиков-интернационалистов т. т. Сидлик и Гладков, от эсэров т. т. Волохов и Степанченко. При тайном голосовании оказалось, что меньшевики-интернационалисты сблокировались с эсэрами. Результаты голосования следующие: тов. Ф. Чекирис получил 11 голосов, тов. Недрит — 11, тов. Сидлик — 15, тов. Волохов — 19.

„Большевики, видя, что в дальнейшем порядке дня крестьяне не участвуют, а они должны были участвовать, так как под-

районным комитетом они были приглашены для решения вопросов, стоящих в порядке дня,— запротестовали. Создались бурные прения, из которых выяснилось, что меньшевики-интернационалисты сблокировались с эсэрами по инициативе студента Радина, который просил быть участником на съезде от редакции „Социал-Демократа“ (из Харькова), что он умышленно проделал для того, чтобы не допустить делегата от большевиков. Это выяснилось потому, что он также после перерыва отсутствовал, сделав свое дело.

„Далее был поставлен вопрос на голосование, правильно ли были произведены выборы. Результаты голосования таковы: за правильные — 8, против — 7, воздержалось 7; за неправильность — 11, против — 10 при 3 воздержавшихся.

„В дальнейших прениях изливалась грязь на товарищей большевиков со стороны эсэров, называли их карьеристами, после чего большевики демонстративно покинули зал собрания, мотивируя: в виду того, что при выборах делегатов на всероссийский съезд советов обнаружен явный саботаж со стороны эсэров, выразившийся в умышленном приглашении крестьян только для голосования,— мы покидаем с протестом собрание и порицаем действия эсэров.

„После дальнейших прений решено было созвать съезд на 17 октября, произвести перевыборы и закончить дальнейший порядок дня“ [1]).

Перевыборы действительно состоялись 17 октября 1917 года и „тайным голосованием показаны следующие результаты: тов. Недрит — 22 голоса, тов. Сидлик—17, тов. Степанченко — 9, после чего было предложено сделать наказ избранным делегатам, при чем тов. Сидлик высказался, что он будет отстаивать на съезде власть революционной демократии в лице социалистических партий; учреждение государственного контроля над банками; немедленное перемирие на всех фронтах; передачу удельных монастырских, церковных, помещичьих земель в распоряжение земельных комитетов. Тов. Недрит высказал то же, что и Сидлик, и посему прения не возобновлялись“ [2]).

Таким образом, делегаты константиновского подрайонного совета на II всероссийский съезд советов не получили наказа отстаивать передачу власти советам. В этом случае является

[1]) Материалы Центрархива УССР, см. названный протокол, лист 19—20.

[2]) Там же, лист 23.

странным то обстоятельство, что представитель большевиков Недрит, как и все остальные большевики, не нашел нужным ничего добавить к той типично меньшевистской программе, которую развил в своем выступлении Сидлик. Это можно объяснить только нерешительной тактикой большевистской фракции подрайонного совета.

В Петрограде благополучно завершился Октябрьский переворот. Когда приехавшие со II всероссийского съезда советов делегаты Недрит и Сидлик сделали доклад о переходе власти в руки советов, константиновский подрайонный совет принял следующее постановление:

„Принимая во внимание, что российской революции в настоящее время грозит смертельная опасность от контр-революционных антисоциальных сил всех оттенков, которые в настоящее время мобилизованы во всем своем объеме; что от исхода завязавшейся решительной борьбы за власть зависит судьба российской революции,— константиновский совет Р. С. и Кр. Д. призывает все революционно-демократические органы и социалистические партии к созданию единого революционного фронта во имя спасения всех завоеваний революции, во имя борьбы и борьбы беспощадной со всеми явными и тайными врагами революции".

Далее в резолюции говорится, что „ни одна социалистическая партия сама не в состоянии вывести страну из такого тяжелого экономического и политического положения, в которое она поставлена условиями царского режима и политического соглашательства, которое коалиционное министерство практиковало до последнего переворота".

„Тов. Недритом была предложена поправка в пункте 1, а именно: „.... от контр-революционных сил всех оттенков", чтобы пояснить словом справа, ибо слева контр-революции быть не могло и не может.

„По этой поправке создались прения, многие были против поправки, но к концу тов. Сидлик согласился поместить вместо „справа" — „антисоциальных". Резолюция была поставлена на голосование в целом и была принята девятью голосами против шести" [1]).

---

[1]) См. материалы Центрархива УССР — протокол константиновского совета от 3 ноября 1917 года, листы 31 — 32.

Только шесть большевиков голосовали против этой действительно контр-революционной резолюции, состряпанной опытными социал-предателями меньшевиками и эсэрами, из которых особо почетное место принадлежит Сидлику, отказавшемуся принять даже такую невинную поправку, которую вносили нерешительные константиновские большевики.

Приведенного вполне достаточно, чтобы понять, что и после Октябрьского переворота плодотворной работы не было: наряду с ожесточенной межпартийной борьбой продолжала существовать не менее злостная, чем эсэро-меньшевистская, городская дума.

Так работа продолжалась до середины ноября, когда по настоянию большевиков были назначены перевыборы советов, которые и проведены в декабре месяце. Однако и после перевыборов соотношение партий было таково, что ни большевики, ни эсэры, ни меньшевики, ни украинские партии не имели в совете большинства. Дальнейшие события, развернувшиеся на Дону (поход Каледина на Донбасс), поставили вопрос о решительных действиях, и с этого момента вся охрана революционных завоеваний Октября перешла непосредственно к ревкому, который был создан к этому времени большевиками.

С октября 1917 года по апрель 1918 года партийный комитет большевиков и ревком усиленно работали по формированию и вооружению частей Красной гвардии, проводя эту работу через специально созданную комиссию. Были созданы боевые дружины на добровольных началах для поддержания порядка, борьбы с воровством и т. д. Так, например, под предлогом „охраны населения“ при бутылочном заводе еще до создания ревкома была организована боевая дружина, основной целью которой было укрепление большевистских сил. Эти дружины и явились первичными вооруженными отрядами Красной гвардии.

Из Харькова, при содействии т. Рухимовича, было привезено 250 винтовок и 15.000 патронов к ним. Кроме этого, имелось еще оружие, привезенное раньше из Москвы, за которым ездили Н. Фролов (от исполкома) и Н. Ференс (от большевиков).

Организованный в первые дни Октябрьской революции отряд Красной гвардии в составе 200 вооруженных красногвардейцев совместно с другими принимал участие в разоружении 25-го полка, находившегося в Бахмуте.

В материалах Центрархива УССР нам удалось найти любопытный материал о Красной гвардии, который считаем не лиш-

ним привести здесь. Так, на разные запросы высших военно-революционных органов константиновский военно-революционный штаб дает следующие сведения совещанию по обороне, состоявшемуся в Никитовке 7 апреля 1918 года.

1) Какая военная власть существует в районе?	1) Военно-революционный штаб Красной армии Константиновского района.
2) На какой район распространяется деятельность военной организации?	2) На Константиновский.
3) Количество рабочих в районе?	3) До 10.000 человек.
4) Число красноармейцев, высланных на фронт. Когда и куда, в чье распоряжение?	4) В начале марта выступил отряд Реутова в 100 человек, а затем выступил второй отряд в 250 чел., который в г. Харькове был присоединен к 1-му Пролетарскому полку. Оба отряда разбиты. Явилось свыше 100 чел. раненых и больных. Здоровые прибыли для нового формирования.
5) Число красноармейцев, готовых к выступлению с указанием рода оружия.	5) Две роты стрелков в 250 человек, находящихся в распоряжении тов. Геккера.
6) Число красноармейцев, формируемых и обучающихся. К какому времени закончится формирование и обучение?	6) Формируется 1-й Дмитриевский батальон. Уже сформирована и приступила к обучению 1-я рота.
7) Запасы: шинелей, сапог или ботинок, гимнастерок, шаровар, белья. Снаряжения: патронных сумок, вещевых мешков, шанцевых инструментов и т. д. Вооружения: патронов, пулеметов, орудий (калибр), револьверов.	7) Запасов нет, по мере надобности получаются по требованиям на ст. Константиновка из поезда снабжения революционных войск. Оружия и патронов самое ограниченное количество. Пополнить необходимо из Никитовского артиллерийского склада.
8) Финансовое положение.	8) В распоряжении Константиновского штаба Красной армии имеется собственных средств до 40 тысяч рублей.
9) Имеются ли карты и какие?	9) Не имеется.
10) Имеются ли средства для осуществления плана обороны, технические руководители?	10) Средств для осуществления плана обороны нет; намеченных технических руководителей пока также нет.

11) В чем ощущается недостаток или нужда для осуществления плана обороны?	11) Самая острая нужда ощущается в финансовом отношении.
12) Что необходимо предпринять со стороны высших организаций для осуществления плана обороны?	12) Необходимо немедленно субсидировать авансом в 50—60 тысяч рублей и командировать двух-трех технических руководителей.
13) Что предполагаете предпринять собственными силами для осуществления заданной цели?	13) Немедленно мобилизовать все наличные силы, в первую голову буржуазные, а затем свободных рабочих и крестьян.
14) Замечания.	14) В Константиновке не функционирует земская больница за неимением средств, почему постановлено помещение использовать под лазарет для Красной армии, для чего необходимы денежные средства и приглашение медицинского персонала.

Это было в одном случае, а в другом тот же штаб сообщает:

„1) Имеется военно-полевой штаб Красной армии Константиновского района, при котором состоит постоянный караульный взвод Красной армии, состоящий из 30 красноармейцев, при чем формируется первый Дмитриевский батальон; уже сформирована одна рота, которая размещена в бараке и приступила к обучению. Свободных бараков имеется еще до десяти. В два из них сегодня размещены две роты стрелков, прибывших в Константиновку по распоряжению командующего Донецкой армией тов. Геккера и находящихся в его распоряжении.

2) В виду того, что заводы стоят, можно было бы выставить вооруженной силы из числа рабочих до 5.000 человек при условии, когда пошли бы на защиту против контр-революции и более правые партии. Сознательного левого элемента наберется не более 500 человек.

3) Под ружьем красноармейцев находится 52 чел. партийных левого течения; вооружено до 300 человек.

4) До настоящего времени продовольствие и обмундирование получалось из комитета снабжения революционных войск, находящихся при ст. Константиновка. Вооружение и снаряжение еще не получали ниоткуда, как равно и технических средств, и в этом ощущается существенный недостаток.

5) Окончательно сформированных частей нет (от п. 6 до 9 включительно мы опускаем ввиду несущественности ответов).

10) Имеется жел. дор. отряд Красной армии, подчиненный коменданту ст. Константиновка тов. Ушакову.

11) Имеется в поселке при ст. Константиновка 6 заводов: железопрокатный, стекольный, зеркальный, бутылочный, кирпично-черепичный и химический, на котором находятся в настоящее время: 1.400 пудов селитры, 4.000 пудов дымчатой кислоты (олеум), 450.000 пудов серной кислоты (60° и 66° Бомо), 3.000 пудов соляной кислоты, 3.000 пудов азотной кислоты, 3.000 пудов медного купороса. Кроме того, имеется еще железный купорос, нашатырный спирт, сернистый натрий и большое количество свинца.

12) Приступлено к широкой агитации по организации Красной армии [1]).

Тов. Бармашова в своих воспоминаниях рассказывает, что отряд Красной гвардии не имел ни одного медицинского работника. Однако в отряде нашелся тов. И. Емельянов, который, зная латинский язык, сделал надписи на всех медикаментах на русском языке, выдачу же их производила тов. Бармашова. В этом отряде помимо рабочих было еще 3 женщины, из которых 16-тилетняя девочка Стрельцова погибла в боях на фронте. По воспоминаниям т. Маслакова, из константиновского отряда красногвардейцев в первых боях на Царицынском фронте в 1918 г. погибло 42 человека, фамилии которых не установлены.

[1]) Центрархив, материалы константиновского подрайонного совета, листы 29—31.

М. ЗВОНАРЕВ.

МЕЖДУ ФЕВРАЛЕМ И ОКТЯБРЕМ В ЛИСИЧАНСКОМ РАЙОНЕ.

Лисичанский район является центром крупной химической промышленности Донбасса. На его территории находится первый по мощности в Союзе Республик Донецкий государственный содовый завод имени В. И. Ленина (бывший о-ва Любимов, Сальве и К⁰—ст. Переездная,) Ливенгофский стекольный завод (тепер „Пролетарий"—ст. Насветевичево), химический завод „Русскокраска" (на ст. Рубежной) и т. д. Угольные рудники района всегда являлись лишь вспомогательными предприятиями, обслуживающими химическую промышленность. Эта роль сохранилась за ними и в настоящее время.

Главными владельцами химических предприятий были иностранцы (бельгийцы), и поэтому высшие административные должности в большинстве случаев занимали также иностранцы-инженеры, уже искушенные в околпачивании рабочих масс „европейскими" методами.

Рабочие завода „Донсода" материально были обеспечены лучше, чем рабочие рудников и других заводов. До Февральской революции на заводе работало более двух тысяч рабочих. Большая половина из них были крестьяне окружающих деревень, работавшие с момента постройки завода целыми семьями: отец, сыновья, внуки и т. д. Работая на заводе, они одновременно занимались и сельским хозяйством, поэтому вызвать их на борьбу с предпринимателями было не легко. К тому же и полицейское дело директор завода Теплиц наладил „по-европейски": после 1905 года, как только появлялся на заводе кто-либо из „неблагонадежных", его старались выдворить всеми мерами и, по возможности, без скандала, чтобы не вызывать озлобления рабочих. Этими причинами и объясняется тот

факт, что до войны на заводе „Донсода“ все было сравнительно спокойно.

С объявлением войны положение не изменилось. Царское правительство объявило все химические заводы работающими на оборону, а „союзные“ капиталисты — бельгийцы стали в этом усердно помогать правительству, вмиг сделавшись патриотами России, чему немало способствовало и то обстоятельство, что сбыт всей продукции теперь был уже обеспечен. Материальное положение рабочих содового завода и во время войны продолжало оставаться не менее удовлетворительным, чем до войны. Вот почему еще незадолго до Февральской революции рабочие содового завода принимали активное участие во всех церковных молебнах, ходили по улицам с портретами Николая Романова с криками: „Война до победного конца“, „Да здравствует царь“ и т. д.

Рабочие Лисичанских рудников были обеспечены хуже, а потому и настроены несравненно революционнее, но они были разбросаны по своим небольшим предприятиям и это лишало их той силы, которую они могли бы представлять собой.

Главным центром района был содовый завод. Однако до Февральской революции здесь не было ни одной подпольной организации. Было несколько социал-демократов, но они никакой активной работы среди рабочих не проводили. Патриотический дурман, которым тогдашняя пресса усыпляла сознание масс, преподносился и рабочим „Донсоды“, не без активного участия заводской интеллигенции. Вот почему почти все участники событий в своих воспоминаниях пишут: „Грянула Февральская революция“. На „Донсоде“ она именно „грянула“.

Совсем иначе было тут же рядом на рудниках и на стекольном заводе в Насветевичах. Тов. Веревка в своих воспоминаниях рассказывает, что, когда дошли первые известия о нарастающих событиях, рабочие стали собираться группами, волновались, чего-то ждали [1])... В Лисичанске (центр рудников) в первые же дни революции организовывается меньшевистско-эсэровский совет рабочих депутатов, но и здесь большевиков в совете еще не было. Были рабочие с „левым настроением“, но меньшевики затыкали им рты [2]).

---

[1]) Артемовский Окристпарт, воспоминания тов. Веревки.

[2]) Там же, воспоминания Бородина.

На „Донсоде“ всему, что произошло в февральские дни в Питере, сначала верили с трудом. Первый митинг был созван у ворот завода лишь 15—17 марта (ст. ст.) намного позже, чем в других районах. Полиция присутствовала на митинге еще в погонах и с оружием, но... пришлось тут же разоружаться, так как рабочие потребовали снятия кокард с орлами и сдачи оружия, чему, однако, пристав сначала не подчинился и только впоследствии, убедившись в бесплодности борьбы, уехал в Бахмут без всяких препятствий со стороны местных „революционных“ органов.

Пролетарская часть рабочих начала раскачиваться. На митинге выступали Майхржак, Зоз, Житник (все эсдеки) и др.; было принято предложение поддержать Временное правительство. Тут же был избран „временный комитет по охране спокойствия населения“ (общественный комитет), который организовал „добровольную охрану“, вскоре переименованную в „добровольную милицию“. Спустя некоторое время организован был совет рабочих депутатов. В организации последнего активное участие принимали инженеры — официальные члены кадетской партии — Товткевич и Кулаковский, настаивавшие на том, что совет должен иметь только „хозяйственные функции“[1]). Первым председателем совета был избран инженер Товткевич (кадет), а за кулисами хитро всем руководил директор завода Теплиц.

Скоро был организован и профсоюз химиков. Его первым председателем был ярый меньшевик Яицкий, который сначала выдавал себя за активного „беспартийного“. Союз сразу же стал заниматься „чисто хозяйственными функциями“—варил мыло и выделывал кожи[2]). Ко всему этому союз носил и характерное название: „Профсоюз при Донецком содовом заводе о-ва Любимов, Сальве и К⁰“. Все это вместе взятое, несомненно, определяло политическую физиономию союза, который никакой борьбы с предпринимателями не вел. Лидеры союза считали это дело вредным и предпочитали работу в контакте с администрацией; спорные же вопросы разрешались путем соглашений и компромиссов.

Не лучше был и организованный в первые же дни революции в Лисичанске союз „Горнотруд“. Во главе его стояли меньшевики, но под давлением рабочих этот союз вынужден был проявлять большую деятельность чем союз химиков.

[1]) Артемовский Окристпарт, воспоминания Морокина.

[2]) Там же.

Наряду с организацией совета и профсоюза, на „Донсоде" произошло быстрое оформление социал-демократической организации, председателем которой был Шестопалов, а секретарем Гольдштак. Организация была объединенная: одна часть членов (большинство) была за оборону страны и называлась оборонцами, а другая — левая (незначительное меньшинство) называлась интернационалистами. Руководящую роль в организации играли: Майхржак, Любарский, Баташов, Шабанов, Зоз, Житник, А. Власенко, Шестопалов, доктор Корнилов, Крамер.

Так же сравнительно быстро (в конце мая) оформилась организация и партии эсэров. Лидерами эсэров были: Грецкевич, Петриченко, Ковалев, Богачев, К. Евсеев, Карпачев, Карасев, доктор Шарый, Эрам и др. Грецкевичу путем демагогии, лжи и клеветы на большевиков, чем занималась и вся партия эсэров, удалось привлечь в организацию рабочих полукрестьянского состава, соблазнив их громким лозунгом „Земля и воля", благодаря чему организация эсэров до Октябрьской революции была самой многочисленной.

Кадеты и организации украинских мелкобуржуазных партий были малочисленны и большого влияния на рабочих не имели. Украинские организации проводили свою работу главным образом на селе. Поскольку организации большевиков до июля месяца не было, в первом совете не было ни одного большевика; советом руководили лидеры перечисленных выше организаций. Главная работа совета была направлена на поддержание у рабочих патриотического настроения (война до победы и безоговорочная поддержка сначала временного, а потом коалиционного правительства). В этой работе меньшевики и эсэры соперничали друг с другом, и у них работа шла во-всю. Во время проведения „займа свободы" эсэры выписали себе на помощь даже членов своего областного комитета. В результате — сбор ценностей „на оборону" и „заем свободы" пользовались полным успехом.

Постепенно первенство на заводе перешло к эсэрам, чему немало содействовал полукрестьянский состав рабочих. Но недовольство рядовых рабочих нарастало.

Не доверяя своему „хозяйственному" профсоюзу, рабочие „Донсоды" самостоятельно предъявили администрации экономические требования: восьмичасовой рабочий день и 10% прибавки зарплаты. Директор Теплиц и тут остался верен своей

тактике. Вместо того, чтобы просто согласиться на удовлетворение требований, он проделал это в торжественной обстановке: сам устроил собрание рабочих, на котором и заявил о согласии заводоуправления удовлетворить требования рабочих. Характерен следующий разговор, имевший место на собрании. Один из рабочих обратился к Теплицу со следующими словами: „Вот, господин директор, вы обещаете, но мы все же сомневаемся, потому что здесь на собрании нет ни одного члена правления нашего профсоюза“ (они даже не явились на собрание), на что Теплиц ответил: „Зачем людей отрывать от дела? Пусть варят мыло — это работа тоже серьезная...“ [1]).

Праздник Первого мая по Лисичанскому району проходил под лозунгами меньшевиков и эсэров, которые выкрикивали: „Да здравствует союз и сотрудничество всех классов“, „Только в тесном союзе и сотрудничестве всех классов и народностей мы победим врага“. Но праздник „омрачил“ появившийся откуда-то „неизвестный“ (повидимому, это был большевик Н. Лазуренко). Он, указывая на стоявших тут же местных капиталистов и попов, говорил, что с ними рабочим не по пути, так как союз с буржуазией не доведет до победного конца революции. Произошло движение в толпе, и председательствовавший на митинге меньшевик поспешил закрыть митинг, принявший „нежелательное направление“ [2]).

Однако закрытием митинга разворачивающихся событий удержать не удалось. 3 мая горняки Александро-Дмитриевского рудника (теперь имени Титова) предъявили администрации предприятия ряд экономических требований. Вот что сообщает об этом меньшевистская газета „Социал-Демократ“ [3]):

> „При Александро-Дмитриевском руднике акционерного общества ливенгофского стекло-пробочного производства существует местный рудничный комитет, именуемый „Комитет общественной безопасности“. 3 мая на заседании комитета обсуждались следующие вопросы:
>
> 1) о квартирах для рабочих и служащих; 2) об отпуске предприятием рабочим для работы на заводе

[1]) Артемовский Окрисгпарт, воспоминания Морокина.
[2]) Там же, воспоминания А. Веревки.
[3]) „Социал-Демократ“ № 62 от 31 мая 1917 года.

необходимых инструментов; 3) о немедленном ремонте бани.

Постановили — по первому вопросу:

Требовать от предприятия, чтобы оно немедленно позаботилось о постройке квартир для всех рабочих и служащих предприятия. Временно же не имеющим квартир выдавать квартирные деньги по существующей в данном районе цене (следует отметить, что у многих рабочих нет совсем квартир, а в имеющихся помещаются в двух комнатах по две и три семьи).

По второму вопросу:

Считая, что рабочий, работая на руднике, на заводе и т. д., способствует обогащению предпринимателя, сам же за это получает гроши, поэтому и всякие необходимые инструменты для работы должны быть предоставляемы предпринимателем и не должны высчитываться с заработка рабочих.

По третьему вопросу:

Предъявить немедленно требования предприятию, чтобы в ближайшем времени была открыта баня, ибо рабочим, работающим по углю, а также в других отделах, без бани трудно обойтись.

Все вышеизложенные требования, а также ряд других были в письменной форме предъявлены предприятию, но они все остались неудовлетворенными, за исключением одного постановления — сделать оконные форточки в казарме военнопленных, каковое предприятие согласилось выполнить, а остальные считает для себя необязательными.

Товарищи, заслушав в заседании ответ предприятия, потребовали предпринимателя на собрание для личных объяснений. Явился управляющий и директор рудника, после долгих прений и переговоров они пошли на некоторые уступки, на все же (основные) требования они отделались ответом, что комитет не правомочен решать такие вопросы".

Это происходило как раз в тот момент, когда меньшевики и эсэры наперебой друг перед другом провозглашали „тесное сотрудничество всех классов..."

Однако дело ведь происходило не при царе и потому помочь предпринимателям никто уже не мог; частично требования все же были удовлетворены благодаря настойчивости рабочих.

Первой ласточкой большевизма в Лисичанске был фронтовик Лазуренко Николай, приехавший из Петрограда. Каждое выступление его на трибуне рабочие приветствовали аплодисментами. Но меньшевики и эсэры начали его травить, и он, опасаясь ареста, уехал в Петроград (впоследствии тов. Лазуренко погиб в борьбе с белыми).

В мае 1917 года на „Донсоде" появился большевик Френкель, который прежде всего организовал группу молодежи, входившую в объединенную организацию эсдеков. Появилась большевистская литература. Френкель выступал на всех митингах и постепенно начал завоевывать симпатии рабочих. Эта работа сразу отразилась на состоянии организации меньшевиков, в которой среди других были и сторонники тов. Френкеля, ставшие теперь в оппозицию своим лидерам. Стали возникать споры по различным вопросам, собрания начали затягиваться, и в организации ускорился процесс расслоения на правых (оборонцев), центр и левых.

Заговорили о большевиках и рабочие на заводе. Всегда можно было видеть группы рабочих, спорящих о том, чего хотят большевики и к чему они стремятся. Но не дремали и „опытные" заводские „заправилы". Против Френкеля пустили в ход клевету, связанную с проездом Ленина через Германию в запломбированном вагоне. Это не могло не отразиться на настроении рабочих. Милюковцы, эсэры и все темные элементы повели против Френкеля бешеную агитацию, уверяя, что он является германским шпионом, что с ним надо расправиться, и в результате кое-где в темных уголках начали поговаривать о самосуде над ним и его сторонниками. Этим положением воспользовался прапорщик Шубников. Наглость предателей, сидевших в совете рабочих депутатов, дошла до того, что они позволили этому прапорщику на закрытом заседании совета поставить вопрос о предании Френкеля военно-полевому суду и расстреле за „государственную измену", выразившуюся в „разложении" рабочих и „смуте" на заводе, работавшем на оборону. Эта точка зрения имела поддержку, и Шубников осуществил бы ее, если бы тов. Френкель не уехал.

Френкель уехал, оставив организованную пятерку (Майхржак, Кох,—оба бывшие левые пепеэсовцы, Гр. Совков, М. Звонарев и П. Евсеев), а организованная им молодежь через несколько месяцев также заявила о себе. Как бы то ни было, но под влиянием быстро привившихся большевистских идей „заправилы" содового завода пришли к убеждению, что надо вновь приспособляться, вновь перекрашиваться.

24 мая рабочие и служащие содового завода на собрании, где были и рудничные рабочие, приняли интересную для того времени резолюцию—протест против смертного приговора, вынесенного австрийским правительством Фридриху Адлеру. Конец резолюции гласит: „обсудив вопрос о вынесении австрийским правительством смертного приговора нашему товарищу, социал-демократу Фридриху Адлеру, борцу за скорейшее окончание войны, и выражая нашу солидарность с пролетариатом всех стран в их борьбе за указанную цель, мы присоединяемся к протесту по поводу смертного приговора Фридриху Адлеру. Призываем наших товарищей, германских и австрийских рабочих, смести свои правительства и тем самым не допустить приведения этого приговора в исполнение" [1]). Резолюция была предложена большевиками, но меньшевики и эсэры внесли свои поправки. Вот почему „солидарность выражается с пролетариатом всех стран", а призыв „смести свои правительства" относится только к Австрии и Германии. За резолюцию в такой редакции голосовали и служащие и сам директор Теплиц.

В июне 1917 года под влиянием рудничных советов, а также советов других химических предприятий (Ливенгофский стекольный завод в Насветевичах, химический завод „Русскокраска" на ст. Рубежной) организовывается „Временный президиум объединенных советов рабочих и солдатских депутатов Верхнянского, Ливенгофского и Лисичанского заводов" [2]). Вырабатывается конституция объединенных советов: „Советы избираются всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием всех служащих и рабочих" (характерно предоставление первого места служащим). Советы в этой конституции называются „учреждением политическим, созданным русской революцией", на

[1]) „Социал-Демократ" № 71 от 10 июня 1917 года.

[2]) По воспоминаниям тов. Бородина (материалы Истпарта ЦК КП(б)У), в этот объединенный совет входили меньшевики Айдинов, Быстрицкий, Фридман, Боголюк, Цилемберг, Зарайский и левый эсэр Карнов. *(Прим. ред.).*

них уже возлагается борьба с контр-революционным движением, организация рабочего класса, проведение идей революционного пролетариата и Интернационала. Советам рекомендуется „не отвлекаться мелочами повседневной жизни" и вести борьбу „за экономическое улучшение рабочего класса" [1]). Все профессиональные организации и все социалистические партии имеют представителей в совете (о кадетах уже не слышно).

Все это уже не то, что мы видели в начале революции на „Донсоде".

Но на самом-то содовом заводе дело обстоит далеко не так: там еще сильно влияние заводской верхушки. Когда был объявлен приказ Керенского о наступлении, местная реакция вновь подняла голову. В честь этого наступления на улице были организованы манифестации во главе с правлением профсоюза. Июльские же дни в Петрограде расценивались местными кадетами, меньшевиками и эсэрами, как измена делу революции, и отмечены были травлей большевиков.

Приблизительно в это же время на содовый завод из Луганска приехал большевик Локатош со своим товарищем. Привезли много литературы, и работа стала развиваться. Завязалась борьба с меньшевиками и эсэрами, при чем теперь уже в этой борьбе принимали участие и выросшие местные большевики. Рабочие увлекались собраниями и митингами, которые затягивались до 4 часов утра. Но и Локатоша эсэры затравили и вскоре вынудили выехать из „Донсоды".

Тем не менее, в июле 1917 года впервые оформилась организация большевиков на содовом заводе. Председателем был избран тов. Майхржак, секретарем Евсеев и казначеем Звонарев. Луганский комитет партии утвердил организацию, прислал штамп и печать.

Приближалось время выборов в местные органы самоуправления по знаменитой „четырехвостке". „Первыми избираются волостные земства,— как отмечает в своих воспоминаниях тов. Веревка,—для удержания крестьян от захвата помещичьих земель". В состав земств вместе с меньшевиками и эсэрами вошли крупные местные землевладельцы: Кес, Шершов и Филипченко.

На выборах в местные органы самоуправления список большевиков собрал 360 голосов, что, несомненно, являлось боль-

[1]) Цитируем по „Известиям Юга" № 88, стр. 3 от 21 июня 1917 года и „Социал-Демократу" № 81, стр. 4 от 22 июня 1917 года.

шим успехом в той конкретной обстановке. В августе организация большевиков окрепла и выросла: донсодовская пятерка пополнилась новыми товарищами: Я. Ланга, А. Пригода, И. Шмель, Ив. Ажиппо, Ф. Ревякин и др.

В Лисичанске (рудники) в это время уже активно работали большевики: Бородин, Веревка, Григорьев и др., которые во время выборов в местные органы самоуправления также проводили энергичную борьбу с меньшевиками и эсэрами. Однако силы большевиков были еще слабы, особенно на содовом заводе. Этим объясняется тот факт, что корниловское выступление не было использовано большевиками для агитационных целей, и ни один из участников ни слова не говорит об этом в своих воспоминаниях. Накануне Октября на „Донсоде" все еще преобладали эсэры, насчитывавшие в своих рядах 800—900 чел.; социал-демократов (всех оттенков) было 200 человек.

Вот каковы были до Октябрьской революции условия, в которых приходилось работать немногочисленной кучке настойчивых большевиков во враждебном окружении. Однако благодаря энергичной работе большевикам все же удалось внести значительное разложение в организации меньшевиков и эсэров, ряды которых начали постепенно таять.

* * *

Октябрьский переворот на заводах и рудниках Лисичанского района встречают по-разному. На рудниках ликование. Рабочие Александро-Дмитриевского рудника (ныне им. Титова) рвут на части портрет Керенского. На заводе „Донсода" идет молчаливая перестройка рядов. Левые эсэры и меншевики-интернационалисты постепенно переходят в ряды большевиков. Большевики организуют отряд Красной гвардии, который вначале называется „добровольной дружиной". Борьба с меньшевиками и эсэрами становится все более ожесточенной. По инициативе эсэров, солдаты-фронтовики „Донсоды" вместо того, чтобы слиться с Красной гвардией, организуются в отдельную „солдатскую организацию" численностью до 400 человек с 150 винтовками.

В основном содовый завод все еще продолжал жить по-старому, и пульс новой жизни, так сильно бившийся в это время в крупных центрах, здесь был едва заметен. Зато когда донсодовцам приходилось выезжать за пределы своей территории, они сразу перерождались, воочию убеждаясь в тех гнусностях, которые

творили на заводе приспешники капиталистов. Так, социал-демократы Вельцман и Любарский, отправившиеся в Петроград на II всероссийский съезд советов, вернулись оттуда первый большевиком, а второй—сочувствующим, о чем, к ужасу меньшевиков и эсэров, громогласно заявили во время доклада на общезаводском собрании. Этот факт сильно способствовал начавшемуся отходу рабочих от меньшевиков и эсэров.

Молодежь, организованная летом 1917 года тов. Френкелем, теперь реорганизовалась и приняла название „Социалистический союз молодежи". Председателем этого союза избран был большевик И. Ф. Ажиппо, а потом его сменил М. П. Звонарев.

Новые выборы в совет протекали в обстановке напряженной борьбы. Большевистская организация, исходя из наличия сил, выступила с самостоятельным списком. Обанкротившиеся меньшевики добивались снятия большевистского списка по мотивам нецелесообразности распыления сил и предлагали выставить объединенный список, уверяя, что в противном случае эсэры могут собрать все голоса, а большевики не получат ни одного места. Предложение это было отвергнуто, и большевики, несмотря на бешеную агитацию меньшевиков и эсэров, провели в новый совет 9 своих кандидатов: Майхржака, Вельцмана, Я. Ланга, Р. Коха, И. Ажиппо, М. Звонарева, М. Голумбиевского, Савкова и П. Евсеева. Дирижерская палочка продолжала оставаться в руках эсэров, которые, сблокировавшись с меньшевиками, имели 24 места, но перевыборы все же показали неуклонный рост влияния большевиков на рабочих завода.

На рудниках события разворачиваются быстрее. Уже в Октябрьские дни осуществляется рабочий контроль над производством, а рудничные советы организуют Красную гвардию, которая вначале носит название „рабочих дружин" [1]).

На Томашевском руднике совет открывает школу и вечерние курсы для рабочих и работниц; средства дает исполком и предприятие. Там же на средства предприятия открывается больница. По требованию совета рабочие всех рудников получают прибавку к жалованью, которая вводится 11 ноября 1917 года, но сроком с 1 октября того же года [2]).

---

[1]) Воспоминания тов. Веревки (материалы Окрисгпарта), стр. 2. То же самое подтверждает и тов. Бородин, по словам которого контроль над производством проводился под влиянием большевиков союзом „Горнотруд". (*Прим. ред.*).

[2]) „Социал-Демократ" № 196 от 21 ноября 1917 года, стр. 4.

В ноябре в Лисичанске функционирует районный ревком, возглавляемый т. Казаченко, в составе: Нечмоня, Головченко, Павловского, Воротникова, Передерия, Бородина, Жукова и Лысого [1]).

Под влиянием рабочих крестьяне прилегающих к рудникам деревень захватывают земли крупных владельцев, но на защиту последних выступают украинские эсдеки и эсэры, которые, подобно своим соглашательским собратьям на содовом заводе (создавшим „солдатскую организацию"), организуют по селам кулацкое „вільне козацтво", с целью „охраны порядка", а в действительности, как верно отмечает в своих воспоминаниях тов. Веревка, „для охраны помещичьих земель от захвата".

Выборы в Учредительное собрание по всему Лисичанскому району проходят между 14—15 ноября 1917 года. Большевики ведут активную агитацию, особенно на рудниках, но голоса революционных заводских рабочих и шахтеров тонут в общей массе голосов, поданных за социал-соглашателей, и победа достается эсэрам.

В январе 1918 года в районе всюду, за исключением „Донсоды", существуют ревкомы. 5 января все „добровольные рабочие дружины" переименовываются в Красную гвардию [2]).

Организованное социал-предателями „вільне козацтво" и донсодовская „солдатская организация" скоро заявили о себе. Последняя еще в ноябре 1917 года организовала на „Донсоде" контр-революционное выступление, которое тов. Веревка в своих воспоминаниях называет восстанием. На подавление восстания ходили в „Донсоду" „рабочие дружины" из Александро-Дмитриевского рудника, приезжал даже отряд из одного соседнего района (откуда — точно установить не удалось) и „солдатская организация", испугавшись, пошла на уступки „без жертв и кровопролития" [3]). Но этим дело не кончилось, так как урок ноябрьского выступления на „Донсоде" большевистская организация не использовала и не добилась расформирования „солдатской организации".

В феврале-марте 1918 года произошло восстание кулаков в с. Новой-Астрахани, Старобельского уезда [4]). На подавление

---

[1]) Воспоминания Бородина.

[2]) Тоже.

[3]) Воспоминания тов. Веревки.

[4]) Точной даты этого события установить не удалось. Одни товарищи относят его к концу февраля, другие—к началу весны 1918 года.

этого восстания отовсюду из района были двинуты красногвардейские части, в том числе и небольшой отряд Красной гвардии содового завода (30—40 человек), который проявил в этом деле полную преданность революции. Этот отряд по приговору ревкома расстрелял семерых зачинщиков восстания. Все рабочие, состоявшие в отряде, рассказывали, что расстрелянные поп и кулаки подвергали таким ужасным пыткам красногвардейцев реквизиционного отряда старобельского упродкома, что другого наказания, кроме расстрела, они и не заслуживали.

Все окончилось как будто хорошо. Но этот именно факт и послужил основанием для новых контр-революционных выступлений „солдатской организации" на „Донсоде". Дело в том, что вслед за красногвардейскими отрядами заправилы „солдатской организации" послали в Новую-Астрахань и свой отряд, тоже в целях „подавления" восстания. Их отряд пришел, конечно, тогда, когда все уже окончилось. Однако они нашли себе дело: стали ходить по хатам кулаков и собирать сведения, кого и за что расстреляли и, конечно, наслушались провокационных вымыслов о деятельности красногвардейцев. Вернувшись на завод, они повели агитацию за немедленное разоружение красногвардейского отряда. Начальник отряда „солдатской организации", Ковалевский, пришел на заседание совета и заявил: „Мы видели ужасное зверство—красногвардейцы расстреливали невинных людей; производили насилия над мирным населением; крестьян грабили, надругались над ними. Мы не могли удержаться, многие из нас плакали",—и тут же на сцене сам начал плакать, ни слова не сказав о тех зверствах, которые производили организаторы восстания, и о том, что беднота считала вполне правильными действия красногвардейцев.

Совет, большинством голосов против 9 большевиков, постановил разоружить донсодовский отряд красногвардейцев „впредь до выяснения обстоятельств расстрела". Это позорное постановление принято было в тот момент, когда на Донбасс со всех сторон наступала контр-революция.

После разоружения красногвардейского отряда работа организации большевиков стала еще затруднительнее, зато меньшевистско-эсэровская часть совета торжествовала, так как охрана их предательской работы была в надежных руках „солдатской организации". Обнаглевшая контр-революционная „солдатская организация" разоружила красногвардейский отряд на Скальковском

руднике (теперь им. Рухимовича) и даже пыталась разогнать военно-революционный комитет этого рудника [1]).

Под влиянием этих „успехов" донсодовские предатели начали играть на вопросе о Брестском мире. Вновь припомнили легенду о „запломбированном вагоне", вновь стали клеветать на большевиков, называя их изменниками и немецкими шпионами. Большевики защищались, но вяло, так как в самой организации отдельные товарищи сомневались в правильности и целесообразности этого мира. Чувствовалось упадочное настроение, хотя в целом организация и считала Брестский мир единственным выходом из положения. Когда же было получено сообщение, что IV чрезвычайный съезд советов ратифицировал заключенный в Бресте мир, на „Донсоде" было созвано многолюдное собрание, и взоры всех были обращены на большевиков, которым было предоставлено слово для объяснений. Собрание носило бурный характер, и большевикам было очень трудно говорить. Хотя после разъяснений большевиков атмосфера несколько и разрядилась, однако соглашателям удалось подорвать доверие рабочих к партии большевиков.

В это время немцы уже наступали на Украину. Отряды донецких рабочих (в том числе Енакиевского, Горловского и др. районов) дрались с немцами у Киева, на ст. Гребенка, Синельниково, под Полтавой... но не было там лисичанских красногвардейских отрядов. Когда же вести о гибели товарищей в неравных боях с немцами докатились до Лисичанского района, стали вооружаться и здесь. Вооружались все, кто чем мог. Навстречу немцам выступили рудничные красногвардейские отряды и дрались с ними под Люботином [2]).

Задумался и донсодовский совет: как бы и ему „вооружиться". И решил дополнительно вооружить „солдатскую организацию" с тем (как оказалось впоследствии), чтобы ударить красногвардейцам в тыл. Пустились на хитрость, чтобы получить оружие от бахмутского уездного ревкома. По предложению меньшевиков и эсэров, которыми в этом деле фактически руководил директор завода Теплиц (последний попрежнему все время умело действовал за кулисами), в Бахмут за оружием должен был поехать представитель „солдатской организации" — В. Ковалевский

[1]) Протокол группы содействия Истпарту от 29 июля 1927 года, см. заявление тов. А. Л. Сергеева.

[2]) Воспоминания А. Веревки.

(тот самый, который спровоцировал совет на разоружение донсодовского отряда), а с ним обязательно представитель от фракции большевиков, последний — для успеха дела. Фракция большевиков решила ни в коем случае не допустить вооружения „солдатской организации", а потому послала своего представителя М. Звонарева.

По приезде в Бахмут Ковалевский и Звонарев сейчас же явились к председателю ревкома тов. Казимирчуку (ревком в это время уже эвакуировался, и Казимирчук оставался последним для завершения эвакуации). Председатель ревкома, думая, что донсодовский совет вооружается для борьбы с немцами, немедленно наложил резолюцию: „Штаб Юзовка — выдать четыре орудия, пулеметы и прочее, погрузить и отправить „Донсоду". Так как было уже поздно, то Казимирчук попросил за документами зайти в 9 часов утра. Звонарев нарочно оставил в канцелярии ревкома на столе свой блокнот и, вернувшись будто за ним, сказал Казимирчуку, что он послан фракцией большевиков в Бахмут с целью предупредить ревком о недопустимости выдачи оружия, так как доверять „солдатской организации" нельзя.

На другой день Казимирчук сказал, что он говорил по прямому проводу с Юзовкой и будто из штаба ответили, что все оружие уже роздано, запасов нет. Ковалевский и Звонарев вернулись в „Донсоду" ни с чем, первый — разочарованный неудачею, а второй — довольный тем, что выполнил задание фракции.

ОКТЯБРЬ В ГРИШИНСКОМ РАЙОНЕ [1]).

До революции (и в настоящий момент) Гришинский район охватывал следующие каменноугольные рудники: Ново-Экономический, Еленовский, Гродовский, Шевченковский, Эрастовский, Святогоровский, а также несколько десятков мелких шахт. Помимо этого, в районе было свыше двадцати мелких, средних и крупных паровых мельниц.

Вокруг этих промышленных предприятий расположено до 10 волостей, в которых находилось около 50 помещичьих и кулацких имений с большим количеством земли, как, например, Роговского, Винца, Классина, Судармана и др.

Всего населения в районе насчитывалось около 120.000 человек, распределявшихся по социальному положению приблизительно так: рабочие и служащие 5%, беднота 45%, середняки 45%, кулаки и помещики 25%.

Февральский переворот в районе совершился спустя 3—4 дня после падения царской власти. Тревожные гудки по рудникам и на транспорте были официальными вестниками организации новой власти.

До революции в районе существовала подпольная организация эсэров, которые первыми и выступили на митингах как в самом г. Гришино, так и в окружающих селах, куда они выехали для организации местной власти и добровольных дружин по охране (милиция).

Были созданы общественные комитеты, в состав которых вошли преимущественно собственники и зажиточные крестьяне (кулаки); беднота и рабочие были представлены в ничтожном меньшинстве.

Какова была политическая физиономия новых органов власти, видно из следующего состава их: в гришинский городской

[1]) По материалам Артемовского Окристпарта и воспоминаниям О. Яковенко и Д. Воробьева в обработке редакции.

общественный комитет были выбраны 6 собственников, 1 служащий и 3 железнодорожника [1]) (один врач и два машиниста). Состав сельских органов власти был таков: в Святогоровке несколько дней у власти стояли местные помещики и кулаки, которых через некоторое время селяне изгнали, заменив 3 середняками и 2 рабочими с рудника того же названия; в Сергиевке — 1 священник, 3 зажиточных, 2 середняка и 1 бедняк; в Гришино (село)—3 зажиточных, 1 середняк, 1 бедняк, в Криворожьи—1 зажиточный, 1 середняк, 1 бедняк.

Этот пестрый состав общественных комитетов района, возглавляемых эсэрами, достаточно ясно говорит о той политике какую они проводили в районе. Учредительное собрание, война, до победного конца и т. д.— вот основные лозунги этой „революционной" общественности района в первые месяцы революции.

Что касается советов рабочих и крестьянских депутатов, то они возникли значительно позднее.

В процессе течения Февральской революции в районе, помимо легализовавшейся партии эсэров, оформилась также объединенная организация РСДРП и так называемый „Союз собственников", объединявший домовладельцев, кустарей и лиц без определенной профессии.

Большевистской организации до самой Октябрьской революции не было; отдельные большевики, находившиеся в районе, входили в местную объединенную организацию РСДРП и проводили там внутреннюю борьбу, весьма слабо проявляя себя во-вне [2]).

Так, во время празднования Первого мая 1917 года, когда рабочие Западно-Донецкого и двух соседних рудников сошлись на общий митинг, где выступили большевики Э. Медне и А. Беленький, рабочие Лысогорского рудника, подстрекаемые эсэрами и меньшевиками, стали кричать „долой большевиков" и расходиться с митинга. На общегородском митинге товарищи Медне и Беленький также попытались выступить, но, чуть не избитые, были арестованы при попытке скрыться, и только после переговоров с начальником милиции эсэром Давыдовым их освободили.

---

[1]) Впоследствии железнодорожники в связи с возникновением „Викжеля", выделились и организовались отдельно.

[2]) Тов. О. Яковенко в своих воспоминаниях (материалы Истпарта ЦК КП(б)У) утверждает, что в мае 1917 г. на Западно-Донецком руднике существовала группа большевиков, но не указывает, кто входил в нее. (*Прим. ред.*).

В июне месяце, при участии отдельных большевиков, на всех крупных рудниках сорганизовались профсоюзы горняков, было избрано районное правление, во главе которого стали А. Беленький, Казаков и А. Козинский (все большевики). В происходивших потом выборах большевикам удалось провести в городскую думу А. Козинского и в уездное земство Э. Медне[1]).

Вообще от Февраля до Октября жизнь в районе протекала так, как будто бы ничего в стране не изменилось, за исключением того, что местные власти внешне немного переменились. Самые главные события в районе начали разворачиваться лишь в период Октября и после Октября.

Ко времени Октябрьского переворота положение в районе значительно изменилось. Затянувшаяся война, растущая дороговизна жизни, отказ промышленников повысить заработную плату и возвращающиеся солдаты-фронтовики, рассказывавшие об ужасах войны,— открыли глаза рабочим и крестьянам района на буржуазную природу Временного правительства и предательскую политику эсэров и меньшевиков. В настроении рабочих района наступил перелом, лучшим показателем которого было возникновение большевистской организации[2]) в г. Гришино. Большевики к этому времени уже имели значительное влияние на массы.

В Октябрьские дни на рудниках района были организованы ревкомы, объединенные в районный военно-революционный комитет, во главе которого стояли Козаков, Сидоренко, Таран и др.[3]). Железнодорожники организовали свой транспортный ревком, в который входили Шнибель, Кондратенко, Череватенко, И. Сурин и Н. Боровой. В это же время организовался и районный комитет большевиков, объединивший разрозненные партийные организации рудников. Во главе райкома стал тов. Масленков.

Октябрьские дни в районе никакими массовыми выступлениями не сопровождались. Несколько позже промышленники и железнодорожная администрация на Октябрьский переворот ответили усиленным саботажем, совершенно разрушавшим всякую работу революционных органов. В связи с этим ревкомы

[1]) Воспоминания т. Яковенко.

[2]) В состав организации входили: Э. Медне, Таран, Н. Боровой, Морозов, С. Хильков, А. Козинский, Ломов, Кривошапка, Иляхинский, А. Беленький, Козаков и др.

[3]) В гришинский волостной ревком входили: Д. Воробьев, М. Науменко, И. Ходыка, А. Лучанинов и А. Аникеев; в сергиевский ревком — П. Кутный, З. Коровка, Т. Кишкань, П. Рокотянский, Н. Нецемнюк, М. Кишкань и Короченко; в святогорский и криворожский — Кабурецкий, Жидков, Пятенко и Юдин.

и советы организовали органы рабочего контроля над производством, а на транспорте созданы были технические контрольные комиссии; и тут и там назначены были комиссары.

Крестьянство начало энергично разрешать свои вопросы: лозунг большевиков „земля крестьянам" не только стал популярен среди них, но явился как бы директивой для конфискации имущества помещиков. В селах Гришино, Криворожье, Сергиевка и Святогоровка крестьяне захватили помещичьи земли и имущество, после чего выдача инвентаря, зерна и т. д. происходила только с разрешения ревкомов.

Местные предприниматели и помещики, побросав свое имущество, частью укрылись в богатой немецкой колонии Шидловке, а остальные разбежались. Районный ревком объявил рудники, мельницы, помещичьи земли и имения национализированными. Для руководства хозяйственной жизнью района организован был районный совет народного хозяйства во главе с тов. А. М. Козинским, специальные уполномоченные были выделены для сохранения бывших помещичьих имений от разгрома.

В декабре 1917 г. и январе 1918 г. проведена была организация отрядов Красной гвардии и разоружение 3-ей кавалерийской дивизии, отдельные части которой были расположены в районе. Разоружением руководил тов. С. А. Хильков, действовавший по поручению Центрального военно-революционного комитета Донбасса при активной поддержке местной организации большевиков и ревкома.

На содержание своих вооруженных отрядов и отрядов Центроштаба Красной гвардии Донбасса по приказу Центроревкома ДБ на оставшихся помещиков и кулаков была наложена контрибуция, при помощи которой было собрано до 100.000 руб.[1]). На почве взимания контрибуции происходили попытки вооруженных выступлений контр-революционных слоев сельского населения. Попытки эти были энергично пресечены рабочими отрядами Красной гвардии[2]), оружия для которых с достатком хватало из бывших складов 3-ей кавалерийской дивизии.

---

[1]) Тов. Д. Воробьев в своих воспоминаниях (материалы Истпарта ЦК КП(б)У) указывает, что на одно только село Гришино было наложено 100.000 рублей, в счет которых собрано 70.000 руб. (*Прим. ред.*).

[2]) Там же тов. Воробьев утверждает, что для борьбы с кулачеством была создана солдатская организация в количестве 1.000 чел. (*Прим. ред.*).

И. ЗЕЛЕНЫЙ.

РАБОЧИЕ СОЛЯНИКИ В БОРЬБЕ ЗА ОКТЯБРЬ.

В первый период Февральской революции (до июня месяца) на Брянцевском соляном руднике единственным революционным органом власти являлся рудничный комитет, которым руководили меньшевики. Небольшая группа брянцевских меньшевиков, сохранившаяся еще с 1905 года, была объединена с меньшевиками соседнего рудника „Новая Величка". Во главе объединенного комитета обеих групп стояли Скляров, Полякова и Скирда.

К концу мая начали проявлять себя и большевики, по инициативе которых состоялись перевыборы брянцевского рудкома. В состав нового рудкома, наряду с другими, вошли Дм. Носов, Корытин, Петр Кириченко и я (все большевики). В начале июня организовалась и небольшая группа большевиков, состоявшая из Панченко и названных выше четырех товарищей.

В средних числах июня 1917 г. большевистская группа и рудничный комитет созвали собрание рабочих Брянцевского рудника (присутствовали и селяне ближайших деревень), на котором поставили вопросы текущего момента и ознакомили рабочих с программами меньшевиков, эсэров и большевиков. Для защиты своей программы меньшевики собрали все свои силы, а у большевиков была небольшая ячейка из 5—6 товарищей, которым предстояло выдержать бой и доказать рабочим, что партия большевиков есть действительный авангард рабочего класса. Большевистские лозунги „Вся власть советам", „Долой войну" и „Братание на фронте" были встречены рабочими вполне сочувственно. На собрании было внесено предложение тут же произвести запись в партию большевиков. Меньшевики подняли шум, а Иванов (врач), Скляров и Полякова, обращаясь к нам, кричали: „Кто будет платить по векселям, которые выдают

большевики? Вы демагоги, хотите развалить фронт и погубить революцию" и покинули собрание. После ухода меньшевиков был поставлен посреди клуба стол и Дм. Носов начал производить запись в организацию большевиков. В тот же вечер записалось до 300 человек [1]). Так реагировали рабочие Брянцевского солерудника на первое активное выступление большевиков.

На следующий день был избран рудничный партийный комитет большевиков. В него вошли пять товарищей: Дм. Носов, Корытин [2]), П. Кириченко, я и еще один товарищ, фамилии которого не помню. Председателем был избран я, секретарем — тов. Носов. Бахмутский уездный партийный комитет, куда меня комадировали зарегистрировать организацию, выдал на всех записавшихся партийные билеты, которые и были розданы.

После этого собрания партийная работа очень оживилась, так как рабочая масса пошла за большевиками; меньшевистская же организация стала хиреть и вскоре совершенно развалилась.

Опыт Брянцевского солерудника был перенесен на Харламовский и другие рудники, на которых также победу одержали большевики. На Харламовском руднике большевистской организацией руководили т. т. Старик, Коротенко, Воронцов и др.

В конце июля 1917 года на рудниках были переизбраны делегаты в совет рабочих депутатов Соляного района, в котором большевики были уже в большинстве. Во главе райисполкома стал большевик тов. Бондаренко-Бордун, который в 1919 году при отступлении из Бахмута погиб вместе со своей женой.

После переизбрания по рудникам депутатов в районный совет меньшевики, руководимые Друшелем, Паниным, Коваленко и Косиковым, потеряли доверие масс и уже не пользовались авторитетом. Районный совет занимался всеми вопросами, которые волновали в то время рабочих. На одном из заседаний совета большевики внесли предложение о введении восьмичасового рабочего дня и 20% прибавки зарплаты. Предложение было принято большинством голосов, и на следующий день работу на рудниках начали производить с 6 часов утра до 2 часов дня, т.-е. 8 часов. Помню, какой вой подняли директора рудников Зотов, Казанский и др., а также и местные меньшевики.

[1]) Впоследствии неустойчивая часть рабочих и их жен возвратили партбилеты, а некоторые и до сих пор сохраняют их, не состоя в партии.

[2]) По утверждению И. Чаплина, Корытин был тогда меньшевиком. *(Прим. ред.).*

шевики, которые говорили, что это несвоевременно, так как должно пройти в законодательном порядке через Учредительное собрание и т. д.

Районный совет разрешал также и вопросы об организации Красной гвардии. Так, все рудники Сольрайона к сентябрю 1917 года имели до 100 вооруженных рабочих. Штаб отряда находился в Бахмуте, командиром был тов. Пугачев.

Ко времени октябрьского переворота на каждом руднике был организован отряд красногвардейцев в 25 — 30 человек, снабженных винтовками и патронами. После того как наши отряды отправились против калединцев, большевики и районный совет обратились с призывом к рабочим о снабжении красногвардейцев продовольствием. Рабочие несли все что имели. Собрано было до 200 пуд. сала, много яиц и других продуктов. Постановлением районного совета был выделен я и еще один товарищ для сопровождения подарков красногвардейцам на фронт, который был тогда на линии Никитовка — Горловка.

В нашем районе вооруженной борьбы в Октябрьские дни не было, так как в результате переизбрания районного совета и рудничных комитетов большевики получили полную и неограниченную власть в районе.

После Октябрьского переворота под руководством нашей организации были переизбраны и сельские советы. Дальнейшая работа большевиков была направлена к укреплению молодых органов советской власти в районе и к организации вооруженного отпора донским контр-революционерам.

Так продолжалось до апреля 1918 года, когда появились немцы.

* * *

В апреле 1918 года я явился на Брянцевский рудник для поступления на работу, но не был принят управляющим Казанским и заведующим Ивановым, которые с насмешкой меня встретили, говоря: „Теперь наша шапка на столе, а ваша под столом“ и предложили мне немедленно убраться с рудника. Пришлось уйти, так как оставаться было небезопасно, тем более, что администрация знала меня как большевика и члена уездного исполкома.

Я снял квартиру поблизости, на станции Деконская, в доме Бидненко. Место для конспиративной работы было самое под-

ходящее, так как домик помещался в большом саду и жилых построек вблизи не было.

В мае 1918 года сюда явились из Бахмута т. т. Федоренко и Максим Рясной и мы начали организовывать подпольные ячейки на рудниках. На Брянцевском руднике и на Величке мы разыскали всех партийцев, которые там работали: Прокофия Короленко, Григория Чередина, Иосифа Муравьева, Дмитрия Носова, Ворону, Петра Кириченко, Г. Кулькина и других; на Терещенском — Лунева, а остальных не помню; на Кузьминском — Павла Найденова; на Бахмутской Соли и Голландском руднике — Ачкасова, Костенко, М. Гончарова и Колесникова [1])

В середине мая 1918 года состоялось наше первое собрание в лесу, на котором был избран подпольный партийный комитет (он же и ревком). В комитет вошли: Григорий Кулькин, М. Гончаров, П. Короленко, В. Ворона, И. Зеленый и кандидатом Сивочуб. Комитет приступил к организации ячеек на остальных рудниках; вскоре они были созданы. Была налажена связь с екатеринославским областным подпольным комитетом, куда командировали тов. Гончарова, через которого получили директивы, шифр и явки.

Для инструктирования из областного комитета приезжал тов. Семен. Областной комитет регулярно снабжал нас литературой и деньгами для оказания помощи семьям большевиков и красноармейцев, ушедших в Красную армию.

Вскоре тов. Сивочуб раздобыл пишущую машинку, и работа пошла еще веселей: печатали летучки, воззвания и распространяли по рудникам и ближайшим селам.

На мою жену была возложена обязанность принимать товарищей по явкам и следить за тем, чтобы не проникли шпики [2]), оберегать пишущую машинку и всю переписку. Только она да я знали, где хранятся все дела комитета. Она выбрала в саду колодезь, пустой, но глубокий, куда и спускала все на длинной веревке, а концы маскировала так, что их совершенно не было видно.

В конце июля или в начале августа 1918 года была созвана уездная конференция, под руководством представителя обла-

---

[1]) По утверждению т. И. Чаплина, И. Муравьев и Г. Чередниченко (а не Чередин, как указывает И. Зеленый) никакого участия в работе в тот период не принимали. *(Прим. ред.)*.

[2]) Подпольный комитет помещался у меня на квартире, как в наиболее удобном месте для работы.

стного комитета тов. Семена [1]). На конференции были представители Горловки, Щербиновки, Попасной, Константиновки и других районов. Обсуждался вопрос о восстании и подготовке к нему; было решено организовать партизанские отряды, на вооружение которых средства отпускал областной комитет. Было постановлено также организовать при комитете военный отдел, в который был привлечен тов. И. Чаплин, работавший в нем до восстания против гетмана.

В октябре военный отдел наладил связь с партизанами сел Ямполь, Закотное, Серебрянка, которые имели отряд в 120—150 человек, скрывавшийся в лесах. Мы договорились с командиром этого отряда Ив. Яицким о совместных выступлениях против гетмана и зачислили отряд на денежное довольствие.

В связи с подготовкой всеобщей забастовки на Украине, на руднике б. Терещенко организовался районный стачечный комитет, во главе которого стоял тов. Несмеха (тогда меньшевик, впоследствии большевик; убит в бою под Бахмутом 6 января 1919 г.); остальные члены комитета в большинстве

[1]) Конференция происходила у меня на квартире. Обстановка, в которой она протекала, была такова: приехало человек 40—50. Мы заранее условились, что днем вблизи квартиры никто не должен показываться. В 9—10 часов вечера все прошли через сад с заднего хода по особому паролю, который сообщался стоявшему у дверей часовому. Кроме того, выставлены были патрули и на ст. Деконской, на случай опасности оттуда; кругом сада был выставлен патруль в 20—25 человек. Предварительно все, конечно, были вооружены револьверами. В этих условиях конференция обсуждала вопросы назревающих событий. При такой же обстановке, часов в 5—6 утра, конференция была закончена и все тем же ходом ушли обратно, за исключением представителя областкома и некоторых товарищей, оставшихся на заседании комитета.

К сожалению, архива подпольной работы по району и городу не сохранилось; он, будучи спрятан на одном из алебастровых заводов в яме под весами, вместе с пишущей машинкой и несколькими винтовками был кем-то похищен. Мне кажется, что забрать машинку и винтовки, а документы уничтожить, мог человек, близко стоявший к организации. Когда мы уже все были на фронте, в том числе и моя семья, то наша штабквартира была разгромлена белыми, а дом хотели сжечь, но хозяин и соседи отстояли его.

Необходимо еще немного остановиться на методах, какими мы конспирировали нашу работу. Посоветовавшись в комитете, как это дело лучше обставить, решили устроить небольшое кустарное производство по выработке мыла, что и было поручено мне. Но я смутно представлял себе, как нужно варить мыло. Однако эти препятствия были устранены; мы купили книгу „Руководство по варке мыла". Сначала немного не клеилось, но спустя немного времени мыло для стирки белья получалось вполне приличное, и я даже сдавал его в кооператив. Под этой вывеской мы работали все время вплоть до восстания.

были меньшевиками. Подпольный ревком командировал т. Ворону и меня представителями в стачечный комитет. Помню, когда мы предъявили мандаты от ревкома, меньшевики заявили, что им неизвестна такая организация, а потому они не знают, как им быть; я сказал, что им и незачем знать, так как это революци-

Активные работники Сольрайона.

онная организация коммунистов-большевиков. Они все-таки для формы голоснули и официально приняли нас в стачечный комитет.

Это было в конце октября 1918 года. С этого момента значительная доля внимания подпольного ревкома (парткома) была направлена на работу в стачечном комитете. В нем по инициативе большевиков был создан военный отдел, в который вошел я, Чаплин и офицер Николенко [1]) с рудника Новая Величка. Воен-

[1]) По утверждению тов. И. Чаплина, офицер Николенко лишь однажды был привлечен для консультации по одному из военных вопросов, не принимая, кроме этого случая, никакого участия в военной работе. (*Прим. ред.*).

ный отдел сейчас же начал вербовать в отряд рабочих и селян, которых вооружали из оставшихся спрятанных винтовок, полученных от тов. Реутова еще в 1917 году; многие приходили со своими винтовками. Одновременно под руководством военного отдела проведена была работа по объединению всех вооруженных сил нашего района в один общий отряд; сюда же влился и партизанский отряд Яицкого.

В начале октября 1918 года по поручению ЦК КП(б)У в Бахмутский уезд приехал тов. Махонин для руководства работой по подготовке восстания против гетмана. Тов. Махонин советовал усилить работу по вербовке и вооружению рабочих и открыто пока не выступать. Но один характерный случай, который произошел на глазах у тов. Махонина, показал, что время для выступления уже назрело. В селе Покровском, как раз в момент восстания Петлюры против гетмана, под руководством местных большевиков Машерова, Калашникова, Ковалева и других, была разоружена варта и захвачена волость, но голова волости успел затребовать по телефону конный отряд из Бахмута, который и явился для освобождения арестованных. На другой день, когда петлюровский отряд прибыл, в помещении волостного правления было много крестьян, а возле телефона как раз дежурил тов. Ковалев, которого сейчас же избили прикладами; досталось и кое-кому из селян. Остальные в это время скрылись и дали немедленно знать на Брянцевский рудник о случившемся в селе Покровском, через верхового, который сообщил, что карательный отряд убил несколько человек крестьян и насилует женщин.

В один миг были даны тревожные гудки, и со всех рудников, вооружившись кто чем попало рабочие двинулись в Покровское. В село направилось до 500 рабочих и селян под командой тов. Чаплина. Вооружившись, тов. Махонин и я также пошли в Покровское. Но когда мы все туда явились, было уже поздно, отряд успел уехать, захватив с собой волостного голову, зверски избив нескольких крестьян, в том числе и тов. Ковалева, которому прикладом разбили голову. Телефон также был разбит прикладами.

После опроса избитых крестьян и пострадавших женщин был созван во дворе волостного правления митинг, на котором мы разъясняли значение петлюровского переворота и призывали крестьян и рабочих организовывать советы и захватывать в свои руки помещичью землю, рудники и заводы. По окончании ми-

тинга рабочие возвратились на рудники с пением революционных песен.

На второй или третий день после петлюровского переворота (в октябре 1918 г.) комитетом была организована демонстрация, которая должна была направиться в Бахмут, для чего затребовали несколько товарных вагонов. Часть рабочих, которых набралось человек 70—80, явилась с винтовками. Рабочие со всех рудников, усевшись в вагоны, направились в город. Однако в Бахмуте немцы не выпустили из вагонов ни одного вооруженного и выставили против двух вагонов (где были вооруженные рабочие) 6 пулеметов. Все же остальные рабочие пошли с красными знаменами по городу. Демонстрация прошла без эксцессов.

В ноябре, уже после петлюровского переворота, в Бахмуте (у рабочего стекольного завода Фарке — тов. Ершова) под председательством тов. Махонина состоялось совещание, которое постановило послать по районам членов партии для проведения кампании по созыву съезда рабочих и селян. Совещание выделило человек пятнадцать, которых и направили с определенными инструкциями — обязательно добиться в селах и рудниках выборов представителей на уездный съезд.

Трудно было проводить эту работу в окружении петлюровцев, но все-таки съехалось почти со всех районов 100—120 человек и съезд был открыт в бывшей земской управе. При намечении кандидатур в президиум меньшевики и эсэры никак не могли договориться с большевистской фракцией о количестве мест. Помню, что фракция большевиков превосходила фракции меньшевиков и эсэров вместе взятых, поэтому им давали не много мест. Руководителями фракции меньшевиков были Рысс и Айдинов (теперь большевики), а эсэров — Дулин и Тавшевадзе (последнего расстреляли деникинцы); не договорившись по этому вопросу с большевиками, меньшевики и эсэры покинули съезд. В президиум было избрано 15—17 чел., в том числе Махонин, И. Нагорный, И. Зеленый, Ачкасов, Федоренко, Гончаров и другие.

Недолго пришлось сидеть нам в земской управе после выборов президиума. Выборы кончились вечером, а часов около 9—10 утра на следующий день петлюровцы попытались нас арестовать. Но мы также не дремали и успели своевременно уехать на рудник. Таким образом, уездному съезду не удалось про-

вести свою работу. Основную задачу съезда все же выполнил выделенный им президиум. На руднике Бахсоль, куда мы скрылись от петлюровцев, состоялось последнее заседание президиума съезда, на котором избрали ревком под председательством тов. Махонина, а меня назначили начальником партизанского отряда [1]).

Между тем, петлюровцы, в виду наступления деникинских частей, спешили эвакуироваться. Наши делегаты — тов. Несмеха и другие, бывшие в Бахмуте на совещании у петлюровцев (в первых числах декабря), на котором стоял вопрос об эвакуации города и увозе из казначейства нескольких миллионов рублей, настаивали, чтобы петлюровцы денег не увозили, заявив, что рабочие все равно их через Сольрайон не пропустят. И действительно, наш отряд пытался захватить деньги, но это не удалось, потому что петлюровцы приняли все меры предосторожности: они выставили пулеметы и броневик и таким путем прошли через Сольрайон.

Деникинцы подходили все ближе и ближе. Рабочие Сольрайона вступали в новый период ожесточенной и длительной вооруженной борьбы с серьезным и сильным врагом.

[1]) Тов. И. Чаплин утверждает, что тов. Зеленый в это время начальником отряда не назначался. (*Прим. ред.*).

П. ШИШКОВ и Ф. ЛАГУТКИН.

СЛАВЯНСК МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ.

Славянск (представлявший собой до революции захолустный городок, с населением в 25—30 тысяч человек) окаймлен несколькими предприятиями сравнительно крупного значения и целым рядом мелких промышленных заведений.

В 1916 году на территории Славянска находились следующие предприятия: содовый завод с количеством рабочих до 2.000 человек, железнодорожный узел (Южной и Донецкой ж. д.), насчитывавший 3.000 рабочих и служащих; на остальных заводах — фарфоровом, стекольном, механическом (Смирнова), керамическом, ряде кирпичных и мелких солеваренных — число занятых рабочих составляло 4.000 человек. Таким образом, общее число пролетариев по Славянску доходило до 9.000 человек[1]).

Характерной особенностью промышленных предприятий Славянска являлось то, что здесь во время войны отсутствовал крупный предпринимательский частный капитал. Если раньше содовый завод и являлся крупным предприятием частного капитала, то с начала войны он превратился полностью в военизированный, принадлежавший государству. То же самое представлял собой и железнодорожный узел. Остальные, более мелкие заводы были предприятиями частнокапиталистическими, но решающей роли они, конечно, не играли.

Полусобственнический состав рабочих еще более усугублял положение. Таким образом у славянских рабочих не было той необходимой базы, на основе которой воспитывалось бы их классовое самосознание. Этим и объясняется, что здесь ни в мирные, ни в военные годы никаких признаков революционного движения не замечалось. В этом же заключались причины

[1]) В этом количестве, повидимому, не учтены еще рабочие довольно крупного Славянского курорта. (*Прим. ред.*)

того, что в течение почти всей Февральской революции рабочие шли за мелкобуржуазными правыми эсэрами.

В конце февраля 1917 года по содовому заводу неожиданно разнеслась весть о том, что в Петрограде началась революция. Немедленно было организовано собрание, но так как никто ничего определенного о характере происходящих событий не знал, то единственное решение, вынесенное собранием, было итти к думе и требовать муки.

В первые дни революции не было и речи об организации совета рабочих депутатов. Ограничились созданием общественного комитета. Тут уже сказались отмеченные нами особенности, так как на поверхность движения всплыла главным образом местная мелкая буржуазия и интеллигенция, которые прежде всего поставили вопрос о реорганизации городской думы.

В общественный комитет „спасения революции", наряду с представителями либеральничающей интеллигенции, вошли и передовые рабочие, в том числе большевик Василий Маралулец, рабочие содового завода А. Шеремет, Соловьев (оба эсэры) и другие.

От остальных слоев населения в общественный комитет вошли: Троицкий (правый эсэр, присяжный поверенный), Кудрицкий (инженер, владелец шинного завода), Смирнов (заводчик), Ляхович (адвокат)[1]), Якобович (доктор, эсэр), Немерюк (учитель, меньшевик), Дженеев (мировой судья), Старостин (впоследствии левый эсэр) и др. Троицкий был председателем комитета, Кудрицкий — комиссаром милиции, а Старостин—его помощником.

В это же время на содовом заводе была создана правоэсэровская организация под руководством Б. Михайловского, которая вначале и „верховодила" там. Чисто большевистской организации еще не было. Отдельные большевики, находившиеся в Славянске и до революции, не связанные между собой, входили в объединенную меньшевистскую организацию, где и работали, проводя внутреннюю борьбу. С течением времени в рядах этой организации образовалось инициативное большевистское ядро, постепенно приобретавшее влияние на рабочие массы предприятий.

В апреле месяце были проведены выборы в совет рабочих депутатов, который по своему составу оказался, как следо-

[1]) Адвокат Ляхович, по воспоминаниям А. Шеремета (материалы Истпарта ЦК КП(б)У), был кадетом. (*Прим. ред.*).

вало ожидать — эсэровским. Первый президиум совета состоял из семи человек: один большевик, два меньшевика, четыре эсэра. Председателем исполкома был эсэр Михайловский, заместителем председателя — меньшевик Коссов, членами президиума — И. Я. Чуйко (меньшевик)[1]), Пархоменко, Жуйкин и Ф. Лагуткин (большевик).

Совет рабочих депутатов благодаря эсэровскому руководству не играл главенствующей роли в практической работе. Политическим центром города оставался общественный комитет. Совет же занимался больше разговорами и дискуссиями. Между представителями всех социалистических партий (эсэров, меньшевиков, бундовцев, большевиков и пр.) шла борьба вокруг вербовки рабочих в свои организации.

К маю месяцу большевистская группа успела достаточно окрепнуть. Она наладила связь с центром, и каждый член ее мог себе уже более или менее четко уяснить, какие задачи стоят перед рабочим классом и его партией — большевиками. Борьба с меньшевиками и эсэрами усиливалась, при чем наиболее энергичную борьбу пришлось вести с эсэрами, которые имели значительное влияние на рабочих и особенно на содовом заводе. Успеху этой борьбы способствовали ясные и четкие лозунги большевиков по вопросу о войне, власти советов, об отношении к Временному правительству, о рабочем контроле над производством и вообще по всем наиболее животрепещущим вопросам, которые волновали в то время рабочую массу. И так как более четких лозунгов никакая из соглашательских партий дать не могла, большевики постепенно освобождали массу из-под влияния эсэров и меньшевиков.

Так продолжалось до июля месяца, когда выросшие и идейно окрепшие большевики откололись от меньшевиков и вышли из состава объединенной социал-демократической организации[2]), создав свою самостоятельную партийную организацию[3]). Раскол

[1]) И. Я. Чуйко впоследствии при расколе с меньшевикам перешел к большевикам.

[2]) Покойный тов. С. П, Андренко, бывший в то время секретарем славянской объединенной организации РСДРП, в своих посмертных документах раскол этот датирует июнем месяцем 1917 года. (*Прим. ред.*).

[3]) По воспоминаниям тов. Яшина (см. стенограмму второго совещания при Артемовском Окрисгпарте от 12 мая 1927 г.), в организацию большевиков входило после раскола всего 12—14 человек, которые оставались до самого отступления в. 1918 году. (*Прим. ред.*).

произошел на почве июльских дней в Петрограде, помешавших более полному завоеванию большевиками меньшевистской организации.

Однако выборы в городскую думу большевики проводили по объединенному списку с меньшевиками и бундовцами, т. к. сблокировались с ними еще ранее против эсэровского списка. Поскольку раскол произошел внезапно, большевикам не удалось отмежеваться от этого объединенного списка, тем более, что выборы приближались, а для отмежевания нужно было проделать ряд законных формальностей, что вряд ли удалось бы без ущерба для большевиков.

Все же в городскую думу тогда прошло значительное число большевиков и революционно настроенных рабочих. Из них помним следующих: И. Я. Бугай, Коссов (оба меньшевики), Пархоменко, Жуйкин, Спиридон Рудченко, Руже, Михайловский (все эсэры), Рейнганд (интернационалист) и Иванов, а также Марапулец, Лагуткин, И. Я. Чуйко, Урбацан, Сидоров (последние пять — все большевики).

В городскую думу, состоявшую из 36 человек, кроме названных лиц, были избраны врачи, адвокаты, несколько купцов и фабрикантов. На первом заседании думы был поставлен вопрос о приведении всех членов к присяге Временному правительству. Большевики и некоторые левые эсэры от присяги отказались; дума поволновалась, пошумела, но вопрос так и остался открытым.

В совете большевики направили все свое внимание на завоевание влияния среди рабочих представителей и привлечение на свою сторону наиболее революционной части рабочих—железнодорожников.

На одном из заседаний совета из-за кандидатуры в какую-то комиссию между председателем совета, эсэром Михайловским, и членом президиума, большевиком Лагуткиным, произошел конфликт, в результате чего Михайловский покинул заседание. Тогда тов. Лагуткин внес предложение избрать председателем совета каторжанина Зубашева (эсэр); предложение прошло, и последний председательствовал до перевыборов, а Михайловский больше не появлялся в совете.

Примерно в сентябре вся славянская железнодорожная организация („Викжель", занимавшая ранее неопределенные позиции) и ее представители в совете заявили себя сторонниками большевиков, а так как удельный вес их был довольно значителен,

то совет вскоре после этого был переизбран и из эсэровско-меньшевистского превратился в большевистский. С этого момента славянский совет становится полным хозяином положения. Первым большевистским председателем совета был тов. Шишков, потом Марапулец; последний оставался председателем до 19 апреля 1918 года, т.-е. до прихода немцев и гайдамаков.

Октябрьские дни в Славянске[1]) протекали без заметного оживления: все шло своим размеренным порядком. Совет уже был в руках большевиков; городским хозяйством заведывала еще дума, но деньги, выпущенные ею, были скреплены подписью совета рабочих депутатов, так как дума сама по себе авторитетом не пользовалась и влачила жалкое существование.

Еще до Октября большевики наладили довольно прочную связь с краматорской большевистской организацией, уже довольно сильной и сплоченной в то время. Была попытка также наладить связь с дружковской организацией, но, к сожалению, там преобладало влияние меньшевиков, и те попытки, которые предпринимались нами совместно с краматорской организацией, не увенчались успехом вплоть до самого Октябрьского переворота.

Деятельную работу проводил совет в области рабочего контроля. Были созданы примирительные камеры, куда вошли тов. Лагуткин, Урбацан, Соколов, Бугай (большевики) и меньшевик Коссов; организованы рабочие комитеты, довольно активно приступившие к своей работе по проведению фактического контроля и разбору различных конфликтов с предпринимателями. Эта работа вызвала бегство хозяев с фабрик и заводов, в частности с фарфорового завода. Несмотря на настойчивое желание рабочих не допустить этого, хозяева все-таки бежали, и рабочий комитет вынужден был взять завод в свои руки. Трудные условия работы, вызванные общей разрухой, не помешали рабочему комитету поддерживать производство вплоть до эвакуации из Славянска.

Несколько слов о настроениях обывательской части населения после Октябрьского переворота. Не будучи еще глубоко

[1]) Тов. А. Шеремет в упомянутых уже воспоминаниях говорит, что в Октябрьские дни в Славянске был создан ревком, но не указывает, кто входил в него, а тов. Е. М. Мухин—беспартийный рабочий Славянского стекольного завода в своих воспоминаниях (материалы Истпарта ЦК КП(б)У) рассказывает, что в ревком входили В. Марапулец (председатель), анархо-синдикалист Солянников (секретарь), Серобаба и А. Шеремет (оба левые эсэры) и Е. М. Мухин (беспартийный). (*Прим. ред.*).

задетой пролетарской революцией, эта часть населения занимала пассивно-выжидательную позицию. Но продовольственный вопрос все более обострялся, явилась необходимость введения карточной системы. На этой почве всколыхнулось мещанско-купеческое население города, и начались волнения, принявшие серьезный характер. Эсэры и меньшевики, к этому времени уже окончательно потерявшие влияние на рабочие массы и значение в совете, приняли участие в травле большевистского совета и выдвинутого им продовольственного комиссара-большевика.

Враждебные организации подняли против совета вернувшихся с фронта реакционно настроенных солдат, преимущественно из местных купчиков, организовавших так называемый „союз фронтовиков и инвалидов войны". Были попытки со стороны солдаток отобрать пулемет у отряда, которым командовал тов. Михаил Карнаухов, и только после того, как он открыл огонь в воздух и создал панику, солдатки разбежались. Замысел „фронтовиков" не удался. Совет этот „союз" распустил.

Вскоре продовольственные волнения вылились в открытый бунт, во время которого некоторые работники, как, например, комиссар продовольствия Лагуткин и председатель совета Шишков едва не подверглись самосуду толпы, но благодаря прибытию вооруженного отряда рабочих Краматорского завода (в 100 чел.) под командой тов. М. И. Карнаухова самосуд был предотвращен и толпа рассеяна.

Однако контр-революционная работа в Славянске продолжалась. Демобилизованное офицерство и купеческие сынки начали проявлять свою активность, стремясь к внесению дезорганизации в работу совета и к захвату власти [1]).

[1]) Из таких элементов в Славянском районе „подвизался" некий Шаров из Изюма, который, собирая контрибуцию в свою пользу, наводил панику на население и вообще вносил дезорганизацию. Не менее памятен и кавалерийский отряд Седлецкого, который сам не знал, кому он подчиняется. Этот Седлецкий вместе со своими „вояками" только и делал, что сидел на Славянском курорте и беспрерывно требовал деньги у совета на содержание „отряда". Характерно отметить, что требование денег сопровождалось такого рода шутками: „А знаете ли, товарищ председатель, что у меня прямо на совет направлена пушка?"

Затем, даже в некоторых военных штабах, находились группы таких дезорганизаторских элементов; например, штаб Антоновской 3-ей армии был довольно „анархично" настроен, придерживаясь принципа: „и мое — мое и твое—мое". Благодаря такому настроению „анархистов" из штаба 3-ей армии и произошло частичное ограбление славянского отделения государственного банка. *(Прим. авторов).*

Но дальнейшее развитие контр-революции было парализовано прибытием вооруженных красногвардейских сил из соседних районов. Приход этих красногвардейских частей в Славянск, надвигающаяся контр-революция на Донбасс со стороны Дона и агитация большевиков вызвали стремление к вооружению среди рабочих славянских заводов.

Первый, сформированный в 1918 году, красногвардейский отряд славянцев [1]), во главе с Василием Марапульцем, был отправлен под Киев на борьбу с контр-революционной Центральной Радой.

[1]) Тов. Л. И. Валюк в своих воспоминаниях (материалы Истпарта ЦК КП(б)У) рассказывает, что в период Октябрьского переворота уже существовал созданный большевиками небольшой отряд Красной гвардии, который нес охранную службу. Далее тов. Валюк утверждает, что к 26 ноября 1917 г., когда происходило разоружение в Горловке 4 эшелонов оренбургских казаков, красногвардейский отряд славянцев достигал 80 человек и принимал участие в этом разоружении. Кроме того, этот отряд вместе с краматорским принимал участие в ликвидации продовольственного бунта в Славянске. Впоследствии тов. Валюк, по его словам, к 20 апреля 1918 г. организовал из рабочих отряд в количестве 280 человек, с которым по распоряжению высшего командования был направлен на Царицынский фронт. *(Прим. ред.).*

И. НАГОРНЫЙ.

БАХМУТ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ.

В селе Покровском (в 10 верстах от Бахмута) 28 февраля и 1 марта 1917 года все еще было как-то боязно: о революции и о том, „що вже нема царя", говорили друг с другом шопотом. Что делать сегодня, завтра — никто хорошо не знал; все растерялись. Растерялось волостное начальство и полиция, которые на вопросы селян не знали, что отвечать. Газеты в селе получались неисправно, да и в газетах писали как-то не ясно: „Революционная волна охватила всю Россию... старое начальство прогоняется..." а вот, что надо делать рабочему и селянину, с чего начинать—не писали. В помещении волостного правления с утра и до вечера полно селян; официального материала нет—говорят о том, кто что слыхал. Лишь 4 марта стало известно, что нужно организовать волостной комитет, который в тот же день вечером начал работать в помещении волостного правления.

Первого мая, хотя и с большим трудом, удалось организовать митинг. Рабочие с соседних соляных рудников были к этому подготовлены раньше и в день Первого мая с красными знаменами и революционными песнями прошли через село. На площади около церкви собралось больше десяти тысяч рабочих и селян; такого количества народа до этого не собиралось в селе никогда.

На митинг пришла также и вся местная „демократия"—меньшевики, эсэры, кадеты и т. д. Выступали с речами инженер Друшель (кадет), доктор Иванов (меньшевик), Гончаров, Романовский (эсэры) и другие. Говорили о поддержке Временного правительства, об Учредительном собрании, о продолжении войны, об аннексиях и контрибуциях. Что такое аннексии и контрибуции—селяне так и не поняли. Я выступал от имени РСДРП интернационалистов - большевиков против войны, за

немедленный мир. Рабочие и селяне поддерживали меня аплодисментами. Затем я стал говорить против Временного правительства. Вот тут и пошла катавасия. Раздались крики: „Більшовики-буржуї продали німцям Росію...“ Селянин Лагерь, делегат съезда, только что возвратившийся из Екатеринослава, закричал: „На з'їзді в губернії Строменко і Корж[1]) та всі інші казали, що більшовики — це наші вороги, їх треба заарештувати, треба бити...“„Долой с трибуны“— кричали селяне и рабочие... Сходились товарищами, а разошлись, поссорившись.

На второй день волостной комитет написал Керенскому донос: „У нас у селі Покровському є більшовик І. О. Нагорний, який іде проти Тимчасового уряду; вчора одверто виступав у нас у селі на мітингі, тому його треба негайно заарештувати. Ми й сами б могли заарештувати, так Нагорний великий начальник — заступник голови повітового виконкому ради селянських депутатів, голова повітового земельного комітету, живе в Бахмуті, а до села наїздить лише тимчасово, пришліть кого-небудь з центра й заарештуйте“.

Керенский, конечно, никого не прислал, так меня и не арестовали. Несколько позже приезжал представитель Временного правительства в Бахмут, но совсем по другим делам: он требовал исполнения уездным земельным комитетом постановления правительства относительно обязательного взыскания с селян арендной платы за занятую ими помещичью землю и выдачу этих денег владельцам земли. Однако комитет его не послушал; мы заявили, что исполняем не директивы Временного правительства, а постановления уездного исполнительного комитета совета крестьянских депутатов. Этот последний в июле месяце выносил такие постановления:

„Крестьянству за десятину годовой аренды помещичьей земли платить не 10 — 15 рублей, как предлагает Временное правительство, а не больше 4 рублей. Деньги за аренду помещичьей земли в уездный депозит не вносить, а расходовать на школы, библиотеки, клубы, на помощь инвалидам, сиротам войны и другие просветительные нужды села...“ „Из депозита помещикам ни копейки“... „Войну кончать“... „Солдатам 25-го полка (стояли в Бахмуте) на войну не итти“... — таковы постановления первой крестьянской революционной организации — уездного исполнительного комитета советов, датированные июлем 1917 года.

[1]) Строменко и Корж — в то время видные екатеринославские эсэры. — *И. Н.*

Уездный земельный комитет к этому времени был пополнен пятью представителями от рабочих[1]). Эти представители были большевиками, а потому такие постановления, как, например, об использовании помещичьей земли, о задержке арендных денег, о запрещении выдавать помещикам деньги из депозита, о конфискации имущества помещиков,— легко было согласовывать и проводить в жизнь. Эти постановления были весьма популярны среди селянства. В Гришино, Сергеевке, Гродовке, Казенно-Торско-Алексеевке и во многих других больших селах на арендные деньги за помещичью землю были организованы дома селян, библиотеки, школы, агроучастки, с.-х. кружки и другие полезные организации. По приблизительным подсчетам на культурные нужды было истрачено по всему уезду до 100 тысяч рублей.

Но такая работа пришлась не по вкусу эсэрам, которые повели борьбу против исполкома и земельного комитета. Дело дошло до того, что по инициативе эсэров на собрании кулаков от 3—4 мая был организован „крестьянский союз", возглавляемый кулаками же. На этом же собрании было принято постановление распустить исполнительный комитет совета крестьянских депутатов, как учреждение, не подчиняющееся и не выполняющее постановлений Временного правительства. Это интересное заседание кулаков производилось под руководством эсэров Литвинова, Власовича, Бирюкова, Трусова, Нестеренко, которые были членами президиума этого сборища.

Селяне чем дальше, тем меньше доверяли эсэрам; не послушали они их и на этот раз и исполкома не разогнали. Исполком же все больше проявлял действительно революционную линию, приобретая сильнейшее влияние на село и являясь боевым штабом для революционного селянства. В доказательство внимательного отношения селянства к своему исполкому отмечу следующее. В июле месяце земская управа отпустила земельному комитету на содержание аппарата, покупку литературы и дру-

[1]) По инструкциям Временного правительства, уездные земельные комитеты были сформированы следующим образом: в них входили представители всех волостных земельных комитетов, по одному от каждого, которые представляли собою пленум. Во главе уездного комитета стоял президиум из трех или пяти лиц. Представительство рабочих этим распоряжением предусмотрено не было. Однако уездный исполнительный комитет (в обход этого распоряжения) своим постановлением пополнил наш земельный комитет пятью представителями от рабочих—в целях наибольшего революционизирования его.— *И. Н.*

гие нужды 10 тысяч рублей, которых не хватило. Мы обратились за помощью к селянам: созвали собрания и митинги, устроили кружечный сбор и за одну только неделю собрали около 18 тысяч рублей, которые израсходовали на содержание аппарата, покупку литературы и даже на издание своей газеты— „Известия Совета Крестьянских Депутатов".

С июня по октябрь мне почти каждый день приходилось бывать в селах. Несмотря на рабочее время — уборку урожая, селяне каждый раз просили прибыть к ним на митинг или собрание, на открытие какого-либо культурного учреждения. Крестьянство так „раскачалось" и так поняло лозунг „власть на местах", что когда в августе и сентябре пришлось защищать лучшие культурные хозяйства (мелиоративный участок при ст. Яма, конный завод при станции Дружковка, большое на 14 тысячах десятин имение „Пески" при поселке Юзовка и другие), то очень трудно было доказывать, что разорять культурные хозяйства нецелесообразно и бессмысленно. Много было разгромлено помещичьих хозяйств, но много и уцелело [1]). В этих последних были организованы коллективы из батраков и безземельных селян-бедняков.

Успешная работа большевистской организации на селе дала положительные результаты. Когда была разогнана „учредилка" контр-революционные мелкобуржуазные партии хотели использовать этот момент на селе, однако лишь небольшая кучка кулаков пошла за ними, а вся масса заявила: „нам від учреділки нічого не потрібно, землю ми вже забрали та й більшовики наші гарні люди—їм ми віримо".

В борьбе с украинскими шовинистами (петлюровцами, гетманцами), а также с деникинцами и махновцами, основная масса селянства всегда была на стороне советской власти. Крестьянские партизанские отряды, принимавшие энергичное участие в гражданской войне на Артемовщине, дали немалое количество хороших командиров Красной армии и ответственных работников, и до сего времени работающих по советскому строительству.

* * *

[1]) В смысле сохранения в целости бывших помещичьих хозяйств Бахмутский уезд был первым в то время на Украине. Это не раз отмечалось на губернских заседаниях в Екатеринославе, а в 1919 году отмечено и Наркомземом УССР в Киеве.— *И. Н.*

Бахмут всегда был городом торговцев, кустарей и служащих. Лишь самую незначительную часть населения составляли рабочие металлисты, печатники, химики, поэтому и большевистская организация была здесь небольшая. В апреле 1917 года небольшой группой товарищей было решено организовать комитет интернационалистов-большевиков[1]); мне было поручено найти помещение для комитета.

На окне большого дома помещика И. И. Горелишова, против земской управы, была наклеена бумажка с надписью: „Сдается в наем комната". Я вместе с тов. Шкурпелою зашел в этот дом. Помещика дома не было, нас встретила жена его. Комната, которая сдавалась в наем, была проходная. Я просил сдать нам другую комнату, т.-е. первую от парадного хода, и пояснил помещице, что к нам будет ходить довольно много народа, так как мы нанимаем комнату под комитет партии большевиков Не успел я произнести слово „большевиков", как помещица закричала и упала на диван, потеряв сознание. Вскоре мы нашли маленькую комнатушку за 15 рублей в месяц в доме помещика Стрепетова, рядом с комнатой, занимаемой союзом „Металлист".

В мае созвали первую большевистскую уездную конференцию и избрали комитет из пяти товарищей: Т. И. Харечко, Ф. Л. Подстрела, И. И. Иванова и И. Е. Нагорного (пятого хорошо не припомню, кажется тов. Перекатов). Тов. Жукову пригласили техническим секретарем. Работа производилась с утра до ночи; тут было все: газеты, афиши, бюллетени, митинги, заседания, выборные кампании в городскую думу, земство, советы, потом в „учредилку". Мне пришлось отказаться от работы в земской управе (я был избран там членом школьного комитета) и приналечь на партийную работу.

Мы прилагали все усилия, чтобы стать действительным уездным партийным центром, однако нам это не удалось. Организации большевиков в Горловке, Щербиновке, Дружковке, Краматоровке и в других крупных рабочих районах были значительно крепче и крупнее; оказывать на них влияние из мещанского Бахмута было невозможно. Поэтому комитет работал больше на селе, а с рудниками и заводами держали связь,

[1]) В Бахмуте, в 1916 году, существовала небольшая большевистская группа во главе с тов. Рашель (Борисовой), которая входила в состав подпольной большевистской организации Макеевского района. (*Прим. ред.*).

периодически созывая совещания для координирования своих действий. Так впервые был основан в Бахмуте наш большевистский комитет, который в свое время все же сыграл некоторую роль.

* * *

До Октября в Бахмуте Красной гвардии не было. На Краматорском заводе и Горловско-Щербиновских рудниках уже в июле была организована из рабочих милиция, которая потом стала называться Красной гвардией. Эта милиция периодически наезжала и в Бахмут.

В декабре, с Краматорского, Дружковского и Константиновских заводов приехали в Бахмут вооруженные рабочие, чтобы разоружить 25-й запасный полк, который стоял в Бахмуте и насчитывал 4 тысячи солдат. В этом полку была хорошо налажена большевистская работа, благодаря чему большинство солдат воевать не хотело. О разоружении солдатам было известно, так как оно производилось по взаимному соглашению.

Рабочие привезли с собою 2 пулемета, поставили их на площади дулами к казармам, где стояли солдаты. Тут, как нарочно, один из пулеметов испортился, а второй и раньше был поломан, поэтому не годился вовсе. Специалистов пулеметчиков не было, исправить поломанный пулемет—некому. Поэтому исправлением занялись очень многие красногвардейцы. Все суетятся, спешат, нервничают, но никто хорошо не знает, как управлять пулеметом, а тем паче исправить сломанный. Солдаты же смотрят издали и смеются. Как бы то ни было, но полк разоружили. Взяли без боя тысячу винтовок и много другого имущества. Солдаты разошлись по домам, некоторые из них захватили с собою и винтовки; мы, конечно, не возражали. Офицеры разбежались; сам полковник 25-го запасного полка Меркулов тоже убежал, обещав отомстить нам.

Октябрьскую революцию Бахмут встретил как раз во время очень бурного заседания уездной „революционной демократии", но никакого боя не было. Все обошлось мирно: они сдались—мы захватили.

До Октября 1917 года в Бахмуте было три самостоятельных революционных учреждения (не считая городской думы и уездной земской управы): „комитет защиты революции", созданный 4 марта и позже реорганизованный в городской совет рабочих

депутатов; гарнизонный совет солдатских депутатов, который был создан в апреле и позже объединился с СРД, и уездный исполнительный комитет советов крестьянских депутатов, организованный на крестьянском съезде в марте месяце. В то время я был избран во все эти три учреждения, являясь, таким образом, членом „троекратной" революционной власти в Бахмутском уезде, однако, большую часть времени уделял работе в исполкоме совета крестьянских депутатов, как селянин и как заместитель председателя этого учреждения.

Работа в совете крестьянских депутатов в первое время (март — июнь) шла под эсэровскими лозунгами. Лишь в мае месяце мы стали проводить на крестьянских съездах и заседаниях исполкома большевистские резолюции и постановления, а до этого наши предложения или проваливали, или мы не имели даже возможности вносить их. Больше всего нам пакостили эсэры.

Названные выше самостоятельные организации после Октябрьского переворота начали объединяться; но не легко было достичь этого. В ноябре и декабре шла упорная борьба—эсэры и петлюровцы претендовали на крестьянские, а меньшевики на рабочие организации. Лишь в конце января 1918 года удалось окончательно оформить объединение всех самостоятельных революционных учреждений путем создания первого уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов под председательством тов. П. Казимирчука.

Это был в миниатюре „Смольный" со своими комиссарами: управления и продовольствия—И. Х. Айданов, финансов Э. Медне, по земельным делам—И. Е. Нагорный и т. д. Работа почти всех комиссаров не клеилась: постоянная беготня, суета, бесконечные заседания, хотя все вопросы решались все же на митингах или на ходу — таковы были характерные черты нашей деятельности того периода. Но недолго пришлось существовать советской власти: немцы и гайдамаки не дали. Нам пришлось создать эвакуационную тройку под председательством тов. Казимирчука, а самим уйти кому на фронт, кому в подполье.

Всю весну, лето и осень 1918 года гуляли по уезду немцы с гайдамаками. Описать подпольную работу организации большевиков я не могу, так как все это время я сидел в тюрьме: сначала в Бахмуте и Екатеринославе, а потом в Брест-Литовске, откуда возвратился только в декабре 1918 года.

Снимок с группы политзаключенных в Бахмутской тюрьме, отравленных деникинцами перед отступлением из города в декабре 1919 года.

В декабре 1918 года, когда немцы уже оставили территорию уезда, был создан военно-революционный комитет. „Товарищ ревком", как иногда в то время шутливо называли его некоторые товарищи, состоял из 11 лиц; это были Махонин, Федоренко, И. Зеленый, Д. Рясной, А. Пащенко, В. Цыба, И. Нагорный и другие. Некоторое время ревком работал в подполье, затем легально — на ст. Яма, где донецкий губернский военно-революционный комитет реорганизовал его. Теперь в его состав входило пять товарищей: Бондаренко (председатель), Федоренко, И. Нагорный, В. Пучков и Щербак. Это было уже в феврале 1919 года, когда Наркомвнудел тов. К. Е. Ворошилов отдал приказ о создании Донецкой губернии из двух уездов — Бахмутского и Славяносербского, назначив губревком из пяти товарищей: Т. И. Харечко, Э. Медне, Л. Смолякова, С. Хилькова и А. Каменского. Оба ревкома, и губернский и уездный бахмутский, находились на ст. Яма и главным образом проводили работу по обслуживанию партизанских и красноармейских отрядов продовольствием, фуражом, обмундированием и пр.

Два ревкома — губернский и уездный, военный штаб, отдел снабжения, уездный партийный комитет, общежитие для работников и их семей, общежитие для беженцев, изолятор для больных, учреждения, начальство и просто „жители", — все перемешалось в вагонах с полками в три этажа и паровозом на парах.

Первый бахмутский уездный съезд советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов заседал в феврале 1919 года на станции Яма [1]) в помещении сельскохозяйственной школы. На первом съезде советов избрали исполком под председательством тов. Бондаренко.

Первый губернский съезд советов заседал в марте 1919 года в городе Славянске, где был избран губисполком под председательством тов. Артема (Сергеева); членами президиума были т. т. Николаенко, С. И. Лапин, С. П. Андренко, А. Ф. Радченко, Д. И. Пономарев, Яковенко, Л. Смоляков, Щербак, И. Нагорный и др.

---

[1]) Тов. И. Зеленый в своих воспоминаниях рассказывает о попытке созыва уездного съезда советов, который открылся в Бахмуте в ноябре, но был разогнан петлюровцами — см. в настоящем сборнике воспоминания И. Зеленого, где он вообще несколько иначе освещает весь оккупационный период времени на Бахмутщине равно как и более подробно рассказывает об истории возникновения уездного ревкома. (*Прим. ред.*).

Март, апрель и май 1919 года можно назвать временем созидательной советской работы. Теперь уже не было суеты, характерной для 1918 года, а проводилась плановая работа по укреплению советской власти в рабочих центрах Донбасса и на селе; организованы были разные отделы со специалистами и необходимыми штатами. Губисполком в тот период имел большое влияние среди рабочих и селян Донецкой губернии. Не напрасно во время отступления (29 мая 1919 года) так много рабочих и крестьян добровольно пошло в Красную армию для защиты советской власти.

В конце декабря 1919 года, после ухода белых, в Бахмуте организовался уездный ревком под моим председательством. Членами его были т. т. Минков, П. Казимирчук, Жаков, Максименко. Обстановка для работы была очень тяжелая. Все разорено, разбито, холод, голод, эпидемия тифа, бандитизм, незаконченная гражданская война. Нельзя не вспомнить зверски замученных в бахмутской тюрьме 186 товарищей; они были обнаружены в помещении тюрьмы с вырезанными кусками тела, с поломанными ногами и руками, задушенные и отравленные... Кроме этих 186, около 100 человек отравленных, избитых до неузнаваемости, кое-как выбрались из тюрьмы, но тут же многие из них падали и уже больше не вставали. Спасти этих умирающих товарищей было одной из неотложнейших моих забот в первые дни восстановления советской власти после изгнания деникинцев.

В дальнейшем необходимо было отправлять уголь на север, где паровозы стояли потухшими, направлять на фронт продовольствие и обмундирование для красноармейцев; в то же время приходилось принимать меры и к снабжению рабочих всем необходимым, чтобы обеспечить добычу топлива, вести жестокую борьбу с бандитизмом и укреплять советскую власть на периферии — в селах и рудниках.

Много было за это время в нашей работе затруднений и ошибок, но с каждым годом, с каждым месяцем и днем советская власть, преодолевая и исправляя их, росла и крепла.

А. ФРОЛОВ.

„ПЕРВЫЙ КРАСНОЙ ГВАРДИИ ДОНЕЦКОГО БАССЕЙНА ПОЛК“ [1]).

Рудничные советы рабочих депутатов, находившиеся на территории бывшей области войска донского: Ясиновский, Ханжонковский, Буросовский (Макеевского района), уже в июне 1917 г. фактически являлись единственными органами власти на местах, особенно на рудниках, где не было ни войск, ни сколько-нибудь значительных административных органов Временного правительства. Комиссары рудничной милиции сплошь и рядом были в распоряжении советов. Советы управляли всей административной и экономической жизнью рудников; делили они свои функции только с рудничными комитетами.

Совет не играл подобной роли только в таком центре, как Макеевка (гор. Дмитровск), где были общественный комитет, городская дума, гарнизон казаков (расположенный в нескольких верстах), во главе с казачьим офицером Чернецовым, и сильные организации мелкобуржуазных соглашателей.

Но правили советы своеобразно. Во главе их чаще всего стояли рабочие, называвшие себя эсэрами или анархистами, в действительности же смутно представлявшие себе тех и других. Организаций большевиков на некоторых рудниках не было, но масса тяготела к последним и нередко заставляла сидевших советах меньшевиков, эсэров и анархистов делать большевистское дело.

К сентябрю ростовский комитет большевиков стал рассылать по подрайонам и рудникам своих ответственных организаторов.

[1]) Редакция сборника дает место воспоминаниям т. А. Фролова потому, что организация названной красногвардейской части происходила в Горловско-Щербиновском районе. Кроме того, в этот полк входило значительнейшее количество рабочих из районов, являющихся и по сей час территорией Артемовского округа. *(Прим. ред.).*

На Ханжонковский рудник (Франко-русского общества) также был послан парторганизатор [1]). Большевистской организации на руднике не было, но большевистски настроенных шахтеров было немало. С ними парторганизатор и приступил к налаживанию большевистской организации и политическому руководству советом.

Это было в середине сентября. К 1 октября на Ханжонковском руднике числилось уже 400 членов партии. Руководители организации стали искать способов достать оружие для вооружения рабочих.

В десятых числах октября на одном из соседних рудников вспыхнула забастовка, организованная анархистом Переверзевым, который явился и в Ханжонково с тем, чтобы поднять шахтеров на стачку. Однако парторганизация, успевшая упрочить свое положение, да и совет, работавший теперь под ее руководством, приобрели столь сильное влияние в массах, что шахтеры без санкции своих организаций на забастовку не пошли. Была экстренно созвана шахтерская конференция в Макеевке (Несветаевского, Макеевского, Енакиевского и др. районов), на которой меньшевики хотя оказались и в большинстве, все же было решено к забастовке готовиться и избрать забастовочный комитет.

Ханжонковских шахтеров известили об этом на митинге. На этом же митинге по предложению парторганизации решили собрать деньги и послать за оружием, для чего избрали комиссию. Это было в конце октября. Комиссия вскоре выяснила, что оружие можно достать в Белгороде, в отряде тов. Павлуновского. Приехали в Белгород числа 25 ноября, в самый разгар боев отрядов Павлуновского и Железняка с белогвардейским отрядом, пробивавшимся на Дон (8 эшелонов офицеров из дикой дивизии).

Числа 28 ноября прибывшие за оружием узнали, что в Ростове произошло восстание, и поспешили в Ханжонково. Павлуновский выдал им 2.000 винтовок, 4 пулемета, 50 лент к ним и 200.000 патронов. На ст. Лозовой гайдамаки пытались арестовать оружие и сопровождавших его товарищей. На ст. Никитовке новое препятствие: находившийся там совет не пропускал оружия дальше.

---

[1]) Под этим именем всюду в статье фигурирует тов. А. Фролов. *(Прим. ред.).*

Оружие сначала завезено было на Ртутный рудник. Один из сопровождавших просил никитовский совет [1]) дать ему красногвардейцев, чтобы с ними провезти оружие на станцию Ханжонково, по слухам, занятую казаками. Совет оттягивал решение, очевидно, питая надежду оружие оставить у себя. Некоторые члены совета прямо говорили, что оружия не нужно пропускать. Однако к ночи дело уладилось, организатор встретился с тов. Жлобой, под его руководством собрали пулеметы, набили ленты патронами, получили от него человек пятнадцать смелых ребят и с ними, прицепив вагон с оружием к пассажирскому поезду, привезли оружие на станцию Ханжонково 1 декабря 1917 года.

Оказывается, действительно, за это время рудник три раза занимали казаки; два раза казаки, распропагандированные, уходили сами, а в третий — рабочие обезоружили казачий взвод и объявили на военном положении свой маленький рудничный поселок с прилегающими к нему шахтами.

Оружие было роздано в ту же ночь, как его привезли. Часть оружия отвезли на соседний рудник — Ясиновский, где с июня одним солдатом, вернувшимся с фронта, многие рабочие уже были обучены стрельбе и строю.

Парторганизации Ясиновского и Ханжонковского рудников решили ночью 2 декабря двинуться с вооруженными рабочими на помощь Ростову, послав предварительно разведать, в каком положении там восстание, так как связи с Ростовом не было. В ту же ночь в Ханжонково прибыл один из руководителей восстания, Шаблиевский, который сообщил, что восстание подавлено, что Васильченко, Сырцов, Жаков и другие, повидимому, арестованы [2]).

Было решено организовать маленький штаб для связи и затем стянуть все силы к Никитовке, чтобы оттуда вести наступление на Ростов.

* * *

---

[1]) В этом случае, повидимому, речь идет о районном исполкоме горловско-щербиновского совета рабочих депутатов. Однако сообщаемый автором факт участники революции в этом районе нигде не подтверждают. *(Прим. ред.).*

[2]) Я опустил многие события, предшествовавшие ростовскому восстанию, и ошибки руководителей его, заключавшиеся, главным образом, в отсутствии постоянной связи с шахтными районами, на рабочих которых ростовская организация главным образом и должна была рассчитывать. *(Прим. автора).*

На Ртутном руднике Горловско-Щербиновского района собралось около 2.000 шахтеров, ушедших с названных рудников Донской области [1]). Пришлось спешно приступить к организации питания и формированию регулярной красногвардейской части [2]).

В виду просьбы тов. Егорова, оперировавшего в районе Лозовой против гайдамаков, было решено послать ему красногвардейцев, хоть немного обученных военному делу. Отобрали 480 человек и под командой Жлобы отправили на Лозовую.

Было также принято решение из отступивших и местных шахтеров сформировать полк. Должность командира полка сначала поделили между Соколовым и Маевским как военными людьми. Начальником штаба был А. Фролов, адъютантами — Сериков и Вишняков, интендантами — Середенко и один товарищ с Буросовского рудника, санчастью заведывать поручили одному фельдшеру (фамилии двух последних я не помню), разведкой—К. Коробкину и Кузнецову. Среднего и младшего комсостава еще не было. Полк разбит был по-руднично, по сотням и десяткам.

Есть было нечего, одеваться не во что. Главная забота была добыть продовольствие и обмундирование. На совещании решили обратиться к правлениям различных рудников, у которых были заготовлены для зимы полушубки. Если же добровольно не дадут, решено было реквизировать.

В организационных хлопотах прошла неделя. Наша разведка ездила в Ханжонково и на другие рудники Донской области

---

[1]) Тут же были и красногвардейцы рудников Горловско-Щербиновского, Енакиевского и других районов, также стянутые Бюро ревкомов Донбасса для переформирования; общее число шахтеров вместе с отступившими было более указанного автором. *(Прим. ред.).*

[2]) В это время организовалось Бюро военно-революционных комитетов Донбасса, выделившее из себя впоследствии Центроштаб Красной гвардии Донбасса. Стягивание всех вооруженных красногвардейских сил к Никитовке происходило по инициативе Бюро ревкомов ДБ с целью переформирования их в регулярные части и потом уже для наступления против калединцев. Автор, описывая эти события, больше всего стремился отразить свое личное участие в них, нежели руководящую роль тех центров Донбасса, которые возникли как органы, объединяющие рабочих в борьбе с Калединым. Поэтому редакция, опуская ряд личных и чрезвычайно противоречивых моментов из воспоминаний тов. Фролова, дает место лишь фактической стороне дела. В дальнейшем изложении необходимо иметь в виду, что вся последующая работа по организации первого полка Красной гвардии Донецкого бассейна проводилась Бюро ревкомов ДБ при ближайшем участии многих товарищей, в том числе и А. Фролова. *(Прим. ред.).*

и разузнавала о настроении казаков. Приходили оттуда и женщины, приносили своим красногвардейцам харчи. От них мы узнали, что казаки не решаются итти в Екатеринославскую губернию. Нам это и нужно было, чтобы приготовить силы, связаться с другими районами, куда транспорты оружия шли почти непрерывно.

В средине декабря совершенно неожиданно мы получаем сведения, что на Прохоровском руднике Макеевского района восстание [1]). Каким-то образом им удалось телеграфировать нам. Постоянной и систематической связи установить нам еще не удавалось: там свирепствовал Чернецов, рассылавший свои отряды по всем соседним рудникам.

Сначала эти отряды были из казаков, но затем Чернецов принужден был заменить их, за неблагонадежностью, партизанскими отрядами из юнкеров, кадет и всякого сброда. Особенно этот сброд наседал на Ханжонково и Ясиновский рудник. Однако дальше Ханжонкова, Буросовского и Ясиновского рудников сброд этот пока не лез. И вдруг — на Прохоровском восстание и требование помощи!

Мы существенно ничем пока не могли им помочь. Лучшая, обученная часть шахтеров-красногвардейцев была отправлена со Жлобой к Егорову в Лозовую. Остальные еще находились в стадии организации. Да и оружия было недостаточно, так как многие рабочие бежали в Никитовку прямо с шахт, без оружия. Организовано ушли на помощь прохоровцам только ясиновцы.

Решено было немедленно обратиться за помощью к Антонову-Овсеенко, со штабом которого связь уже была налажена. Помнится, что телеграфировали приблизительно так: „На Прохоровском руднике Макеевки восстание. Идет артиллерийский бой. Необходима помощь и руководство, чтобы не были разбиты шахтеры по частям. Вышлите оружие и регулярную часть".

Нас тоже засыпали требованиями ежечасно. Появились и „беженцы". Антонову-Овсеенко мы телеграфировали несколько

---

[1]) Некоторые интересные подробности этого восстания сообщает Г. П. (Георгиевский) в брошюре „Очерки по истории Красной гвардии", изд-во „Факел", Москва, 1919 г., стр. 92—95. Там же вообще приведены другие подробности действий чернецовских банд в этом районе. Однако общее изложение истории Красной гвардии в Донбассе и ее борьбы с калединщиной крайне запутано, противоречиво и неверно. *(Прим. ред.).*

раз, и, наконец, в одно прекрасное утро нас со Ртутного рудника попросили на станцию Никитовку. Туда прибыл, оказывается, поезд Сиверса[1]). С Сиверсом договорились об обмундировании и комсоставе, получили оружие. Командиром полка был назначен штабс-капитан Шимановский, батальонными командирами — Потапов и Котов.

Срочно обмундировали красногвардейцев, привлекли еще одного прапорщика, разбили полк на три батальона и на соответствующее число рот и принялись за строй. Дня через три наш полк был окончательно сформирован, и мы его назвали „Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк".

Слухи о том, что полк организуется, что он представляет собой силу (значительно большую, чем было на самом деле), распространились по всем соседним районам, где шахтеры также не дремали, вооружались и готовились к схватке с калединцами. Вскоре после сформирования полка в штаб приехали представители из Дебальцево, Несветая и других районов. Дебальцевские товарищи везли изрядное количество винтовок, кажется, прямо из Тулы, а енакиевцы достали не только винтовки, но и броневик.

На скорую руку устроили в штабе совещание. Обсуждали вопросы о главном руководстве, об учете и распределении сил. Просидели ночь и день. Решили общее руководство поручить штабу полка, как наиболее организованной ячейке управления красногвардейскими отрядами. Однако самостоятельность отдельных отрядов решили сохранить, как ни возражал против этого штаб полка.

Штаб настаивал на передаче полку и енакиевского броневика. Не удалось и это: броневик остался в распоряжении енакиевского отряда. События, между тем, развивались своим чередом и пока не в пользу шахтеров. Прохоровцам пришлось оставить рудник, хотя первоначально они и отбили у казаков два орудия.

Постепенно из тех горных районов, где были казаки, все вооруженные силы рабочих стали стягиваться к нам. Мы готови-

[1]) Описываемое восстание на Прохоровском руднике происходило в середине декабря, как указывает А. Фролов, а Сиверс, по утверждению Т. Харечко, прибыл в район в конце января или в начале февраля 1918 года (см. „Літопис Революції" № 5—6, 1927 г.). Тем не менее, установить точную дату появления Сиверса в Донбассе пока не представляется возможным. *(Прим. ред.)*.

лись к планомерному наступлению, но рядом с нами в Гришино[1]) стояла регулярная 3-я кавалерийская дивизия. Она являлась серьезной угрозой, так как офицерский состав в ней был значителен. Переговоры с ней мы повели еще с первых дней организации Красной гвардии в этом районе. Солдат удалось изрядно распропагандировать, но генерал Бискупский (начальник дивизии) и офицерство вели „дипломатию". Нужно было принимать какое-либо решение, иначе они, даже с незначительным количеством бойцов, но с изрядным офицерским составом, всегда были бы угрозой нашему тылу при открытии активных военных действий. Мы и так уже поймали не одного переодетого офицера, пытавшегося пробраться на Дон. Да и в день раздачи оружия в Ханжонково — 1 декабря — их делегация ездила к казакам и была задержана нами на несколько часов.

С другой стороны, с фронта шли казачьи эшелоны, часто прекрасно вооруженные. Никитовка—узловая станция: нас мог разгромить первый же эшелон. Нужно было принимать меры и в этом отношении: эшелоны обезоруживались небольшими отрядами нашего полка до въезда в Никитовку.

Наконец, все было готово к выступлению. Мы не спали несколько ночей. Выбрались с Ртутного на станцию Никитовка. Красногвардейцев разместили по вагонам. Ночью подошли к разъезду Путепровод, откуда послали разведку на Буросовский рудник, находящийся верстах в трех от ст. Ханжонково, занятой бандами Чернецова. Рано утром заняли Буросовский рудник, связались по телеграфу с енакиевцами, по диспозиции наступавшими на Ясиновский рудник, установили батарею, определили места батальонам и на следующее утро, в густом тумане, двинулись в наступление.

Бой возник, как и всякий начальный бой, внезапно. В тумане столкнулись разведчики, открыли стрельбу, после чего ружейный и пулеметный огонь вспыхнул и в цепях. Бой продолжался до вечера, когда енакиевцы забили тревогу, требуя помощи. Как выяснилось впоследствии, на них наступали отборные части юнкеров. Пущенный в дело броневик застопорил и достался юнкерам, не сумевшим, впрочем, его использовать. Некоторые красногвардейцы, неорганизованные, так как у нас не было млад-

[1]) Дивизия расположена была в Гришино только частично; отдельные части ее стояли в Никитовке, Горловке и на других рудниках и в селах Горловско-Щербиновского района. (*Прим. ред.*).

шего и среднего командного состава, держались кучкой, а затем, при виде наступавших юнкеров, в панике разбежались. Защиту до конца вели наиболее выдержанные части красногвардейцев, в числе которых были и военнопленные австрийцы.

Бой был проигран. Получили приказ от Сиверса отойти к Путепроводу. Оттуда полк двинули правее, на Ясиноватую. Там мы дня два производили разведывательные поиски, а затем вновь получили приказ отойти, так как в тылу у нас появилось несколько эшелонов казаков, каким-то образом прорвавшихся с западного фронта не обезоруженными.

Вернулись в Никитовку. Приблизительно в это же время прибыл из Ленинграда отряд Е. Трифонова. Организовалась колонна Сиверса; на участке Дебальцево-Ясиноватая сошлись многие отряды Красной гвардии горных районов, и „Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк" влился составной частью в колонну Сиверса, вместе с которой и брал Ростов. Красногвардейцы Первого донбасского полка оставались ядром и в бригаде Сиверса.

О работе Центроштаба Донецкого бассейна не пишу. Его руководители, за исключением т.т. Ш. А. Грузмана и Д. И. Пономарева, живы, они и напишут о его работе с момента конференции и назначения начальником его тов. Д. И. Пономарева. Скажу только, что в Центроштаб входили уже представители многих районов и далеко не последнюю роль в нем играли петроградцы.

Многие из организаторов первого шахтерского полка в развернувшейся затем гражданской войне честно и геройски сложили свои головы, другие же из активных работников Центрального штаба Красной гвардии Донбасса командуют и по сей час крупными войсковыми единицами Красной армии.

Н. ВИШНЯКОВА (СЕГЕДА) и П. ЛЯЛИКОВ.

БОИ ЗА ОКТЯБРЬ В МАКЕЕВСКОМ РАЙОНЕ [1]).

Берестовская партийная организация большевиков, возникшая еще задолго до войны, имела большое влияние среди рабочих. Рудничный совет рабочих депутатов в большинстве своем состоял из большевиков, в то время как в Макеевке, которая являлась нашим центром, районный исполком совета был меньшевистско-эсэровский.

Когда был назначен II всероссийский съезд советов, макеевский исполком не известил своевременно берестовцев о предстоящих выборах делегации. Узнав об этом, мы срочно отправились в Макеевку для совместного избрания делегатов на II съезд. По прибытии сюда мы потребовали от президиума созыва пленарного заседания исполкома.

Меньшевики Телия и Вознесенский, возглавлявшие исполком, сначала не соглашались с нашим предложением, так как оба они „втихомолку" уже были „выделены" на II съезд, но под нажимом рабочих, которые нас окружали, вынуждены были созвать пленум. Убедившись, что большевики составляют большинство на этом заседании, меньшевики, посоветовавшись, решили в помощь себе призвать из села Макеевки крестьян. Вознесенский отправился в сельсовет, где выбрали 5 делегатов для участия в этом заседании.

[1]) Настоящие воспоминания представляют собою две статьи — одна Н. Вишняковой и другая П. Ляликова (последняя основана на групповых воспоминаниях т. т. С. Офицерова, М. Бровченко, Г. Гаврилова, К. Топчего, А. Козырева, Г. Звонова, И. Трусова, И. Тимченко, М. Козлова и Д. Татаренко), — переработанных редакцией сборника. Редакция дает место этим воспоминаниям по той причине, что Макеевский район был тесно связан в то время с Горловско-Щербиновским и Енакиевским районами, а во время наступления казаков на Ясиновский рудник рабочие названных районов вместе с макеевцами дрались против калединцев. *(Прим. ред.).*

Крестьянские делегаты прибыли из села с наказом выбирать кого угодно, кроме большевиков. Мы провели агитационную обработку крестьянской делегации; результат был таков, что вместо ранее „выбранных" Телия и Вознесенского на съезд поехал один представитель от большевиков и другой от левых эсэров. Таким образом, желание меньшевиков не сбылось и задуманный ими план уехать „потихоньку" не прошел.

Вскоре после этого т. т. Н. Вишнякову и И. Кураженко (Вишняков) макеевский районный комитет большевиков перебросил для работы на Ясиновский рудник, где совет был большевистским.

* * *

На Ясиновском руднике (область войска донского) еще во время войны существовала небольшая группа большевиков, в состав которой входили Юрченко, Ильенков, Алешин, Козлов и Ляликов (последние два вступили в группу уже в 1916 г.). Группа эта была связана с макеевским районным подпольным комитетом большевиков и обслуживалась ранее тов. А. Батовым, а в 1916 г. Михаилом (Острогорским) и в 1917 г. И. Вишняковым.

Работа группы в основном была агитационной; выписывались журналы и газеты революционного направления и раздавались рабочим, которые читали охотно и передавали друг другу, а с помещением корреспонденций о быте рабочих и порядках на Ясиновском руднике многие и беспартийные начали выписывать их. Накануне 9 января ячейкой была разбросана листовка („О 9 января" и „Долой войну"), выпущенная макеевским комитетом. По руднику пошли разговоры: скоро произойдет что-то новое, кто-то что-то подготовляет. Таково было настроение у рабочих ясиновцев перед Февральской революцией.

В конце февраля распространились слухи, что в Питере что-то происходит, а что именно не знали. Ячейка послала представителя (Ляликова) в макеевский комитет узнать, в чем дело (это было 2—3 марта), но уже по дороге Ляликов узнал, что царские министры арестованы и началась революция. Вечером в Макеевке на квартире т. Рябцева созвали партсобрание, уже легальное. Обсудили кандидатуры в совет рабочих депутатов и пошли на выборы, происходившие в школе. Меньшевики (а их в Макеевке было больше, чем большевиков) не хотели дать большевикам столько мест, сколько пропорционально полагалось, однако это им не удалось.

По возвращении на Ясиновку была сделана подробная информация большевистской группе обо всем происшедшем; решили разоружить полицию. Хотя инициатива и принадлежала большевикам, но общая масса рабочих была в таком возбуждении, что роль группы была почти незаметна. Полиция настолько растерялась, что сдала оружие без сопротивления, за исключением урядника, который спрятался и явился уже после выборов комитета, когда и сдал оружие.

Ячейка, насчитывавшая к этому времени 15 человек, не смогла сразу взять руководства в свои руки, главным образом потому, что не было хороших ораторов, а интеллигенция, обладая красноречием, сумела войти в доверие рабочих и пролезть в комитет. Все эти интеллигенты казались на первых порах революционерами, и в комитет, называющийся рабочим, прошли: два инженера, бухгалтер, два штейгера, два попа, даже один мелкий местный помещик, несколько подрядчиков, артельщики, десятники и 4 рабочих, из них два большевика.

Вскоре большевики повели агитацию о том, что состав комитета не годится, и начали требовать переизбрания его[1]). Комитет был переизбран. В нем остались только два наиболее ловких интеллигента, но фактическое руководство перешло в руки большевиков. Так как других организаций на руднике больше не было, то большевистская ячейка начала быстро расти и брать под свое влияние все существующие организации: милицию, кооператив, всякие комиссии и т. п. Многие из нас научились кое-как ораторствовать, и дело пошло вперед быстрыми шагами.

Но на руднике начинают появляться представители других партий, хорошие „ораторы". В результате в мае месяце организовалась „партия" (так тогда называли каждую ячейку) эсэров, которая, протянув с трудом два месяца, рассыпалась. Многие из входивших в нее рабочих перешли к большевикам.

Интеллигенция не считала себя партийной, но в своих выступлениях всегда громила большевиков, а „ораторствовали" они все, в том числе попы, и не только сами, но даже их жены и дети. Мы длинных речей произносить не умели, но ясность большевистских лозунгов давала нам перевес над противни-

[1]) На Ясиновку приезжали т. т. Лутовинов, Залмаев, Финоген Никифоров, Мельников и другие. Все они оказали большую помощь в работе ячейки и привитии большевистских идей рабочим рудника.

ком, а с некоторыми, чувствуя свою силу, мы поступали просто грубо. Так, например, эсэр из Енакиево, доктор Товшевадзе, говорил хорошо и долго, и его охотно слушали. Нам это показалось невыгодным. Председателем был большевик; он попросил его кончить. Товшевадзе продолжал говорить, не обращая внимания на замечание председателя. Мы окружили его и запели песни. Один из товарищей толкнул ногой табуретку, на которой он стоял, оратор упал, поругался и уехал.

Рабочие выписывали, главным образом, большевистские газеты. Из Таганрога эсэры присылали на имя комитета свои, но мы их жгли. После разгрома большевистской „Правды" на восстановление ее и на издание харьковской газеты „Пролетарий" мы собрали среди рабочих и выслали 1.400 рублей.

После июльских дней в Питере нажим со стороны меньшевиков и эсэров усилился; они клеймили нас предателями, агентами немцев, шпионами и т. д. Многие из рабочих, близкие к большевикам, начали колебаться. Но это прошло очень быстро, большевизм снова стал авторитетным, и ячейка начала расти еще быстрее и насчитывала уже около 200 чел. Председателем ее был Ляликов. Собирались на квартире у тов. Антонова, но так как там было тесно, мы отобрали помещение биллиардной у торговца Гопы, бывшего жандарма и шпика.

После июльских дней мы приступили к организации профсоюза горняков. В союз записывались поголовно все рабочие, избрали председателем Ляликова, а для практической работы пригласили Груню Залмаеву (убита во время гражданской войны). Когда же к нам приехали товарищи А. Соколов и И. Вишняков с женой (они были хорошие ораторы), дела у нас пошли еще успешнее. Мы убедили местных крестьян не платить за арендуемую у помещиков землю и отвести лучшие участки бедноте, что крестьяне и сделали.

Ясно сознавая, что надо готовиться к вооруженной борьбе с казачеством, мы решили создать Красную гвардию и вооружить ее. Для этой цели начали собирать деньги, на что рабочие шли охотно. Зарегистрировали имеющееся оружие: оказалось около 100 револьверов и 6—7 винтовок. Командировали в Питер четырех человек за оружием: т. т. Вишнякова, Самойлова, Змиева и Гринчукова, которые и привезли с Сестрорецкого завода около 60 винтовок. Так как это было еще в августе-сентябре месяце, то везли их в разобранном виде, опасаясь

агентов Керенского. Тов. Соколов начал обучать красногвардейцев, которых было человек 200; винтовок же, собранных разными способами, было всего около 100 штук.

Большевики к этому времени на Ясиновке так укрепились, что в Макеевке наш рудник шутя стали называть вторым Кронштадтом. Количество членов ячейки выросло до 500 человек. Рабочий комитет был снова переизбран и обольшевичился еще больше. Председателем был т. Юрченко, активными членами — т.т. Ильенков, Антонов, Печеркин и др. Даже пленные австрийцы сочувствовали большевикам, и один из них записался в партию.

Жалованье рабочим не платили с августа месяца. Инженер Оловягин объяснил, когда на него нажали, что он ничего не может сделать, что денег не присылают из Петербурга, где находилось правление предприятия. Тогда рабочие решили послать Ляликова за деньгами, но денег привезти не удалось, так как в Питере только-что произошел Октябрьский переворот.

После Октября мы начали действовать еще энергичнее. Послали снова за оружием в Москву т. т. Бровченко, Валющука и Гринчукова, но достать там оружие не удалось. Тогда эти товарищи поехали в Киев, где Центральная Рада и киевский исполком приняли их очень вежливо, но оружием не снабдили. Пришлось вернуться ни с чем. В декабре на станцию Никитовка прибыло несколько вагонов оружия для массового вооружения рабочих Донбасса. Через несколько дней оттуда привезли один пулемет и 500 винтовок, которые и роздали рабочим, основная же база оружия была на Ртутном руднике.

Стало известно, что контр-революция готовится к выступлению и что главный инженер и еще кое-кто имеют оружие, пулеметы и винтовки. Произвели обыск, однако ничего не нашли. Организованный на руднике ревком из пяти человек (Соколов, Вишняков, Ляликов, Цепелевский и Богданов) установил в погребе солдатки Лукерьи Рачковой телефон, связав его с прямым проводом, для перехватывания сообщений контр-революционного казачества, о чем знал только узкий круг наиболее активных и твердых товарищей.

Когда белогвардейские казачьи банды, под командой известного Чернецова, впервые напали на Макеевку и хотели разоружить милицию, вооруженные красногвардейцы Ясиновского рудника направились в Макеевку, чтобы дать отпор казакам.

Но на полдороге наш отряд получил сообщение, что казаки, испугавшись наступавших со всех сторон вооруженных отрядов рабочих, отказались от своего намерения и ушли. Наш отряд вернулся обратно [1]).

Однако через некоторое время к нам в Ясиновку были посланы казаки для восстановления якобы нарушенного порядка и охраны рудника. Исполнительный комитет поступил таким образом: с казаками устроили совместное заседание, рассказали им, чего мы хотим и добиваемся, за что продолжаем борьбу. После этого, накормив их обедом, устроили митинг, на который собрались рабочие рудника и крестьяне из ближайших сел. На митинге выступал ряд казаков и рудничных товарищей. Казаки говорили, что здесь на руднике им делать нечего, ибо сами рабочие умеют оберегать свое добро. Уходивших с рудника казаков рабочие провожали с музыкой и всякими братскими пожеланиями, казаки же обещали рабочим, в свою очередь, не итти против них и рассказать всем казакам, что они увидели на руднике и чего хотят рабочие.

Как мы узнали впоследствии, казаки, по приезде в свою сотню, за агитацию в казармах были арестованы Чернецовым и препровождены в тюрьму. Таким образом, первая попытка отдельных распропагандированных нами казаков выступить против надвигающейся контр-революции не увенчалась успехом.

Вскоре казаки снова пришли к нам, но уже под командой хорунжего, опять с той же целью установить свою охрану на руднике, телефонной станции и т. д. Когда рабочие увидели казаков, они обратились к членам исполнительного комитета. У исполкома собралась толпа. Состоялось заседание исполкома совместно с казаками, которым предложили остаться на руднике только при том условии, если они будут работать наравне с рабочими, а оружие сдадут исполнительному комитету. Хорунжий колебался, не зная, что предпринять: уехать или

[1]) Т. Харечко в журнале „Літопис Революції" № 5 — 6, 1927 г., стр. 136, об этом же событии сообщает: „Совет был разогнан чернецовской бандой. Но возмущенные рабочие всего Макеевского района под угрозой затопления шахт принудили Чернецова покинуть рудники".

И. Вишняков, в том же журнале № 2, 1928 г., стр. 228, в общем подтверждает это событие, но сообщает новые детали: что совет был разгромлен, порваны знамена и разоружена милиция. И тот и другой вообще освещают этот период борьбы ясиновцев несколько иначе, расходясь в различных деталях. *(Прим. ред.).*

остаться. Имея задание от высших властей, он боялся возвратиться, не выполнив его, но, видя, что на руднике находится Красная гвардия, решил уехать.

Казачьи власти не унимались, и в следующий раз прислали 25 казаков под командой казачьего офицера из Новочеркасска[1]) с заданием ни в коем случае не возвращаться с рудника без установления охраны. Но у нас на телефонной станции и у ворот рудника всегда была своя стража из красногвардейцев, которая не дала казакам занять ни одного уголка без ведома исполкома. Тогда казаки обратились к заместителю управляющего рудником — инженеру Путилину; тот даже не захотел разговаривать с ними. В конторе было созвано заседание, на котором присутствовали председатель исполкома, председатели и секретари профессиональной и партийной организаций, управляющий рудником и казачий представитель. Последнему заявили, что казаки должны уехать, так как рабочие сами могут охранять свое рудничное хозяйство и обойдутся без их помощи; даром хлеба есть рабочие не дадут им, а селяне также не дадут корма для лошадей. Казачий офицер на это ответил, что ему из штаба был дан строгий приказ, в случае невыполнения которого он будет подвергнут аресту, а потому и не может уехать обратно с рудника без разрешения из Новочеркасска. Мы обещали офицеру дать такую „грамоту", которая спасла бы его от ареста. В Новочеркасск было отправлено отношение, которое подписал председатель исполкома тов. Антонов и секретарь Н. Вишнякова. В бумажке говорилось, что мы не нуждаемся в охране, так как сами справимся со всеми задачами.

Казаки уехали, но злоба у них против нас еще больше разгорелась. Калединским штабом был дан еще раз приказ о захвате рудника и разоружении рабочих, а в случае сопротивления предлагалось стереть рудник с лица земли. Казаки в первых числах декабря двинулись в наступление.

Вся Красная гвардия Донбасса собралась тогда в Горловско-Щербиновском районе (ст. Никитовка и Ртутный рудник), куда и отступили наши красногвардейцы в количестве 600 человек.

Красная гвардия в первые дни не имела продовольствия, и поэтому пришлось проводить широкую работу среди крестьян, чтобы собирать его. В результате проведенной агитации среди

[1]) Тов. П. Ляликов утверждает, что приехал „сам" Чернецов с 50 казаками. *(Прим. ред.).*

крестьян они собрали в несколько часов до двадцати подвод продовольствия для красногвардейцев и направили его в Горловку—Никитовку.

На Ртутном руднике командование над ясиновским отрядом принял тов. Жлоба. Сюда прибыли и макеевские отряды под командой Рыклюса. Был здесь и отряд анархистов. Началом наших действий явился захват санитарного поезда, едущего с фронта куда-то на Дон. Вскоре ясиновский отряд под командой тов. Жлобы был переброшен в Лозовую, где начал разоружать эшелоны казаков, едущих с фронта.

24 декабря соединенный красногвардейский отряд енакиевцев и горлово-щербиновцев получил приказ занять Ясиновский рудник, что и было выполнено. Утром 31 декабря калединцы при двух орудиях и четырех пулеметах начали наступление на Ясиновский рудник. Красногвардейцы имели броневик с двумя пулеметами и отдельно еще два пулемета. Орудий не было. Многие красногвардейцы не умели обращаться с оружием, и были случаи, когда один другого просил зарядить винтовку. Местности тоже не знали; к тому же истощился запас бензина, и броневик бездействовал. Все же казаки ворвались на рудник только к вечеру, имея убитых и раненых около 100 человек, тогда как красные потеряли только четырех человек. Потери казаки понесли, главным образом, от пулемета, установленного на породе возле шахты № 7; из него стрелял очень хороший пулеметчик (установить фамилию пулеметчика не удалось: одни говорят — австриец, другие — енакиевский рабочий, старый солдат).

Ворвавшись на рудник, казаки сразу вызвали из казармы пленных австрийцев, выстроили их (человек 50) в ряд и тут же расстреляли из пулемета. Потом бросились по квартирам рабочих — отыскивать мужчин. Тут же на глазах у семьи расстреливали или кололи штыками, рубили шашками. „Герои" Каледина не щадили и рабочих, поднимавшихся на поверхность после работы в шахте.

Многие семьи рабочих с начала боя ушли в деревню, так как рудник расположен у самой деревни; другие прятались в погребах, в тунелях на коксовых печах. Казаки грабили вещи в квартирах, забирали коров, свиней и т. д., сожгли контору и уже в потемках согнали всех на площадь возле церкви, оцепили и расставили по улицам пулеметы. Начали вызывать из толпы красногвардейцев, большевиков и великороссов. Никто

не отозвался. Тогда казаки начали сами отбирать рабочих от крестьян, руководствуясь, главным образом, костюмами. Набрав 35 человек, казаки вывели их за село, на гору, и расстреляли. Из 35 человек трое остались живы, в том числе и старик Морозов; они воспользовались темнотой и, раненые, ползком убрались с места расправы. Если в бою погибло 3—4 человека, то вырезали и расстреляли казаки 117 человек, из которых было 14 человек енакиевцев, остальные ясиновцы.

Когда под напором отряда Сиверса казаки отступили, Соколова, Кураженко и Н. Вишнякову макеевская партийная организация командировала обратно на Ясиновский рудник для восстановления его. Там была мрачная картина: хлеба не было, угля также, рудник был погружен в темноту.

Центроштаб Красной гвардии выдал 20 тысяч рублей для помощи семьям расстрелянных. Принялись за работу. Через три дня на руднике засветился свет, шахта задымила, достали хлеба, и трудовая жизнь забурлила. Началась подготовка к новой борьбе.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Л. РОЖКОВ.

ШАХТЕРЫ ДОНБАССА В БОРЬБЕ С КАЛЕДИНЩИНОЙ [1]).

Октябрьская революция вызвала многомиллионные массы эксплоатируемых на беспощадную борьбу со своими классовыми врагами. Под общим напором рабочего класса на развалины рухнувшего в феврале 1917 года царского строя в Октябре были нагромождены новые развалины, похоронившие под собою буржуазный строй. Выбитые из своих вековечных гнезд, построенных потом и кровью трудящихся, капиталисты и помещики в зверином страхе бежали из центров, охваченных пламенем пролетарской революции. Классовое чутье гнало потерявшую свое благополучие буржуазию на Дон, чтобы тут искать спасения и поддержки у атамана Каледина в борьбе против восставших „рабов" и их вдохновителей — большевиков.

Каледин, избранный (в декабре 1917 г.) большим войсковым кругом крупных собственников-казаков в войсковые атаманы, был ярый реакционер и убежденный монархист. Эта репутация установилась за ним еще на Московском совещании в августе 1917 г. Заклятый враг рабочего класса и большевиков, Каледин создал в Новочеркасске центр, в котором сорганизовались все контр-революционные элементы, начавшие жестокую борьбу с советской властью.

Ближайшим центром, куда был направлен первый удар донской контр-революции, естественно, являлся Донбасс, что вызывалось рядом обстоятельств. Во-первых, Донбасс, как крупнейший пролетарский центр, служил могучей опорой советской власти, мощным источником революционных сил, готовых по

[1]) Редакция помещает настоящую статью на том основании, что значительная часть ее посвящена борьбе рабочих нынешнего Артемовского округа. Статья эта в свое время была опубликована в газете „Коммунист" (октябрь—ноябрь 1927 г.) на украинском языке. В сборнике статья публикуется в переработанном виде. (*Прим. ред.*).

первому призыву стать на защиту Октябрьских завоеваний. В этом смысле Донбасс представлял определенную опасность для „русской Вандеи", особенно в процессе накапливания на Дону сил для свержения советской власти. Поэтому необходимость нанести Донбассу сокрушительный удар, пока рабочие не сорганизовались в солидную вооруженную силу, напрашивалась сама собою.

Во-вторых, не менее важно было для Каледина разрушить каменноугольную промышленность Донбасса, чтобы, лишив советские фабрики и заводы топливных ресурсов, экономически ослабить, а потом и совсем уничтожить молодую Советскую республику [1]).

Расчеты донской контр-революции были совершенно ясны для донбасских шахтеров, которые с первых же дней Октябрьской революции начали готовиться к борьбе с реакционным казачеством. Подготовка началась с организации Красной гвардии. Одними из первых, еще в августе 1917 г., стали на этот путь макеевская и горловско-щербиновская большевистские организации.

Интенсивная организация боевых сил шла в Енакиевском, Краматорском, Константиновском, Дружковском, Соляном, Лисичанском, Гришинском и других районах.

В конце ноября 1917 г. в Дебальцево происходила вседонбасская конференция рудничних комитетов, которая признала необходимым повсеместную организацию рабочих отрядов Красной гвардии и выделила специальный орган для руководства этой работой и подыскания оружия. Всюду рабочие с редкой готовностью и энтузиазмом записывались в Красную гвардию.

В Луганске — одном из крупнейших рабочих центров Донбасса — Красная гвардия была организована еще в августе месяце. Луганские красногвардейцы получили первое боевое крещение в корниловские дни. Красная гвардия выступила на границу Дона с целью задержки белогвардейских казачьих частей, в случае попытки с их стороны наступать на Луганск. Первый бой произошел между станциями Глубокой и Каменской. В бою было убито 11 красногвардейцев. Дополнительный отряд красногвардейцев, посланный на помощь, обратил в бегство казачьи части.

[1]) Не меньшее значение имело и то обстоятельство, что Донбасс в целом и Артемовский округ в частности находились в непосредственном территориальном соседстве с Доном, не говоря уже о той части рудников бассейна, которая была расположена на самой территории Дона. (*Прим. ред.*).

В декабре 1917 года все эти отряды красногвардейцев объединил Центральный штаб Красной гвардии Донецкого бассейна, организованный Центральным бюро военно-революционных комитетов Донбасса. Местопребыванием этих двух организаций была Никитовка, ближайшая к указанным районам узловая станция железной дороги, и Ртутный рудник; тут же были сосредоточены склады оружия, которое вагонами прибывало непосредственно из Тулы и других мест, тут же были и пролетарские „интендантские" склады с продовольствием и обмундированием.

Вначале донская контр-революция, выступая против рабочих Донбасса, действовала осторожно. В этом отношении весьма характерна речь генерала М. П. Богаевского (председатель объединенного правительства Донской области) на III большом войсковом круге, происходившем в Новочеркасске в начале декабря 1917 года.

„25 октября,— говорит Богаевский,— мы объявили военное положение в Макеевском районе. Это вызвало там большое волнение, но затем все успокоилось, когда рабочие увидели, что мы на их свободу не покушаемся. Не надо забывать, что наш угольный район — самый важный теперь в России. Между тем, рабочая масса толкалась там на эксцессы людьми, которым место на скамье подсудимых. Рабочие в угольном районе еще с самого начала революции вооружились всеми возможными способами. Если казаки удержались в Макеевке, то это потому, что они не вмешивались в местную общественную жизнь".

Точно так же и Каледин „отчитал" впоследствии есаула Чернецова за его вызывающие действия в Донбассе, предложив ему „не вмешиваться в отношения между трудом и капиталом"... до поры, до времени.

Собственно, первые „пробные" попытки наступления на Донбасс калединских банд начались еще в октябре месяце под командой головореза есаула Чернецова. Краткое сообщение „Донецкого Пролетария" (№ 2 от 3 ноября 1917 года) гласит: „В Екатеринославе и Луганске власть перешла к СРД, в Донской области хозяйничает Каледин. В Макеевке и Горловке[1]) советы разогнаны. Из других мест сведений нет".

[1]) Это ошибка, происшедшая, повидимому, благодаря неточным сведениям „Донецкого Пролетария". Горловский совет никем и ни разу не разгонялся, вплоть до отступления красных от немецко-гайдамацких войск в 1918 г. (*Прим. ред.*).

Подробнее этот момент (в воспоминаниях участников борьбы с калединщиной) рисуется следующим образом. Первый налет казачьих банд был совершен на ст. Иловайскую. Разогнав совет, порвав знамена и уничтожив всю обстановку, казаки изрубили около 20 рабочих, трупы которых бросили в сорные ямы, и двинулись дальше на Макеевку. Разгромив и тут совет, казаки арестовали членов его, но, вследствие настойчивого требования рабочих, вынуждены были их освободить, в противном случае рабочие угрожали поголовным выступлением против банды. О налете на Макеевку было сообщено на ближайшие рудники. Красногвардейцы Ясиновского рудника поспешили на помощь макеевцам, выступили рабочие и других рудников; банда, почуяв опасность, скрылась в направлении Харцызска и Таганрога [1]). Налеты калединских банд были разновременно произведены на Макеевский и Юзовский районы (Ханжонково, Ясиновский, Прохоровский и др. рудники), а также и на ст. Дебальцево и т. д. Почти всякий раз налеты эти сопровождались кровавыми жертвами со стороны рабочих.

Революционный комитет Екатерининской железной дороги заявил протест против действий казаков в телеграмме от 1 ноября 1917 года следующего содержания: „По распоряжению штаба донского войска полосы отчуждения Екатерининской железной дороги, входящие в район Донецкого бассейна, занимаются казачьими войсками, которыми взяты под контроль телеграфные станции. Такие захватные шаги казачьих войск мешают им (телеграфным станциям.— *Ред.*) исполнять в такой критический момент свой служебный долг, что не замедлило отразиться в отрицательной степени на добыче и вывозе угля из Донецкого бассейна. Главный комитет Екатерининской железной дороги требует во имя спасения родины немедленно принять решительные меры к выводу войск из полосы отчуждения Екатерининских железных дорог“ [2]).

Калединцы ушли, но, конечно, не под влиянием этого протеста, а будучи неуверенными в своих силах; это были только первые шаги донской контр-революции, нерешительно нащупывающей почву. Силы, на которые опиралась калединщина, были

---

[1]) См. в сборнике воспоминания т. т. Н. Вишняковой и П. Ляликова (стр. 274), а также А. Фролова (стр. 266).

[2]) „Южный Край“ от 3 ноября 1917 года.

еще слишком недостаточны, чтоб наступать широким фронтом на донецких рабочих.

Со всех мест Донской области поступали сведения о неповиновении Каледину казаков и солдат. В их среде совершенно открыто велась агитация против офицеров и генералов. Фронтовое казачество первое время определенно враждебно относилось к затеянной Калединым борьбе с советской властью. Казакам фронтовикам было ясно, что Каледин организованную им внушительную и надежную в классовом отношении боевую силу, состоящую из юнкерских и офицерских элементов, использует сначала для разгрома рабочих организаций в Донбассе, а потом направит ее против неповинующихся ему казачьих полков.

III войсковой круг, благодаря преобладанию сторонников Каледина, избрал последнего „командующим вооруженными силами Дона". По существу это означало, что Каледину с его золотопогонным офицерством давалось право единоличной власти и совершенно аннулировалась основная сила фронтовиков— полковые комитеты, претендовавшие на руководство революционно настроенными казачьими частями. Каледин мог теперь приказать фронтовикам пойти в наступление против большевиков.

Между тем, фронтовое казачество, измученное империалистической войной, жаждало мира и было решительно настроено против гражданской войны с трудящимися. Поэтому отдельные представители его и предлагали послать от имени войскового круга делегатов в Совнарком, чтобы мирным путем уладить конфликт между Москвой и Доном, а до выяснения результатов этих переговоров не начинать никаких враждебных действий против большевиков.

При таком положении неудивительно, что казаки, возвращавшиеся с фронта через Донбасс, держали себя по отношению к рабочим организациям вполне нейтрально. Так, например, проходившему в это время через Енакиево казачьему эшелону революционный комитет предложил сдать оружие, все трофеи и амуницию. На созванном совместном митинге проведена была соответствующая обработка, и казаки, несмотря на протест своего офицерства, сдали все оружие ревкому.

По инициативе Центроштаба Красной гвардии Донбасса на узловых станциях: Дебальцево, Горловке, Ясиноватой и Никитовке и прочих, были устроены так называемые „заслоны" для разоружения казачества и других частей, возвращавшихся

с фронта на Дон, Кубань и в иные места. Например, на ст. Горловка было обезоружено 4 эшелона оренбургских казаков. Разоружение в большинстве случаев проходило успешно, без сопротивления со стороны разоружаемых.

К концу ноября положение изменилось. Вспыхнувшее в Ростове восстание рабочих было Калединым подавлено, и в декабре 1917 года усилилась расправа калединских палачей с рабочими Донбасса, „робко" начатая еще в октябре—ноябре бандой Чернецова.

Положение Красной гвардии Донбасса было в то время чрезвычайно тяжелым. Стояли сильные морозы, рабочие же, хотя и вооруженные, были почти голые и босые. Продовольственный кризис все более обострялся. Правда, положение несколько облегчилось: через Никитовку проходил санитарный поезд им. принца Ольденбургского, направлявшийся на Дон. Поезд остановили и все обмундирование, продовольствие, находившееся там в довольно большом количестве, досталось Красной гвардии. Позже были захвачены еще два поезда, шедшие на Дон: один технический, а второй санитарный, имени императрицы Марии Федоровны; имущество с этих поездов было использовано для Красной гвардии, а сопровождавшие их команды разоружены и распущены.

Тяжелое положение не помешало рабочим Донбасса проявить изумительную храбрость и глубокую революционную сознательность в борьбе с калединщиной. Настоящее, организованное наступление казаков началось приблизительно 23 декабря со стороны Таганрога на район Макеевка—Юзовка. Наиболее ярким эпизодом этого периода является бой на Ясиновском руднике. Приблизительно 29—30 декабря появились тревожные вести о том, что на Ясиновский рудник наступают казаки. По приказу Центроштаба Донбасса из ближайших рудников начали стягиваться отряды Красной гвардии на помощь ясиновцам. Рабочие по призыву тревожного гудка бросали работу, хватались за оружие и подчас вместе со своими сыновьями отправлялись на помощь красногвардейцам. Бой длился 12 часов; в результате этого боя красные все же вынуждены были отступить...[1])

Однако начавшееся наступление красногвардейских частей под командованием Сиверса, прибывшего со своим войском из

[1]) См. об этом в настоящем сборнике воспоминания т. т. Н. Вишняковой и П. Ляликова (стр. 274) и А. Фролова (стр. 266). (*Прим. ред.*).

штаба наркома по борьбе с контр-революцией Антонова-Овсеенко, вскоре очистило этот район от белогвардейских банд. Некоторая часть рабочих отрядов Красной гвардии, сосредоточенных на Ртутном руднике и станции Никитовке, под общей командой тов. Жлобы отправилась в Лозовую для борьбы с гайдамаками еще до боя на Ясиновском руднике.

Примерно в это же самое время (январь 1918 г.) одна из частей войск тов. Антонова-Овсеенко в количестве 2000 человек, хорошо вооруженных, с орудиями и броневиками, находилась в Луганске. Командир этой части войск Саблин предъявил казачьему полку, стоявшему в станице Луганской, ультиматум: в течение 24 часов сдать орудия и пулеметы, оставив себе только винтовки, и пропустить его часть на Дон для ликвидации засевшей там контр-революции. Еще до истечения срока в луганский совет явилась делегация от указанного полка с просьбой продлить срок ультиматума, в виду того, что в Каменской заседает съезд казаков-фронтовиков, на котором решается вопрос о власти на Дону. Так как луганскому совету ничего не было известно про съезд в Каменской, были запрошены Харьков и Москва. Но и там ничего не знали об этом. Тогда луганский исполком совместно с Саблиным решили продлить срок ультиматума еще на 24 часа. Через несколько часов в исполком явился подхорунжий и сообщил, что он является секретарем областного донского военно-революционного комитета, избранного на съезде. Он сообщил, что съезд состоял из представителей 24 фронтовых казачьих частей и что переговоры представителей донского военно-революционного комитета с Калединым ни к чему не привели, поэтому необходимо послать из Луганска помощь Каменской, в целях отражения возможного наступления Каледина.

Саблин, не медля ни минуты, двинул свои силы по Северо-Донецкой железной дороге на Лихую, Дебальцево и Зверево, а секретарь донского ВРК отдал приказ командиру полка, расположенного в станице Луганской, Голубеву (тоже участник казачьего съезда) отправиться в Каменскую для охраны последней. Отряд луганской Красной гвардии в количестве 350 человек занял участок железной дороги Луганск-Миллерово. Здесь красногвардейцами было арестовано много офицеров, направлявшихся на Дон, и препровождено в луганскую тюрьму [1]).

[1]) Из воспоминаний тов. Штанько. *(Прим. автора)*.

Таким образом, Луганск, не испытав ужасов калединщины, принятием этих мер немало способствовал предотвращению нашествия белогвардейских банд.

Борьба с калединщиной до начала 1918 года шла с переменным успехом. Начиная с января, положение меняется в пользу советских войск, наступающих на Дон. Героическими усилиями рабочих, массами записывавшихся в Красную гвардию, калединские казаки были совершенно вытеснены из Донбасса.

Наступление Красной гвардии Донбасса на донскую контрреволюцию шло по железной дороге в двух направлениях: 1) Дебальцево-Зверево и 2) Иловайская-Таганрог. Красные наступали густыми колоннами, подавляя незначительные офицерские отряды своей массой, но отнюдь не удачной военной тактикой, так как красное командование тогда значительно уступало белому.

Положение внутри самой Донской области становилось критическим для Каледина. Донской военно-революционный комитет объявил правительство Каледина низложенным и после некоторого раздумья признал власть советов.

15 января депутация донского областного военно-революционного комитета во главе с Подтелковым, пользовавшимся огромным авторитетом среди казаков, отправилась в Новочеркасск для переговоров с Калединым. В это время станция Каменская была занята отрядом Чернецова. Но вернувшийся из Новочеркасска Подтелков со своим отрядом окружил белогвардейцев и собственноручно зарубил есаула Чернецова.

Вскоре, благодаря занятию красными Таганрога, а потом и Ростова, был положен конец калединщине. Так героическими усилиями почти одних донбасских рабочих, организованных в отряды Красной гвардии, была ликвидирована первая контр-революционная попытка удушения молодой Советской республики.

ПРОФСОЮЗЫ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ [1]).

Под руководством партии и при активном участии т. Артема донбасские рабочие создали свою Донецко-Криворожскую республику, кровью лучших защищали ее от Каледина и украинской националистической контр-революции, а впоследствии от немцев, приглашенных Центральной Радой для восстановления „порядка", нарушенного большевиками.

Когда немецкие войска заняли ст. Никитовку, то рабочие этого района весьма нелюбезно приняли „гостей". Красногвардейские отряды из горловских, енакиевских и щербиновских горняков упорно защищали свои Октябрьские завоевания. Под Никитовкой немцам был дан бой, в котором погибло 13 горловских горняков. Но устоять против хорошо вооруженных и дисциплинированных отрядов оккупантов повстанцы не смогли и отступили, оставив заводы и шахты немцам.

Интересную встречу оказали немцам горловские металлисты. По приказу совета рабочих и крестьянских депутатов, рабочие Горловского артиллерийского завода накануне прихода немцев приступили к эвакуации своего завода.

Эвакуацией руководил завком. Для погрузки в вагоны заводского имущества был привлечен нетрудовой элемент. Хотя меньшевистско-эсэровские элементы завода препятствовали эвакуации, 87 вагонов с заводским имуществом все же были отправлены в Самару, в адрес высшего совета народного хозяйства.

Немцев встретили пустые корпуса. Обозленные, они кинулись искать виновных, разгромили помещение завкома, разбросали делопроизводство его, вскрыли кассу. Но их ожидало разочарование. 17.000 рублей, ранее находившиеся в кассе, были на руках у оставшихся членов завкома для помощи безработным рабочим.

[1]) По материалам Артемовского Окристпрофа, в обработке редакции сборника.

Вместе с немецкими оккупантами пришли и отряды гайдамаков. Едва они вступили на территорию округа, как началась порка рабочих шомполами.

За весь период оккупации и гетманщины наиболее крупным событием на Артемовщине была стачка горловских горняков.

Приводим здесь материал о том, как возникла и протекала эта стачка [1]):

„После ухода Красной гвардии пришли сначала германцы, потом австрийские войска, а вместе с ними украинский комендант Ляхович, который терроризировал рабочих, введя телесное наказание шомполами. 27 мая украинские и австрийские власти созвали общее собрание, на котором совместно с представителем администрации, инженером Новицким, заявили рабочим, что за время национализации деньги им уплачены не будут. Профессиональный союз призвал рабочих и служащих к работе, а администрации заявил, что неуплата рабочим денег к 1 июня вызовет объявление забастовки. Угроза эта не подействовала на администрацию и, после месячных безуспешных переговоров, 1 июля общим собранием членов союза Горловского района была объявлена забастовка на почве неуплаты полностью заработка за март и апрель месяцы и вследствие несогласия рудничной администрации производить расчеты и разрешать конфликты в примирительной камере. На этом бурном собрании присутствовали представители германского командования, державной варты и администрации.

„В своих воспоминаниях о том, как возникла горловская забастовка этого периода, тов. Луговой рассказывает, что, во избежание разгрома союзной организации, районным правлением „Горнотруд“ было решено держаться такого порядка, дабы скрыть истинных организаторов стачки. С этой целью было постановлено, чтобы представители союза открыто на собрании не призывали рабочих к забастовке. Подготовительные же работы велись через особых уполномоченных, выбранных по каждой линии (улице). Последние были предупреждены союзом о том, чтобы они немедленно информировали рабочих, что когда будет поставлен вопрос о забастовке на голосование, то все рабочие, как один, должны голосовать за продолжение стачки, впредь до того, пока администрация не уплатит заработок за два истек-

[1]) Цитируем по сборн. „Пять лет союза горнорабочих в Донбассе“, стр. 49 — 51, издание донецкого губотдела ВСГ. Артемовск, 1925 г.

ших месяца. Кроме того, рабочим было разъяснено, что союз не выступает активно для того, чтобы не дать возможности властям вырвать из среды союза руководителей и организаторов забастовки.

„Несмотря на предложение представителей администрации и германского коменданта приступить к работам, голосование высказалось за забастовку. По словам тов. Лугового, вопрос им был поставлен в такой форме: „Кто за то, чтобы завтра приступить к работам, — прошу поднять руку". Руки никто не поднял, и, таким образом, забастовку единогласно решили продолжать. После этого тов. Луговой сделал заявление, что, во избежание превращения забастовки в „мертвую" стачку, правление союза руководство ею берет на себя.

„Так как призывы правления союза поддерживать хотя бы водоотливы на рабочих не подействовали, то последнее вывесило от имени областного правления союза объявление, где было указано, что „мертвые" забастовки запрещены союзом „Горнотруд", а потому предлагалось товарищам, работающим на коче-гарке, водоотливах и электростанции, ни в коем случае не оставлять своих постов. Это оказало свое влияние, хотя указанные работы часто и покидались и районному правлению приходилось неоднократно призывать к работе покидавших посты.

„Избрав два стачечных комитета (один из них про запас, на случай ареста действующего), районное правление союза „Горнотруд" предъявило дирекции Южно-русского каменноугольного общества следующие требования: выплатить зарплату за те два месяца, за которые администрация упорно не хотела платить рабочим, при условии, чтобы из этих сумм не удерживались авансовые выдачи последующих месяцев; уплата за дни забастовки; введение шестичасового рабочего дня для служащих и некоторые другие мелкие требования.

„На другой или на третий день дирекция вступила в переговоры с союзом, но вместе с нею явились германский комендант и представитель германского угольного бюро. Правление союза отказалось вести переговоры в присутствии немцев. Через два дня промышленники снова вызвали представителей союза для переговоров, но здесь уже немцев не было, зато появился пристав державной варты. Эти переговоры также ни к чему не привели; дирекция соглашалась уплатить рабочим только за один месяц, но с удержанием авансов, а от исполнения

остальных требований категорически отказалась. Так тянулась эта волынка до 10 июля. Часть рабочих ушла на мелкие, крестьянские шахты, остальные, поддерживаемые союзом и выдачей им бесплатно хлеба, мяса и сахара из кооператива, продолжали бастовать.

„Наконец, правление союза еще раз было вызвано дирекцией, которая заявила, что считает всех рабочих рассчитанными, о чем и вывесила на другой день объявление, предлагая желающим приступить к работам и подать о том заявление. Однако на работу никто не вышел, и забастовка приняла во всем районе затяжной характер.

„Тогда харьковское областное правление союза „Горнотруд" вмешалось в ход забастовки в Горловке и туда были посланы сначала тов. Галузин, а затем тов. Мышкин. Последний был приглашен в немецкое бюро, где ему заявили, что против забастовщиков будут приняты репрессивные меры, вплоть до высылки определенного числа рабочих на принудительные работы в Германию. *К этому времени стачка продолжалась уже 21 день. Ультимативное требование немецкого бюро и неумелое вмешательство областного правления союза в стачечное движение горловцев внесло дезорганизацию, и к концу забастовки только три рудника Южно-русского каменно-угольного общества держались сравнительно стойко. По настоянию союза, но помимо воли рабочих, стачка была ликвидирована и закончилась арестами, высылкою и 60 зарегистрированными союзом случаями порки рабочих шомполами. Экономические требования рабочих удовлетворены не были*" [1]).

Здесь намеренно приведена подробнейшая цитата из названного сборника, с целью показать всю трусливую, соглашательскую тактику меньшевистских руководителей этой забастовки, сидевших как в районном, так и областном правлениях „Горнотруда".

Позорная роль, которую сыграли меньшевики в этой забастовке, видна также из следующего. Еще на втором делегатском областном съезде союза „Горнотруд", происходившем в Харькове в декабре 1918 года, „особенные прения возникли в связи *с оценкой той роли, которую играло областное правление в деле ликвидации горловской стачки. Большинство ораторов указывало на то, что эта стачка была ликвидирована*

[1]) Цитированный сборник, стр. 49 — 51 (курсив наш. — *Ред.*).

без участия рабочих, что правление играло довольно двусмысленную роль в деле ее локализации и что посланные в Горловку для наблюдения за ходом стачки члены правления превысили свои полномочия, дав санкцию на прекращение стачки" [1]).

К этому беспристрастному свидетельству прибавить нечего...

Забастовками были охвачены, в разное время оккупации, все районы Артемовского округа. После горловской заслуживает особого внимания забастовка на предприятиях Русско-бельгийского металлургического общества в Енакиево.

„Этот район занимал исключительное положение в Донбассе благодаря тому, что его горнопромышленные и металлургические предприятия были национализированы Совнаркомом; и здесь существовало коллективное соглашение. Однако первым шагом возвратившейся администрации было издание объявления о том, что утвержденные Совнаркомом ставки аннулируются и вводятся новые расценки, которые понизили заработок рабочих, примерно, на 45%. Кроме того, было указано, что все рабочие должны подвергнуться медицинскому переосвидетельствованию.

„Это объявление вызвало со стороны союзов „Горнотруд" и „Металлист" энергичный протест, и была объявлена мертвая забастовка, при чем на двух рудниках были сняты насосы.

„Через четыре дня дирекция пошла на попятную и согласилась войти в переговоры с союзом по поводу пересмотра ставок и отмены своего распоряжения о переосвидетельствовании. В результате поездок представителей союзов „Горнотруд" и „Металлист" в Бахмут, Харьков и Киев администрация Русско-бельгийского общества отказалась от переосвидетельствования, приступила к выдаче рабочим заработка за февраль и март и пересмотрела ставки, что дало понижение заработка в общем не более чем на 15%, но некоторые отставшие категории были подтянуты.

„Это событие в жизни Енакиевского района имело свое влияние и на некоторые другие районы, где промышленникам пришлось, по примеру Русско-бельгийского общества, платить недоимки рабочим за прошлые месяцы" [2]).

Забастовка была еще в Щербиновке, куда „после ухода советской власти явился украинский отряд, который начал

[1]) Цитированный сборник, стр. 67 (курсив наш. — *Ред.*).

[2]) Там же, стр. 52.

порку рабочих во дворе директора по доносам. В связи с отказом администрации выдавать продовольствие по фиксированным ценам и удлинением рабочего дня, рабочие помимо союза забастовали, но правление союза ликвидировало эту забастовку. Разбежалось из района около 2.000 рабочих“ [1]).

Примеру горловской администрации пытались последовать и владельцы рудников в Гришинском районе.

„В этом районе промышленники стремились удлинить рабочий день, повысить цены на продовольствие, понизить зарплату и т. п. Денег рабочим не платили за февраль, март и апрель месяцы, отсылая их к большевикам. С профсоюзом промышленники не желали разговаривать и вели систематическую травлю профработников, особенно на Святогорском руднике, где представители союза задерживались и выселялись. Общих собраний без разрешения властей созывать было нельзя, а попытки исходатайствовать разрешение не давали положительных результатов. Не разрешали даже вывешивать объявления союза.

„30 июля рабочие предъявили промышленникам экономические требования, но всеобщая забастовка была предотвращена союзом, так как эти требования были частью удовлетворены. В первых числах августа в районе произошла двухдневная забастовка — протест против насилий, которые чинились над железнодорожниками. Устав союза, отосланный в Екатеринослав для утверждения, был возвращен незарегистрированным“ [2]).

И в этих двух забастовках роль меньшевистских правлений союза оказалась не лучшей, чем в горловской стачке: в обоих случаях забастовки были позорно сорваны социал-предателями. Соглашатели предпочитали лизать немецко-гетманский сапог, испрашивая разрешения на собрания рабочих, вместо того, чтобы организовать рабочие массы для решительной борьбы, без „разрешения“ немецко-гетманского начальства.

На Дружковском заводе директор Бальтазар, совместно с командиром бронеотряда, князем Болотовым, не допустил рабочих к работе, тем самым желая разогнать их и остановить завод. Работники союза подвергались гонениям. С помощью гайдамаков Бальтазар пытался выселить семьи красноармейцев из заводских квартир. Но их отстоял союз. Впоследствии, когда

[1]) Цитированный сборник, стр. 52.

[2]) Там же, стр. 51.

завод уже работал, союз добился от дирекции завода обеспечения рабочих продовольствием и другими продуктами.

15 июня вспыхнула забастовка рабочих и служащих попаснянского железнодорожного узла. Подробности этой забастовки описаны и в газете „Вперед" № 18 от 21 июня 1918 года следующим образом:

„Поводом к прекращению работ послужило объявление начальника участка тяги со списком подлежащих увольнению рабочих и мастеровых, поступивших в 1917 и 1918 г. г. Профессиональными союзами предъявлено требование: 1) не сокращать штата рабочих и предоставить возможность работать всем 2—3 дня в неделю; 2) уволить в первую очередь тех рабочих-подростков, у коих работает 2—3 члена семьи; 3) дать долгосрочные отпуска без сохранения содержания и 4) допустить рабочие организации к участию в разрешении вопросов об увольнении и сокращении.

„На запрос по прямому проводу из управления дорог был получен ответ, что „сокращение штата делается на основании распоряжения министерства с выдачей заштатного пособия. Управление дорог отменить этого распоряжения не имеет права. Держать на службе излишних людей, когда работа вызывает недостачу денег для своевременной оплаты содержания остальным работникам, невозможно. Во избежание тяжелых последствий для руководителей забастовки разъяснить служащим, что проводить свои желания возможно только легальным путем. А потому предлагается возобновить работу и командировать в управление представителей для доклада начальнику дороги пожеланий служащих, ибо просьбы их о продолжительных отпусках без сохранения содержания не могут быть удовлетворены" [1]).

Начальник попаснянского ж.-д. участка, как видно из той же корреспонденции, все же допустил всех рабочих к работам до возвращения делегации из управления дорог. К вечеру забастовка была ликвидирована. Но на следующий день из управления дорог была получена следующая телеграмма: „Выдать расчет подлежащим увольнению служащим и рабочим. В случае же отказа рабочих получить расчеты, возвратить обратно в Екатеринослав плательщиков; к работам подлежащих увольнению не допускать".

[1]) См. газету „Вперед" № 18 от 21 июня 1918 года.

16 июня забастовка возобновилась. Делегация, ездившая к начальнику дороги, никакого ответа не получила и обратилась в Союз союзов. Последний предложил прекратить забастовку и решил отправить делегацию в Киев к министрам труда и путей сообщения. Однако и здесь соглашательские приемы борьбы не помогли, — забастовка была проиграна.

„Хозяйничанье" немцев и гетмана Скоропадского начало сказываться. Донбасс из цветущего края превратился в кладбище. Сами социал-соглашатели так характеризовали в газете „Вперед" положение в Донецком бассейне:

„Те потрясения, которые пережил Донецкий бассейн в период гражданской войны, повидимому, не исчерпают скорбные страницы его истории. Мы накануне ужасающих событий, которые в случае осуществления грозят превратить цветущий бассейн в братское кладбище. Об этом простыми словами рассказывали представители с мест, приехавшие на первое, после трехмесячного перерыва, заседание областного комитета профессионального союза горнорабочих. Лейтмотив всех докладов один и тот же. Почти повсеместно делаются попытки отменить восьмичасовой рабочий день и ввести десяти и двенадцатичасовой, понизить заработную плату до размеров осени прошлого года, повысить цены на продукты. Во всем Донецком бассейне нет такого предприятия, где была бы уплачена заработная плата за последние 3 месяца, при чем в большинстве предприятия заявляют, что за время национализации платить не будут. Во многих местах объявляется поголовный расчет, при чем при расчете не только не уплачивается за две недели, согласно законам даже царского времени, но предлагают ждать неопределенное время уплаты денег заработанных. Рассчитанных рабочих в течение 24 часов выселяют при содействии власти из квартир. Прием новых рабочих производится по выбору. Все коллективные договоры и соглашения как центральные, так и местные, объявляются уничтоженными, и расценки устанавливаются по неограниченному произволу предпринимателя.

„Промышленники повели энергичную борьбу против профессиональных союзов; они их всячески третируют, с ними отказываются вступать в переговоры, пытаются заключать соглашения помимо их, удерживают следуемые союзам деньги, выселяют их из занимаемых помещений, а на Новосильцевском

руднике профессиональный союз был даже закрыт начальником милиции по распоряжению директора рудника.

„В Юзовском, Горловском, Щербиновском районах свирепствовала порка, при чем давали от 25 до 100 ударов. Приговоры выносились начальниками отрядов украинских войск по разным поводам: по жалобам жены на поведение мужа, по всяческим доносам.

„На Вознесенском руднике был ужасающий случай подвешивания рабочего по приговору коменданта на столбе на 2 часа; в результате получасового висения у несчастного хлынула кровь горлом; его сняли, дали передохнуть и снова повесили. Еще через полчаса он весь почернел, опять хлынула кровь, и от дальнейшего выполнения наказания был освобожден. У несчастного открылась скоротечная чахотка. Ни о каких митингах, собраниях и речи нет. Рабочие различным образом реагируют на эти явления. Часть распродает свой убогий скарб, объединяются несколько семейств, покупают лошадь и телегу и уезжают. Длинные вереницы таких телег тянутся по всем дорогам Донецкого бассейна. Другие остаются на месте, скрежещут зубами от ненависти и злобы и собираются учинить свою расправу. А темный донецкий шахтер страшен, когда он рассвирепеет. Во многих местах уже вспыхивали забастовки и имели место случаи экономического террора, которые союзам с большим трудом удалось пресекать.

„По единодушному заявлению всех докладчиков, напряжение достигло своего максимума, и если комитетом не будут приняты исключительные меры для разряжения атмосферы, то неизбежен взрыв с ужасающими последствиями. Назревает „мертвая забастовка", которая будет сопровождаться затоплением шахт, разрушением орудий производства и потоками крови. В областном комитете обсуждаются меры предотвращения надвигающегося ужаса"[1]).

Спустя несколько дней в той же газете от 30 июня в отчете о краевом делегатском собрании союзов рабочих металлистов, в отделе „Положение на местах" написано: „Общая картина положения безотрадная. Всюду закрытие заводов, тысячи безработных, игнорирование коллективного договора. Большую помощь капиталистам оказали австро-германцы".

[1]) Газета „Вперед" № 19 — 22 июня 1918 г., статья „Накануне катастрофы в Донецком бассейне".

Если эту картину дополнить тем, что правительство гетмана выработало свое „рабочее законодательство", сводившее к нулю роль профессиональных союзов, ухудшавшее и без того тяжелое положение рабочих, то будет ясно, до каких пределов накалилась атмосфера. Достаточно было ничтожного повода и рабочие восстали бы.

А меньшевистские соглашатели, возглавлявшие в это время профсоюзы, лирически декламировали о том, что „темный донецкий шахтер страшен, когда он рассвирепеет". Так определяли назревавшую классовую ненависть шахтерских масс меньшевистские предатели и вместо использования этой ненависти для решительной вооруженной борьбы против буржуазии и гетманщины фактически готовили новое предательство, о чем недвусмысленно сказано в цитированной статье, что ими „обсуждаются меры предотвращения надвигающегося ужаса". Для социал-предателей естественный взрыв классового негодования измученных рабочих Донбасса был только „ужасом"... Иначе и быть не могло, ибо вместе с уничтожением господства буржуазии гибель грозила и ее лакеям — меньшевикам.

В центре областные правления союзов подверглись всевозможным гонениям: 6 ноября в Харькове арестовали несколько сотен профработников. Рабочие Харькова были вынуждены объявить политическую забастовку, которую впоследствии поддержали все рабочие Украины.

Вследствие ареста комитета политической стачки, областные комитеты металлистов и горняков взяли на себя организацию политической стачки в Донбассе и связались с местными комитетами союзов. Стачка вспыхнула одновременно почти по всему Донбассу.

Одновременно с политической стачкой вспыхнуло восстание Петлюры. Правительство Скоропадского, поддерживаемое германским кайзером, полетело вместе с ним. Рабочие ждали прихода советской власти.

После свержения гетманской власти и ухода немецких войск территория Артемовского округа подвергается систематическим налетам контр-революционных казачьих банд, будущей деникинщины.

В это время в Горловке „состоялось междупартийное совещание сторонников советской власти. Решили создать междупартийный комитет; коммунисты от участия в таковом отказа-

лись. Создана комисия по организации совета; добровольцы-деникинцы покидают пределы ранее занятых ими районов. Вольных казаков нет. Рабочие с ненавистью относятся к попыткам организовать таковых" [1]).

„В Енакиевском районе противогерманское движение началось еще за неделю до объявления всеукраинской политической стачки. Здесь была разоружена варта и образованы народная милиция и рабочий комитет. В середине декабря в Енакиево вступили казаки, но через три недели ушли. 20 января 1919 года пришел офицерский добровольческий отряд, встреченный возродившейся вартой. Начались повальные обыски, и всех, принимавших участие в разоружении варты, арестовывали. Большинство из этих арестованных было либо расстреляно, либо повешено. Арестованных со всего Енакиевского, Горловского и Щербиновского районов отправляли в Горловку и там расстреливали. В Енакиево, в центре города, красовалась виселица, при чем трупы повешенных болтались на ней по 2—3 дня. Всех расстрелянных в указанных трех районах насчитывалось свыше 500 человек. Расстреляны были, между прочим, и два рабочих, принимавших участие в разоружении варты: тов. Кешуба, обвиненный в разоружении варты, и тов. Воротилов — за убийство старшего вартового. Были арестованы и работники союза. В первые дни прихода добровольцев был арестован председатель районного правления тов. Данилов, но его вскоре выпустили, вследствие забастовки по этому поводу рабочих Софиевского рудника.

„Союзы закрывались по формальным поводам: главный из них — неутвержденные уставы. В марте месяце обострился продовольственный вопрос, и на этой почве забастовали рабочие некоторых рудников (Веровского, Софиевского и др.). 24—25 марта рабочим предлагали записываться в Добровольческую армию, обещая им за это выдачу хлеба. Возбуждение среди рабочих росло, и по ночам многие из них перебегали на фронт советских войск. 27 марта добровольцы ушли из Енакиево, забрав с собою всех арестованных и ограбив рабочий кооператив. Однако через два дня на рудниках стали циркулировать слухи о том, что Добровольческая армия усилилась и отряды ее наступают на Енакиево. Это создало панику, и началась стихийная эвакуация рабочих Веровского, Софиевского, Кон-

[1]) „Звезда" № 6 от 14 декабря 1918 года.

дратьевского и Жуковского рудников. Бежало больше тысячи рабочих, остались лишь старики и дети" [1].

Выступление рабочих Донбасса на этот раз не закончилось полной победой. Белогвардейские банды Деникина, захватив Донбасс и Украину, принудили к отступлению советскую власть.

„Около сотни эшелонов с количеством от 60 до 65 тысяч лучших кадровых рабочих покинули Донецкий бассейн, уста которых единодушно произносили многозначительное „еще вернемся". Отбиваясь, воюя, отстаивая каждую пядь земли, постепенно отступает эта группа далеко за пределы угольного царства. Эта масса по пути, кроме битв, творит еще чудеса и в области техники и в области самой организации. Почти из ничего быстро создаются ремонтные поезда, оружейные мастерские, воздвигаются бронепоезда, чинятся десятки взорванных мостов, обучаются на ходу пулеметчики, артиллеристы, подбирается технический персонал и, наконец, сама „толпа" в целом, окруженная со всех сторон, без всякой связи с центром, решительно переорганизовывается и из „скопища" превращается в короткий срок в дисциплинированную, надежную регулярную армию, творившую славную царицынскую эпопею, в которой главным участником был Донецкий бассейн" [2].

---

[1]) Цитированный сборник Губотдела ВСГ, стр. 64.

[2]) См. „Хозяйство Донбасса" № 17 от 1 ноября 1922 г., статья М. Рухимовича „Пять лет борьбы и наши боевые задачи".

А. ЧЕКИРИСОВ.

КРАМАТОРЦЫ ПОД САПОГОМ ОККУПАНТОВ И БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ.

После разгрома контр-революционного Дона краматорская организация работала над закреплением национализации промышленности и земли. Помещики, сопротивлявшиеся проведению в жизнь национализации земли, предавались революционному суду.

Для вооруженной борьбы с войсками Центральной Рады из Краматорской был послан отряд Красной гвардии, называвшийся „Молния", под командой тов. Хахалеева, который после успешных боев с гайдамаками сообщал о том, что петлюровские части неустойчивы и что скоро они будут ликвидированы. Но эти надежды оказались неосуществимыми, ибо печать сообщала об упорном наступлении германско-австрийских войск, прихода которых до этого никто не ожидал.

Отряд за отрядом посылались подкрепления красным войскам, и все же 18 апреля 1918 года рано утром разведка сообщила о занятии г. Славянска. Ревком и краматорские большевики отступили в направлении Курска и Таганрога.

Вступившие в Краматорскую немецко-гайдамацкие войска искали удобного случая для расправы с рабочими. Скоро такой случай представился: 21 мая немецко-гайдамацкие „освободители" показали свое настоящее лицо и если кой у кого из рабочих были какие-либо иллюзии, то они рассеялись мгновенно. Началось с пустяков: мальчишка стащил папиросы из немецкого автомобиля. Шофер, поймав мальчишку начал избивать его. Проходившие рабочие вступились за избиваемого мальчика. Шофер ударил одного из рабочих; началась свалка.

Кто-то из вартовых пустил провокацию, что рабочие пытались захватить немецкий автомобиль для целей революционной

работы. Этого только и ждала гайдамацкая свора. Часов в 12 дня конные гайдамаки согнали всех рабочих в завод. К этому же времени на завод прибыла и рота немецких солдат под командой какого-то князька. Рабочих выстроили в шеренгу и объявили, что если они не выдадут большевиков, то каждый пятый будет расстрелян. Рабочие, не желая выдавать оставшихся, заявили, что большевики все эвакуировались и между ними нет ни одного большевика. Это объяснение гайдамаками было принято за вызов, в ответ на который была подана команда: „Каждый пятый, выходи!" В это время подошел главный инженер завода Г. И. Бурко (немец), вступивший в переговоры с немецким князьком и офицерами, доказывая, что большевиков действительно нет, что остались только мирные рабочие, которые хотят работать, что никаких посягательств на автомобиль не было и т. д. Благодаря вмешательству Г. И. Бурко рабочие избежали расстрела, однако некоторых все же избили нагайками, а четырех рабочих взяли заложниками, но вскоре отпустили под расписку, как не внушавших особых опасений.

Расправа над рабочими не удалась. Но зато в окружающих селах, по указанию помещиков, загуляли шомпола по спинам крестьян, отбивая кожу от костей. Потехам озверевших защитников помещичье-буржуазного класса не было предела. Кадр калек и инвалидов рос очень быстро.

В течении апреля—мая 1918 года возвратились отступившие большевики: Е. Тимченко, Л. К. Скряга, Ф. Белобров и А. Чекирисов, которые вместе с оставшимися Г. Резниковым, Гр. Курочка, П. Бурдовым, У. Игнатьевым, Дорожняком, М. И. Кириченко, А. Острушко, А. Скляровым, Л. Н. Скрягой и др. составили подпольную группу большевиков. В июле из областного комитета партии приехал тов. Горбачев, и работа большевиков пошла энергичным темпом.

Группа руководила работой по организации партизанских отрядов, находившихся в лесах и дезорганизовавших тыл немецко-гайдамацких войск. Во главе этих партизанских отрядов были т.т. А. Остроушко, Ковтун и Маловичко.

25 октября 1918 года[1]) ночью заседает большевистская группа в составе 16 человек и решает вопрос о захвате власти. Разрабатывается план разоружения варты. По вопросу о разоружении произошло небольшое расхождение. Одна часть пред-

[1]) По другим источникам—3 ноября 1918 г. (*Прим. ред.*).

лагала в эту же ночь произвести захват власти, а другая была за то, чтобы проделать это утром, при участии рабочих. Однако большинство настояло, чтобы разоружение было произведено немедленно. Трем товарищам было дано задание направиться к немецкому коменданту для переговоров о том, чтобы немецкие солдаты (500 человек) сохраняли нейтралитет. Посланные товарищи задержались там, и остальные, не дождавшись их возвращения, приступили к разоружению варты. В час ночи стремительным натиском группы в 13 человек, варта в количестве 55 человек была разоружена; начальник варты Ковалевский и его помощники — арестованы. Когда три товарища возвратились, добившись согласия немецкой комендатуры о нейтралитете, разоружение уже было совершено.

На другой день в 11 часов дня был созван митинг, на котором большевики сделали доклад о перевороте. После митинга была организована демонстрация по поселку. В этот же день, под руководством т.т. Д. Зори, Гр. Курочки (оба коммунисты) и Маслова (беспартийный) была разоружена варта в селе Сергеевке; начальник варты Казаков и его помощник Радин — арестованы.

Трудно было вести работу по закреплению восстановившейся советской власти в условиях, когда Краматорская была окружена гайдамаками, находившимися в Изюме, Барвенково и Славянске, с одной стороны, в Дружковке и Константиновке — с другой. С этих двух сторон в любой момент могло произойти нападение. Однако Дружковка, не отставая от Краматорской, вскоре также произвела переворот и тем самым несколько облегчила положение последней. Вскоре была установлена связь с Екатеринославом, откуда начали привозить литературу целыми кипами.

Интересно отметить, что петлюровский хорунжий Федотенко, прибывший в Краматорскую для организации украинской казачьей сотни, попал в ревком, полагая, что в Краматорской совершен петлюровский переворот. Заручившись согласием ревкома, он приступил к работе. Ревком, давая согласие, учел, что таким образом можно будет получить у петлюровцев необходимое оружие, которое и удалось получить в небольшом количестве. Недели через две Федотенко понял, что работает с большевиками, и впоследствии, как он признавался, с каждым днем сам делался большевиком, что и доказал на деле: будучи

помощником командира красного отряда краматорцев, погиб в бою с белыми.

18 ноября 1918 года состоялся районный съезд по организации советской власти. Во время съезда было получено сообщение о том, что Дружковка занята белогвардейцами, которые угрожают и Краматорской. Занятия съезда продолжались обычным порядком, но по направлению к Дружковке была послана разведка. Одновременно был направлен небольшой вооруженный отряд в 15 человек, состоявший из коммунистов, для разборки рельс между Дружковкой и Краматорской. Закончив выборы районного исполкома, ревком объявил об угрожающей опасности. Все, кто мог владеть оружием взялись за винтовки и выступили против белогвардейцев.

Выделив командиров и рассыпавшись в цепь, отряд повел наступление на ст. Дружковку. Пройдя полпути, отряд узнал от возвращавшейся разведки, что 50 человек белых действительно были на ст. Дружковке, но, по словам железнодорожников, белые, услыхав, что из Краматорской направляется сильный, хорошо вооруженный отряд на помощь Дружковке, тотчас же повернули обратно в Никитовку.

20 декабря 1918 г. из Дружковки на Краматорскую направился отряд белых офицеров в количестве 200 человек. Не имея реальной силы для отражения неприятеля, исполком эвакуировался по направлению к Павлограду с целью добыть у Махно (который в то время дрался еще вместе с большевиками) оружие. На следующий день в Краматорскую со стороны Дружковки прибыл небольшой отряд белых в 25 человек и в то же время со стороны Славянска появились петлюровцы. После незначительной перестрелки оба отряда уехали каждый в своем направлении.

Та же картина повторилась и на следующий день, а на третий прибыл весь отряд офицерской банды в количестве 200 человек с целью основательно занять Краматорскую. Оставшиеся в Краматорской товарищи связались с райгородским партизанским отрядом, под командой Ковтуна, который находился в лесу, прося у него помощи. Совместно был разработан план нападения на белых.

В ночь на 24 декабря 120 товарищей, вооруженные винтовками с небольшим запасом патронов, босые и полураздетые, двинулись в сопровождении краматорцев к цели. Подойдя к Краматорской, отряд разбился, согласно плану, на три взвода. Пер-

вый взвод должен был пройти через село Петровку к Бахмутскому мосту, второй — через завод подойти к станции, а третий — через меловую гору пройти к заводу „Шамот" и бить с фланга. Несколько человек должны были взорвать небольшой железнодорожный мост, дабы отрезать отступление белых, после чего по сигналу (гудку) все три взвода должны были броситься в атаку на белых с трех сторон.

Но вышло иначе: по неизвестным причинам первый и второй взводы задержались на меловой горе, третий же взвод, завидя четырех офицеров, едущих на дрезине по направлению к Славянску, открыл по ним стрельбу, не ожидая условленного сигнала. Офицеры были, таким образом, предупреждены о готовящемся нападении и открыли огонь по меловой горе. В этот момент был дан гудок, и второй взвод открыл огонь с фланга. Белоофицеры, рассыпавшись в цепь, открыли огонь по второму взводу. Бой разгорелся жаркий. Отряд стойко сражался с белыми, стреляя в упор до последнего патрона, небольшой запас которых скоро иссяк, и отряд вынужден был отступить, потеряв в этом бою 14 человек убитыми. Несмотря на неудачу нападения, белоофицеры бежали, понеся большие потери убитыми, которых забрали с собой, и больше не пытались пока нападать на Дружковку и Краматорскую. Снова был создан ревком, который приступал к организации власти.

В январе 1919 года был избран райисполком, в который вошли: М. Кириченко, Ф. Кущ, А. Чекирисов, Ф. Латышев, Руденко, Л. К. Скряга, Зоря, Г. Резников, Е. Тимченко, Крутько и др. товарищи. Вслед за этим состоялся и уездный съезд советов, который происходил в Краматорской, так как в Изюме и Славянске находились еще петлюровцы. На этом съезде было 102 делегата. От ЦК КП(б)У доклад делал тов. Тепляков — „дядя Миша".

Избранный съездом уисполком, вместе с райисполкомом, устроив совещание с соседними ревкомами—Дружковским и Константиновским,— приступил к организации разрозненных и рассеянных по Теплинским лесам красных партизанских отрядов, из которых был создан 12-й полк. Энергичными боевыми действиями этого полка остатки петлюровцев вскоре были изгнаны из Славянска и Изюма.

К тому времени возвратились красные отряды дружковцев и краматорцев под командой Г. Курочки и Сосницкого, отсту-

нившие в свое время к Гришино и дравшиеся против петлюровцев в Лозовой и Екатеринославе. Отряды эти также влились в 12-й полк, который все время сдерживал наступление белых на Краматорскую.

Белогвардейцы, потерпев несколько поражений, получили новое подкрепление в виде бронепоезда „Корнилов", начавшего сильно теснить наши части. Видя неустойчивое положение на фронте, Краматорская организация большевиков бросает боевой клич рабочим завода. На общезаводском митинге единогласно было решено приступить к постройке бронепоездов из имевшихся в ремонте паровозов. Но для того, чтобы дать возможность устоять красным бойцам, обронировали наспех небольшой паровоз и несколько вагонок „пульманов", стенки которых обложили мешками с цементом и песком и бросили их против белогвардейцев, тем самым задержав их продвижение.

В феврале в Краматорскую прибывает отряд под командой эсэра Саблина и его военкома Савонова (тогда называвшего себя коммунистом, а впоследствии ставшего бандитом). На митинге Саблин именует себя левым эсэром и в конце своей блестящей речи о текущем моменте и укреплении советской власти произносит: „Да здравствует вождь мировой революции тов. Ленин!" На следующий день Саблин, приняв командование над всеми вооруженными силами, отправляется в бой. Как военспец (бывший капитан старой армии) он быстро ориентируется в боевой обстановке и, сразу же перейдя в наступление, отбрасывает белогвардейцев за Никитовку. Не давая белым передышки, красные под командой Саблина оттесняют их с каждым днем дальше и дальше, к Железной и Ханженково.

Пользуясь популярностью и авторитетом как военспец и прекрасный оратор, Саблин выявляет свою настоящую эсэровскую природу и ведет закулисную агитацию против большевиков. Работавшие в 12-м полку большевики подметили это и доложили райпарткому, который вынес примерно следующее постановление: „Принимая во внимание недостаток таких военспецев, как Саблин, который является ценным командиром, не принимать пока никаких мер против него. В целях противопоставления вредной деятельности Саблина в рядах красных бойцов, усилить политработу путем посылки на фронт стойких и сильных товарищей".

Это и было сейчас же проведено в жизнь. Видя себя окруженным сильными большевиками и недовольный частыми приездами членов исполкома, Саблин требует отзыва большевиков с фронта, угрожая в противном случае уйти с фронта вместе с бойцами, стоявшими всецело на его стороне. Исполком и райпартком доводят это до сведения харьковского губисполкома и военного совета, которые выделяют товарищей для проверки. Убедившись в истине, губисполком и военный совет поручают краматорскому райисполкому арестовать Саблина, но так, чтобы арест не отразился на фронте.

Провести в жизнь постановление об аресте было трудной задачей, так как неумелый подход мог вызвать оставление фронта сторонниками Саблина, что грозило поражением. Но время не ждало, нужно было действовать, чтобы спасти положение. Райпартком совместно с фракцией исполкома постановил послать на фронт в качестве военспеца товарища Лисицкого Егора (большевик) и в помощь ему Головина Сергея.

Укрепив, таким образом, командный состав большевики с арестом все же действовали очень осторожно. Саблин был вызван на военное совещание при исполкоме, на которое он не замедлил явиться со своим отрядом, очевидно, имея намерение оказать сопротивление в случае ареста (о котором он какими-то путями узнал), произвести переворот, арестовав членов исполкома — большевиков и райпартком. Но большевики оказались хитрее: Саблин был встречен с оркестром в самой торжественной обстановке и приглашен на заседание, отряду же был устроен обед. На заседании члены исполкома вели себя так дружественно по отношению к Саблину, что он оставил всякую мысль об аресте и даже высказал свои стратегические планы контр-наступления против белых, которые тотчас же были записаны командирами, потом заменившими его. После заседания Саблин был приглашен на обед, за которым ему вручили телеграмму из Харькова (телеграмма была не чем иным, как маневром) с просьбой прибыть вместе с членами краматорского исполкома на срочное военное совещание. Прочтя телеграмму, Саблин приказал отряду вернуться после отдыха на фронт. По дороге в вагоне Саблин был обезоружен, объявлен арестованным и препровожден ехавшими с ним членами исполкома в Харьков.

Белые, получив сильные подкрепления, превосходившие красных во много раз, повели наступление, тесня наших бойцов

до Константиновки. Красные бойцы, несмотря на февральские холода, полураздетые, с окровавленными ногами, сдерживали наступление численно превосходящего их противника. Положение было угрожающее. В это время рабочие Краматорского завода выпустили бронепоезд имени „Карла Либкнехта и Розы Люксембург", оборудованный по всем правилам военной техники и вооруженный двумя дальнобойными орудиями и пулеметами. Бронепоезд с командой и вместе с вновь организованными двумя ротами бойцов из рабочих, прибыв на фронт, воодушевил изнуренных от беспрерывных боев красных бойцов, а члены исполкома и райпарткома, своими речами во время передачи бронепоезда влили в них свежую струю революционного подъема.

Бронепоезд „Карл и Роза" сразу же выступил против белогвардейского броневика „Корнилов" (который успел за это время уничтожить прежде сооруженные примитивные броневики „Гром" и „Победа"), двинувшись вперед по направлению к Никитовке. Под его прикрытием пошли в наступление и красные части. Войдя в выемку, бронепоезд стал, поджидая противника. Противник не заставил себя долго ждать и появился со стороны ст. Курдюмовка. Находящийся на „Карле Либкнехте и Розе Люксембург" наводчик тов. Литвиненко (опытный старый артиллерист), посмеиваясь над приближающимся противником, взял наводку и выстрелил; у противника слетела труба. „Корнилов", потерпевший аварию, отступил под веселый смех команды и наступающих красноармейцев. Окрыленные успехом красные бойцы дружно ринулись в атаку, и неприятель был разбит, отступив с большими потерями.

Так 12-й партизанский полк, организованный из краматорских, дружковских и константиновских рабочих, сдерживал натиск белогвардейцев, превосходивших красных партизан и численно и технически, вплоть до апреля месяца 1919 г., когда прибыла 13-я армия, которая сменила уставших физически, но еще крепких сознанием революционных бойцов, ушедших на отдых и на формирование новых баталионов. С прибытием 13-й армии противник с большими для себя потерями был вновь отброшен назад. До июня месяца положение на фронте было прочное. Но в июне противник бросил на фронт свежие, хорошо вооруженные силы и полученные из Англии и Франции танки, которые первое время наводили ужас на красноармейцев.

Фронт был прорван белыми 4 июня, и под обстрелом противника красные части, сдав Краматорскую, отступили. В первый же день по вступлении белых бандитов в Краматорскую на переходном железнодорожном мосту был повешен не успевший отступить комендант станции, коммунист Павличев.

Вновь загуляли по спинам рабочих и крестьян шомпола и нагайки, а улицы украсились виселицами. Вновь потянулись рабочие и крестьяне в Теплинские леса, где. т. т. Кандий (расстрелян белыми), Иван Мамай и Андрей Острушко организовывали партизанские отряды, деморализовавшие белогвардейский тыл. Заводская молодежь пряталась в туннелях прокатного цеха, чтобы избежать принудительной мобилизации.

Оставшиеся в подполье т. т. И. Дорожняк, Г. Резников, И. Стронг, Зоря и другие, поддерживая связь с 13-й армией через тов. Марапульца, получали оттуда средства и задания по организации партизанских отрядов. Работа протекала в неимоверно трудных условиях.

1 декабря 1919 года Краматорская была занята красными войсками, при помощи которых вновь восстановлена была советская власть. Для краматорских рабочих открылся широкий экономический фронт по сооружению взорванных мостов (в Краматорской, Дружковке, Лимане и в других местах) и по оборудованию в конец разрушенных угольных шахт.

Благодаря отсутствию угля завод переставал дышать; но для того, чтобы получить необходимое минимальное количество угля, нужно было дать оборудование для шахт. Революционные рабочие Краматорского завода, подбодряемые большевистской организацией, не останавливаются и перед этой трудностью. Они руками вращают тяжелые трансмиссии, точат валы, колеса, ремонтируют насосы и другие необходимые части для шахт. Одна за другой шахты начинают понемногу работать, и краматорцы в благодарность получают первую партию угля.

Вскоре для краматорских рабочих наступили критические дни. Завод, который руками рабочих был пущен в ход, вдруг в 1920 году, за неимением средств, намечен к консервации. Тут краматорцы показали свою революционнную организованность. Под руководством коммунистической организации они отстаивают завод и, не допуская до консервации, изъявляют согласие работать за самый скудный продовольственный паек.

Так, одерживая победу за победой на экономическом и политическом фронтах, краматорская большевистская организация, выковывая стойких испытанных бойцов за дело социалистической революции, руководила героическими действиями краматорских рабочих, вписавших не одну славную страничку в историю великой борьбы.

* * *

В борьбе за диктатуру пролетариата краматорские рабочие понесли не одну жертву. Вот далеко не полный список погибших в период гражданской войны: Сиротин, старый большевик,— погиб при наступлении немцев в Борисоглебске; Аникеев, заместитель председателя краматорского совета,— умер; Кандий, начальник партизанского отряда,— расстрелян белыми; Тищенко Евсей — геройски погиб во время боя с белыми за Краматорскую; Ф. Чекирисов — убит бандитами в деревне Пески Артемовского округа; Федотенко, помощник начальника краматорского отряда,— убит в бою; Павличев — повешен белыми на переходном железнодорожном мосту на ст. Краматорской; Гребенюк, красногвардеец,— расстрелян белыми в 1918 г. Кузик — геройски погиб в бою под Константиновкой в 1918 г. Любань командир 2-й роты,— убит в 1918 г.; Дите, командир 3-й роты,— убит в 1918 г.; Барвинский, Дибров, Белый и Любко — расстреляны гетманской вартой в 1918 году; У. Игнатьев — убит бандитами в 1920 году; Омельченко — убит в одном из боев с белыми; Крюков, председатель совета рабочих депутатов в 1917 г.— умер в армии от тифа; Кузин, рабочий, старик 50 лет,— окруженный во время боя белыми, был убит, не сдавшись живым.

Нельзя не отметить храброго бойца т. Голубова (беспартийный, сейчас жив), получившего 16 ранений в боях с белыми; будучи ранен в бою под Константиновкой, он, истекая кровью, прицепился к хвосту своей лошади и тащился по земле к своим частям, не желая сдаваться белым.

КОНСТАНТИНОВЦЫ В ТИСКАХ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ [1]).

В апреле 1918 года, в виду надвигавшейся немецкой оккупации, красным пришлось отступить. После отступления в Константиновке для подпольной работы с согласия партийного комитета большевиков, остался тов. И. Прищепа, который вместе с Н. Яндульским и Р. Василенко (приехавшими в Константиновку позднее) составил инициативную группу. Задачи этой группы сводились, главным образом, к организации и вооружению рабочих по заводам. Инициативной группе удалось установить связь с партийными центрами через тов. Титова, который привозил литературу и деньги. Были завязаны сношения с Горловкой, Дружковкой и Краматорской. За литературой часто приходилось ездить в Екатеринослав, и однажды посланный туда тов. С. Кожевников там и погиб, будучи расстрелян гайдамаками. К октябрю 1918 года кружок подпольщиков на бутылочном заводе достиг 40 человек.

Праздник первой годовщины Октябрьской революции отметили расклейкой плакатов и листовок. На утро отряд вартовых, специально для этого снаряженный, ходил и срывал плакаты. В декабре немцы стали покидать Константиновку; уходя, они сбрасывали снаряды в реку, чтобы не возить с собой. Подпольщики же вытаскивали эти снаряды (вытащили до 500 штук) и прятали по сараям. Во время боев с белогвардейцами за Константиновку эти снаряды пригодились.

Меньшевики, эсэры и бундовцы, узнав о том, что организация большевиков не только существует и растет, но и проводит активную подготовку к выступлению, созвали заседание на конспиративной квартире, на которое пригласили т.т. И. Прищепу и Н. Яндульского. Два вопроса подлежали обсуждению: о всеобщей однодневной забастовке и о будущей

[1]) По воспоминаниям т.т. Добровольского, Ф. Игнатова, И. Прищепы, И. Валишина и др.

власти после ухода немцев и падения гетмана. По вопросу о забастовке расхождений не было, но когда коснулись вопроса о власти, возникли крупные разногласия. Меньшевики предложили поддержать Сибирское временное правительство (Колчака) и предоставить власть местным органам самоуправления, большевики же предлагали создать совет рабочих депутатов и поддержать власть советов. Соглашения, конечно, достигнуто не было. Между тем, из Никитовки грозили расположенные там белогвардейские банды под командой генерала Май-Маевского. Большевики приступили к организации красных партизанских отрядов, меньшевики же выдвинули идею „самоохраны". Вот как этот момент описывает тов. Добровольский:

„В Никитовке находился генерал Май-Маевский, целью которого был захват всего Донбасса в свои руки, но он почему-то замедлил и из Никитовки не выходил. Меньшевики созвали митинг на площади и старались выпускать только своих ораторов. Говорил Ф. Бега, призывавший к самоохране и борьбе с большевиками. Большевику Яндульскому не дали говорить и хотели стащить с трибуны. Присутствующие на митинге бутылочники окружили тов. Яндульского и дали ему возможность закончить речь. Тов. Яндульский говорил, что организация самоохраны ничего не даст, что с приходом Май-Маевского эта самоохрана отдаст добровольно ему оружие, и призывал к организации повстанческих отрядов".

Так и случилось. Повстанческие отряды большевиков активно боролись с белогвардейцами, а „самоохрана" меньшевиков, когда пришел Май-Маевский, не знала, что делать и... отдала свои винтовки бутылочникам, которые сумели их с честью использовать.

В декабре 1918 года красногвардейские отряды Краматорской и Дружковки совместно с константиновцами (последних было человек 40) заняли с боем ст. Константиновку. Во время боя был убит начальник варты, полковник Зеленский. Белогвардейцы, получив подкрепление и снова заняв Константиновку, двинулись прямо на бутылочный завод. Созвав тревожным гудком всех рабочих и выстроив их в ряды, они потребовали выдачи коммунистов и красногвардейцев. Рабочие отказались. Тогда белогвардейцы отсчитали каждого десятого и тут же у стены расстреляли их [1]). Тов. И. Валишин в своих

[1]) Из числа расстрелянных трое рабочих остались в живых. Они, будучи ранеными, лежали, не шевелясь, в куче убитых до тех пор, пока ушли белогвардейцы.

воспоминаниях рассказывает, что после расстрела рабочих меньшевики и эсэры „разъясняли“ рабочим и населению, что расстрел был случайным: это было так — „напугать“ рабочих. Находились даже такие, которые утверждали, что якобы рабочих белые предупреждали: „Когда мы выстрелим, то вы попадайте,

На фотографии снимок в квадрате — покойный тов. Якусевич А., председатель военно-революционного штаба и организатор Красной гвардии в Константиновке; стоят слева направо т. т. Якусевич Антон Тимофеевич, Невесов Яков и Белецкий Антон, оставшиеся в живых после расстрела белогвардейцами 13 рабочих на бутылочном заводе (см. предыдущую страницу). На заднем плане изображен сарай, у стены которого происходил расстрел.

как-будто убитые“. Меньшевики и эсэры всячески истолковывали расстрел не как кровавую борьбу двух классов, а как случайное происшествие. Этот расстрел, показавши рабочим гнусное лицо белогвардейщины, послужил сигналом к массовым вступлениям константиновских рабочих и крестьян в партизанские отряды.

„Из Дружковки и Никитовки,— пишет тов. Добровольский,— приходили рабочие и требовали оружие и патроны, чтобы итти

сражаться с белогвардейцами. Рабочие и крестьяне тех местностей, где находились белые, ночью переходили границу, пробираясь к отрядам красных". „Так, из одного села — Петровки-Щербиновки (Горловско-Щербиновского района),— рассказывает тов. Колуб,— в феврале 1919 года перешли границу до 750 человек. Они были влиты в дружковский красногвардейский отряд; в тылу же была организована 6-я партизанская рота". Бои на линии Константиновка-Дружковка продолжались до 15 апреля 1919 года. Константиновка в течение трех месяцев 29 раз переходила из рук в руки.

Во время этой героической борьбы было много жертв. Одним из кровавых эпизодов было крушение бронепоезда, во время которого пострадало до 60 человек. Крушение это произошло вследствие неправильного распоряжения начальника боевого участка Чернова и коменданта разъезда Кондратьевка — С. Головченко. Один из бывших на броневике и случайно уцелевший товарищ так описывает этот момент: „Мы вдруг почувствовали сильный толчок. В нашем вагоне все красноармейцы свалились в кучу, на них обрушилась печка с огнем; рвались ручные гранаты, ранившие нескольких товарищей. Когда нам удалось выскочить на волю, то мы увидели тяжело раненых красноармейцев. Они лежали и стонали. 13 человек было убито на смерть, 50 тяжело ранено (у кого руку оторвало, у кого ногу) и 5 легко ранено".

Это событие в общем подтверждает один из пострадавших— т. И. Валишин (сломавший ногу), который указывает, что причины крушения остались невыясненными.

Тот же И. Валишин рассказывает, что „весной 1919 года у железо-прокатного завода какой-то человек с саквояжем попросил нас (ехавших на кукушке) подвезти его к станции. Мы его взяли, но поехали не к станции, а к разъезду Кондратьевка, где находился наш красный партизанский штаб. Увидев, куда мы едем, человек с саквояжем попытался соскочить на ходу, но мы, не пустив его, доставили в штаб. Неизвестный оказался бельгийцем, владельцем одного из небольших химических заводов в Константиновке, а в саквояже у него были обнаружены ценности, документы и списки большевиков. В штабе этот владелец был приговорен к расстрелу, который и был приведен в исполнение т. т. Василенко, Якусевичем (молодым), Петровым (Дакетов) и др."

Группа рабочих Константиновского бутылочного завода, расстрелянных белогвардейцами 13 января 1919 года:

1) Кузнецов И. И.
2) Ильяшенко Е. И.
3) Кораблев С. И.
4) Пробоев И. Я.
5) Солодов А. К.
6) Прокофьев П. Г.
7) Паршиков М. Б.
8) Филинков В. П.
9) Герасименко Ф. В.
10) Венцель И. А.
11) Кожич И. А.

15 апреля 1919 г. фронт отодвинулся к Юзовке. В это же время состоялся районный съезд советов, на котором был избран исполком, однако работавший не долго. 28 мая 1919 года пришлось вновь эвакуироваться из Константиновки по направлению к Харькову, чтобы вернуться только в 1920 году.

Свой последний приход белые ознаменовали не менее дикими расправами, чем в предшествующие разы. Тов. И. Валишин рассказывает: „Однажды я был послан председателем ревкома Севастьяном Бондаренко[1]) из заводского поселка с целью разведки на ст. Константиновку. Там я был замечен белыми и, зная, что меня ждет верная гибель, бросился под проходящий маневровый паровоз. Однако машинист успел во-время паровоз остановить, и белые меня схватили. На керамическом заводе, расположенном возле самой станции Константиновки, я вместе с другими рабочими (фамилий не знаю) был привязан за руки и ноги к бревнам, а один из арестованных рабочих под страхом порки избивал меня плетью. Когда я потерял сознание и этому бедняку показалось, что я запорот досмерти, он с криком отказался продолжать экзекуцию. За „ослушание“ присутствовавших тут фельдфебеля и офицера этот рабочий был схвачен и запорот шомполами до смерти“. Той же экзекуции подвергся и тов. Василенко, которого, по его словам, пороли шомполами вместе с другими рабочими. Поркой занимался белогвардейский отряд Роговского, который кроме экзекуций расстреливал рабочих. В числе расстрелянных были т. т. В. Кулишов, Василенко (старик), фамилии остальных не установлены.

Тов. Панков сообщает, что правый эсэр Выродов (работавший в деникинском „Осваге“) „лазил по квартирам рабочих для мобилизации их в белую армию. Рабочие прятались в туннелях заводов, а он закладывал туннели соломой и зажигал ее, благодаря чему погибло много рабочих“.

„В течение всего периода мрачного подполья времен гетманщины и деникинщины,— говорит т. И. Валишин,— стойко и героически работали т. т. А. Якусевич (умер в 1920 году), Серобаба (умер в 1927 году), Яцкевич (матрос), Р. Василенко, братья Маслаковы, Г. Якусевич, его сестра и брат, И. Емельянов,

[1]) Севастьян Бондаренко, по утверждению тов. Г. Панкова, в 1905 году был провокатором. Предательство С. Бондаренко было разоблачено в 1921 и 1924 г. г. товарищами Р. Василенко и Севриковым, искавшими Бондаренко, как провокатора, о чем у Севрикова были на руках соответствующие документы.

И. Кожевников, Якушевич, Н. Яндульский, Векшин (старик) П. Суков (умер 1921 году), Бармашова, братья Дакетовы (ныне Петровы), Степанченко, Павел Иванов и ряд других, которые, под руководством т.т. И. Прищепы, Ф. Игнатова и Я. Коваленко, беззаветно борясь сами, звали и других на борьбу за власть советов".

„Нельзя не отметить, — продолжает И. Валишин, — большевика-интеллигента тов. А. Карпенко, который, находясь вместе с нами в партизанских отрядах, в свободные от боевых операций минуты читал нам лекции и вел политические беседы по всем интересовавшим нас вопросам, значительно содействуя поднятию культурного и политического уровня красных партизан".

М. ЗВОНАРЕВ.

ЛИСИЧАНСКИЙ РАЙОН В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Немцы были уже близко от района, и тут-то окончательно выяснилась роль донсодовского совета. На заводе распространились слухи, что белые, заняв Попасную, уже отрезали станцию Переездную. Несмотря на близость врага, совет вовсе не думал об эвакуации или отступлении. Видя явное предательство, большевики пытались организовать из рабочих отряд с тем, чтобы отступить к Луганску. Но и это оказалось нелегким — „солдатская организация", подняв голову, стала угрожать арестом. Тогда большевики через свою фракцию поставили на совете вопрос об отступлении.

Никогда на „Донсоде" не было такого бурного заседания совета. Большинством всех против 9 большевиков совет решил: „Нам отступать нечего и некуда". Советовал и большевикам не отступать, обещая „защищать" их от немцев. Интересно отметить, что на заседании совета присутствовал и директор завода Теплиц (теперь уже не за кулисами, а открыто), который горячо убеждал большевиков не отступать... Поставленный фракцией большевиков вопрос о созыве общего собрания рабочих был провален по тем мотивам, что немцы не являются врагами нашей демократической революции и Учредительного собрания. Тем не менее, совет постановил выдать всем отступающим членам совета на дорогу по 500 рублей из кассы совета.

Обсудив положение, организация большевиков решила, что выступать всей организацией в целом рисковано: могли перестрелять всех. Решено было потребовать у совета автомобиль, чтобы пробиться к красным хотя бы нескольким. Совет долго не хотел выдать находившуюся в ведении штаба „солдатской организации" машину и только из-за боязни возвращения крас-

ных, в конце концов, предписал выдать автомобиль. Оказалось, что Попасная еще не была занята, все распространявшиеся об этом слухи были провокацией. Прибывшие в Попасную товарищи влились в один из отступавших эшелонов и направились в Луганск. Явившись в Совнарком Донецко-Криворожской республики, они рассказали М. Л. Рухимовичу о контр-революционной деятельности донсодовского совета и „солдатской организации". Последний сейчас же дал тов. Ворошилову телеграмму в Купянск о разоружении „солдатской организации", но было уже поздно...

В апреле 1918 года прибывшие из-под Луганска отряды Красной гвардии во главе с тов. Ворошиловым дерутся против немцев. Отряды Ворошилова пополняются революционными рабочими содового завода и шахтерами лисичанских рудников. 18 апреля 1918 года немцы занимают содовый завод и рудники. Донсодовская „солдатская организация" бьет из орудий и пулеметов [1]) по отступающим отрядам тов. Ворошилова.

По постановлению организации, из Лисичинского района отступили не все большевики. На каждом руднике и заводе остались небольшие группы товарищей для подпольной работы. На „Донсоде" остались т. т. Шмель, Евсеев, Бойков И. Ф. Ажиппо и другие, при чем Ажиппо был выделен руководителем подпольной работы, так как председатель организации Майхржак еще раньше выехал в Харьков и, будучи отрезан немцами, не мог вернуться в район. На рудниках в подполье работали большевики Лагода, Бородин, Коваленко, Веревка Титов, прибывший из московской организации, и другие.

Почва для работы была благоприятна, так как прибывшие „избавители" — немцы и гайдамаки сразу же стали себя показывать: началась порка крестьян за захват помещичьих земель и аресты всех заподозренных в большевизме. Подпольная работа большевиков энергично закипела; пропаганда велась всюду, где только можно было: на заводах, рудниках, мельницах, базаре и т. д. На содовом заводе подпольщикам помогала и группа молодежи, организованная в свое время Френкелем. Работать

[1]) „Солдатская организация", прикинувшись преданной советской власти перед отступавшими через район красногвардейскими частями, получила от них два орудия и несколько пулеметов, якобы, для защиты завода от немцев... Очевидно, телеграмма Рухимовича Ворошилову была перехвачена в пути и не доставлена по адресу. (*Прим. М. Звонарева*).

приходилось в неимоверно трудных условиях, так как немецкое командование было очень бдительно. Прокламации приходилось писать от руки. В Лисичанске прокламаций составляли т. т. Титов, Лагода и Григорьев, печатал тов. Н. Веревка. В мае 1918 г. в Насвитевичах организовался клуб социалистов-террористов, который вскоре перешел в подпольную организацию большевиков. Организация к этому времени насчитывала 25 человек. Одновременно велась работа и среди немецких солдат. Некоторые товарищи по поручению партии заводили дружбу с немецкими солдатами, устраивались „товарищеские вечеринки", где за бокалом немецкого рома иногда раздавались тосты: „Да здравствуют большевики!".

По мере разложения немецкой армии, большевистские подпольщики становятся все смелее и смелее. В Насвитевичах устраивают гражданские похороны подпольщика Клевцова, убитого гетманской вартой; у могилы рабочие произносят революционные речи. Немцы разгоняют собравшихся и у могилы ставят охрану; но как только охрана уходит, на могиле появляются цветы и венки. Убийцу (вартового) куда-то убирают, будто для предания суду.

Меньшевиков и эсэров не слышно было[1]), потому что осуществилась та „демократия", которой они добивались, так что с их точки зрения нечего было делать: все шло „как следует". Только большевики-подпольщики, не боясь расстрелов, вели работу. Между тем, обстановка становилась все тяжелее. Чувствуя приближающуюся гибель, власти предлагали тысячи рублей за каждого выданного подпольщика. Но и это не помогло, так как факт разложения немецкой армии был уже налицо: солдаты начали избивать своих фельдфебелей, а в Насвитевичах избили даже коменданта — немецкого офицера. Разложившиеся немецкие солдаты так несли охрану, что подпольщики Н. Веревка и Я. Коваленко умудрились стащить у немцев пулемет, зацепив его арканом с железнодорожной насыпи.

В октябре 1918 года Лисичанский район был уже наводнен партизанскими отрядами, которые стали нападать на варту и немцев, а когда узнали о происшедшей в Германии революции, то и совсем открыто стали выступать.

[1]) Поведение меньшевиков и эсэров, а главное разоблачительная работа большевиков, раскрыли глаза многим рабочим, и в партии эсэров, к моменту прихода немцев, осталось всего лишь 60 человек, вместо былых 900, а у меньшевиков только 30 из 200. (*Прим. автора*).

В ноябре 1918 года лисичанским горнякам удалось даже отгрузить несколько вагонов угля и отправить его за нейтральную зону, к красным [1]).

В ноябре немцы уже соблюдают нейтралитет, что дает возможность в декабре 1918 года разоружить последние остатки гетманской варты [2]). После падения власти гетмана и водворения петлюровской Директории, в районе оживают мелкобуржуазные украинские партии, а также русские меньшевики и эсэры. Расформированные в свое время гетманом и немцами отряды „вільного козацтва" вновь возрождаются под названием отрядов „Украинской народной республики". Появляются различные „батьки", которые начинают терроризировать рабочие организации и создавшиеся было уже ревкомы.

Вся эта возродившаяся свора мелкобуржуазных предателей решительно становится поперек дороги большевиков, борющихся с контр-революционными бандами Директории. Интересно отметить то обстоятельство, что положение енакиевских рабочих в это время было еще хуже, так как казаки были совсем недалеко от них, но когда до них дошли вести о бедствиях лисичанских рабочих, то на помощь лисичанцам прибыл енакиевский отряд рабочих. Банды Директории были отбиты, но с юга уже нажимали приближающиеся деникинские белогвардейцы. Не оставаясь в долгу перед енакиевцами, теперь уже лисичанцы идут на помощь в Енакиевский район. В январе 1919 г. в бою под Дебальцево падают смертью храбрых Плыгунов и другие товарищи [3]).

Февраль, март, апрель и май 1919 г. проходят в советском строительстве под грохот пушек наступающих с юга белых. Не дремлет и кулачество, но на борьбу с последним поднимается начавшее осознавать себя беднейшее крестьянство, организованное в комитеты бедноты.

Избранному в марте месяце лисичанскому исполкому приходилось очень круто. Необходимость спасти от гибели рудники и заводы, а также не дать возможности бездействовать предприятиям, имеющим республиканское значение, заставляла

[1]) Все данные о подпольной работе большевиков основаны на воспоминаниях т. т. Бородина и Н. Веревки (материалы Артемовского Окрисгпарта).

[2]) Сообщаемые данные основаны на воспоминаниях т. т. Веревки и Бородина. (Материалы Артемовского Окрисгпарта).

[3]) Воспоминания тов. И. Ажиппо.

исполком проявлять максимум энергии и гибкости в деле своевременного обеспечения заводов и рудников необходимыми материалами и продовольствием. Наступил чрезвычайно острый продовольственный кризис, чем пользовались украинские и русские меньшевики и эсэры (особенно на содовом заводе), всячески стараясь тормозить работу.

Одним из примеров может служить факт, когда директор Ливенгофского завода Лебедев обратился к рабочим со следующим объявлением: „Граждане рабочие. В продовольственном комитете не осталось ни одного фунта продовольствия. Достать негде, а сделанные администрацией Ливенгофского завода запасы продовольственным комитетом взяты для распределения по другим рудникам и заводам" и т. д. Такое объявление, естественно, вызвало возмущение рабочих: раздались гудки, созывающие на митинг. В театре Александро-Дмитриевского рудника собралось более тысячи рабочих завода и разных рудников. Выступившему на митинге заведующему продовольственным комитетом тов. Терещенко не дали говорить, требуя приезда председателя Исполкома из Лисичанска.

Председателем Исполкома был тов. Лагода, пользовавшийся большим авторитетом среди рабочих. В это время он как раз заканчивал „мирные переговоры" с голодной толпой жен красноармейцев и городского населения в Лисичанске. Успокоив это волнение, Лагода немедленно прибыл на Александро-Дмитриевский рудник. Несмотря на авторитет Лагоды, его встретили враждебными возгласами „долой". Однако тов. Лагода в своем выступлении сумел так заострить вопрос об упомянутом провокационном объявлении, что по адресу директора Лебедева раздались крики: „расстрелять его".

Видя перемену в настроении, меньшевики и эсэры, будоражившие рабочих, постарались заблаговременно улепетнуть, а Лагода, воспользовавшись настроением собрания, предложил выделить товарищей для организации отрядов по реквизиции излишков хлеба у сельских кулаков. Тов. Лагода указал также на необходимость обследовать ст. Ныркова, где, по имевшимся у него сведениям, умышленно было загнано в тупик много вагонов со снарядами и продовольствием. В заключение тов. Лагода заверил всех, что дней через пять хлеб будет, так как он выезжает специально за этим в Харьков. Собрание приняло мирный и деловой характер. Начались выборы в продовольственные от-

ряды, а Лагода по прямому проводу обратился к тов. Кожевникову, стоявшему тогда возле Чугуева, с просьбой об оказании поддержки продовольствием, и последний немедленно выслал два вагона муки. Реквизиция же дала ничтожные результаты — всего 113 пудов.

На ст. Нырково, в тупике, т. т. Веревка и Воловой действительно обнаружили шесть вагонов пшеницы, которые были сейчас же доставлены и распределены между рудниками и заводами. Поездка тов. Лагоды в Харьков также увенчалась успехом: там отпустили восемь вагонов зерна и муки. Прибытие этих продовольственных запасов ободрило приунывших рабочих.

Май 1919 г. был последним месяцем мирного строительства, так как в это время пришлось уже организовать пятерку по проведению эвакуации. В конце мая 1919 г. под напором Деникина лисичанцы вместе с енакиевцами и попаснянцами отступают далеко на север, многие там гибнут в боях с деникинцами. В числе погибших и тов. Александр Титов.

Лето 1919 года. В Лисичанском районе деникинцы. Ничего нового, в сравнении с гетманщиной — те же аресты, грабежи, зверства... Только еще сильнее, еще более озверели палачи. Характерная деталь: занявшие „Донсоду" деникинцы не забыли и „мыловаров": правление бывшего „Союза химиков при заводе Любимов, Сальве и К⁰" также угодило в тюрьму [1]).

Площадь и улицы украсились виселицами. Вешали без разбора — партийных и беспартийных. В Лисичанске повесили ни в чем неповинного, никогда, нигде ни разу не выступавшего рабочего Зеленского [2]). Но в декабре 1919 года пришел конец и этим палачам.

1920 год... Деникинцы далеко у моря. В Лисичанском районе вновь организован ревком. Активные работники в районе: Лагода, Бородин, Воловой, Даниленко, Сорокин, Беленков, Антохин, К. Мороз, А. Казаченко, Кабанов и другие [3]). Начинается полоса мирного строительства. Тов. Лагода, став во главе уездной партийной организации и наробраза, очень умело собирает все местные культурные силы из трудовой интеллигенции, готовой честно служить советской власти.

---

[1]) Воспоминания тов. Морокина.

[2]) Протокол группы содействия Истпарту при руднике им. Рухимовича.

[3]) Воспоминания Бородина.

Но первое время не гладко шло и мирное строительство. Еще много бед и препятствий впереди: голод, бандитизм, которые так тесно связаны между собой. Леса, окаймляющие с севера реку Донец, давали прекрасное убежище бандитам. Лисичанский район неоднократно посещал и „сам батько“ Махно. Его тысячные отряды, как орды половцев, не раз проносились по селам и рудникам района, опустошая и уничтожая по пути все советское. Успеху бандитов немало способствовала и плохая организация с нашей стороны: тысячам махновцев одно время противостояли две ненадежные караульные роты, сформированные из дезертиров, да отряд коммунистов в 60 человек.

Прошло и это испытание. С чувством глубокого презрения клеймят участники революционных событий имена предателей. Имена же борцов за власть советов запечатлены в памяти трудящихся навсегда: Донецкий содовый завод имени Ленина, рудник имени Рухимовича, рудник имени Титова...

ГРИШИНСКИЕ РАБОЧИЕ В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ [1]).

В связи с приближением немецких войск, вместе с гайдамаками захватывавших Донбасс, местные помещики, кулаки и духовенство вновь начинают поднимать голову: в ряде сел убивают местных большевиков.

Рабочие и крестьяне для отпора немцам организуют новые отряды Красной гвардии. По распоряжению ревкома вблизи села Сергеевка и за городом Гришино роют окопы. Для проведения этой работы ревком мобилизовал все население от 18 до 45 лет. Однако Красной гвардии, после долгой перестрелки с гайдамаками и немцами, 21 апреля пришлось отступить в сторону Таганрога.

Вместе с немцами в Гришинский район возвратилась и часть помещиков. Первый же день пребывания немцев в районе ознаменовался репрессиями. В селах Гришино, Сергеевка, Криворожье, Святогоровка был арестован целый ряд крестьян, к некоторым была применена порка. По распоряжению немецких властей в волостях были созваны сходы, на которых избирались „волостные земские управы". Естественно, состав этих „управ" был исключительно кулацкий.

Грабежи немцев и гайдамаков стали узаконенным явлением. Прикрываясь борьбой с большевиками, немцы с крестьянских дворов забирали зерно, хлеб, сало, животных и все это вывозили в Германию. Для выполнения норм реквизиции и ускорения ее немцы брали заложников. Земские управы занимались собиранием и свозом имущества помещиков. За взятый в имении хлеб помещики потребовали уплаты деньгами по 9 р. 60 к. за пуд; за невозвращенный инвентарь брали с крестьян в 3—4 раза дороже его стоимости. Аренда за пользование землей также была

[1]) По материалам Артемовского Окристпарта и воспоминаниям О. Яковенко и Д. Воробьева, в обработке редакции.

взыскана. Отряд бышего урядника Котенко беспощадно расправлялся с крестьянами. Положение рабочих на рудниках было нисколько не лучше. Но чем больше ширилась реакция, тем сильнее поднималось революционное настроение рабочих и крестьян.

Партийная организация, перешедшая в подполье (Караковский поселок), укрепляла связь с местами. В районной подпольной партийной организации работали т. т. Яковенко, Шаманов, Петров, Сномак, Конанихин, Драчев, Квиленко и др.

Подпольными работниками на селе были: в Гришино — Д. Воробьев; в Криворожьи — И. Тютюник, Д. Зайцев, Кондр. Елинваренко и А. Сысенко; в селе Святогоровке и Святогоровском руднике — Клевицкий, Опроков, Шатохин, А. Г. Андрюханов, Коршунов, Березка, Булавин, Татаренко и др.; в селе Сергеевке — Третьяк, Дугельный, П. Кутный, Т. Кишкань, Ракотянский, М. Кишкань, Осморский; работа проводилась под руководством кузнеца Бакчинского [1]).

Профессиональным организациям горняков, железнодорожников и т. д., которые были вначале легальными, также пришлось уйти в подполье. Руководство профессиональными организациями взял на себя союз „Горнотруд". В нелегальных правлениях союза работали Яковенко, Печерица, Стебнев, Казаков, Бурчак, Рукавицын и Лактионов. Главнейшей задачей была работа по подготовке всеобщей забастовки.

Явно враждебное настроение рабочих все усиливалось. В августе 1918 года была объявлена всеобщая железнодорожная забастовка. В знак солидарности к забастовке примкнули и рабочие рудников. В Гришино был организован стачечный комитет из т. т. Бакакина, Стрельцова, Говора, Овчарова, Лобанова, Матковского и Шиманова. В день начала забастовки, чтобы не быть приведенными силой на работу, рабочие транспорта разбежались по хуторам, селам, в поле. Немцы и железнодорожная администрация начали применять репрессивные меры: закрыли кооператив, питьевую воду, начали выселять из квартир и т. д. Стачечный комитет был арестован. Бакакина, Шаманова и Стрельцова отправили в Австрию, откуда они впоследствии бежали.

---

[1]) Тов. Д. Воробьев в своих воспоминаниях указывает, что основное ядро организации состояло из рабочих, а крестьян было мало. Одновременно он утверждает, что организация была связана с бахмутской подпольной организацией большевиков. *(Прим. ред.).*

В ноябре месяце немцы начали спешно эвакуироваться. Когда в связи с уходом немцев выявилось неизбежное падение гетмана, на ст. Гришино появились небольшие вооруженные отряды петлюровцев в 10—15 человек, называвшие себя железнодорожной „охороной". Командиры этих отрядов стали держать себя, как власть, которая намерена распоряжаться в случае свержения гетмана. Подпольная организация большевиков, учтя это намерение, зорко наблюдала как за действиями гетманской варты, так и за петлюровцами.

Наконец, в средних числах ноября начальник петлюровской „охороны", сотник Гудвило, получил директиву от своего начальства разоружить гришинскую варту, но у него не хватало для этого сил. Тогда Гудвило обратился к большевикам, считая их „щирыми" украинцами (большевики до этого при встречах с петлюровцами разыгрывали из себя „щирых" в целях конспирации). Этими петлюровскими силами и воспользовалась подпольная организация при разоружении варты 19 ноября 1918 года[1]). Деятельное участие в разоружении принимали крестьяне из сел Криворожья, Сергеевки, а особенно из Святогоровки, и рабочие Красноармейского (Святогорского) рудника[2]). В момент разоружения был убит урядник Царевский.

В конце ноября в Криворожьи был организован партизанский отряд в 120 человек; избрали штаб из семи человек: И. Тютюник, Т. Потрубный, К. Елинваренко, И. Лебедев, И. Тремба и М. Подопригора; из них Подопригора был назначен начальником штаба, Тремба его помощником. В штаб отряда были приведены кулаки — члены земской управы, которым предложили сдать печать и штампы управы; кулаки отдавать не хотели, тогда отобрали насильно. После этого земская управа была ликвидирована.

В Святогоровке также был организован отряд в 100 с лишним человек, который проводил разоружение кулаков и совместно с отрядами Криворожья и Сергеевки вел бой на хуторе Ново-Троицком. Наиболее активными участниками отряда были:

[1]) Описание взаимоотношений с петлюровцами и дата разоружения варты приведены на основании воспоминаний тов. О. Яковенко. Там же тов. Яковенко рассказывает о том, как удалось впоследствии разоружить самих петлюровцев — при совместных военных операциях с ними в Н.-Днепровске. (*Прим. ред.*).

[2]) Активное участие в разоружении принимали следующие товарищи: Кантор Татаренко, Федорченко, Доценко, А. Гончаров, Булавин, С. Гончаров, Шатохин Шуранов, Андрюханов, Бурчак, Гринякин и др.

Тремба (убит в бою), Максименко, Доценко, Дорофеюк и ряд других. Последнее становище помещиков, колония Шидловка, приняла бой с партизанскими отрядами. Хорошо вооруженные винтовками и пулеметами белогвардейцы все же не долго продержались в своих окопах и были смяты партизанами.

В Сергеевке также организовался отряд человек в двести под руководством Кутного и Кишканя, который разоружил между станциями Гришино и Удачной эшелон немцев в момент их отступления из района.

Покончив с разоружением варты и кулаков, партийные организации, рабочие и крестьяне приступили к выборам советов. Вновь были организованы рудничные рабочие правления. Положение на рудниках ухудшалось. Средств не было. Благодаря усилиям союза и рудничных комитетов добыча угля все же не прекращалась.

Для поддержания рудников районный ревком наложил контрибуцию на кулачество, главным образом продовольствием, и распределял его по рудничным базам для питания рабочих. На почве взимания контрибуции в районе начал усиливаться бандитизм: кулачество организовывало вооруженные отряды.

Подсчитав количество оружия и патронов, красные отряды убедились, что патронов мало, винтовки разного образца, что с таким оружием продолжать борьбу нельзя. По приказу гришинского военного комиссариата все отряды влились в регулярную Красную армию. Большая часть объединенного гришинского отряда влилась в 75-й советский полк, а некоторые ушли в махновские отряды „батька" Петрова.

К этому времени в махновских бандах насчитывались тысячи. Под флагом борьбы с контр-революцией махновцы забрали под свое влияние село Сергеевку; но спустя короткое время после проведенной коммунистами работы крестьяне убедились, что отряд Петрова настроен против советов. Поведение махновцев в Сергеевке настолько было отрицательно, что крестьяне для защиты от бандитов организовали отряд в 500 человек, вооруженный вилами, топорами, граблями.

Красноармейские части, находившиеся в районе, не в состоянии были ликвидировать бандитизм. Систематически, несколько месяцев под ряд, коммунисты и работники советских учреждений днем работали, а ночью дежурили с оружием в руках, защищая район от бандитских шаек. Окраины Гришин-

ского района фактически не имели власти. В марте-апреле 1919 г. в Гришинский район на борьбу с бандитизмом присланы были регулярные части Красной армии с броневиком.

В мае 1919 года район оказался в самом тяжелом положении: с юго-востока наступали деникинцы, вокруг бесчинствовали бандитские шайки. 5 мая 1919 г., благодаря измене мах-

Жертвы борьбы с контр-революцией в Гришинском районе.

новских отрядов, открывших фронт белым между Сталино и Рутченково, гришинские советские организации вынуждены были эвакуироваться в Екатеринослав.

Уходили рабочие, уходили крестьяне, не беря с собой ничего: все закапывали во дворах, в степи. Они говорили: „не надолго, скоро вернемся". Отступая, рабочие и крестьяне дали деникинцам бой, в результате которого удалось не надолго задержаться в Гришино. Через несколько дней укрепившиеся

части белых вновь подступили к району. Пять дней бились гришинские рабочие вместе с красноармейцами и, наконец, обессиленные, отступили, понеся крупные потери [1]).

* * *

Заняв район, деникинцы начали назначать волостные правления, старшин и старост из кулаков. Распространяли воззвания к крестьянам в таком духе: „Помогите восстановить разоренную единую и неделимую Россию" и т. д. На сходках призывали вступить в ряды Добровольческой армии, так как последняя идет „на защиту и спасение православной веры".

Попы, кулаки и прочие прислужники оказывали Деникину содействие: выдавали революционных рабочих и крестьян. Появились карательные отряды Котенко, Роговского, Шапова Лова разместившиеся по имениям района, и начались казни крестьян и рабочих; сотни людей подвергались пыткам, истязаниям: живыми закапывали в могилы, выкалывали глаза, как это было, например, с тов. Печерицей. В самом Гришино свирепствовал отряд Малиновского, который расстреливал и вешал на телеграфных столбах рабочих и крестьян.

В Гришинском районе нет ни одного населенного места, где бы не было братской могилы, в которой похоронены жертвы контр-революции. По приблизительным подсчетам, таких жертв в Гришинском районе насчитывается до 1.500 человек [2]).

Отношение рабочих и крестьян — бедняков и середняков — к Деникину было враждебное. Мобилизация, объявленная де-

---

[1]) Д. Воробьев в упомянутых воспоминаниях указывает, что в этом бою было убито около 100 рабочих и крестьян. (*Прим. ред.*).

[2]) Вот далеко не полный перечень жертв Криворожского отряда, участников вооруженной борьбы с белыми.

Группа крестьян, расстрелянных карательным отрядом белых в 1919 году: Пурин, Ф. Я. Козлов, М. Н. Кравченко, Г. Я. Козлов, П. Ф. Лозовой, С. П. Ведренко, Лунин, Е. П. Фоменко, Мостовенко. Из той же организации Иващенко, Могилатов, Круглик, пойманные в плен белыми в 1918 г. при боях на хуторе Ново-Троицком и зверски замученные; тогда же убит и командир отряда Тремба. Зайцев, военкомбриг, член КП(б)У с 1920 года; пойман бандой и зверски замучен в селе Криворожьи. Миронов, член КП(б)У, пойман в 1921 году в селе Криворожьи бандой и казнен. А. В. Печерица—активный работник союза горняков, работавший подпольно в 1919 г., пойман карательным отрядом Котенко и зверски замучен. Пирогов, член КП(б)У, во время проведения рабочего собрания на Святогорском руднике захвачен бандой и расстрелян. И. Сурин, транспортник, член КП(б)У, убит на паровозе во время сражения с белыми.

никинцами, не имела успеха, что подтверждает случай в селе Криворожьи. На сборном пункте начальнику карательного отряда Котенко громогласно было заявлено: „вы нас мобилизуете, но воевать мы не будем". И действительно, не доезжая села Шахово, все мобилизованные разбежались и скрывались до прихода Красной армии. Подобные случаи в районе наблюдались сплошь и рядом.

Вернувшиеся помещики, с помощью карательных отрядов занялись собиранием „разграбленного добра"[1]). Крестьянство стонало под игом помещиков в ожидании Красной армии. Среди рабочих на рудниках и транспорте велась подготовка к изгнанию деникинщины. В конце декабря 1919 года Гришинский район был занят Красной армией; помещики и вся свора заблаговременно сбежали. Восстанавливалась советская власть.

---

[1]) Приводим несколько любопытных документов из материалов Истпарта, характеризующих режим белых в районе:

Начальник
Волчанского Партизанского
Отряда.
23 мая 1919 года.
№ 133.

Старосте села Сергеевки.

Приказываю имущество: сеялки, повозки, бороны, взятые из экономий, вернуть обратно в экономию. Ко мне надо направлять только казенное имущество и имущество, брошенное большевиками. В течение трех дней приказываю вернуть все имущество, взятое из имений. Буду применять меры строгости к тому, кто занимается грабежом. Начальник отряда капитан Яковлев.

М. В. Д.
Сергеевское Волостное
Правление Бахмутского Уезда
Екатеринославской Губернии.
№ 679.
Мая 27 дня 1919 года.
П/Конт. Сергеевка.

Сергеевскому Сельскому Старосте.

Вследствие поручения начальника государственной стражи 13 участка Бахмутского уезда от 26 мая с./г. за № 265, предписываю вам немедленно составить и представить мне списки крестьян села Сергеевки, ушедших с большевиками, указав в списке фамилию, имя, отчество, лета его и куда ушел. Вол. старшина Онопко

М. В. Д.
Сергеевское Волостное
Правление Бахмутского уезда
Екатеринославской Губернии.
№ 771.
Июня 22 1919 года.
П./Конт. Сергеевка.

Сергеевскому Сельскому Старосте.

Предписываю немедленно представить мне список лошадей, находящихся у населения села Сергеевки, подаренных красными, а также взять на учет всех казенных лошадей. Требуемый список представьте мне не позже 24 июня с./г. Сергеевский волостной старшина Онопко.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ СОЛЯНОГО РАЙОНА [1]).

В организованный подпольным ревкомом отряд [2]) с каждым днем прибывало все больше и больше желающих вступить в него, так что не было возможности вооружить всех. К концу октября 1918 года в отряде было до 400 партизан, из которых 100 человек рабочих соляников, а остальные из окружных сел. Отрядом командовал И. Г. Чаплин.

Пользуясь тем, что петлюровцы заигрывали с рабочими, стремясь привлечь их на свою сторону в восстании против гетмана, мы неоднократно посылали партизан в Переездную к „батьке" Волоху и в Бахмутский „курень" за оружием. Волох отказал, а в Бахмуте предложили, чтобы мы навербовали в их „курени" как можно больше добровольцев из солдат, и тогда они обещали дать на весь отряд винтовки и несколько пулеметов. Получив такое обещание, И. Г. Чаплин и Несмеха собрали около 1000 демобилизованных солдат на Терещенский рудник.

С некоторыми отдельными солдатами было условлено, чтобы они обещали петлюровцам „служить" им. Из Бахмута через несколько часов появился петлюровский хорунжий, который после смотра выдал нам 100 винтовок и по 15 патронов к ним.

Узнав действительные цели большевиков, солдаты каждый день приходили и просили принять их в отряд со своими винтовками, которые они привезли еще с фронта. Таких оказалось человек сто. Остальных принять было пока невозможно, так как петлюровцы не давали больше оружия, но мы держали их на особом учете и обещали при первой возможности взять всех.

---

[1]) Настоящая статья представляет собою воспоминания И. Чаплина и И. Зеленого, которые объединены редакцией вследствие того, что их описание относится к одному и тому же району и времени. (*Прим. ред.*).

[2]) См. воспоминания т. Зеленого во втором разделе настоящего сборника.

К нам часто приходили селяне и сообщали, что немцы забирают скот, хлеб и другие продукты. Мы предложили солдатам и унтер-офицерам в каждой деревне организовать свой партизанский отряд и, при появлении немцев, гнать их из деревень, отбирать оружие и вооружаться, с тем, чтобы со временем выступить вместе с нашим отрядам против немцев. В течение непродолжительного времени почти в каждом селе был организован свой партизанский отряд; эти отряды всячески отстаивали свои деревни от насилий немцев, а иногда и отбирали у них оружие.

Так росли и вооружались в Соляном районе партизанские отряды. Немало было произведено налетов на эшелоны немецких войск. Особенно удачный налет был сделан на станцию Ямполь, где действовал соединенный отряд партизан из сел Ямполя, Закатной и Серебрянки. Этот отряд, возглавляемый И. Яицким, имевший 120—150 человек, напал на немецкий эшелон, встретив его пулеметным и ружейным огнем. Было убито много немцев и отряду достались большие трофеи оружия и снаряжения. Немцы в отместку спалили станцию и чинили всякие насилия над селянами, требуя выдачи партизан. Отряд этот пришлось перевести и расквартировать на Брянцевском руднике.

В первых числах ноября 1918 года мы узнали от начальника станции Ступки—Самойлова [1]), что немцы продали петлюровцам оружие на целый корпус, которое будут везти кружным путем из Бахмута через Ступки на Часов-Яр, Славянск, Лиман, Переездную, а не прямо через Соляной район. Мы решили оружие захватить. С этой целью сговорились с тов. Самойловым, чтобы это оружие обязательно было пропущено через станцию Деконскую, где предполагали со своим отрядом напасть на эшелон. Но осуществлению плана захвата помешал т. Несмеха. Когда оружие уже было на станции Ступки, Несмеха призвал рабочих рудника Бахмутская Соль сразу наброситься на вагоны и разобрать оружие. Рабочие подошли к вагону, отбили замок и начали разбирать винтовки; вдруг немецкий часовой дал выстрел, и рабочие разбежались. Винтовок было взято только около 300 штук. Немцы выставили усиленный караул и эшелон с оружием был отправлен по новому маршруту.

Когда произошла революция в Германии и советские войска стали занимать Украину, немецкие части вместе с петлюров-

[1]) Непосредственную связь с ним держал И. Г. Чаплин.

цами начали оставлять Донбасс, при чем передвигались не через наш район, боясь нападения партизан, а кружным путем.

Наступление Деникина началось тотчас же после ухода немцев и петлюровцев. Ревком приказал нашему отряду занять Бахмут и не допустить дальнейшего продвижения деникинских частей до прихода Красной армии. Отряд без боя занял станцию Бахмут-северная, однако от занятия самого города вынужден был отказаться, вследствие нахождения в нем хорошо вооруженной офицерской части в количестве до 250 человек; эта часть пока нейтрально держала себя по отношению к рабочим, о чем офицеры заявляли несколько раньше на одном из митингов. Наш отряд (300 человек, с запасом патронов по 5 штук на винтовку) численно превосходил офицерскую часть, но вступать с нею в бой было рискованно, поскольку она была лучше технически вооружена, подготовлена и дисциплинирована.

К тому же председатель городской думы, явившись на станцию, просил нас оставить город, дабы избежать кровопролития, так как деникинцы уже приближались с южной стороны. Отряду вывезли до 100 пудов разного продовольствия, и мы, посоветовавшись, без боя отступили по направлению к ст. Яма.

По пути отряд снял стрелки и крестовины с железнодорожных путей и, оставив заслон из 50—60 человек под командой тов. Очкасова, двинулся дальше. Через несколько часов Бахмут был без боя занят белыми под прикрытием броневика. На станции Яма мы вместе с ревкомом, переехавшим сюда, приступили к составлению оперативного плана. После недолгого обсуждения было решено оперативный штаб оставить на ст. Яма, откуда и проводить руководство. Здесь же было решено отряд наш разбить на две части: одной под командой И. Зеленого поручено было очистить железную дорогу от Ямы до станций Выемка и Попасная, а другой под командой И. Чаплина—очистить Северо-Донецкую железную дорогу до Харькова.

Отряд под командою Чаплина, оперировавший по линии Яма-Харьков, наталкивался на петлюровцев, которые не знали, куда им деваться, ибо регулярная Красная армия, перейдя в наступление против Деникина, теснила их с севера.

Отряд направился на станцию Лиман и занял ее без боя. От дежурного по станции узнали, что петлюровцы расстреляли здесь нескольких человек рабочих (трупы их валялись раздетыми недалеко от станции) и недавно уехали по направлению к Харькову.

Отряд задался целью догнать петлюровцев. Назначив Ив. Зиму комендантом станции Лиман, штаб потребовал у администрации станции лучший паровоз и соорудить броневик. Администрация выполнила это требование, и на следующее утро у перрона стоял паровоз и пульмановский вагон, оборудованный по типу броневика. Отряд отправился догонять петлюровцев. По дороге был занят Изюм, но петлюровцев и тут не оказалось.

Станцию украсили красными флагами, устроили митинг, после чего по городу расклеили объявление, что Изюм занят частями красных партизан. В городе был создан ревком. Военные склады были опечатаны и переданы партизанской части под командой Савонова [1]), который принял охрану города. Узнав, что петлюровцы находятся на станции Балаклея, отряд направился туда. Петлюровцы действительно недавно тут были и, высадившись, походным порядком отправились назад, в направлении Славянска и Константиновки. В Балаклее петлюровцами были оставлены 1 броневик, 1 вагон с оружием и 2 вагона с хлебом. К сожалению, некоторое количество оружия крестьяне разобрали, не говоря уже о хлебе. Был отдан приказ о немедленном возврате оружия, которого, однако, получили мало.

Связавшись с начальником штаба Антонова, который был в Харькове, отряд отправился обратно на ст. Лиман, чтобы перехватить петлюровцев у ст. Константиновки. Для этой цели штаб привлек и отряд Савонова, которому было дано распоряжение наступать с западной стороны; наш отряд наступал с восточной. В таком порядке мы и повели наступление на Славянск и Константиновку. Благодаря саботажу железнодорожной администрации, которая не подала во время под состав паровоза, мы опоздали и успели только обстрелять тыл петлюровцев, захватив двух человек в плен. Взяв Константиновку, мы установили там советскую власть [2]). После этого отряд по заданию ревкома повел наступление на Бахмут, чтобы оттянуть деникинские части, начавшие продвигаться в харьковском направлении. Мы выступили двумя колоннами. Наш отряд должен был занять

[1]) Этот Савонов впоследствии был ярым бандитом-махновцем, который во главе со своей бандитской шайкой терроризировал крестьян и рабочих Славянского и Изюмского районов, особенно в 1920 — 21 г.г., о чем свидетельствуют воспоминания т. т. Польского и А. Даниленко. (Материалы Истпарта ЦК КП(б)У). (*Прим. ред.*).

[2]) Описываемые действия происходили в декабре 1918 и январе 1919 года. (*Прим. И. Чаплина*).

город с восточной стороны, а отряд под командой тов. Данила Рясного—с западной. Выступили мы одновременно—в 10 час. вечера 5 января 1919 г. и, как было условлено, наши колонны к 4 часам утра 6-го заняли исходные пункты. После этого мы пошли в наступление. К нашему счастью, офицеры почти до утра веселились на балу в женской гимназии и были смертельно пьяны. Город был занят с незначительными потерями с нашей стороны, а господам офицерам попало как следует.

Заняв Бахмут, мы освободили политических заключенных из тюрьмы, захватили почту и телеграф. Продолжительный бой происходил за обладание гостиницей „Бристоль". Благодаря неумению наших командиров руководить уличными боями и недисциплинированности некоторых частей, мы города не удержали. После отступления партизанам было сделано предупреждение, что попавшиеся в грабежах будут расстреливаться на месте.

Вскоре наш отряд влился в 12-й украинский полк, командиром которого назначили т. Михайловского, а Чаплина—командиром 2-го батальона, состоявшего исключительно из соляников [1]).

* * *

Другой отряд, под командой Зеленого, оперировавший в направлении Нырково—Сентяново—Луганск и занявший в конце декабря ст. Нырково, продвигался дальше.

Занимая ст. Нырково, мы послали пять человек в колонию Липовую купить продовольствие, но немцы-колонисты встретили их ружейными выстрелами и ранили несколько человек, в том числе и тов. Бойко, который через два дня умер; был убит и один колонист. Услышав выстрелы, мы немедленно рассыпали свой отряд в цепь и пошли в наступление на колонию. По нашему отряду был открыт огонь из-за домов, который продолжался минут 30. Но убитых и раненых в перестрелке не было. Впоследствии выяснилось, что все немцы-колонисты от 16 до 50 лет были вооружены винтовками. Мы ультимативно предложили сдать винтовки, и через 2 часа на ст. Нырково было привезено до 150 винтовок и полная бричка патронов. Послали вооруженные группы и в другие немецкие колонии — Берестовое и Машаровскую, из которых также были

[1]) Здесь обрываются воспоминания И. Г. Чаплина и дальше следуют воспоминания И. Зеленого. (*Прим. ред.*).

привезены 200 винтовок и 5 тысяч патронов. Благодаря этой военной добыче (в винтовках и патронах мы сильно нуждались), удалось вооружить всех прибывающих в отряд безоружных.

В отряде было к этому времени вооруженных до 500 человек, с которыми мы и двинулись на станцию Сентяново, взяв ее с бою. Через несколько часов нас выбили оттуда, но мы снова заняли ее. Развинтив гайки и расширив рельсы на крутом повороте, верстах в 2—3 от станции, мы повели наступление на Родаково. Через некоторое время показалось два белогвардейских бронепоезда и одно трехдюймовое орудие на площадке. Так как у нас орудий не было, то мы устроили ловушку для белых броневиков, начав отступать к Сентяново. Белые, видя, что мы отступаем, открыли огонь из орудий и пулеметов и полным ходом погнались за нами... На том месте, где были развинчены гайки, броневик сошел с рельс и пошел под откос, а другой остался на рельсах, прикрыв люки; однако из него все же не ушел ни один белогвардеец. Мы захватили несколько пулеметов, одно трехдюймовое орудие и снаряды и через несколько часов обстреливали из белогвардейского же орудия и пулеметов станцию Родаково. Заняв Родаково, мы соединились с 4-й партизанской дивизией под командой тов. Дыбенко, с которым вместе взяли Луганск [1]).

По приказу командира дивизии тов. Дыбенко отряд должен был занять станцию Славяносербск, Алчевск и Дебальцево. При занятии Алчевска, которое произошло на рассвете в первых числах февраля 1919 г., мы захватили массу винтовок, бомбометов и т. д. Через час пришли приветствовать нас несколько тысяч рабочих с рудников и заводов, с музыкой и красными знаменами. Алчевцы по-братски встретили партизан-соляников и отдали отряду свои продовольственные запасы из кооператива и продовольственных магазинов. Оборудовали нам два хороших бронепоезда, и мы двинулись дальше на Дебальцево.

---

[1]) Ближайшими моими помощниками по занятию ст. Ныркова и участниками других боев были т.т. Ипполит Харченко, который командовал сначала ротой, а впоследствии батальоном, Андрей Машеров — командир батальона, Ганченко — нач. пулеметной команды, Соколенко — команд., Маслинский, Чугуненко, С. Лунев, Дружина, Гаврильченко, Ф. Шевченко, Аф. Дельцев, Худенко — нач. хоз. части и многие другие товарищи. Все описанные действия происходили в периоде января—февраля месяцев 1919 года. (*Прим. И. Зеленого*).

В феврале 1919 года отряд достиг 3000 человек [1]) и влился в 4-ю партизанскую дивизию. В составе этой дивизии сформировался 15-й стрелковый полк, командиром которого был назначен И. Зеленый [2]).

* * *

Интересно остановиться на одном из боев, в котором партизаны-соляники показали себя, как настоящие воины. Этот бой происходил под Зайцевским хутором в 5 верстах юго-восточнее Бахмута. 12-й украинский полк был влит во 2-ю украинскую отдельную бригаду, из штаба которой в апреле месяце был получен оперативный приказ занять город Бахмут и во что бы то ни стало закрепиться у Зайцевских хуторов.

Согласно этого приказа 2-й батальон 12-го украинского полка получил задание: ровно в 10 час. (происходило в апреле 1919 года, точно числа не помню) начать наступление через станцию Ступки на Бахмут и Зайцевские хутора. Через час после начала наступления одна из частей батальона, под командой тов. Чуйко, донесла, что станция Ступки с боем занята. Дав тов. Чуйко распоряжение двигаться на Бахмут, штаб батальона отправился на станцию Ступки, где начальник ее тов. Самойлов сообщил перехваченное им по телефону приказание из главного штаба Деникина, чтобы части, находящиеся в Бахмуте, красным не сопротивлялись и отступили без боя. Как только красные займут Бахмут, окружить их с четырех сторон, т.-е. со стороны Никитовки, Часова-Яра, Третьей Роты и Деконской.

Случилось так, как передал тов. Самойлов: к 6 часам утра нас окружили со всех четырех сторон. Командир батальона [3]) выступил перед бойцами и сказал, что мы окружены, но есть два выхода из положения: или драться за Бахмут и за Соляной район, или итти в тыл Деникину. Все в один голос потребовали драться.

Когда разведка точно установила, что мы находимся в тылу у марковцев, нашей 5-й роте был дан приказ броситься в атаку,

---

[1]) По поводу этого количества партизан И. Г. Чаплин дает разъяснение, что это были не только соляники, но главным образом селяне из сел района действий отряда И. Зеленого. *(Прим. ред.),*

[2]) Здесь обрываются воспоминания И. Зеленого и дальше снова следуют воспоминания И. Г. Чаплина. *(Прим. ред.).*

[3]) Командиром батальона был И. Г. Чаплин.

а остальным ротам — выйти на левый фланг. Правый фланг занял подошедший к нам на помощь 1-й батальон под командой тов. Перепелицы, чтобы отрезать марковцам пути отступления на станцию Роты. Когда все было готово, наша 5-я рота подошла на 200 шагов к пассивно державшимся марковцам и открыла огонь. Марковцы, не ожидая такого сюрприза, растерялись и в этом бою потеряли 162 человека убитыми (в том числе генерал Марков с женой, генерал Федоров и врач). Нам досталось 6 пулеметов, около 200 винтовок и 4 подводы с патронами. С нашей стороны было 2 легко ранено и 1 тяжело. Остатки батальона марковцев бросились бежать в Бахмут, но деникинские части, которые наступали на Часов-Яр, приняли их за красных и начали расстреливать из своего же бронепоезда снарядами. Таким образом, батальон марковцев был разбит наголову, мы же к 9 часам вечера заняли прежнюю позицию. 1-й батальон расположился у села Брянцевки и рудника Новая Величка, а наш занял рудник Харламова и село Лазареное.

После этого боя был дан приказ взять Бахмут, станцию Курдюмовку и Никитовку. Развивая наступление, мы почти без потерь заняли указанные нам рубежи и конечные пункты [1]). Деникинские части отступали в беспорядке с значительными потерями. Однако в мае 1919 г. наступил перелом, и наши части начали отходить.

На станции Соль мы в течение семи дней сдерживали деникинские части, потом нам было приказано отступить за Северный Донец (река) в село Ямполь. Здесь был последний бой нашей части с деникинцами, в результате которого 300 деникинцев было потоплено и несколько человек взято в плен. Пощады в боях не было никому, как не щадили никого и наши враги.

Тяжелый, но славный путь прошли партизаны-соляники в годы борьбы за рабоче-крестьянскую власть советов. Весь этот путь — сплошной подвиг, каждый партизан — герой. Общая ненависть к врагу тесно спаяла партизан-соляников в одну непобедимую семью.

---

[1]) По занятии города Бахмута командир батальона Чаплин был назначен командиром 12-го украинского полка и начальником Бахмутского укрепленного района.

А. ШЕРЕМЕТ.

ГЕТМАНЩИНА И НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИЯ В СЛАВЯНСКЕ.

Благодаря опозданию к последнему поезду, отходившему с отступавшими товарищами по работе, мне пришлось остаться в Славянске, скрываясь на первых порах в земской школе у учительницы А. А. Инаковой.

В Славянске приход немцев был встречен попами с хоругвями, за которыми шли члены местной думы — купцы, либералы и (к стыду моему, как рядового эсэра) меньшевики и эсэры, во главе с бывшим каторжанином И. Я. Зубашевым (эсэр). На площади возле собора был парад, потом молебен, а в городской управе в это время стояла очередь доносчиков, приходивших давать сведения о том или другом товарище, активно участвовавшем в революционных событиях.

В результате на квартиру рабочих приходили гайдамаки и немцы, брали с постели, приказывали итти, и только выходили со двора — выстрел в спину и все... Потом пошли грабежи имущества рабочих и крестьян. Особенно распоясались в селах Райгородка, Бандышево и Маяки: порка крестьян, окружение церкви с пулеметной трескотней во время богослужения, встреча с розгами молодых крестьян и подростков, сжигание хат подозреваемых в большевизме,— вот неполная картина дней гетманщины и оккупации в Славянском районе.

Меньшевики и эсэры в это время сидели спокойно в городской думе и говорили, говорили без конца. Повязка, надетая мне на глаза, как молодому эсэру, окончательно спала, и я во всей наготе увидел ничем не прикрашенное предательство вчерашних „вождей“. Терпение группы рабочей молодежи лопнуло, и мы стали советоваться, как дальше быть, за кем итти и кого слушаться. Но в Славянске пока никого не было.

Из этого тупика вывел нас тов. Ф. С. Пашин. Скрываясь от преследований, он приехал из Изюма в Славянск. У нас

состоялось свидание, которым и было положено начало подпольной организации. С помощью Пашина ясно разобрались, какие партии чего хотят. Потом достали оружие — револьверы, наганы.

Связались с крестьянством. Во всем давал направление Пашин: по его указаниям я лично смог связаться в селе Райгородке с Я. П. Величко, Тотуном и Савченко; в Бандышево — с братьями Жажченковыми; в селах Маяки и Христище — с Бондаренко; в поселке Новославянск — с Васильевым, его женой и Маловичко. Затем связались с Великой и Малой Камышевкой, Изюмом, Цареборисовой и Святогорской (фамилий товарищей не помню). В Голой Долине связались с вартовым А. Бороденко и телефонисткой (фамилии не помню).

С помощью такой связи мы объединили вокруг себя до 700 вооруженных крестьян и рабочих. У нас создался ревком: председателем был Пашин, членами — Петр Черников, Тотун и Савченко, а секретарем — я. Вначале установили связь с харьковской организацией левых эсэров.

Однажды я поехал в Харьков от славянского подпольного ревкома в эту лево-эсэровскую организацию, где как раз обсуждался арест Спиридоновой и других московских эсэров. Возник вопрос об отношении к большевикам. Одна из присутствующих там женщин (к сожалению, ее фамилии не помню) заявила, что большевики наши враги, и поэтому мы ни в коем случае не можем помогать им, а должны вести с ними борьбу. На мой вопрос — борьбу с оружием? — мне ответили — „террором". Я уже знал, что такое террор, и заявил: мы на это не пойдем. Все сразу ко мне — „почему"? Я ответил, что еще молод разбираться в такой „тонкой" политике, но вижу, что раз большевиков не одних расстреливали, а рядом с ними и рабочих, то их политика правильна и террор против них — значит против нас. Я взял свою фуражку и стал уходить. Они мне заявили: „Это нечестно, вы изменяете своей программе". Я сказал: раз вы не хотите помогать большевикам, а готовите террор против них, то мы ошибочно к вам попали. Они опять: „Неужели вы себе позволите менять принципы и допустите, чтобы наши вожди, как Спиридонова, томились у варваров в тюрьме?". Я направился к двери. Слышу голос: „Его надо не выпустить". Сообразивши, в чем дело, я рванул дверь и без оглядки выскочил на улицу. Вскоре я наткнулся на одного из славянских

большевиков[1]); узнав в чем дело, он проводил меня к большевику-студенту Николаеву, которому я также рассказал все подробно. Он помог мне получить денег на дорогу и дал на полотне удостоверение о том, что я нахожусь в большевистской организации. Кроме того, он дал мне директиву поставить в своей организации вопрос о вхождении желающих в партию большевиков и протокол об этом за подписью всех привезти ему.

В Славянске ревком одобрил мой поступок и постановил войти целиком в партию коммунистов-большевиков, при чем поручил мне выехать в лес, где прятались наши отряды (в Райгородке), и поставить этот вопрос там. Правда, это было рискованно, но делать надо было. Каково же было мое удивление, когда в ответ на мое сообщение о том, что ревком постановил вступить в партию большевиков, весь отряд, несмотря на конспирацию, громко закричал „ура". Протокол был всеми подписан, и я доставил его тов. Николаеву.

Когда мы связались с харьковскими большевиками, нам категорически запретили заниматься экспроприациями и предложили подготовляться к организованному боевому выступлению, выжидая сигнала. Нашему ревкому пришлось упорно бороться с элементами, вливающимися в наши отряды просто с целью грабежа. Дело в том, что до связи с большевиками мы не имели даже средств к существованию и прибегали к экспроприациям, благодаря которым ребята разбаловались и некоторые из них откровенно промышляли грабежом. Приезжавшие к нам ранее эсэры поощряли экспроприации, вот почему отдельные партизаны из революционеров превратились в бандитов. Со времени установления связи с большевиками мы с Пашиным проводили большую работу, чтобы удержать боевую часть отряда от грабежей; многие от нас ушли и занялись открытым бандитизмом. Но, уйдя из отряда, они продолжали основательно мешать нам. Занимаясь грабежом, бандиты заставляли немцев и варту делать частые облавы, а это было нам не на руку. Мы повели с бандитами жестокую борьбу: в селе Маяки даже удалось человек 30 обезоружить, заманув их, якобы, для дележки добычи. Такими мерами мы оздоровили организацию, и крестьяне стали нас любить и помогать нам. Наши отряды на Лимане, в Поповке

[1]) По воспоминаниям тов. Ф. С. Пашина (материалы Истпарта ЦК КП (б)У), это был тов. И. М. Маловичко, который, как указывает Пашин, был командирован в Харьков вместе с А. Шереметом. (*Прим. ред.*).

и Райгородке нередко нападали на немецкие и гайдамацкие отряды и эшелоны, нанося им большие потери, после чего всегда были облавы в селах и хуторах, но ни одного из нас крестьяне ни разу не выдали. У одной старухи в Райгородке сожгли хату за то, что сын ее в рядах повстанцев. Она пришла к нему в лес, плачет и говорит: „На́ твою винтовку, насилу спасла". Мы все долго смеялись: хату чорт с ней, а винтовку спасла.

Разложение немецких войск шло в Славянском районе следующим путем: я лично привозил из Харькова листовки на немецком языке, которые потом умело подбрасывали немцам. В нашей организации был тов. Иван Череватенко, жена его была немка. Когда к нему ворвались немцы и стали грабить сено, она заговорила с ними по-немецки. Так возникло знакомство с немцами. Это знакомство впоследствии принесло нам много пользы. Однажды по поручению ревкома я, загримировавшись, пошел на разведку в город, но был опознан одним из бывших милиционеров Замбеко, который в то время был гетманским сыщиком. Меня арестовали, но благодаря знакомству с сочувствующими нам немцами, мне удалось бежать.

Все, что делалось среди немецкого командования, мы знали. Практиковалось также обезоружение постов или идущих среди бела дня одиночных немцев, чему они были бессильны помешать, ибо население нас не выдавало. Главное же их бессилие было в том, что они совсем не могли воспрепятствовать нашим нападениям на их эшелоны, идущие со ст. Яма через Юзовку и Лиман, так как в этом случае лучшими нашими союзниками были густые леса Славянщины.

В Славянске в немецкую форму переодевались купеческие сынки, которые грабили и пороли крестьян. В Райгородке нами был опознан отряд купеческих сынков-офицеров, под предводительством купеческого сына Гречки и мясника Зайцева. Переодетые в немецкую форму (в колич. 18 чел.), они пороли крестьян и забирали у них скот. Наш отряд, с согласия ревкома, всех их утопил в Донце (только одному из них удалось убежать).

Перед петлюровским восстанием против гетмана нам была дана директива во что бы то ни стало воспрепятствовать мобилизации рабочих нашего района, которую меньшевики хотели провести для помощи Петлюре. Наш ревком, получив сведения, что на содовом заводе под руководством меньшевиков собирается для этого общее собрание, послал меня выступить на нем.

Выполнил я это следующим образом: накрыв голову, якобы от дождя, который действительно лил, я прошел никем не замеченный до контрольной будки завода. Здесь стоял усиленный караул варты. Пройти было невозможно. Смотрю, идет хорошо знакомый рабочий. Я ему сказал, что пришел на их собрание от подпольной организации большевиков. Не успел я сказать, как он рванулся в завод. Через пять минут рабочие на руках внесли меня в завод и избрали председателем собрания.

Подъем у рабочих был таков, что ни варта, ни меньшевики ничего не могли сделать. Член завкома сказал: „Для борьбы с гетманом Петлюра просит нашей помощи, как быть?" Я обрисовал положение наших подпольных партизанских отрядов, их количество и вооружение, подъем крестьянских масс, который приходится пока сдерживать, указал на разложение немецких войск и т. д. В заключение, охарактеризовав позорную роль меньшевиков и эсэров, сидевших в думе и спокойно смотревших, как нас расстреливали, я призывал рабочих не давать петлюровщине ни одного солдата, а самостоятельно восстанавливать советскую власть и партию большевиков, организуя свои собственные, рабочие вооруженные отряды.

После этого было внесено предложение итти в город с демонстрацией, чтобы немцы, петлюровцы и изменники рабочего класса — меньшевики и эсэры, видели, чего хочет рабочая масса. Сразу появились красные знамена и мы, бросив завод, все пошли в город, к клубу. Почти одновременно сюда же пошли железнодорожники и рабочие других заводов. Оказывается, меньшевики и эсэры созывали на общее собрание рабочих и этих предприятий для обсуждения того же вопроса — о поддержке Петлюры. Меньшевики действовали легально, так как немецкое командование обещало не вмешиваться в это дело.

Площадь перед клубом была заполнена рабочими. Крыши, заборы были переполнены. Митинг пришли открывать меньшевики Коссов и Гаусман. Когда я приблизился к трибуне, они оба набросились на меня и, схватив за грудь, не пускали на трибуну, заявляя: „уходите, не создавайте анархии, не срывайте митинг". Послав их к чорту, я с силой оттолкнул обоих и, взойдя на трибуну, сказал: „Товарищи рабочие, мне меньшевики не дают говорить". В ответ раздались крики: „Слово, слово Шеремету". Выступил Коссов и говорит: „У нас и так много ораторов", а рабочие попрежнему кричат: „Слово Шеремету!"

Тогда Коссов обещал дать мне слово, и я остался на трибуне. Немцы, стоявшие в отдалении в боевой готовности, вдруг сразу стали приближаться к трибуне, при чем лошадьми начали теснить рабочих с тротуаров. Масса всколыхнулась. Заметив, что в последних рядах толпы кто-то хочет сорвать митинг (что и вызвало движение немцев), я громко крикнул: „Товарищи рабочие, не бойтесь, немцы вас не тронут". Это получилось так громко, что все остановились и, действительно, немцы, перестроивши свои ряды, стояли спокойно.

Коссов стал говорить о том, что немцы помогли нам установить порядок, что они помогают организовать городскую думу и что мы должны мобилизоваться для помощи Петлюре. Собрание молчало. Потом от железнодорожников выступили товарищи Леонов и Ефим Коваленко (большевики), высказавшиеся за советскую власть. Коссов, видя, что рабочие выступают против его предложения, попытался снова не дать мне слова. Тогда я самовольно выступил с речью, аналогичной той, которую произнес на содовом заводе. В этот момент меньшевики Коссов и Гаусман дали сигнал на один из балконов, оттуда бросили листовки с призывом о помощи Петлюре. Поняв, что они срывают митинг, я крикнул: „Вся власть советам, долой предателей рабочего класса!" „Все собрание приветствовало эти лозунги громким „ура". В это время Коссов подошел к немецкому переводчику и что-то сказал. Немецкие отряды засуетились. Сразу сообразив, в чем дело, Коваленко и я быстро перескочили через забор и исчезли. В этот же день за городом, на окраине, было созвано заседание ревкома, где порешили пока всем скрыться, а мне и Маловичко отправиться в Харьков с информацией.

Приехали мы в Харьков в тот момент, когда большевистская организация в подвале обсуждала вопрос о захвате станции Харьков. Прийдя на станцию, мы ее застали пустой: петлюровцы удрали. Тов. Маловичко, как военный, был временно назначен начальником передвижения повстанческих войск, а я его помощником. Через сутки пришли регулярные красные войска. Правду сказать, в них даже внешне нельзя было узнать прежнюю Красную гвардию. Из Харькова я и Маловичко снова вернулись в Славянск.

В Германии вспыхнула революция, немцы спешно покидали Украину. Возвращалась советская власть.

ДЕБАЛЬЦЕВО В ГОДЫ КОНТР-РЕВОЛЮЦИИ [1]).

26 декабря 1917 года под видом пассажирского поезда на Дебальцево в 12 часов ночи налетела банда казаков под командой Чернецова. Захваченные с винтовками в руках красногвардейцы вместе со своим командиром тов. Коняевым были расстреляны тут же. Остальные товарищи разбежались. Таково было первое боевое крещение в Дебальцево после 1905 года.

С этого момента началась борьба за захват Дебальцево, как одного из главных железнодорожных узлов Донбасса, имеющего большое стратегическое значение в борьбе с контр-революцией. На его путях не раз решалась судьба пролетарского Донбасса.

Естественно, что рабочие Дебальцевского узла не могли оставаться безучастными к происходившим событиям; они целиком были поглощены ими и не раз проявляли беззаветное мужество и героизм, которые должны быть отмечены на страницах истории революции.

Тяжелое время пришлось пережить товарищам, рискнувшим остаться здесь после отступления красных для подпольной работы. Правда, немцы не были так придирчивы, у них не было той озлобленности, которая наблюдалась у головорезов гайдамаков, практиковавших в широком размере пытки шомполами. Между прочим, в Дебальцево нашим товарищам этой „прелести“ почти удалось избежать. Объясняется это тем, что в городе крупной буржуазии не было, а мелкая молчала, боясь возвращения красных. Гайдамаки же здесь стояли редко, они занимались более важным делом — пороли рабочих шомполами в других, более крупных пролетарских центрах Донбасса и Украины.

Подпольной работе очень благоприятствовало то обстоятельство, что между немцами и гайдамаками скоро началась немая вражда. Гайдамаки видели, что приглашенные ими немцы ока-

[1]) Воспоминания группы участников в обработке редакции.

зались не помощниками, а настоящими хозяевами положения. Многие из самых „щирых" местных украинцев и отъявленных врагов большевизма не раз говорили, что с этими „нахалами"— немцами по добру не разойтись.

Надежды подпольщиков на то, что украинских помещиков и капиталистов иностранные штыки не спасут, все больше и больше укреплялись; решили действовать. Собравшись на одной из конспиративных квартир, И. Уваров, Клюев, В. Дубовой, Агакулов, И. Змиев (2-й), Кириченко, Третьяков, Аксенов, Синегубов и др. постановили связаться с екатеринославской подпольной организацией большевиков, куда и были посланы т. т. Иван Уваров и Василий Дубовой.

По прибытии в Екатеринослав, они установили связь с организацией через тов. Полторацкого, а также тов. Шалюпу, который в то время приехал из Москвы и привез с собой много газет, брошюр и планы намеченной революционной работы вообще и, в частности, план проведения всеобщей забастовки железнодорожников на Украине. Тов. Шалюпой был сделан подробный доклад о текущем моменте и о предполагаемых мероприятиях. После доклада екатеринославцы снабдили товарищей литературой, газетами и брошюрами (всего весом около двух пудов) и поручили им связаться с Попасной, Луганском, Сватово, Купянском, Ясиноватой, Мушкетово, Иловайской и Харцызском для совместного выступления.

Прежде чем выполнить это задание, надо было проделать длинный путь от Екатеринослава до Дебальцево, притом с большим количеством литературы. На ст. Нижнеднепровск были свои красногвардейцы, в Синельниково — немцы, в Чаплино—австрийцы, в Очеретино — махновцы, в Гришино — петлюровцы, в Авдеевке — австрийцы, в Ясиноватой — казаки и в Дебальцево немцы и гайдамаки. Все это значило, что ехавшие товарищи каждую минуту рисковали быть схваченными и повешенными на первом же попавшемся столбе.

На ст. Очеретино на поезд напали махновцы (тогда еще относившиеся к большевикам более или менее дружественно), с которыми во время осмотра вагона у т. т. Уварова и Дубового завязался разговор; предложили им газеты и брошюры; махновцы взяли и ушли. От Ясиноватой пришлось ехать на паровозе, спрятав литературу в тендерный ящик, в виду возможной опасности, т. к. с этим же поездом ехал казачий офицер, замеченный

еще не доезжая Ясиноватой. Только ночь помогла т. т. И. Уварову и В. Дубовому благополучно завершить опасный путь.

По возвращении товарищей из Екатеринослава было созвано совещание (присутствовали т. т. И. Уваров, В. Дубовой, Агакулов, Кириченко, Черных и Змиев 1-й), на котором они доложили о предполагавшейся забастовке и о том, какая работа возложена на всех подпольщиков. На совещании решили заменить председателя союза железнодорожных рабочих и мастеровых другим товарищем, так как проведение предполагавшейся забастовки требовало твердого руководства, чего ожидать от тогдашнего председателя нельзя было. Тов. Уварову поручили установить связь с Попасной и Сватово. Связь с Попасной была установлена через т. Кравченко, а со Сватово — через токаря т. Гончарова. В эти пункты была передана литература и сделан там информационный доклад о том, как вести забастовку. Т. т. Кириченко и Дубовому было поручено установить связь с Луганском, Миллерово и Зверево, что ими было выполнено через тов. Кишкина, работавшего в луганских железнодорожных мастерских (т. Кишкин впоследствии был повешен казаками при занятии г. Луганска). Тов. Черных было поручено связаться с Мушкетово, Харцызском и Ясиноватой, и он также выполнил возложенные на него обязанности (т. Черных умер в Кременчуге в июле месяце 1919 г.). Иваном Змиевым (2-м) и Аксеновым, как телеграфистами, была налажена связь со всеми названными пунктами по телеграфу.

В средних числах мая состоялось собрание мастеровых и рабочих узла. На этом собрании Нестеренко сложил с себя обязанности председателя союза, предвидя забастовку, которой он боялся, как человек беспартийный и нерешительный. Вместо него подпольщики выдвинули тов. Уварова, которого собрание и утвердило.

В первых числах июня 1918 года подпольщики с минуты на минуту ожидали сигнала из Екатеринослава. 7 июня 1918 года в 6 часов утра была получена телеграмма с призывом о прекращении работы [1]). Тов. Уваров собрал в пассажирском депо мастеровых и рабочих и прочитал телеграмму. Наэлектризованные

[1]) Здесь несомненная ошибка, так как согласно публикуемым в статье Н. Редина (см. „Літопис Революції“ № 5 1928 г.) данным всеобщая ж.-д. забастовка на Украине происходила во второй половине июля 1918 года. Эта же ошибка повторяется здесь все время при описании стачки. (*Прим. ред.*)

рабочие и мастеровые, доведенные до крайности своим бесправным и тяжелым экономическим положением и всевозможными приказами гетмана Скоропадского, постановили немедленно прекратить работу, заявив при этом Уварову, что если рабочие остальных служб их не поддержат, то они через два дня работу возобновят. Положение было критическое, так как председатель „паровозосоюза" Гетманский был отъявленный соглашатель, и на предложение примкнуть к забастовке ответил отказом, мотивируя его тем, что телеграмма не была адресована „паровозосоюзу". Что же касается союзов других служб, то их председатели были не лучше Гетманского.

Двухдневный срок, установленный рабочими, истекал, а железнодорожное движение дебальцевского узла не приостанавливалось. Связь с Екатеринославом была прервана, и забастовке, начатой так удачно, грозило быть сорванной. Тогда подпольщики (И. Уваров, Клюев, Кириченко, Дубовой, Агакулов) решили издать приказ от имени екатеринославского стачечного комитета. Выработка приказа была поручена Уварову, а отпечатание — Богданову. Попутно с этим было выработано также и воззвание ко всем гражданам, с призывом поддержать забастовку. Получив отпечатанные приказы и воззвание, т. Уваров 9 июня в 4 часа дня созвал всех председателей союзов в клуб и передал им эти материалы для расклейки в своих учреждениях и вообще на видных местах. В приказе говорилось, что в 6 часов утра 10 июня все должны прекратить работы, оставив по одному дежурному на службах и в цехах, на водокачке же и электростанции работу не прекращать, чтобы не оставить население без воды и освещения. Кроме того, в приказе говорилось, что забастовка может быть прекращена лишь тогда, когда будет вывешен приказ о возобновлении работ.

Приказ достиг цели, и забастовка приняла общий характер. Но и немцы не дремали. В первую очередь были арестованы телеграфисты т. т. И. Змиев (2-й), Телятников и Неклеса. Их отправили в луганскую тюрьму, где они просидели больше месяца.

Немцы, чтобы сорвать забастовку, устроили собрание в вагонной мастерской, обещая прибавку, продовольствие и одежду. Но на все предложения немецкий комендант получил ответ, что до получения приказа о прекращении стачки работа возобновлена не будет. Рабочих хотели поймать на удочку, говоря, что приказ уже получен. Но присутствовавший на собрании

Уваров разъяснил, что это приказ гетмана и немецкого командования, а не стачечного комитета. Для внесения большей ясности в положение, тов. Таратуренко предложил выделить делегацию и послать в Екатеринослав, но немецкое командование на это не согласилось и заявило, что если через три дня работа не возобновится, то будут приняты решительные меры.

Поддерживаемые агитацией и воззваниями, рабочие продолжали бастовать, хотя конец забастовки уже можно было предугадать: из более слабых районов, как, например Мариуполь и Иловайск, начали прибывать поезда; правда, бригады прибывающих поездов подвергались насмешкам и даже угрозам, но это уже не могло помочь делу.

17 июня немецкое командование приказало арестовать т. Уварова, которого в 3 часа ночи посадили в каземат. Всех же рабочих согнали на площадь, предварительно оцепив городской и железнодорожный поселки. Собранных окружили пулеметами и, угрожая расстрелом, предложили желающим стать на работу отойти вправо, а нежелающим — влево. Под угрозой пулеметов малодушие проявили в первую очередь машинисты, конторщики и кондукторская бригада, которые вообще играли в этой забастовке некрасивую роль, и лишь появление упомянутого выше приказа заставило их примкнуть к бастовавшим. Переход на правую сторону этих групп увлек за собой и остальных, но узнав, что тов. Уваров и три телеграфиста: И. Змиев (2-й), Телятников и Неклеса арестованы, рабочие потребовали освобождения их, что и было впоследствии (через месяц) исполнено немецким комендантом, предварительно отобравшим от арестованных подписку не бастовать и не призывать к забастовке других. Так окончилась стачка в Дебальцево.

Несмотря на угрозы немецких и австрийских штыков и правительства Скоропадского, забастовка продержалась две недели. Это убеждало рабочих в том, что с уходом немецких и австрийских войск свора Скоропадского долго не продержится. Предположение скоро оправдалось: в Германии вспыхнула революция: немцы из Донбасса стали уходить.

В это время подпольщики (Уваров, Агакулов, Кириченко, Дубовой, Клюев и другие), устроив совещание и наметив план действий, решили созвать общее собрание рабочих железной дороги и завода, которое и состоялось на следующий день в вагонных мастерских. С докладом выступили тов. Уваров, а после него

представитель немецких солдат, заверявший, что после переворота в Германии две свободных страны будут жить в содружестве. На собрании был избран временный военно-революционный комитет, в состав которого вошли: т. т. И. Уваров, Клюев, Шпота, Агакулов, В. Дубовой, Кириченко и Черных. Однако комитету не пришлось долго работать — с Дона двигались казачьи банды. Просуществовав всего два дня, революционный комитет взял паровоз, два вагона, забрал имевшиеся винтовки и с вооруженным отрядом в 18 человек (возглавляемым т. т. Змиевым I и Аксеновым) отступил в Попасную.

Т. т. Уваров, Клюев и Кириченко остались для подпольной работы в Дебальцево, нелегально проживая в заводской колонии. Прибывшие казаки произвели на их старых квартирах обыски. Положение стало угрожающим, и они выехали на ст. Шебенка, где пробыли около недели. Получив сведения, что казаки несколько успокоились, эти товарищи решили вернуться в Дебальцево. Предварительно т. т. Уваров и Кириченко выехали в Алчевск, куда постепенно съехались и все остальные товарищи. Здесь связались с партизанским отрядом некоего Дыбенко [1]), по поручению которого выехали в Дебальцево, чтобы произвести разведку сил казаков.

В Дебальцево товарищи были свидетелями того, как по приказу полковника Жирова, командовавшего казачьими бандами, повесили на столбах тов. Дмитрия Цыбу и старшего рабочего службы пути (фамилию восстановить не удалось). Несмотря на репрессии, положение казаков было шаткое. Собрав необходимые сведения, Уваров и Кириченко возвратились в Алчевск, где доложили штабу отряда о положении у казаков. Получив из штаба литературу и несколько фунтов динамита, они снова направились в Дебальцево через село „15-я рота".

Из привезенного динамита изготовили жестяные бомбы с лапками для прикрепления к рельсам, но бомбы эти никаких результатов не дали, так как были изготовлены не специалистами. Литературу роздали, а листовки с помощью товарищей

[1]) Чтобы не смешивать этого Дыбенко с бывш. наркомвоеном, приводим здесь справку о гибели его: когда Дебальцево было занято красными партизанами, то т. Дыбенко дал приказ своему отряду преследовать отступавшие деникинские части, но партизаны отказались от этого. Тогда Дыбенко выстроил свой отряд и приказал расстрелять каждого десятого. Взбунтовавшиеся партизаны зарубили Дыбенко тут же возле вагона, куда он пытался укрыться. Комбригом т. Смолиным приказ Дыбенко о наступлении был отменен.

расклеили в мастерских и по улицам поселка. Увидев расклеенные листовки, казаки всполошились. Уваров и Кириченко, выяснив, что можно свободно пройти через Чернухино, пробрались на ст. Мануйловка, где в это время находился отряд тов. Зеленого, наступавший на Дебальцево, в рядах которого уже были и остальные товарищи: Змиев 1-й, Агакулов и другие. В скором времени, когда прибыл красный броневик „Черноморец" с четырьмя морскими дальнобойными орудиями, Дебальцево было занято красными партизанами. Но так как не было своевременно принято никаких оборонительных мер, то на другой же день пришлось отступить на старые позиции в Мануйловку и Алмазную. На этих позициях партизаны держались до прибытия 2-й стрелковой бригады под командой т. Смолина, после чего Дебальцево снова было занято красными войсками 15 марта 1919 года.

Организацией ревкома руководил политкомиссар 15-го стрелкового полка тов. Буфетов. В ревком вошли: И. Уваров, Кириченко и Агакулов.

Одной из сложных задач, стоявших перед новым ревкомом, было наладить продовольственное дело, так как во время беспрерывных боев, начавшихся еще в ноябре 1918 г., подвоз продуктов в Дебальцево совершенно прекратился. Надо было думать не только о снабжении продовольствием рабочих и беднейшего населения, но и о продовольствии для частей Красной армии. Забота была очень тяжелая, тем более, что работать приходилось в непосредственной боевой обстановке.

Военно-революционный комитет провел мобилизацию всего населения от 18 до 40 лет для рытья окопов вокруг Дебальцево, т.-е. для сооружения оборонительной линии в ожидании подкрепления. Но и белые не дремали: конница под командой Шкуро пошла в наступление. В апреле 1919 года положение было угрожающим. Шкуро подошел к Дебальцево на расстоянии 3 верст. Советские организации, созданные за этот период, выехали в Алмазную, остались только военные части.

Оставшийся комендантом города председатель ревкома тов. Уваров созвал все рабочее население в вагонные мастерские на общее собрание, где обратился к рабочим с призывом защищаться с оружием в руках. Увлеченные горячей призывной речью тов. Уварова и видя его всегда впереди, многие рабочие тут же записались в отряд. В первую очередь записался соста-

витель тов. Чуднецов вместе с сыном. Всего записалось до 300 человек; вооружившись винтовками, они под командой комбрига тов. Смолина двинулись навстречу наступающему противнику. Красноармейцы 14-го и 15-го полков, видя выступление рабочих, воодушевились, и в результате конница Шкуро была оттеснена на 10 верст. В этом бою погиб молодой дебальцевский партизан, телеграфист А. С. Синегубов, и ранен т. Змиев 1-й. Конница Шкуро, потерпевшая значительный урон, не рисковала пока возобновить наступление.

Видя, какую огромную роль сыграл отряд рабочих, тов. Уваров через три дня на вторичном собрании обрисовал положение до и после организации отряда. Здесь же была объявлена дополнительная запись, и отряд был доведен до 375 штыков. Командиром отряда был назначен т. Орлов (начальник железнодорожной милиции).

Комбриг Смолин отдал приказ итти в наступление. Партизанский отряд был поставлен в центр, а правый и левый фланги занимали части 14-го и 15-го полков. Этим наступлением конница Шкуро была отбита за деревню Сулисовку, которую и занял дебальцевский партизанский отряд (расстояние от Дебальцево до Сулисовки — 20 верст).

Наскоро составленный партизанский отряд не мог, конечно, быть постоянной боевой единицей. Рабочие были совершенно раздеты и без обуви. К тому же в отряде была всего лишь одна походная кухня, которой нельзя было удовлетворить всех. Отряд пришлось с позиции снять и рабочих, после трехнедельного участия в боях, вернули на работу. Деникинцы, собрав силы, двинулись в контр-наступление. Ревком, видя эту опасность, не прекращал рытья окопов вокруг Дебальцево, для чего ежедневно высылал на работу до 300 человек. Окопы рыли большей частью в ночное время, чтобы не дать заметить их противнику. Приходилось посылать на работу и рабочих и мастеровых, которые, отработав день, шли ночью на опасную работу, шли без ропота и упрека, так как знали, куда и для чего идут. Но все это не помогло... Несмотря на участие в боях всех броневиков, а также полевой артиллерии в количестве до 20 пушек, имевшихся в распоряжении красных, Дебальцево вскоре было сдано более сильному численно и технически врагу.

Наступила мрачная пора деникинщины...

П. ТРЕЙДУБ.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА СЕЛЕ.

Вести о Февральской революции дошли до Александровской волости через прибывших с фронта отпускных солдат.

Загорелись старые надежды на раздел помещичьих земель, что нашло свое отражение в усиленном интересе селянства к вопросам Учредительного собрания. На учредиловку возлагали большие надежды. Этому способствовала энергичная деятельность организованной при волости ячейки эсэров.

Старый волостной писарь П. М. Костенко примкнул к эсэрам и, пользуясь авторитетом „всезнающего" человека, повел за собой революционно-настроенное селянство. Из уезда прибыли два видных эсэра, снискавших особое расположение селянства посулами скорого раздела земель.

О совете в то время (май — июнь 1917 года) не было еще и речи. Волостное правление преобразовалось в волостное земство со всеми старыми служащими во главе. Ушел только урядник, добровольно сложивший свои полномочия.

Время шло. Селянство уже не довольствовалось посулами и стало наступать на эсэров, предъявляя требования о практическом проведении их обещаний в жизнь. В это время появился крестьянин села Александровки Иван Куренный (впоследствии, с 1919 года, член КП(б)У) — солдат старой армии, до войны служивший при волости писарчуком.

Иван Куренный, сгруппировавший вокруг себя солдат-фронтовиков, сразу же потребовал контроля над хозяйством крупных земельных собственников. В ячейке эсэров наметился раскол вследствие возникших по этому поводу серьезных разногласий. Костенко и крепко державшаяся за него группа кулаков (Смищенко Илья и другие) повели войну против группы солдат-фронтовиков; эта борьба была перенесена и в селянство.

Выборы в Учредительное собрание проходили в исключительно страстной обстановке споров и агитации. Вот некоторые детали выборов: ячейка эсэров разослала своих агитаторов по деревням; проходя по крестьянским дворам и пользуясь массовой неграмотностью, они указывали селянам, какой именно номер надо отрезать от избирательного бюллетеня. В результате за эсэров голосовало подавляющее большинство. Большевики получили 5 голосов, кадеты 2 голоса. За кадетов, по словам селян, голосовали поп и урядник. Осенью 1917 года Костенко вынужден был уехать из волости, вследствие явного неподчинения ему членов эсэровской ячейки.

События к этому времени резко изменились. Руководство переходит к группе Ивана Куренного. Ячейка становится левоэсэровской, и в октябре 1917 года создается первый совет крестьянских и солдатских депутатов. Председателем совета становится Куренный.

Советом была начата работа, пришедшаяся по вкусу селянам: был проведен учет крупных помещичьих хозяйств; по имениям были установлены контролеры в большинстве из членов совета, которые жили в имениях в целях охраны взятого на учет имущества. Контролеры вызвали особенную ненависть крупных землевладельцев; селяне, исполнявшие в свое время обязанности контролеров, при сменах властей подвергались исключительным гонениям со стороны белых.

Другой работой совета был передел земель. Первыми были отрезаны земли кулаков села Воробьевки. Вслед за этим началась передача помещичьего хлеба селянам, но за этой работой застали совет наступающие соединенные силы петлюровцев и немцев.

Совет эвакуировался в РСФСР 5 апреля 1918 года.

* * *

20 апреля 1918 года в Александровской волости происходил съезд крупных земельных собственников. Помещики и кулаки ликовали. Руководил съездом белогвардеец Константин Романов (сын местного дьякона, собственник, имевший 30 десятин земли). На съезде имели право присутствовать без каких бы то ни было выборов только владельцы не ниже 25 десятин земли.

Некоторые реакционно настроенные середняки, имевшие менее 25 десятин, закупали землю для того, чтобы только получить

право решать близкие их интересам вопросы. Подчеркнуто классовый характер съезда вызвал тревогу и ненависть беднейшего крестьянства.

Сохранилось в памяти селянства и весьма характерное выступление на съезде некоего Воронова, который, испугавшись навязываемой ему съездом роли члена волостной земской управы, заявил: „Отказываюсь от почетной должности, господа собственники, не потому, что не хочу, а потому, что революция не закончена. И кто знает, что предстоит нам пережить". Победа буржуазии и помещиков была настолько непрочной, что даже отдельные представители их сомневались в своих силах.

Как бы то ни было, но со времени съезда организация крупных собственников стала быстро крепнуть. Это выразилось в лихорадочном и массовом вооружении. Хутора ощетинились новенькими винтовками. По колониям появились пулеметы. Вся эта военная мощь собственников возглавлялась избранной съездом волостной земской управой и ее председателем — Константином Романовым.

В первые дни гетманщины селянство затихло и притаилось. Новоиспеченная волостная управа занялась выискиванием большевистски настроенных солдат, крестьян и оставшихся кое-где красногвардейцев. Последних было три на всю волость: Порфирий Трейдуб, Макар Щербаков и Егор Касенкин. Два первых состояли в краматорском заводском отряде и, приехав в отпуск, были отрезаны фронтом; Касенкин принадлежал к петроградскому отряду Красной гвардии и был участником июльских и октябрьских событий в Питере.

Первыми были арестованы контролеры экономий и солдаты Михаил Лавров (умер), Михаил Рашевский и другие, к которым была применена порка. После первых арестов и порки началось немедленное возвращение помещичьих земель и имущества, но в виду того, что земля была засеяна, помещики установили так называемую „скипщину", т.-е. каждую третью копну сжатого хлеба стали отбирать в свою пользу. Это, наконец, заставило селян взяться за организацию партизанских отрядов.

К концу мая 1918 года волна реакции достигла невероятных размеров. Помещики и кулаки, дорвавшись до власти, вымещали свою злобу на крестьянах, подвергая их всяческим издевательствам, порке и т. п. Тут-то и показал себя Константин Романов, обнаруживший организационные таланты по части

сплочения белых. К этому времени относится послание Романова в изюмское земское управление, в котором он, характеризуя политическое состояние волости, верно указал на намечающуюся организацию революционно-настроенных селян. Романов требовал немедленного ареста и ссылки следующих семейств и лиц: Трейдубов — Емельяна, Порфирия и Николая, Седенковых, братьев Лавровых, Пономаревых, Изотовых и других.

Около 70 политических врагов насчитал Романов и за политическое состояние волости не ручался, если названные им селяне останутся. Однако массовая высылка не состоялась, а вместо этого поползли по волости грозные слухи о партизанах.

Вначале прошел слух о Махно, скоро претворившийся в действительность: 20 июля 1918 года отряд партизан остановился в горах за хутором Ивановка. В отряде были местные селяне: Моисей Милюков и братья Изотовы — Емельян и Константин. Партизаны, одетые в форму гайдамаков, окружили имение Энгеля. Последний был в это время в степи и отсчитывал „скипщину" на захваченных крестьянских землях [1]). Партизаны подождали приезда помещика и уничтожили все его семейство вместе с гайдамацкой охраной. Раненый Энгель лишь случайно уцелел. Партизаны на захваченных лошадях направились в село Никольское.

Любопытную сцену проезда партизан через это село передает теперешний председатель сельсовета тов. Гордиенко: „Я стоял в это время около сборни (хата для сходок). У нас происходила бурная и многолюдная сходка. Все село, около тысячи крестьян и крестьянок, высыпало до сборни. В самой сборне заседал урядник по вопросу об оплате захваченных помещичьих земель (крестьяне отказались платить). Урядник выделялся решительным характером действий и за короткое время успел прославиться избиением селян. Так вот спорим, судим. Урядник орет... В это время мимо нас проехали в тачанках люди, которые, завернув на другую улицу, остановились и спросили о причинах схода. Когда узнали, что тут урядник и что он делает, немедленно повернули до сборни. „Где урядник?",— спросил выскочивший Емельян Изотов. „В сборне",— дружно ответил сход. И вот Изотов перед урядником. „Ваши документы!"— двинулся урядник. „Вот документы!" — выхватывая наган, крикнул Изотов, и урядник свалился убитый наповал. Мужики

[1]) Имеются в виду земли помещиков, вновь им возвращенные.

ликовали. Партизан проводили криками радости и одобрения: „Спасибо, товарищи!“

* * *

В это же время шла организация партизанских сил в деревне Беззаботовке. Тут организовалась дружная группа: Егор Касенкин, Лавровы — Тихон и Михаил, Кольцовы и др. Наладилась связь с Дружковкой; в перспективе была возможность получения оружия. Собрания происходили в садах Беззаботовки в обстановке исключительно суровой.

Но все планы были сорваны бешеным террором, последовавшим в ответ на выступление партизан—махновцев. Начались массовые аресты и наезды карательных отрядов. Запылали деревни Ивановка и Никольское. Дома партизан были снесены и усадьбы вспаханы. Около 150 крестьян были захвачены и направлены для порки в имение Энгеля. Это было в августе 1918 г., когда уже были расстреляны Егор Касенкин, Захар Чумаченко и арестован ряд других товарищей из беззаботовской группы.

Жесточайшей порке целыми семействами и заключению в тюрьму подверглись Трейдубовы, Изотовы и другие. Из села Александровки Д. Рашевский, братья Седенковы и Пономаренковы после пыток были сосланы в Брест-Литовск. Первое партизанское выступление закончилось полным разгромом.

Террор по отношению к селянам был довершон еще и огромными контрибуциями. Помню, в половине августа 1918 года мы с отцом на хуторе Ивановка заканчивали молотьбу. Мы уже веяли хлеб, и перед нами высилась гора золотистой пшеницы. Веяли молча, не переставая думать о непрекращающихся наездах карательных отрядов и арестах. Недалеко в тени лежал в полузабытьи брат Николай, не оправившийся после избиения в имении Энгеля.

— Хоть бы скорей закончить, да продать,— радуясь окончанию молотьбы, говорили мы, так как нужда стала невероятной: у нас не было даже и крошки табаку.

В это время с улицы донесся звук подъехавшей тачанки.

„Немцы“ — мелькнула угроза возможной порки, и, бросив веялку, я понесся к речке в заранее облюбованные камыши. Но на полпути я задержался и увидел, что никаких немцев нет, а на подъехавшей тачанке восседают сельский староста и его заместитель. Я вернулся во двор. Два плотных мужика подошли к отцу.

— Ну, Емельян, готовь деньги.

— Это зачем?— чувствуя беду и подходя к ним ближе, спросил отец, а я завертелся в бессильной злобе.

— На вас наложили контрибуцию в 95 рублей,— сказал староста, разворачивая книгу, где стояла пугающая и невозможная для нашего хозяйства цифра.

Наша пшеница целиком пошла на контрибуцию. Такое же положение было у десятков и сотен других селян. Многие, продав хлеб для уплаты контрибуции, жили исключительно надеждой на переворот, ожидая скорого прихода большевиков. В сентябре 1918 года вновь пошли упорные слухи о наступлении красных.

После убийства урядника Романов порядочно трусил, так как участились случаи убийств помещиков и кулаков. Среди них был и некий Лиссовой, убийство которого было совершено уголовным элементом, но Романов, по трусости, все валил на вездесущих большевиков.

С целью защиты кулаков и помещиков Романов начал организовывать отряды из собственников, но это ему не удалось, так как последние боялись итти в них. Тогда Романов издал приказ об учреждении на селах и хуторах „самоохраны". Наш хутор об этой „самоохране" и не помышлял, так как никакой опасности, по нашему мнению, не было. Поэтому на хуторе появились „охранники", присланные Романовым. Это были наиболее робкие мужики из других сел, с которыми мы быстро спелись, рассказав в чем дело и кому, собственно, опасны наступающие красные. Охрана скоро самоликвидировалась.

Селяне чувствовали приближение конца гетманщины; по деревням было скрытое ликование. В октябре ожило село Александровка. В село прибыли возвращенные из Брест-Литовска перепоротые крестьяне, сразу же твердо взявшие курс на ликвидацию гетманщины. Заметался и Романов в поисках спасения и вновь назначил съезд собственников.

Съезд состоялся 7—9 ноября 1918 года. Невеселый был этот съезд. Романов подытоживал грехи крупных собственников и бил на их чувства. Некоторые члены съезда явились пьяными, перепившись вновь выпущенной в продажу николаевской водкой. Это обстоятельство использовала группа партизан: Егор Скабелка, Лукьян Скабелка и Дудин. Явившись к кооперативу, где происходил съезд, они захватили пьяного кулака Алексея

Вечирко, который лежал в тачанке вместе с находившимся при нем оружием. Партизаны заставили Вечирку поехать на его хутора, где было добыто несколько винтовок, послуживших для вооружения одной из частей партизанского отряда.

Глубокой ночью партизаны во главе со Скабелкой арестовали Романова и объявили в волости советскую власть. Эта власть вначале опиралась на десяток плохо вооруженных партизан, но за спиной имела тысячи истомившихся под гнетом гетмана селян.

Брест-литовские ссыльные в это время тоже не дремали. Пять из них отправились в Криворожье, где уже был штаб махновца Подопригоры. Там им не доверились, но для организации отряда дали одного из махновцев, некоего Ковбасу, который на утро после переворота явился в александровскую волость в сопровождении пяти безоружных партизан.

В этот день произошло недоразумение, едва не стоившее Ковбасе жизни. Ковбаса объявил себя от имени Махно начальником партизанского отряда и по просьбе кулаков выпустил арестованного Романова, который немедленно скрылся. Скабелка и другие партизаны, явившись на другое утро в волость, к ужасу своему не обнаружили Романова.

Произошла грозная встреча Скабелки и Ковбасы. Они не договорились. Тогда инициативу примирения взял на себя Петр Изотов. Вторая встреча произошла на огороде Изотова, где условились на первых порах о совместных действиях. В результате через несколько дней отряд вырос до 50 партизан. Встал вопрос о руководстве отрядом и начальниках. Ковбасе не доверяли по молодости (ему было только 17 лет) и особенно благодаря освобождению им Романова.

Заговорили о необходимости предать Ковбасу суду, который и состоялся 25 ноября. Большинством было вынесено такое решение: Ковбасу отпустить из отряда, начальником отряда назначить Егора Скабелку; начальником кавалерии — его брата Лукьяна, адъютантом — Остапа Седенко, секретарем — Сергея Кота.

Изгнанный Ковбаса, вместе с тремя оставшимися ему верными партизанами, захватил мельницу б. Тиссена (6 верст от Александровки), где, не признавая никакой власти, занялся пока помолом зерна.

* * *

После ухода оккупантов, свержения гетмана и пролетевшей, как сон, петлюровской „директории", работа отряда была направлена на разоружение кулацких хуторов, немецких колоний и помещичьих имений. Буржуазия порядочно струсила. Этому значительно способствовала успешная борьба отряда с активными контр-революционерами. Были захвачены и расстреляны видные помещики Кулиши, брат Романова, немецкий шпион и другие.

Одновременно отряд занимался и распределением захваченного у помещиков хлеба среди пострадавших от оккупации селян. Популярность отряда и симпатии селянства к нему росли изо дня в день.

Население оказывало отряду всяческую помощь. Весь актив селянской молодежи начал стремиться в партизанский отряд. Однако в отряд не могли быть зачислены все желающие из-за отсутствия оружия. Штаб отряда расположился в доме Романова.

С возвращением из России Ивана Куренного (5 января 1919 г.) отряд заявил себя горячим сторонником большевиков. Вслед за этим состоялись выборы ревкома, которому безоговорочно и единодушно отряд подчинился. Встал вопрос и об организации коммунистической ячейки. Почва была подготовлена. В один из воскресных дней января провели первое организационное собрание. Организация ячейки была активно поддержана ревкомом и отрядом. Ячейка КП(б)У оформилась в составе 16 человек. Краматорская организация выслала инструктора тов. Дмитрия Руденко. Руководство жизнью села принадлежало ячейке полностью. Дело доходило до того, что в ревкоме ни один вопрос, относящийся специально к его ведению, не решался без ведома ячейки.

Не обошлось и без курьезов: так, например, в ячейку был допущен бывший офицер М. Русак со своей женой. В общем же состав ячейки был революционный и надежный. Это сказывалось и на работе первого ревкома, все члены которого были коммунистами. Состав ревкома был следующий: председатель Иван Куренный, члены: Михаил Рашевский, Михаил Лавров, Прокофий Пономарев и Денис Рашевский

Селянство тянулось к земле и хлебу. Земотделом заведывал товарищ С. В. Журавлев — на редкость преданный революции селянин. Популярность земотдела была исключительной, благо-

даря особенному знанию крестьянского быта тов. Журавлевым. Конфискованный помещичий хлеб притягивал к себе алчное внимание кулачества, и только сплотившаяся масса незаможного селянства не позволяла кулакам использовать этот хлеб. Вновь были восстановлены контролеры, которые назначались теперь и на богатые хутора. Кулачество возроптало под ревкомовским прессом; стали подниматься отдельные восстания кулаков.

Помню, однажды, в марте 1919 года тревожно и настойчиво зазвонил телефон.

— Товарищи, за оружие,— крикнул стоявший у телефона Куренный.— В Некременной восстание. Некременцы просят помощи.

Ревком, милиция и отдельные члены партии немедленно выехали в Некременную, и в тот же день восстание было подавлено.

Гораздо больше хлопот доставляли отдельные помещики, сидевшие по имениям. Не действуя открыто, они через оставшихся им верных лакеев сеяли панические слухи, отпугивая от ревкома неустойчивую часть селянства.

Вскоре отряд выехал на фронт (в Константиновку) и влился в 11-й украинский полк. В ревкоме осталось всего 8 винтовок и три берданки. Это хорошо запомнилось потому, что впоследствии приходилось туговато при таком количестве оружия.

Ревком был озабочен сохранением конфискованного имущества и правильным его распределением. Большую работу проводил ревком по снабжению фронта; оттуда ежедневно поступали письма из нашего отряда о присылке разного рода вещей, в которых была нужда. Писали группы и отдельные красноармейцы. Связь с фронтом была постоянная, а когда фронт приблизился, то убитых везли хоронить домой.

На месте, в волости, кулачество учло незначительную военную силу ревкома. Помещики Мильман, Романюки, Черники и другие начали съезжаться для каких-то совместных действий. Сделав облаву, ревком обнаружил оружие.

В апреле 1919 г. волость наводнили какие-то темные личности, распускавшие слухи о мощи белых, скором падении большевиков и т. д. По борьбе с этим злом в то время выделился председатель волостной ЧК тов. Л. Седенко и активный сотрудник ЧК В. Прокопенко.

Об исполнительности Василия Прокопенко ходили слухи, примерно, в таком духе, что если ЧК заставит Василия отца расстрелять — не пожалеет. Это было верно; кулаки и помещики, при проезде Прокопенко по волости, шарахались и крестились.

Вскоре дела на фронте изменились к худшему: началось отступление; через село поползли обозы шахтеров и селян Криворожского, Юзовского и других районов.

Уходить не хотелось. Часть молодых селян заявляла: „Умрем, но волости не отдадим". Около ревкома собирались сотни крестьян с требованием оружия для защиты революции. Ни один бедняк не хотел оставаться при белых. Однако вооружить всех не удалось из-за недостатка оружия. В этой обстановке появились первые разъезды деникинцев.

В это время волость напоминала кипящий котел. Бурлило кулачество в ожидании белых и крепко бил по кулакам ревком. Часть кулаков была расстреляна по приговору ЧК. Некоторый интерес к событиям стал проявлять и Ковбаса, покинувший мельницу и заявивший о своем подчинении ревкому.

Ревком провел сбор контрибуции в 400.000 рублей для Красной армии. Сумма по тем временам солидная, но была собрана с сельской буржуазии в сроки и полностью.

При известии о появлении белых в экономии Романько ревком выслал разведку в 13 человек. К наступлению ночи наша разведка приблизилась к колонии Шаврихиной, где была обстреляна неприятельскими пулеметами. Услышав стрельбу в деревне, селяне подняли крик и панику. Сбегались полураздетые контролеры имений. Один из них, Андрей Титов, бежал из-под расстрела. На улицах Александровки, сбивая с ног друг друга, селяне бежали к ревкому. Слышались крики:

— Иван Петрович (Куренный), да неужели нет оружия для крестьян?

В этот панический шум врезался спокойный призыв подъехавшего на лошади Лукьяна Скабелки:

— Товарищи, меньше паники, больше спокойствия. Да не уйду я из родного села, не поддамся и вас призываю не сдаваться без боя.

Этот призыв подействовал. Толпа пошумела и успокоилась.

Вечером в село вступил 2-й полк червонного казачества, под командой тов. Примакова. Ревком и штаб полка дружно зара-

ботали. Ревком занялся снабжением полка, полк же развил горячую боевую работу по отражению врага. Однако червонный полк одиноко боролся против наседавших белых полчищ. Махно задолго до появления белых оставил Гришино; „червонцы“ были единственной регулярной военной силой на линии Гришино-Барвенково-Изюм. Эти 130 верст фронта были заняты отдельными советскими организациями, перестроившимися на военный лад. Ревкомы, милиция, ячейки КП(б)У—вот были силы против организованного и хорошо вооруженного врага. Все эти разрозненные организации находились под руководством штаба червонного полка. За время пребывания в Александровске полк все время пополнялся революционным селянством, особенно молодежью.

Помню условия приема в ряды червонного казачества: адъютант Примакова, некий Данилов, встречал желающих вступить в отряд крестьян следующими словами:

— Вот что... Принимаем. Только седло и винтовку достань у белых.

Много парней садилось невооруженными на лошадей добывать себе право на высокое звание „червонца“.

Боевая обстановка сроднила „червонцев“ и местную организацию. Недопонимание отдельными товарищами партийных задач устранялось руководством более опытных коммунистов-фронтовиков. Помню трогательную товарищескую заботу тов. Примакова о правильной работе ревкома. Тов. Примаков в сутолоке фронта успевал помогать ревкому советами и руководством.

— От нас, ребята, не отставать,— говорил он перед отступлением. И не забыл, отдавая приказ о выступлении из села, сообщить ревкому пути отступления.

Полк отступал с боями: только после жестокого сражения в долине Лукноваха части червонного казачества передвинулись к Александровке. Отступали ночью. Сохранилась в памяти картина последних действий ревкома. Во дворе грузились последние ящики канцелярии. Хлопали выстрелы на огородах, и село уже было под пулеметным огнем. Торопились во-всю. Мелькали по селу огни, скрипели подводы, шум стоял невероятный.

К рассвету все слилось в общем потоке отступления на Лозовую. Это происходило 10—12 июня 1919 года.

* * *

Сдержал свое обещание и не ушел „из родной деревни“ Лукьян Скабелка. В первую же ночь отступления пуля белых уложила его на площади Александровки. Ковбасу зарубили белые в деревне Ново-Варваровке.

Егор Скабелка, оцепив деревню Андреевку боронами, выставил все население на лошадях против наступающих белых. Маскировка с боронами и верховыми крестьянами была придумана Скабелкой для оттяжки прихода белых. Эта затея удалась полностью. Смутились сначала белые, завидев издалека „сотенные части“, но когда они подошли ближе, то селяне разбежались, а Скабелки и след простыл. Об этой проделке и до сих пор вспоминают селяне.

Свой приход деникинцы ознаменовали насилованием женщин, расстрелами и рубкой. В селе Александровке начали с требования выдачи большевиков. На площади, в присутствии согнанных селян, командир отряда белых зачитал список семейств большевиков. В соседних селах происходило то же самое.

Белые жаждали мести. Вновь заработали нагайки и шомпола. Вновь началась известная „скипщина“, контрибуции и выезды карательных отрядов. Вновь откуда-то вынырнул Романов в роли уездного земского начальника. Родную волость Романов не забывал. Здесь он положил начало организации отряда белых. Тут воспитывались и действовали белогвардейские палачи, как Василий Щербак, Хоронько, Кулиши, Пантелеймон Горобець, Панченко, Егор Яблочков и другие более или менее видные герои кнута и шомпола.

Вспоминая погибших товарищей, мы недосчитались многих из них. Расстреляны: Салюк, Петр Куренный (отец председателя ревкома), Федор Седенко (председатель волостной ЧК—член КП(б)У), Петр Кольцов, Михаил Кольцов, Афанасий Роменский (член КП(б)У), Дмитрий Титов и другие. За время господства деникинцев Александровская волость потеряла около 30 селян, которых различными способами казнили белые.

3—5 декабря 1919 года советские войска снова заняли Александровскую волость. Первыми вошли части 2-го полка червонного казачества, который до отступления, как я и упоминал выше, был пополнен селянами Александровки и других волостей. Поэтому тут и была быстрее прорвана линия белого фронта, так как передовые части этого полка состояли в большинстве из местных крестьян. Это важно отметить потому, что никогда

население волости не устраивало таких торжественных встреч вступающим войскам. За 10—15 верст выходили толпы селян навстречу червоноармейцам.

15 декабря 1919 года организовался волревком и вновь началась работа по восстановлению советской власти. Председателем волревкома в это время был Остап Седенко, партизан, коммунист, из крестьян Александровки. 15 февраля 1920 года возвратилось большинство старых работников волости, которыми была восстановлена ячейка КП(б)У и обеспечено коммунистическое руководство селом. Председателем волревкома вновь становится тов. Иван Куренный.

Время до 20 мая 1920 года прошло без особых событий, в деловой спокойной обстановке. Но с 20 мая положение изменилось: на территории волости появились банды Махно. Загуляли бандитские шайки по деревням Александровской волости.

В это время Махно представлял серьезную военную силу, которой ревком не мог ничего противопоставить, и поэтому с этого времени начинается история беспрерывных эвакуаций и возвращений ревкома и ячейки.

Отступив из волости, ячейка влилась в Барвенковский отряд и участвовала в боях против Махно в первых числах июня под станицей Гусаровкой и Барвенково. Сильно потрепанные отряды Махно оставили Александровскую волость.

15—17 июня 1920 года ревком и ячейка возвратились для восстановления власти, но обстановка продолжала быть напряженной, так как еще многие махновцы оставались по деревням.

В первый же день приезда три члена ревкома: Иван Куренный, Михаил Рашевский и Семен Журавлев подверглись нападению в кулацком хуторе Михайловка. Произошла кровавая расправа: Куренного и Журавлева зарубили. Рашевский, тяжело раненый, уцелел случайно. Два—три дня в волости было безвластие. В конце июня вновь организовался ревком в составе председателя Б. Кудинцова (коммунист) и двух беспартийных крестьян. Последние два скоро выбыли. Нападения бандитских отрядов участились. Ячейка фактически прекратила свою работу. Канцелярии ревкома и ячейки неоднократно уничтожались. Периодами проходила полоса безвластия. Присылаемые отряды красноармейцев подвергались систематическим нападениям со стороны махновцев. Зверство бандитов достигало чудовищных размеров; рубка для махновцев стала невинной игрою. С захва-

ченных в плен продагента и милиционера бандиты снимают кожу с живых (колония Ново-Бахметьево).

Такое положение тянулось вплоть до 1922 года. К осени 1922 года бандитизм резко пошел на убыль. Однако в сентябре того же года бандой был захвачен предволревкома т. В. Ф. Кудинцов, который, не давшись в руки бандитам, на глазах у них покончил самоубийством.

Это была последняя жертва бандитизма, после чего в волости установилось спокойствие и наступил период мирного хозяйственного строительства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.

Когда весь сборник был полностью набран и даже частично напечатан, в редакцию поступила стенограмма совещания (состоявшегося при Артемовском окружкоме КП(б)У 9—11 января 1929 года) старых коммунистов, активных участников Февральской и Октябрьской революций.

К некоторым статьям сборника совещание внесло ряд новых дополнений, имеющих практическое значение. Желанием издателей данного сборника является выпустить наиболее полный (по объему конкретных подробностей пережитого революционного периода) исторический материал, что и побудило редакцию принять дополнения в том виде, в каком они ниже публикуются.

Дополнения эти не включены в самый текст соответствующих воспоминаний лишь потому, что значительная часть статей, как сказано выше, была уже напечатана. По этой причине редакция помещает поправки в конце сборника, в качестве примечаний к отдельным статьям.

Что касается статей, еще не напечатанных к моменту поступления дополнительного материала, то в них включены все поправки, принятые редакцией и согласованные с артемовским окружкомом КП(б)У.

Принцип использования и обработки дополнений сохранен тот же самый, который применялся и в отношении основного материала, о чем подробно сказано в предисловии редакции.

ПРИМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ „ГОРЛОВСКО-ЩЕРБИНОВСКИЙ РАЙОН ПЕРЕД ФЕВРАЛЕМ“ (стр. 37—60).

Тов. Передельский утверждает, что в 1908 году, когда он приехал на Угольный (Фурсовский) рудник, то „там организация уже существовала. В этой организации были товарищи Крытов, Цыганков, Юрченко и Передельский, а когда приехал тов.

Батов (см. стр. 42 настоящего сборника), то все уже было организовано. Связь была с тов. Лутовиновым через Макеевский комитет партии. Лутовинов приезжал к нам в 1910 году на угольный (Фурсовский) рудник и останавливался у тов. Ив. Цыганкова. По установлению связи тов. Лутовинов снабжал нас литературой" [1]).

Далее т. т. Передельский и П. Олейников утверждают, что в 1916 году в подпольную организацию большевиков на Фурсовском (Угольном) и Ртутном рудниках до апрельско-майской районной стачки 1916 года входило 182 человека. Во время стачки некоторые члены организации вели себя не совсем достойно, проявляя слабохарактерность и ненадежность. Так, например, относительно некоего Новицкого были подозрения, что он связан с полицией; некто Григорьев на вопрос о необходимости (в случае вооруженного восстания) выступить с оружием в руках ответил отрицательно; другие члены организации были замечены в пьянстве и т. п. Эти обстоятельства понудили подпольный комитет произвести своеобразную „чистку" рядов организации, в которой к концу 1916 года осталось только 62 человека, вместо 182, бывших в организации к моменту забастовки [2]).

Тов. Плетнев в своих воспоминаниях указывает, что в подпольной большевистской группе на Щербиновском руднике, кроме названных на 43 странице настоящего сборника, активно работали также следующие товарищи: Аргунов, Леньшин, Плет-

---

[1]) Редакция сборника оставляет под сомнением вопрос о времени возникновения большевистской организации на Ртутном и Угольном рудниках в 1908 году, как это утверждает тов. Передельский, и более правдивой считает ту дату, которая указана на стр. 42—43 настоящего сборника. Что касается установления связи с тов. Ю. Лутовиновым, то на стр. 43 настоящего сборника указано, что она впервые была налажена в 1915 году. Это же самое подтверждается и в полемике А. Батова и М. Острогорского с Т. Харечко (см. журнал Истпарта ЦК КП(б)У—„Літопис Революції № 1 за 1928 год, стр. 338-339). Там же сказано и о времени приезда тов. Лутовинова и о том, что он делал за время своего пребывания в Макеевском комитете. На стр. 59 нашего сборника также имеется аналогичное указание. (*Прим. ред.*).

[2]) Редакции сборника по другим источникам известно, что в этой подпольной группе большевиков в 1916 году был случай растраты денег, принадлежащих организации. Виновные в растрате Лядов (казначей комитета) и Ив. Трунов (член комитета), а вместе с ними и ряд других лиц (фамилии не установлены) были исключены из партии. Приведенная т. т. Передельским и П. Олейниковым цифра исключенных остается на их ответственности. *(Прим. ред.).*

нев и семья Демидовых. Особенно следует подчеркнуть участие самого старика Михаила Демидова, отдававшего всего себя и свою семью революционной работе; квартира М. Демидова являлась своего рода штабом организации на этом руднике, не говоря уже о том, что в ней постоянно проживали все приезжающие на рудник по делам партийной организации товарищи.

По Нелеповскому (имени Артема) руднику помимо названных (на стр. 43 настоящего сборника) товарищей, наиболее активными подпольщиками были: Прохоров, Ф. Моисеенко, Анна Бондаренко, И. Прудник, П. Илларионов, Наприенко и др.

Касаясь апрельско-майской стачки 1916 г., т. Плетнев рассказывает, что на массовке рабочих Щербиновского, Нелеповского и Северо-Никитовского рудников, происходившей в Дылеевской балке в начале апреля, был назначен только день выступления, а самая подготовка к стачке началась в январе 1916 г. Этой массовке предшествовало собрание подпольной группы на квартире Плетнева (присутствовали т.т. Лапин, Гладуненко, Семенцов, Леньшин, Аргунов и Плетнев), разработавшее план проведения массовки и стачки. В день Первого мая рабочие Щербиновского рудника сошлись возле церкви и, порешив пробраться на „святое место", двинулись в степь. Однако конные стражники и полиция бросились на рабочих и, избивая нагайками, рассеяли их. На другой день после экзекуции в Чигиринской балке и расстрела рабочих на „святом месте", т.-е. 3 мая 1916 года (см. стр. 55—57 настоящего сборника), рабочие трех названных рудников и мелких шахт, всего в количестве 15.000 человек, собрались в степи возле Щербиновской скотобойни для обсуждения дальнейшего течения забастовки. На собравшихся рабочих налетело около полсотни конных стражников и полицейских, которые нагайками и эфесами шашек „били, не считаясь ни с полом, ни возрастом, а особенные издевательства чинили над женщинами и детьми".

Тов. М. Бабенко, подтверждая рассказанное тов. Плетневым, говорит, что перед этой экзекуцией в Горловско-Щербиновский район приезжал „архиерей, который служил в церкви и призывал семьи и жен рабочих, чтобы они повлияли на своих мужей приступить к работе. После служения в щербиновской церкви архиерей, проезжая в карете мимо собравшихся рабочих, благословил обеими руками митинг. Через час после отъезда архиерея

полиция налетела на митинг, начавши избивать и арестовывать рабочих", которых впоследствии отправляли на фронт. По словам тов. Плетнева одних только членов щербиновской подпольной организации после забастовки было выслано 64 человека.

Этот же самый факт избиения рабочих возле скотобойни Щербиновского рудника подтверждает в своих воспоминаниях и тов. В. Гречишкин, который рассказывает, что группа рабочих Нелеповского рудника, во главе с тов. Н. Дубовым, возвращаясь после экзекуции домой, ворвалась в церковь, извлекла оттуда знамя „Союза истинно-русских людей" и сожгла его. Тов. Н. Дубовой, подтверждая факт сожжения черносотенского знамени, однако, относит его к 1 мая 1917 года, т.-е. ко времени, когда рабочие Нелеповского рудника возвращались с первомайского общерайонного митинга, что является более вероятной датой этого происшествия.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ „ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ В ЕНАКИЕВО" (стр. 61—67).

Тов. Г. Панков в своих воспоминаниях сообщает ряд новых подробностей, относящихся к забастовке на Петровском заводе (в Енакиево) в апреле — мае 1914 года (см. стр. 61—62 настоящего сборника).

По словам тов. Г. Панкова забастовка эта возникла непосредственно вслед за стачкой рабочих Донецко-Юрьевского завода (Алчевск). На мартеновских печах Петровского завода 11 апреля 1914 года в 12 часов дня рабочие бросили работу вследствие отказа начальника цеха дать прибавку к заработной плате.

Забастовка мартеновцев продолжалась до 16 апреля и, не будучи вначале поддержана рабочими других цехов, могла сорваться. Большевики во главе с т.т. Панковым и Д. Татаренко устроили совещание представителей всех цехов, на котором договорились о выступлении всего завода в целом.

Когда забастовка стала общезаводской, то рабочие, возмущенные наглым отношением к себе начальников цехов Брюшана и Гае, гнали их через туннель доменного цеха, куда эти эксплоататоры пытались укрыться. Рабочие, бросая туда палки, куски металла и т. п., со свистом и криками прогнали эту пару через всю длину туннеля, после чего оставили их в покое.

23 апреля 1914 г. состоялся общезаводской митинг, на котором присутствовал исправник, а вокруг митинга была расположена сотня казаков и усиленный наряд полиции. На этом митинге были обнаружены провокаторы, из числа переодетых полицейских с рудников, которых забастовщики связали и посадили на рельсы. В ответ на это полиция тут же схватила трех рабочих и избила нагайками.

Пока забастовщики обсуждали экономические вопросы, казаки и полиция не мешали проводить митинг. Когда же были затронуты политические вопросы, казаки вместе с полицией бросились на рабочих и, избивая их нагайками, разогнали митинг.

Тов. Г. Панков рассказывает и о другом случае столкновения с полицией во время этой забастовки, когда происходило собрание рабочих прокатного и мартеновского цехов. По окончании собрания рабочие, уходя с завода, направились к контрольным воротам, которые оказались закрытыми. Во дворе завода уже находилась часть полиции, а другая часть полицейских сидела на заборе.

Некоторые товарищи, перескочив через забор, открыли ворота, и часть рабочих хлынула в них. Полиция открыла стрельбу, а рабочие, еще не успевшие выбежать из ворот, начали осыпать полицейских кусками металла. Чем кончилось это столкновение, тов. Панков, к сожалению, не сказал в своих воспоминаниях, но надо полагать, что во время самой стрельбы убитых не было. Лишь во время давки в воротах задушено 2 рабочих (фамилии которых тов. Панков не помнит).

В целях борьбы с штрейкбрехерами большевики организовали отряд, состоящий главным образом из рабочих мартеновского цеха. Во главе отряда стоял рабочий канавщик тов. Семен (фамилия не установлена). „Этот отряд следил за каждой изменой; по 12 часов дежурили, смотрели пока кто выскочит из завода“,—говорит тов. Г. Панков и далее продолжает, что было убито 4 штейкбрехера, которых опустили в один из заводских туннелей. Особо предательскую роль в процессе забастовки играли провокаторы: Сафронов Дмитрий Иванович, Молчанов Савелий Иванович и Колачевский Сидор — старший газовщик.

Ежедневно с 10 часов вечера до самого утра,—рассказывает тов. Г. Панков,—по поселку разъезжала „черная карета“, в которой, под руководством пристава, пачками возили в тюрьму арестованных активных участников забастовки.

Когда забастовка пошла на убыль и отдельные цеха приступили к работе, мартеновцы и прокатчики продолжали упорно бороться и собирались для обсуждения вопросов забастовки за станцией, где теперь расположен лесной склад, и в городе, где теперь находится хлебный завод. На этих собраниях, помимо обсуждения разных вопросов, собирались также и деньги в помощь нуждающимся рабочих.

Во время забастовки в день Первого мая распространялись прокламации, содержания которых тов. Г. Панков не указывает. Вместе с тем тов. Панков утверждает, что требование о восьмичасовом рабочем дне во время забастовки не выдвигалось.

В подавлении забастовки активное участие принимал, вместе с полицией и стражниками, специально для этого приехавший помощник губернатора, фамилию которого тов. Панков не называет.

В 1916 году кроме Петровского завода (см. стр. 64—67 настоящего сборника) бастовали также Веровский и Софиевский рудники (см. стр. 30 настоящего сборника). Руководителем стачки на Веровском руднике был тов. П. Ляликов.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ „1917 ГОД В ГОРЛОВСКО-ЩЕРБИНОВСКОМ РАЙОНЕ“ (стр. 128—152).

Тов. Плетнев дает такое дополнение (к стр. 140 настоящего сборника): „Тов. Белезеров С. М., председатель совета рабочих депутатов Щербиновского поселка при шахтах мелкой промышленности, арестовал в июле 1917 года шахтовладельцев-кустарей, которые обжаловали это в Бахмут, откуда нарочным последовало распоряжение (мне, как комиссару милиции) по указу Керенского срочно арестовать тов. Белозерова и доставить его в Бахмут, а шахтовладельцев освободить. Я выругал указ вместе с Керенским и отказался подчиниться, т.-е. арестовать тов. Белозерова. Характернее всего, что несколько позже меня привлекли к ответственности не за неисполнение приказа уездного начальства, а за оскорбление Керенского“.

Тов. Гетман и другие указывают, что, несмотря на меньшевистское засилие на горловском артиллерийском заводе, среди рабочих последнего нашелся один большевик тов. Ф. Клипов, который мужественно, не считаясь с опасностью для жизни (на артиллерийском заводе в первые дни Февральской революции 3—4 марта был избит и арестован по инициативе эсэров и мень-

шевиков большевик М. Острогорский во время его выступления против войны и Временного правительства; почти та же история повторилась с Острогорским и на руднике № 5, как утверждает тов. Штыра), наперекор стихии выступал за большевистские лозунги. Впоследствии Ф. Клипов при помощи П. Казимирчука и Г. Морозова организовал совет рабочих депутатов Горловского рудника № 1 и артиллерийского завода [1]).

Тов. М. Бабенко в своих воспоминаниях рассказывает, что через ст. Никитовку (тогдашний центр Горловско-Щербиновского района) как через одну из узловых станций Донбасса направлялось много военных грузов, шедших на помощь контрреволюционному Дону. Один из отрядов, выставленных горловско-щербиновским ревкомом для обыска проходивших поездов, однажды задержал поезд, в котором везли медикаменты по направлению к Дону. Возник конфликт, для разрешения которого прибыли представители „Викжеля", требовавшие не вмешиваться в работу железнодорожных организаций. Вмешательством тов. Г. И. Петровского, находившегося в тот момент в Горловско-Щербиновском районе, конфликт этот был разрешен так, что медикаменты остались в распоряжении районного ревкома.

Тов. В. Гречишкин, рассказывая о разоружении уральских и донских казаков, происходившем на станциях Ясиноватая, Гришино и Иловайская, подтверждает, что железнодорожная администрация и служащие все время оказывали Красной гвар-

[1]) На Горловском артиллерийском заводе в тот период наиболее заядлыми меньшевиками-оборонцами были Г. Кочергин, Касьянов и Шишковский (в период 1917 года перешедший к эсэрам, от них к анархистам и в 1918 году — к большевикам). Лидерами эсэров-оборонцев самого худшего толка были: Маслов и Беломестный (в 1918 году перешел к большевикам). Среди этих двух групп работал провокатор Травин, которому так и не удалось связаться с большевистскими организациями на соседних рудниках, куда он всеми силами стремился. Травину не удалось принести существенного вреда и эсэро-меньшевикам; эта почтенная компания, будучи шкурно и „идейно" заинтересована в „обороне страны", была полезна „отечеству", но никак не рабочим, а поэтому и не подвергалась гонениям царского правительства. Тем не менее Травина расстреляли уже при советской власти, кажется в Луганске, за прошлые его предательства по другим городам, так как провокатором он был незаурядным. Эта-то теплая кампания (а в особенности провокатор Травин) и организовала избиение и арест большевика М. Острогорского, которого при помощи „услужливого" кадета-инженера Яцинича, бывшего тогда комиссаром милиции, прямо с митинга потащили в кутузку. Что касается меньшевиков на Горловском руднике № 5, то они были представлены там в единственном лице штейгером В. М. Мазавиным, который усердствовал в травле большевиков не меньше, чем его собратья по артиллерийскому заводу.

дии сопротивление, в результате чего пришлось даже расстрелять начальника станции.

Далее тов. Гречишкин в своих воспоминаниях говорит, что на Нелеповском руднике под его руководством (тов. Гречишкин— бывший унтер-офицер) и при помощи т.т. Трифонова и Кротова еще до Октябрьских дней был создан вооруженный отряд, состоящий из 180 рабочих. По утверждению же тов. Н. И. Дубового главным организатором Красной гвардии на Нелеповском руднике был покойный тов. Огнев.

На Щербиновском руднике (по воспоминаниям т. Плетнева) организатором Красной гвардии был т. Андрей Ковалев (убит в боях на царицынском фронте).

Первое боевое выступление красноармейцев Щербиновского, Нелеповского, Северо-Никитовского и других мелких рудников произошло 24 декабря 1917 года, когда вооруженные рабочие отправилась в бой под Ясиновский рудник. Тов. П. Олейников рассказывает, что из одной только партийной организации Ртутного и Угольного рудников пошло в бой 63 лучших члена партии.

По утверждению тов. Плетнева, рабочие Щербиновского рудника в начале 1918 года в течение двух дней собрали 3 вагона продуктов и белья, а также крупную сумму денег своему красногвардейскому эшелону, отправлявшемуся на фронт.

Что касается 1918 года, то, по воспоминаниям тов. Гетмана, после прихода немцев в Горловско-Щербиновский район там оставалась группа товарищей: Алексей Созюмов, Крючков, Гетман, Петраков (повешен белыми в Горловке), Матяш (умер) и Курочка (был ранен в одном из столкновений с немцами при их вступлении, эвакуирован в Харьков, где и умер). Группа работала по дезорганизации тыла немце-гайдамаков, взрывала мосты и т. д. После повешения тов. Петракова остальные бежали в Гришино.

Нельзя обойти молчанием таких крупных военных работников, вышедших из шахтерских рядов Горловско-Щербиновского района, как т. т. Иван Дубовой (теперь командир корпуса) и Леонид Вайнер (теперь командир дивизии). Оба эти товарища, будучи военными, как только вернулись с империалистического фронта сразу же с головой окунулись в революционную военную работу. Впоследствии оба были переброшены на царицынский фронт, где т. И. Н. Дубовой был начальником штаба 10-й красной армии, а т. Л. Я. Вайнер — командиром бригады.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ „ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В ЕНАКИЕВО“ (стр. 153—161).

Тов. С. Кобзев в своих воспоминаниях дает сведения об организации Красной гвардии по рудникам. На руднике Бунге организатором и руководителем Красной гвардии был тов. Юрченко; на Веровском руднике тов. П. Т. Колбаса организовал Красную гвардию, а тов. Я. Титов руководил партийной организацией.

По словам тов. Я. Титова, большевистская организация до июня 1917 года состояла всего из трех человек: Я. Титова, Капустина П., А. Бакеева, а по утверждению тов. Островского, кроме названных входили еще т. т. И. И. Мозговой и П. Т. Колбаса. Организации меньшевиков (во главе с Даниловым, Гермашом, Мосяковым и Генаком) и эсэров (во главе с Наздрачевым и Товшевадзе) вместе насчитывали до 2000 чел.; с ними приходилось вести упорную борьбу за одну только возможность организации большевистской партии, возникновению которой эсэро-меньшевики всячески препятствовали.

Тем не менее с июня до октября 1917 года веровская организация большевиков из небольшой группы выросла до 172 членов. Особенно сильный рост большевиков на этом руднике начался после посещения района Г. И. Петровским и в результате постоянной работы в районе тов. Я. Друяна, прибывших сюда в Октябрьские дни.

Всей партийной жизнью и работой на заводе и его рудниках, в послеоктябрьский период руководил покойный т. Яков Друян, присланный из Москвы в качестве эмиссара Совнаркома по Енакиевскому району.

Общей работой по организации Красной гвардии в Енакиевском районе руководил ревком [1]), в который, по словам тов. С. Кобзева, входили: председателем Д. Татаренко (большевик), членами Семен Радченко (большевик), Шур (меньшевик) и Форботько (большевик, который благодаря предательству меньшевиков был увезен в Бахмут и там расстрелян белогвардейцами).

[1]) На стр. 156 настоящего сборника ревком назван в следующем составе: Д. Татаренко, Лавров, Фролов, Рябкин и Форботько. Расхождение происходит, очевидно, потому, что товарищи, писавшие свои воспоминания, не могли взаимно проверить их. (*Прим. ред.*).

Впервые, еще до организации Центроштаба Красной гвардии Донбасса, большевики, разоружив так называемую охрану военнопленных, получили 12 винтовок, которые были распределены среди членов организации. С возникновением Центроштаба большевики получили, по словам тов. С. Кобзева, от Сиверса, находившегося на Ртутном руднике, 200 винтовок, не считая полученных из Петрограда „одного авто-броневика, пяти пулеметов и 6.000 патронов. За них было взялись меньшевики, но мы дали отпор[1]). Обучение красногвардейцев военному делу проводилось там, где сейчас находится биржа труда".

Относительно боя под Ясиновским рудником (см. стр. 158—159 настоящего сборника) тов. С. Кобзев как один из военных руководителей этого события рассказывает, что под его командой, кроме рабочих самого Петровского завода, дрались и шахтеры рудников Угольного (Фурсовского), Кондратьевского и Бунге, а по словам тов. Мишина, Веровский и Софиевский рудники послали в бой 125 вооруженных рабочих.

Касаясь причин поражения Красной гвардии в Ясиновском бою, т. Кобзев говорит: „На всю массу (енакиевцев) командиром был я, да и то плохо понимал,— и получилось, что я и главнокомандующий, и командир взвода. Когда мы обратились за помощью к тов. Сиверсу, он опоздал с нею на три часа. У нас не хватило патронов, и мы отступили. В момент боя мы пустили авто-броневик, который нам дали петроградские рабочие. Шофер, оказавшийся белогвардейцем, въехал между двух позиций, бросил машину и сказал, что она поломалась. Машину никто не брал, пока мы не ушли оттуда. 14 енакиевцев были убиты не в бою, а когда мы уже отступили от Ясиновского рудника. Эти товарищи оставались на руднике, чтобы посмотреть, что будет дальше".

Разоружение казачьего отряда полковника Дроздова (см. стр. 158 настоящего сборника), двигавшегося с румынского фронта, происходило на ст. Дебальцево, куда, по словам т. Кобзева, выехало всего 25 человек во главе с Кураксиным и Рыбалко. Прибывшие в Дебальцево товарищи предупредили начальника станции, что за отправку казачьего эшелона без их ведома он будет расстрелян на месте, и принялись за дело.

[1]) На стр. 158 настоящего сборника указано, что получено было 2000 винтовок и даже указано, как они были распределены. Более вероятным нужно считать количество, названное на стр. 158. (*Прим. ред.*).

Первым долгом разобрали железнодорожное полотно и стрелку, а потом, угрожая казакам немедленным прибытием всех рабочих завода и рудников, якобы вооруженных до одного, принудили их сдать все наличное огнестрельное оружие, 3 вагона патронов и 8 вагонов обмундирования. Из этого количества 20% было отправлено в луганскую рабочую армию тов. Ворошилову [1]).

Тов. Я. Титов рассказывает в своих воспоминаниях, что „рабочие помогли дать отпор меньшевикам и эсэрам, когда они чуть ли не с винтовками в руках бросались на большевиков за то, что последние провели национализацию Петровского заводов и рудников после Октябрьской революции". Вскоре после национализации большевикам пришлось столкнуться с отсутствием денег для уплаты рабочим национализированных заводов и рудников. Но из этого положения вышли так: на местную буржуазию, по инициативе Д. Татаренко, В. Доронина, Н. Мальванова и Я. Титова, была наложена контрибуция, для собирания которой создали комиссию из самых буржуа. Несмотря на шум и противодействие эсэро-меньшевиков, контрибуция в сумме 400.000 рублей была собрана, и рабочие получили свою заработную плату.

В заключение внесенных поправок к этой статье т.т. С. Кобзев и Я. Титов заявляют, что во время их работы в Енакиевском районе, с 1917 года по апрель 1918 года, тов. В. Кочкин большевиком не был, а состоял в эсэровской организации и в партию большевиков вступил значительно позже. Поскольку имеется такое категорическое утверждение, редакция вынуждена разъяснить, что она была введена в заблуждение лицами, представившими материалы и фотографию В. Кочкина для енакиевских статей, и просит читателей упоминание о Кочкине на стр. 62 и его фотографию на стр. 155 считать помещенными ошибочно.

* * *

В виду утверждения участников событий 1917 года т. т. Гречишкина и С. Кобзева, что будто бы Жлоба в 1917 году не принимал участия в обучении рабочих военному делу и формировании красногвардейских отрядов, редакция сборника обра-

[1]) Редакция сборника оставляет под сомнением утверждение тов. Кобзева относительно 3 вагонов патронов и 8 вагонов обмундирования, считая, что данные тов. Кобзева преувеличены. *(Прим. ред.)*.

щает внимание этих товарищей на соответствующие места статей: „1917 год в Горловско-Щербиновском районе". „Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк" — А. Фролова и „Бои за Октябрь в Макеевском районе" — Н. Вишняковой и П. Ляликова. В этих статьях авторы утверждают, что Жлоба в этот момент был на Ртутном руднике и принимал деятельное участие в организации рабочих Горловско-Щербиновского района, хотя сам еще не являлся большевиком.

Утверждение т. т. Гречишкина и Кобзева о том, что Жлобы в то время не было, происходит, очевидно, потому, что в момент ясиновского боя Жлоба вместе со своим отрядом, состоявшим из шахтеров Ясиновского рудника и рабочих с рудников Горловско-Щербиновского района, был отправлен на ст. Лозовую, где оперировал вместе с тов. Егоровым против гайдамаков и одновременно разоружал воинские части, попадавшие сюда неразоруженными. Со ст. Лозовой отряд Жлобы был переброшен на Кубань, где вместе с другими красными войсками принимал участие в ликвидации корниловщины [1]).

На стр. 147 настоящего сборника есть указание, что отряд Жлобы „вместе с войсками т. Егорова должен был остановить наступление корниловских отрядов, двигавшихся на Дон от Белгорода, так как была не исключена возможность нападения корниловских банд на Харьков и отсюда на Донецкий бассейн. Но эта опасность миновала как Харьков, так и Донецкий бассейн".

Эта справка нуждается в некотором разъяснении. Возможность нападения корниловцев на Донбасс действительно существовала, что преувеличенно подтверждается почти всеми календарями, издающимися в СССР, которые в один голос сообщают, что... 28 декабря 1917 года корниловцы захватили Донбасс... (подробнее см. об этом подстрочное примечание на стр. 147 настоящего сборника). Однако из Лозовой, где находилась некоторая часть красных войск, до Белгорода, откуда повидимому двигались (как утверждают авторы воспоминаний) какие-то кор-

[1]) Т. т. Гречишкин и Кобзев утверждают, что в этот момент т.-е. в декабре 1917 г., вместо Жлобы были Сиверс и Шимановский, прибывшие с севера для борьбы против Каледина. Редакция, не отрицая огромных военных заслуг т. Сиверса, считает необходимым только указать, что в журнале „Літопис Революції" № 5—6 за 1927 год в статье „Борьба за Октябрь в Донбассе", стр. 137 указано, что Сиверс прибыл в Горловско-Щербиновский район в январе или феврале 1918 г. (*Прим. ред.*).

ниловские отряды — достать физически было невозможно, за дальностью расстояния...

Необходимо пояснить также, что Донбасс избежал опасности нападения корниловцев потому, что последние из Белгорода двинулись (по воспоминаниям участников событий) не прямым путем через Харьков, а, опасаясь столкновения с красными войсками — пробивались на Дон и Кубань кружным путем через Купянск, Валуйки и т. д.

Одновременно с этим редакция сборника вынуждена разъяснить относительно покойной тов. Пашиной (вокруг имени которой создаются неправильные и порочащие ее имя слухи), что последняя действительно очень недолго была членом большевистской партии; однако, даже за такой промежуток времени, как от Октября 1917 г. до февраля 1918 г. она успела проделать большую работу (см. стр. 148 настоящего сборника), полезность которой никто не будет отрицать. Что касается причин ее смерти, то они остались невыясненными; об этом в „Літопису Революції" № 5—6 за 1927 г. (стр. 145) сказано следующее: „Пашина застрелилась по невыясненным личным мотивам и умерла в больнице Ртутного рудника в феврале 1918 года".

ТОВАРИЩИ, ПОГИБШИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1917 — 21 г. г.

Озерной Афанасий Бербелец Петр Фадеев Маслов Арсений Смычков Николай Мерелко Иван Горяинов Иван Анурков Шопков Иван	Дружковские рабочие, убитые бандой Чернецова в декабре 1917 года в бою под ст. Дебальцево.
Копылов — рабочий Донецкого завода.	Погиб на царицынском фронте в 1918 г.
Гутмайер Анна Иосифовна—дочь рабочего.	Убита на царицынском фронте в 1918 году.
Носов Григорий — сын рабочего Либкнехтовского рудника.	Убит на царицынском фронте в 1918 году.
Паровознюк Антон Иосифович—сын рабочего.	Убит на колчаковском фронте в 1918 году.
Клевцов Павел Сергеевич—рабочий завода „Пролетарий", Лисичанск.	Зверски убит вартой в 1918 году.
Мошлатов Аким Петрович—крестьянин.	Убит петлюровскими бандами в селе Криворожьи в 1918 г.
Кутвицкий Франц Петрович — рабочий Константиновского завода.	Убит на царицынском фронте в 1918 г.
Клименко — начальник попаснянского партизанского отряда.	Убит в бою с деникинскими бандами в 1918 г.
Иващенко — партизан-рабочий.	Убит в бою с белыми в селе Новотроицком 30 декабря 1918 г.
Шарабан Никита Ильич—рабочий.	Пропал без вести в 1918 г.
Шаповалов. Лисицкий Василий Трофимович — рабочий Краматорского завода. Бугай Федор — рабочий Краматорского завода.	Погибли на фронте в 1918 г.

Аникеев Я. А.	Погиб на калединском фронте в 1918 г.
Кожевников Сергей Алекс.	Убит гайдамаками во время немецкой оккупации в 1918 г,
Голубь Лаврентий Иванович.	Казнен деникинскими бандами на ст. Очеретино в январе 1919 г.
Борблик Иван Иванович.	Убит 29 апреля 1919 г.
Тетенко Семен Лаврентьевич.	Убит в сражении под селом Барвенково в 1919 г.
Пеногачев Лука Федорович — рабочий	Повешен белыми на телеграфном столбе возле дер. Чернухово в 1919 г.
Зубенко.	Убит на фронте в 1919 г.
Мостовенко С. С.— партизан	Убит отрядом Котенко в 1919 г.
Фоменко Е. П.	Расстрелян карательным отрядом Котенко в 1919 г.
Якушевич	Убит белыми в 1919 г.
Ведренко Степан Поликарпович — рабочий	Расстрелян отрядом Малиновского на ст. Гришино 10 октября 1919 г,
Пшеницын — рабочий Енакиевского завода. Шникоров — рабочий Енакиевского завода	Повешены отрядом Шкуро в Енакиеве в 1919 г.
Пирогов — уполномоченный Политотдела Донбасса	Убит бандой Держака на Святогорском руднике в 1919 г.
Кравченко Михаил Никифорович — крестьянин	Расстрелян карательным отрядом Малиновского 10 октября 1919 г. в селе Гришино.
Фешенко Ефим Павлович	Расстрелян карательным отрядом Малиновского 10 октября 1919 г. в селе Гришино.
Кот Сергей Филиппович	Убит в бою с деникинцами под Орлом в 1919 г.
Турутин Павел	Казнен на станции Енакиево отрядом Шкуро в 1919 году.
Козлов Федор Макарович — крестьянин	Расстрелян на ст. Гришино деникинскими бандами 10 октября 1919 г.
Козлов Григорий Яковлевич — крестьянин	Расстрелян на ст. Гришино деникинскими бандами 10 октября 1919 г.
Скобелка Лукьян Владимирович	Убит при отступлении в с. Александровке в 1919 г.
Роменский Афанасий	Убит деникинскими бандами в Изюме на Кремянке в 1919 г.
Куренной Петр Кириллович	Убит карательным отрядом белой армии и брошен в колодец на хуторе Ивановка в 1919 г.
Пасечный Илья Петрович	Погиб на фронте в 1919 г.
Фадеев — учитель	Убит бандой Махно в гор. Александровске в 1919 г.

Грузман Шулим Абрамович	Убит петлюровцами в гор. Екатеринославе в 1919 г,
Северин Иван Андреевич	Погиб на фронте в 1919 г.
Рясной Максим	Убит в сражении с деникинскими бандами в 1919 г.
Лозовой Порфирий Федосьевич — крестьянин	Расстрелян карательным отрядом Малиновского 10 октября 1919 г.
Лунин Павел Семенович — крестьянин	Казнен в селе Степановке карательным отрядом Котенко на ст. Гришино в 1919 г.
Лавров Михаил Тихонович — старый партизан	Умер при отступлении в 1919 г.
Шабан Никита — рабочий Краматорского завода	Пропал без вести в 1919 г.
Пурин Карп Францевич — батрак	Казнен деникинскими бандами в 1919 г.
Фарботько — рабочий Енакиевского завода	Расстрелян в Бахмуте белыми в 1919 г.
Корноушенко Яков Макарович	Расстрелян белыми в Бахмуте в 1919 г., оставшись работать в подполье.
Воробьев Григорий Матвеевич	Убит в бою с деникинскими бандами в 1919 г.
Ивашенко Макар Трофимович	Убит в бою с петлюровскими бандами 31 декабря 1919 г.
Кругляк Гордей Ермилович — батрак	Убит петлюровской бандой в селе Криворожьи в декабре 1919 г.
Свищев Николай Васильевич	Убит бандой Склярова в марте 1920 г.
Коваленский Василий Парфенович	Убит в бою с деникинскими бандами в 1920 г.
Журавлев Семен Васильевич	Убит при исполнении служебных обязанностей на хут. Михайловка в 1920 г.
Куренной Иван Петрович	Убит махновцами на хут. Михайловка, в 1920 г.
Зайцев Денис Григорьевич — крестьянин	Казнен махновскими бандами отряда Каменюка в селе Криворожьи 1 июля 1920 г.
Рясной Даниил — рабочий Сольрайона	Убит на врангелевском фронте 10 октября 1920 г.
Кузьменко Петр Сазонов Петр Майборода Дмитрий Нечепуренко Николай Николенко И. Юрченко Клементий Кадосин	Эти товарищи везли летом 1920 г. в село Шахово буккера, бороны и железо крестьянам. Наскочившая банда Махно казнила перечисленных товарищей.
Резников Федор Максимович	Убит бандой Склярова в 1920 г.
Бибко Тютюников	Убиты бандой Махно в 1921 г.

Миронов Михаил Яковлевич — крестьянин	Убит бандой Каменюка 14 марта 1921 г.
Миронов М. Я.	Казнен бандой Савонова в 1921 г.
Коселкис Я. М.	Убит во время гражданской войны.
Боров Никифор Денисович активный участник гражданской войны	Пропали без вести.
Крючков Иван Григорьевич — рабочий Горловского завода	
Соловьев Арсений—активный участник гражданской войны	
Коротенко Макар	
Холодный	

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От Артемовского Окрисгпарта 5
Предисловие редакции 7

Раздел первый: Накануне Февраля.

Лапидус — Накануне Февральской революции на Артемовщине 13
Горловско-Щербиновский район перед Февралем 37
Дореволюционные годы в Енакиево 61

Раздел второй: Путь к Октябрю.

Г. Куранов — Советы Артемовщины от Февраля к Октябрю 71
А. О. — Профсоюзы и экономическая борьба рабочих Артемовщины . 103
1917 год в Горловско-Щербиновском районе 128
Февраль и Октябрь в Енакиево 153
А. Чекирисов — Краматорские рабочие на пути к Октябрю 163
Г. К. — Революция в Дружковке 175
Борьба за Октябрь в Константиновке 205
М. Звонарев — Между Февралем и Октябрем в Лисичанском районе . 221
Октябрь в Гришинском районе 236
И. Зеленый — Рабочие соляники в борьбе за Октябрь 240
П. Шишков и Ф. Лагуткин — Славянск между двумя революциями . 249
И. Нагорный — Бахмут в годы революции 256
А. Фролов — „Первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк" . . 266
Н. Вишнякова и П. Ляликов — Бои за Октябрь в Макеевском районе 274

Раздел третий: Гражданская война.

Л. Рожков — Шахтеры Донбасса в борьбе с калединщиной 285
Профсоюзы и рабочее движение в годы гражданской войны 293
А. Чекирисов — Краматорцы под сапогом оккупантов и белогвардейцев 305
Константиновцы в тисках контрр-еволюции 315

Стр.

М. Звонарев — Лисичанский район в период гражданской войны . . . 322
Гришинские рабочие в борьбе за власть советов 329
И. Чаплин и И. Зеленый — Красные партизаны Соляного района . . 336
А. Шеремет — Гетманщина и немецкая оккупация в Славянске . . . 344
Дебальцево в годы контр-революции 350
П. Трейдуб — Гражданская война на селе 358

* * *

Послесловие редакции 372
Товарищи, погибшие в гражданской войне 385

ГЛАВНЕЙШИЕ НЕДОСМОТРЫ И ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

(Просьба исправить их до чтения)

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
13	—	Лапідус	Лапидус
33	3 сверху	Артемовск	Бахмут
35	7 снизу	в первые дни	в первый период
56	12 „	окруженная	окруженной
57	2 „	Римишевский	Рамишевский
66	16 „	здесь документ	здесь этот документ
73	13 „	28 февраля	27 февраля
79	3 сверху	5 человек	8 человек
80	7 снизу	сохранить	сохранять
81	2 сверху	уездный исполком	уездный исполком совета крестьянских депутатов
93	13-14 снизу	волостные и уездные	волостное и уездное
95	1 „	„Літопис Революції“,	„Літопис Революції“ № 5-6,
106	21 сверху	на химических	на остальных
107	9 сверху	группами и советами	группами или советами
114	2 снизу	о вообще	и вообще
123	19 сверху	облаченное	облеченное
129	10 сверху	на рудники	на рудниках
134	5 сверху	которые	которая
134	2 снизу	рудники выбирали	рабочие выбирали
147	1 сверху	наступления	наступление
156	13 снизу	Рябинин и Форбошка	Рябикин и Форботько
156	10 снизу	Рябкин	Рябикин
158	17 сверху	тов. Дурьян	тов. Я. Друян
159	7 снизу	меньшевистским и эсэровским	эсэро-меньшевистским
203	2-3 снизу	Радченко, М. Красиенко,	А. Радченко, М. Красненко,
212	15 снизу	господствующих	господствовавших
214	16 сверху	ячеек районов	большевистских групп Константиновки
217	10 „	эсэро-меньшевистская	эсэро-меньшевики
220	15 „	армии [1]).	армии“ [1]).
235	13 „	„Донсоду“	на ст. Переездную
238	4 „	Казаков	Козаков
245	фот. снимок	Т. Носов Чаплин	Дм. Носов И. Г. Чаплин

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
262	14 снизу	И. Х. Айданов	И. Х. Айдинов
306	6 „	А. Остроушко	А. Острушко
309	18-19 снизу	приступал	приступил
312	16 „	команды и наступающих	команды красного броневика и наступающих
321	8 сверху	А. Карпенко	А. Карпеко
341	7 „	ее с бою.	ее с боем.
342	9 „	в апреле месяце	в апреле 1919 года
377	16 „	64 — 67	62 — 67
380	2 „	153 — 161	153 — 162

Цена 1 р. 50 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Своб. Академии, 5. Тел. 24-57, 42-22
Москва, Кузнецк. мост, 5/21. Тел.: 3-01-99 и 3-17-55
Артемовск, Харьковская ул., 43. Телеф. № 217
Одесса, ул. Лассаля, 16. Луганск, ул. Ленина, 44
Киев, улица Ленина, 6/2. Телефон № 42-58
Днепропетровск, Проспект, 37